

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ГИЛЯРОВА.

Гиляровъ Федоръ Александровичъ *), сынъ священника Московскаго Новодѣвичьяго монастыря, родился въ 1841 году и воспитывался въ Московской духовной семинаріи, а затѣмъ, съ 1862 года, на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго Университета. По окончаніи курса кандидатомъ (1866 г.) онъ выступилъ на педагогическое поприще и состоялъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ преподавателемъ Русскаго языка въ 5-ой Московской мужской гимназіи, въ Елисаветинскомъ институтѣ и Александровскомъ военномъ училищѣ.

Во время педагогической службы О. А. Гиляровымъ (вмѣстѣ съ А. И. Кирпичниковымъ) были составлены „Этимологія Русскаго языка“ (М. 1868 г.), достигшая теперь до сорока изданій, „Русская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій“ (М. 1869 г.), „Сборникъ для чтенія и письменныхъ упражненій“ (М. 1871 г.), „Историческія и поэтическія сказанія о Русской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ событій“ (М. 1872 г., 405 стр.), „Этимологія Церковно-славянскаго языка“ (М. 1876 г.), „Преданія Русской начальной лѣтописи“ (М. 1877 г., 325 стр.), „Царство Сербское“, очеркъ (М. 1877 г., V+194 стр.) и „Школа родного языка“: азбука преимущественно для сельскихъ школъ (М. 1878 г., 140 стр.).

Одновременно съ учебными занятіями О. А. Гиляровъ принималъ живое участіе въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* (1867—1887 гг.), въ которыхъ, между многочисленными статьями, помѣстилъ обширный трудъ „Десять лѣтъ вразомы“ (1871—1881), и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ напечаталъ описанія Доевскаго и Новодѣвичьяго монастырей, а также рядъ „Обзоровъ“ Русскихъ историческихъ журналовъ; подобные же „Обзоры“ его появились и въ *Библіотекѣ для чтенія*, особомъ приложеніи къ газетѣ *Царь-Колоколъ* (1892 г., кн. 1—6).

Выйдя въ отставку, О. А. Гиляровъ съ 1883 года предпринималъ собственное періодическое изданіе. Сначала оно выходило подъ заглавіемъ *Афиши и Объявленія*, а съ 1885 года подъ названіемъ: *Вѣстникъ литературный, политическій, научный и художественный*, съ афишами. Эта небольшая Московская газета преимущественно посвящалась театру: въ ней помѣщались афиши, содержаніе піесъ, новости и слухи, касавшіеся Русской сцены и т. п. Кромѣ того, О. А. Гиляровъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ (съ 22 Мая 1872. года) и занималъ въ немъ должность временнаго секретаря (1875—1878 гг.). Скончался О. А. Гиляровъ 4 Августа 1895 года въ Химкахъ, близъ Москвы и похороненъ на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ. Д. Д. Языкова.

*Изъ третьяго выпуска „Словаря питомцевъ Московскаго Университета“
(приготовляемаго къ печати).*

*) О немъ: *Московскія Вѣдомости* 1895 г., № 214; *Новое Время* 1895 г., № 6983; *Русское Слово* 1895 г., №№ 212 и 218.

Первоначальное обученіе.

Первыя ясно-раздѣльныя воспоминанія мои относятся къ 1847 году, когда шелъ мнѣ седьмой годъ.

Вечеръ. Я стою за воротами вашего домика, на Малой Царицынской улицѣ подѣ Дѣвичьимъ, близъ Новодѣвичьяго монастыря. Ярko пылаютъ двѣ-три сальныя плошки. Я понимаю и радуюсь: это празднуется семисотлѣтіе Москвы. Это было въ 1847 году и, кажется, осенью. Но еще раньше этого 1847 годъ запечатлѣлся у меня въ памяти. На окнѣ въ столовой комнатѣ стоитъ большая бутылъ наливки; солнце жгучими лѣтними лучами ласкаетъ эту бутылъ съ выглядывающими чрезъ ея стѣнки ягодами, очерчивающимися чѣмъ ближе къ стеклу, тѣмъ яснѣе; самыя отдаленныя совсѣмъ уже теряются въ цвѣтной жидкости, обращенной къ солнцу, бока бутылки нагрѣлись и чуть не жжеть мои любопытныя руки. А на столѣ передо мною лежитъ № «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ я только что прочелъ нѣсколько наставительныхъ для ребенка объявленій о забытыхъ лошадяхъ; подѣ губернскимъ гербомъ Георгія Побѣдоносца стоитъ 1847 годъ.

Наконецъ еще раньше Мая этого же года я просыпаюсь очень рано. На полѣ дѣтской комнаты, гдѣ мы - дѣти спали рядышкомъ, сквозъ щель ставни прорѣзываются солнечныя лучи, широкіе и тонкіе, точно острые мечи какого-то сверхъестественнаго существа. Намъ - дѣтямъ не велятъ шумить, потому что родилась у насъ сестра Люба.

Таковы первыя мои лѣтописныя съ точною хронологіею данныя. Но какъ во всякой исторіи, такъ, конечно, и въ моей неважной жизни, происходило что нибудь раньше этого «историческаго періода».

Еще въ доисторическую пору учился я читать и писать. Мать въ послѣдствіи утверждала, что я и моя старшая сестра Вѣра выучились читать въ двѣ недѣли. Не знаю, конечно, какой степени твердости и бойкости въ чтеніи могли достичь мы въ двѣ недѣли; но несомнѣнно, что нибавихъ неизвѣстныхъ въ то время «звукомодныхъ» (знакомая мнѣ 6-лѣтняя дѣвочка, на зарѣ введенія звуковаго метода наивно при мнѣ спрашивала свою мать: «мамаша, ты будешь меня учить по звукомодному?») методовъ къ намъ не прилагалось. Ни о «буки-азъ-ба», ни о безсмысленномъ приѣмѣ начинать съ Церковно-славянской, а не Русской азбуки, не могло быть у насъ рѣчи; ибо отецъ мой, священникъ Новодѣвичьяго монастыря, и мать, изъ талантливаго рода Костромскихъ Островскихъ, были просвѣщеннѣе современной имъ, хотя и логичной, поповской среды. Для меня купили косяную указку о двухъ вилкообразныхъ рожкахъ, рѣзную и мѣстами окрашенную красною краскою, а азбука была уже готова: по ней переучились всѣ мы дѣти, 9 человѣкъ.

Это были двѣ скрижали изъ толстѣйшаго картона по крайней мѣрѣ въ $\frac{1}{8}$ дюйма, съ подклеенною сзади рыжею кожею. Края этихъ скрижалей, помнится, были даже украшены тисненными золотыми линейками, полинявшими отъ времени и отъ мазанья руфъ. Азбука эта состояла изъ рисунковъ предметовъ съ указаніемъ той буквы, съ которой пачинаются слова, означающія этотъ предметъ: А—арабъ, Б—бесѣдка, В—ведро, Г—генераль, въ треугольной шляпѣ, надѣтой поперекъ, какъ носили при императорѣ Александрѣ I (обстоятельство заставляющее подозревать, не была ли эта азбука получена моимъ отцомъ отъ моего дѣда и не служили ли эти скрижали краеугольнымъ камнемъ просвѣщенія еще въ дѣдовской семьѣ). Иногда за хорошо сданный матери урокъ я получалъ въ награду мѣдный грошъ, т.-е. $\frac{1}{2}$ коп. сер. теперешнихъ. Едва ли это поощреніе прилагалось къ чтенію и письму; вѣрнѣе, къ убійственнымъ «Начаткамъ» Московскаго митрополита Филарета. Это произведение богословскаго ума, превосходное для развитыхъ взрослыхъ читателей, было отъ начала до конца безусловно внѣ дальнобойности какого угодно дѣтскаго ума. И и сейчасъ помню эти строго отточенные строки начала «Начатковъ»: «Единъ Богъ, во Святой Троицѣ поклоняемый, есть вѣченъ, то есть не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ. Кромѣ Бога все имѣетъ начало; Богъ сотворилъ все изъ ничего». Приведенное мѣсто было выучено въ три урока и, кажется, очень просто. Но дробленіе текста на части по необходимости лишено было смысла. Такъ второй урокъ долженъ былъ начаться словами: «то-есть не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія» и т. д. Вотъ тутъ-то, должно быть, на помощь сухощавой отвлеченной мысли руководства и явился жирный, зеленый, тяжелый, мѣдный грошъ.

Для чистописанія прописей не было. Это казалось бесполезною роскошью. Образцами служили буквы и слова, написанныя отцомъ. Этимъ же объясняется курьезный фактъ: мой почеркъ остался весьма подобнымъ почерку моего отца и дяди; къ этому типу почерка весьма близко подходили почерки и моихъ дядьевъ съ отцовской стороны. При обученіи моихъ младшихъ братьевъ, уже уступая вѣянію новаго времени, появились прописи, и наши почерки разошлись. Кажется, и я писалъ потомъ съ прописей, потому что мнѣ врѣзались въ память и тексты прописей: Ломоносовское произведеніе: «науки юношей питають, отраду старцамъ подають», а также наставленіе «не всегда говори, что слышишь; знай больше, а говори меньше» и т. д. Достоинство этихъ истинъ оцѣнено было мною, конечно, уже много лѣтъ спустя по ихъ изученіи, а тогда эти наставленія оставались совсѣмъ бездѣйственными. Вотъ примѣръ.

Близъ Новодѣвичьяго монастыря была приходская церковь; домъ дьякона этой церкви стоялъ почти насупротивъ нашего. Приходъ былъ бѣденъ, и дьяконская семья занималась между прочимъ шитьемъ на людей. Шили онѣ и на моихъ сестеръ. Слышу я какъ-то злословіе сестеръ, будто «дьяконовы» крадутъ остатки матерій у своихъ закащиковъ. Приходить къ намъ какъ-то младшая изъ «дьяконовыхъ», Лиза, на ней черный фартучекъ. Я тороплюсь къ Лизѣ, указываю на ея фартучекъ и спѣшу не то спросить ее, не то заявить ей: — А это у тебя изъ краденаго?!

Я вовсе этимъ замѣчаніемъ не хотѣлъ ее обидѣть; наоборотъ: мнѣ казалось, какъ хорошо, что я это знаю, и какъ должно быть пріятно Лизѣ такое мое вниманіе (помнится, что за такое вниманіе мое меня, по уходѣ Лизы, тотчасъ же выпороли).

Дѣтскихъ книгъ для первоначальнаго чтенія было мало; двѣ книжки, кажется, Ишимовой чрезвычайно мнѣ нравились. Въ одной съ наслажденіемъ не разъ перечитывалась поэтическая сказка о сонномъ царствѣ «Царевна-колючая роза»; въ другой сами собою заучивались наизусть стихи Жуковского:

Откуда звѣздочка краса,
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной своей и т. д.

Эта вторая книжка, кажется, называлась «Разсказы бабушки».

Была подъ рукою стихотворная сказка Ершова «Конекъ Горбунъ». Эту вызубрилъ я всю наизусть. Но главнымъ фундаментомъ моего самообразования послужила «Исторія Государства Россійскаго» безсмертнаго Карамзина.

Пріѣзжаетъ какъ-то въ Новодѣвичій монастырь для осмотра его историческихъ достопримѣчательностей вдова покойнаго исторіографа. Кто покажетъ ей монастырь? Обыкновенно обязанность эта лежала на «очередномъ» священникѣ, но всегда это дѣло поручалось моему отцу: ибо священникъ Дмитрій Алексѣевичъ старъ, глухъ и слѣпнетъ. 90-лѣтній протопопъ Алексѣй Ивановичъ, хотя и помнитъ 1812 годъ, но онъ слишкомъ старъ и слабъ. Разъ, когда великій князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ монастырь, онъ, видя протопопа А. И. Введенскаго, спросилъ отца: «а эта древность какого года?» Едва ли не около этого времени онъ допился до бѣлой горячки, влѣзъ на монастырскую стѣну и хотѣлъ оттуда броситься въ увѣренности, будто бы «ангелы поддерживать его на воздухѣ». Мой отецъ и отвозилъ его въ Преображенскую

больницу. Впрочемъ, можетъ быть, въ это время Дмитрія Алексѣевича смѣнилъ уже попъ Данила. Его ученость и разумъ тоже едва ли возможно было противопоставить любознательности вдовы исторіографа. Былъ у попа Данилы садъ съ плодовитыми деревьями и три дочери далеко не изъ красавицъ; одна даже горбатая. Въ одно прекрасное утро попъ Данила, обзрѣвая свой садъ, къ изумленію и ужасу своему, находитъ на одномъ деревѣ вырѣзанное слово «radig». Что такое radig? Что это значитъ? На какомъ языкѣ? Ни попъ Данила, ни его сослуживцы не могутъ рѣшить этой загадки. Но смущеніе и смятеніе околотка было очень велико. Умной головѣ попа Дмитрія едва ли удобно было показать монастырь. Карамзиной. Прежде всего онъ былъ невѣроятно алченъ до денегъ. Общій доходъ священника и церковнослужителей дѣлился на 4 священника, 2 дьякона и 6 дьячковъ частями, сообразно сану и званію. Разъ при раздѣлѣ недѣльной кружки, попа Дмитрія обочли на $\frac{1}{4}$ коп.; хотя такая дробь была неизбѣжна, но попъ Дмитрій заставилъ вторично пересчитать всю кружку. Удавилась какъ-то у него собака, зацѣпившись нечаянно за веревку, привязанную къ забору. Тогда многіе среди причта смѣялись: даже собака удавилась отъ скупости Дм. Ал. Ыдила въ монастырь какая-то «генеральша» Яковлева, имѣвшая много амурныхъ исторій съ монахами и предпочитавшая исповѣдываться не у монаховъ, а у «старого» монастырскаго священника. Попъ Дмитрій, исповѣдуя ее, ухитрился спросить: — Не украли ль? — У кого же мнѣ, кромѣ какъ у себя самой украсть?! воскликнула богатая генеральша, и рассказала объ этомъ всему причту.

И такъ, при такомъ священнослужительскомъ убожествѣ, кто-же, какъ не Александръ Петровичъ Гиляровъ, покажетъ генеральшѣ Карамзиной монастырскія достопримѣчательности?... Должно быть, отецъ мой сумѣлъ угодить просвѣщенной посѣтителницѣ, потому что черезъ нѣсколько дней она прислала ему въ подарокъ экземпляръ «Исторія Государства Россійскаго» изданія Эйнерлинга 1842 г., остающееся и доселѣ наилучшимъ изъ изданій этого знаменитаго творенія.

Исторія Карамзина тотчасъ попалась мнѣ и была прочитана мною три раза. Конечно, удѣльный періодъ, не смотря на трехкратное чтеніе, плохо укладывался въ память, но періодъ съ начала до Владиміра Мономаха и потомъ начиная съ нашествія Батыя и до конца крѣпко застылъ въ памяти. Карамзинъ послужилъ основаніемъ для послѣдующаго знакомства моего съ отечественною исторіею, пробудилъ дремлющее чувство любви къ отечеству и легъ раннимъ фундаментомъ политическихъ убѣжденій. Даже въ позднѣйшее время, при нѣкоторомъ юношескомъ шатаніи въ основныхъ взглядахъ, Карамзинъ оставался какъ бы

грузомъ, не дававшимъ слишкомъ колебаться въ утломъ челнокѣ жизни. Вѣчная моя благодарность ученому и государственному уму и теплomu сердцу знаменитаго историографа.

Съ какимъ страстнымъ упоеніемъ перечитывать я Карамзина! Бывало, лѣтъ ужъ 10—11-ти, сидишь за Латинскою грамматикою, а на колоннахъ раскрытая «Исторія Государства Россійскаго». Входитъ отецъ въ «кабинетъ», гдѣ я учился. Я успѣваю спустить Карамзина на низенькое окошечко нашего одноэтажнаго домика и утыкаюсь носомъ въ Латинскую грамматику Бедлюстина или Амвросія. Отецъ уходитъ, и Карамзинъ смѣняетъ опять Латынь. Сколь ни любима была мною эта книга, но страница 10-я II-го тома пожелтѣла у меня, именно то мѣсто, гдѣ говорилось о смерти Святополка Окаяннаго: «Миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства». Считая себя принадлежащимъ къ потомству, я, перечитывая эти строки, каждый разъ съ омерзѣніемъ плевалъ на.... злодѣяніе проклятаго Святополка. А когда впоследствии, будучи уже учителемъ, перечитывалъ я съ учениками предисловіе къ Исторіи Карамзина, знакомая съ дѣтства фраза «великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ» будила лучшія дѣтскія воспоминанія, рука моя въ классномъ журналѣ охотно чертила отмѣтку 5. Должно-быть, не три раза, а больше число разъ, перечиталъ я Карамзина.

Отмѣчаю подробно это благотворное вліяніе Карамзина потому, что хочется сказать родителямъ и воспитателямъ: не давайте читать дѣтямъ много книгъ, тѣмъ менѣе плохихъ, какъ почти всегда теперь это дѣлается при переполненіи книжнаго рынка плохими дѣтскими книжками съ яркими цвѣтными картинками. Множество пріучаетъ только къ поверхностному, разсѣянному и потому безпамятному чтенію. При изобиліи, книга теряетъ въ глазахъ ребенка свою цѣнность; воспитывается неуваженіе къ книгѣ, ибо чего у насъ много, тѣмъ мы не дорожимъ. Никакъ не думайте, будто бы ребенку, какъ пресыщенному взрослому, «скучно» читать одну и ту же книгу. Напротивъ, ему пріятно перечитывать между прочимъ именно потому, что это ему уже извѣстно. Онъ доволенъ своею сознаваемою имъ разумностью въ запоминаніи содержанія книги. Отчего невѣжественный зритель уличнаго балаганнаго представленія такъ радуется и смѣется на заранѣ придуманную имъ выходку паяца или заявленіе эскулапа, являющагося лѣчить убитаго Петрушкою квартальнаго: «Я докторъ, лекарь, изъ подъ Каменнаго моста аптекарь, съ чиномъ, топоромъ и блиномъ. Ко мнѣ приходятъ на ногахъ, а увозятъ на дровняхъ». Почему зритель, зная наизусть эту фразу, радуется при новомъ ея повтореніи? Да потому именно и радуется,

что знаетъ, радуется своему знанію. Оттого и зритель плохого драматическаго представленія смѣется, слыша какую-нибудь слишкомъ хорошо извѣстную ему пословицу или намозолившую ему слухъ пѣсепку. Ребенокъ, перечитывая одну и ту же книгу, не только радуется созная свою пробуждающуюся разумность, но и приучается углубляться въ смыслъ перечитываемаго, ибо сразу выполнѣ едва ли онъ въ состояніи все понять и обнять. *Non multa, sed multum* здѣсь наиболѣе приложимо.

Пусть вмѣсто одного Карамзина были бы у меня въ дѣтствѣ десятки Вольфовскихъ и тому подобныхъ изданій, смѣю думать, я не получилъ бы и сотой доли той пользы, какую принесъ мнѣ Карамзинъ. () вредъ разсѣянности, капризнаго брезгованья, легкомыслія, непочтительности, я уже не говорю.

Позволю себѣ уклониться еще далѣе. И среди взрослыхъ, съ расширеніемъ книжнаго дѣла, съ большею черезъ-то доступностью, падаеуъ уваженіе къ книгѣ. Нѣкогда, занимаясь старинными рукописями Патріаршей ризницы, Румянцевскаго музея и Публичной библіотеки, я поражался слѣдами отношенія читателей различныхъ столѣтій къ рукописи. На древнѣйшихъ рукописяхъ почти не встрѣчается помѣтокъ владѣльца. Очень рѣдко значится: «сія книга принадлежитъ» такому-то, или «сею книгою благословилъ меня» старецъ и т. п. Такія, но не раньше 17 вѣка. А позднѣе, съ 18 вѣка, т. е. какъ разъ съ той поры, когда въ добавокъ къ цѣнной рукописи стала распространяться болѣе дешевая печатная книга, и рукописи, и книги носятъ на изнанкѣ переплета и даже на первыхъ и послѣднихъ листахъ ненужныя бездѣльныя маранія. «Милостивый государь», «проба пера», «кто возьметъ эту книгу безъ спросу, останется безъ носу» и т. п.

Игры и забавы зимою.

Скучны и холодны зимніе дни. Нашъ деревянный домикъ былъ старъ и гнилъ. Снѣгъ заносилъ его почти до оконъ; иногда съ задняго крыльца приходилось прорывать въ снѣгу глубокій коридоръ, чтобы прислугѣ пробраться въ погребъ или сарай.

У насъ было двѣ прислуги, кухарка и нянька; послѣднюю съ возрастаніемъ дѣтей смѣнила горничная. Жалованья полагалось имъ по 2 р. въ мѣсяцъ и то въ болѣе позднюю эпоху; прислуга не была еще тогда избалована: стирали дома. За водой для чая кухарка ходила на рѣчку, т. е. Москву-рѣку за Новодѣвичій монастырь; хлѣбъ черный пекли дома, при чемъ въ кухнѣ на столѣ всегда лежалъ огромный черный хлѣбъ, къ которому невозбранно въ теченіе всего дня мы прибѣгали на помощь,

хотя обѣдали и ужинали. Эта необходимость ежечасно обращаться въ кухню за хлѣбомъ и сдружила меня съ кухаркою Анною, Калужанкою, умѣвшею кромѣ щей и каши готовить еще сладкое пикантное отъ солоду «Калужское тѣсто». Это была толстая, степенная баба, неграмотная конечно. Тѣмъ не менѣе она научила меня разной премудрости, какъ на-примѣръ она доказывала, что у нея на обѣихъ рукахъ будто бы не 10, а только 3 пальца. Такимъ образомъ она считала, начиная съ мизинца лѣвой руки: «первой», и она указывала на мизинецъ; за тѣмъ, пропуская безымянный палецъ, загибала средний и говорила: «другой»; далѣе пропускала указательный и загибая большой палецъ, говорила «третій». Затѣмъ, приговаривая: «съ этимъ», указывала на мизинецъ правой руки, и продолжая «пальцемъ» пригибала безымянный, и тамъ уже безъ всякаго обмана и пропуска оканчивала, перебирая остальные три: «первой, другой, третій». Бывало, ловишь ее на пропускѣ пальцевъ и фальсификаціи «съ этимъ пальцемъ», не положеннымъ въ счетъ; а все таки за-нятно.

Анна же обучила меня играть въ карты, въ пьяницы и въ свои козыри. Игра въ свои козыри была очень заманчива. Анна выбирала себѣ масть черви, мнѣ почему-то доставались трефы; должно быть болѣе важную масть бубны брала себѣ сестра Вѣра. Впослѣдствіи я обучился игрѣ въ мельники и даже въ пикетъ. Но это было уже вѣяніе новаго времени. Дальше этого я въ карточномъ дѣлѣ не пошелъ и на деньги никогда не игралъ.

Дома холодно зимою. Окна до верху покрыты ледяными деревьями, каретами, замками, колокольнями, горами и ущеліями. Намъ занятно неручиннымъ ножикомъ, а то и столовымъ, отковырнуть ледышекъ и сосать его! Отъ жарко натопленной печи угарно, противъ угара употребляется средство: вносятся въ комнаты двѣ-три тарелки со снѣгомъ. Угаръ будто бы, по мѣрѣ таянія этого снѣга, проходитъ; пріятно выѣ-жать въ рубашонкѣ съ задняго крыльца съ ковшомъ воды, всплеснуть воду вверхъ и смотрѣть, какъ падаетъ она внизъ ледяными сосульками. Ахъ сосульки, сосульки! Какъ пріятно весною сбивать ихъ съ крыши погреба или сарая и сосать будто конфеты, которыхъ въ дѣтствѣ мы совсѣмъ не знали.

Въ особенно сильные морозы отецъ приготавлилъ для насъ ледяную гору; отъ погреба до самыхъ воротъ художественно устраивалась даже обледенѣлая лунька, т. е. полукруглая дорожка съ равномернымъ углубленіемъ въ срединѣ. Для катанья было два приспособленія: кобылка и рѣшето. Кобылка состояла изъ доски съ четырьмя ножками, въ видѣ стола, обращеннаго ногами вверхъ, съ утвержденною на нихъ для си-

дѣнья тесинкою. Доска густо обмазывалась коровьимъ каломъ (у насъ была своя корова «буренушка»), выставлялась на морозъ, замороженная отшлифовывалась и потомъ обливалась на морозѣ водою. Тоже дѣлалось и съ рѣшетомъ для дамской публки. Иногда снѣгу еще мало для приготовления горы, а кобылка уже готова. Отецъ сажаетъ меня на эту кобылку, запрягается и возить по двору, саду и даже переулку. Очень весело!

О куклахъ и игрушкахъ ничего не помню. Семейное преданіе однако утверждаетъ, что разъ былъ купленъ цѣлый кулекъ деревянныхъ рѣзныхъ куколъ для сестры Вѣры, которую я почему-то звалъ «Капкою»? Въ болѣе позднюю эпоху, помнится, видалъ я какого-то замазаного полинялаго деревяннаго дервиша. Не былъ ли онъ единственнымъ остаткомъ изъ этого кулька Капки? Помню также, что у меня съ младшимъ братомъ было два деревянныхъ (копѣчныхъ, такъ дорого оцѣнить) солдатики, одинъ былъ потолще, а другой потоньше. Перваго за то мы звали «сытымъ», а второго «голоднымъ». «Сытый» принадлежалъ брату, а «голодный» мнѣ.

Позднѣе «Наумовскіе» подарили мнѣ на елкѣ, единственной виданной мною въ дѣтствѣ, два или три оловянныхъ солдатики. Никогда уже потомъ я не былъ такъ счастливъ въ жизни какъ въ эту минуту. Это было такъ.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ жила нѣкая барыня Наумова, по монахиною, а жилицею. Тамъ похоронена была ея мать. У этой Наумовой было великое изобиліе кошекъ, и ихъ ежедневно кормили молокомъ на могилѣ ея матери. Но благотворительность ея простиралась и дальше кошекъ. Въ нашемъ переулкѣ (мнѣ какъ-то совѣстно называть его официально «Малая Царицынская улица») былъ домъ этой Наумовой, весь наполненный ея воспитанницами отъ взрослыхъ дѣвицъ Анны Аристовны и Марьи Михайловны до самыхъ малюсенькихъ. Это былъ цѣлый благотворительный пансіонъ, конечно съ преподаваніемъ и наукъ. По крайней мѣрѣ тамъ учили танцамъ, и даже я посѣщалъ эти танцевальные классы. Помню сейчасъ танцмейстера Флягина, высокаго, худого старика, обучавшаго меня всѣмъ пяти позиціямъ ногъ: 1-я, пятка къ пяткѣ, 2-я, лѣвая нога вывернута, а правая на вѣсу выдвинута впередъ, 3-я, одна нога на половику заходитъ за другую, 4-я, правая нога вытянута въ сторону, точь точь какъ у галки, когда та бокомъ въ нѣсколько прыжковъ перескакиваетъ черезъ лужу. У Флягина былъ скрипачъ въ зеленомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами, Богъ знаетъ какого вѣдомства, если только не самодѣльнаго, на правахъ артиста; съ этихъ-то именно поръ я уже не могу выносить скрипичной музыки.

Всѣ воспитанницы Наумовой, «Наумовскія» по мѣстному нарѣчію, ежедневно утромъ и послѣ обѣда цѣлою толпою отправлялись въ монастырь поздравить съ добрымъ утромъ свою благодѣтельницу, а вторично благодарить ее. «Наумовскіе уже прошли» или «Наумовскіе еще не возвращались»: эти обстоятельства нѣкоторымъ образомъ играли роль общественныхъ часовъ. Какая бы ни была погода, «Наумовскія» неизмѣнно дважды путешествовали въ монастырь. Туда же ежедневно два раза водили и бѣлую дряхлую лошадь, на которой мать Наумовой ѣдила къ вѣнцу. Буцефалъ этотъ по преклонности лѣтъ едва двигался и въ гололедицу падалъ, при чемъ провожатымъ былъ подымаемъ за хвостъ.

Вотъ къ этимъ-то «Наумовскимъ» я, должно быть, какъ приходящій ученикъ-кавалеръ, и былъ разъ приглашенъ на елку, гдѣ и получилъ безцѣнныхъ два-три оловянныхъ солдатика. Кажется, это были пѣхотинцы; но одинъ кажется, былъ и всадникъ!

Но главнымъ образомъ игрушки были самодѣльные. Здѣсь позволю себѣ маленькое уклоненіе. Большинство состоятельныхъ родителей не жалѣетъ денегъ на готовые куклы и игрушки, между тѣмъ какъ эти готовые вещи, сколь ни изящны онѣ, никогда не доставляютъ дѣтямъ того удовольствія, какъ игрушки самодѣльные. Развѣ вы не видали, что дѣвочка иная съ большею любовью нѣжитъ куклу, самою ею сдѣланную изъ газетной бумаги и тряпокъ, нежели готовую дорогую, изящную? Одна какъ живая, другой еще очень далеко до той вѣрности натурѣ, какою обладаютъ напримѣръ каменные «Скифскія бабы». Отчего это? Отъ того, что предъ готовою игрушкою ребенокъ находится въ пассивномъ положеніи. Взглянулъ на нее, получилъ впечатлѣніе; а тамъ дальше сколько ни смотри, ничего новаго къ той игрушкѣ не прибавится. Своею окаменѣлою неподвижностью, мертвенностью она даже вредитъ ребенку, который весь жизнь, энергія, огонь. Оттого-то дѣти такъ и ломаютъ игрушки, что хотятъ придать имъ какое-либо отсутствующее у нихъ движеніе, свой видъ, перемѣну. А при самодѣльныхъ игрушкахъ ребенокъ весь погруженъ въ творческую дѣятельность. Здѣсь онъ впервые прилагаетъ свое существенное назначеніе къ дѣятельности, къ труду. А вы, давая ему прекрасныя готовые игрушки, осуждаете его на неснойственное его возрасту пассивное созерцаніе, точно какого-то отжившаго старика, зрителя живыхъ картинъ.

Знаменитою нашею самодѣльною игрою была «игра въ пѣтухи». По семейному преданію, она была изобрѣтена или впервые у насъ введена еще Никитою Петровичемъ Гиларовымъ-Платоновымъ. Н. П. Гиларовъ былъ младшій братъ моего отца. Окончивъ курсъ Коломенскаго духовнаго училища и поступивъ въ Московскую семинарію, онъ года

четыре жилъ у моего отца и обучался подъ его руководствомъ. Самъ будучи ученикомъ своего отца, съ увѣренностью утверждаю, что прочныя основы стилистики и логики даны моему дядѣ моимъ отцомъ.

Итакъ Никита Петровичъ жилъ у отца и очень былъ друженъ съ моимъ старшимъ братомъ, который впрочемъ былъ моложе его на шесть лѣтъ. У нихъ-то впервые и появилась эта игра въ пѣтухи. () грандіозности ихъ пѣтушинныхъ битвъ дошли до меня только глухія преданія. Я былъ моложе своего старшаго брата на 10 лѣтъ. Расскажу о своихъ пѣтушинныхъ бояхъ уже съ младшимъ своимъ братомъ.

Кто не знаетъ бумажнаго пѣтуха? Изъ бумажнаго квадрата можно дѣлать слѣдующія вещи: 1) простой пѣтухъ, 2) пѣтухъ съ загнутымъ носомъ, 3) двѣ лодочки, 4) монахъ въ лодкѣ, 5) зеркало, 6) коробка, 7) корабль и наконецъ 8) особый видъ пѣтуха, изображеніе Никиты Петровича: этотъ пѣтухъ образуется на той стадіи складыванія бумажнаго квадрата, когда можно сдѣлать корабликъ. На этотъ видъ пѣтуха требуется очень много бумаги, и созданіе цѣлыхъ ротъ, батальоновъ и полковъ изъ такихъ пѣтуховъ крайне убыточно для государства: эту дороговизну матерьяла можно допустить развѣ только для гвардейскихъ частей, бесполезную однако въ настоящемъ бою.

Для пѣхоты формировались у насъ обыкновенные пѣтухи, для кавалеріи, само собою разумѣется, пѣтухи съ загнутыми носами. Шесть пѣтуховъ составляли роту, 12, батальонъ (у насъ были двухротные батальоны не въ примѣръ другимъ державамъ, главнымъ образомъ по причинѣ бѣдности государственнаго казначейства) четыре батальона, т. е. 24 (хотѣлъ сказать-человѣка) пѣтуха составляли полкъ. При каждой ротѣ полагался ротный командиръ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, что и обозначалось на плечахъ у него чернильными лепешечками; батальонный командиръ долженъ былъ непременно быть штабъ-офицеромъ, что достигалось безъ труда — прибавкою только чернилами бахромы въ лепешкахъ. На генеральскіе эполеты мы были щедры, но гораздо менѣе Наполеона Великаго, у котораго, судя по Суздальскимъ картинкамъ, и простые солдаты украшались на эполетахъ генеральскою бахромою. Одинъ изъ солдатъ въ ротѣ имѣетъ узенькій значекъ изъ красной или зеленой бумаги; но въ полку, а можетъ быть и въ батальонѣ, показалось квадратное знамя. Древкомъ для значка всего удобнѣе служила булава, безжалостно втыкаемая знаменосцу въ плечо и даже кавалеристу въ голову; но для знамени, долженствующаго быть видимымъ отовсюду, выстрагивалась изъ лучины, взятой съ печки у кухарки Анны, тонкая спица. Потери командира въ бою весьма тяжела. Въ Севастопольскую кампанію это особенно чувствовалось. Покойный императоръ Николай

чтобы не дѣлать офицеровъ и генераловъ мишенью дальнѣйшихъ непріятельскихъ штуцеровъ, ввелъ въ то время сѣрые солдатскіе «пальмерстоны» и для штабъ и оберъ офицеровъ. Мы съ своей стороны изобрѣли другое средство: постарались придать нашимъ штабъ и оберъ офицерамъ особенную живучесть. Иной нашъ генералъ не хуже покойнаго Скобелева могъ безнаказанно впереди своихъ колоннъ бравировать непріятельскіе выстрѣлы. Для этого требовалось только запастись свинцомъ, въ который завертываются «фунтики» съ чаемъ, сложить этотъ тонкій листъ свинца нѣсколько разъ и потомъ изъ довольно толстой и тяжелой свинцовой лепешки нарѣзать ножницами треугольничковъ, какъ-овые и положить въ пѣтушινые сапоги и хвосты. Офицеръ получаетъ черезъ то устойчивость ваныи - встаньки. Непріятельскій выстрѣлъ не разъ можетъ сбить съ ногъ такого воина; но онъ тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, вскочить на ноги. Огнестрѣльнаго оружія мы не знали; холоднаго, по самому существу дѣла, не могли употреблять, хотя у иного генерала и могло безполезно мотаться полусабля. Сражались, какъ древніе Скифы, стрѣлами. Луки приготовлялись изъ камышевыхъ косточекъ отъ корсетовъ сестеръ; но витовый усъ, который тогда корсетницы еще не замѣняли теперешними поддѣльными, предпочитался камышу, ибо послѣдній былъ не такъ упругъ и ломался. Для тетивы бралась простая нитка; шелковой роскоши мы не знали. Стрѣлы приготовлялись изъ сухихъ лучинъ, добытыхъ у кухарки Анны и выстрагивались перочиннымъ ножомъ, потихоньку взятымъ у отца съ конторки. Охъ! бѣда съ этими перочинными ножичками. Бывали случаи, что они при этой работѣ ломались, и тогда порка была неизбежна, равно какъ при разбитіи квасного графина. Помню, разъ я сломалъ такъ-то ножичекъ отцовскій и думалъ хитростью избѣжать казни. Такъ какъ ножичекъ обыкновенно лежалъ на верху конторки, то нельзя ли какъ-нибудь поставить дѣло такъ, будто бы онъ «самъ сломался»? Многія дѣти, кажется, раздѣляютъ это убѣжденіе въ возможность вѣры родителей, что вещи могутъ «сами ломаться». Прислуга, такъ та почти поголовно увѣряетъ въ этомъ:—чашка сама разбилась.—«Какъ же такъ?—Да упала и разбилась. Вотъ тутъ и толкуйте. Я взялъ злосчастный ножичекъ, его обломилъ и то и другое положилъ къ стѣнѣ подъ конторку: самъ-де упалъ, ткнулся объ полъ носомъ, запатался и отъ тяжести черенка сломился. Кажется, очень просто и естественно, даже необходимо ножу было именно такимъ путемъ изломиться. Приходить отецъ отъ поздней обѣдни, начинаетъ свои безконечныя исправленія проповѣдей; а такъ какъ онъ писалъ гусинымъ перомъ и утверждалъ, что «стальное перо портитъ почеркъ», то ему тотчасъ же требуется перочинный ножичекъ. Гдѣ ножикъ? Никто, конечно, не знаетъ и никому, вѣроятно, и въ го-

лову не пришло бы лѣзть подъ конторку. Вѣроятно, отецъ заставилъ меня искать ножичекъ, и я, надѣясь на свой тонкій планъ самоизлома ножичка, не преминулъ, конечно, его лаяти. Не помню, успѣлъ ли я изложить свое лживое объясненіе. Вѣроятно же всего, что отецъ и не подумалъ спрашивать моего мнѣнія о приключеніи, но хорошо помню, что я былъ высѣченъ. Можетъ быть, этотъ ножичекъ былъ такъ называемый «Рѣпинскій». Если такъ, то я за него былъ дважды пѣротъ. Почтальницею и переписчицею проповѣдей отца была монахиня Рѣпинская. Между прочимъ она подарила отцу хорошенькій ножичекъ съ ручкою изъ слоновой кости. Отецъ стоитъ за конторкою; приходитъ дьячекъ. Отецъ беретъ ножичекъ, а я, нисколько не помня нрописной заповѣди: «Не всегда говори, что мыслишь, знай больше, а говори меньше», и твердо зная, что это ножичекъ Рѣпинской, неизвѣстно зачѣмъ спрашиваю отца: «А это ножичекъ Рѣпинской?» По уходѣ дьячка—порка съ приговариваніемъ: Вотъ тебѣ Рѣпинскій. Но только теперь понялъ я, что мое «мышленіе» въ слухъ могло дать поводъ къ неосновательнымъ монастырскимъ сплетнямъ.

Отъ ножичка Рѣпинской возвращаюсь къ пѣтухамъ. Стрѣляли мы, какъ на дуэли, поочередно, послѣ cadaго выстрѣла разыскивая на полу, за сундуками, въ платѣ и разномъ хламѣ свои стрѣлы. Но иногда заготовлялось множество стрѣлъ (какъ-тутъ не сломаться отцовскому ножичку!) и пальба шла быстрая, безъ очереди, кто сколько умѣетъ выпустить выстрѣловъ. Это называлось у насъ «сражаться безъ пощады». Какъ при этой пальбѣ другъ противъ друга, съ прицѣломъ глазъ обоихъ противниковъ въ уровень съ доскою стола, судьба пощадила наши глаза?!

Война не ограничивалась сухопутными сраженіями. Въ нихъ, какъ въ Севастополѣ участвовалъ и флотъ. Корабли дѣлались изъ бумаги съ мачтами и флагами. На палубѣ корабля помѣщались тѣже пѣтухи. Эти подвергались непріятельскимъ выстрѣламъ, зато сидѣвшіе въ трюмѣ были внѣ всякой опасности. Была попытка сжигать непріятельскіе корабли, какъ Греки сожгли флотъ Игора. Для этого употреблялось, но безуспѣшно, огнестрѣльное оружіе: зажигалась стрѣлка и пускалась, но конечно отъ быстроты полета неизбежно должна была потухать, не долетѣвъ до непріятельскихъ судовъ. Мы нашли и крѣпости, изъ книгъ въ переплетахъ, поставленныхъ ребромъ. По стѣнамъ крѣпости разставлялись часовые. Особенно опасно было положеніе часового у крѣпостныхъ воротъ, ибо стрѣла била его, летя по столовой доскѣ, тогда какъ чтобы сбить часового со стѣны, нужно было, не кладя рукъ на столъ, цѣлить по воздуху. Но какъ взять крѣпость, не имѣя артиллеріи? Наши

легонькія стрѣлки развѣ могли повалить увѣсистый Латинскій лексиконъ Розанова или отцовскій толстый Псалтырь въ кожаномъ переплетѣ? Пришлось увеличить размѣръ лука и тяжесть стрѣлъ на столько, чтобы выстрѣломъ можно было повалить книгу-стѣну и тяжестью ея придавить спрятавшихся за нею бумажныхъ пѣтуховъ; но и противъ этого принимались мѣры: книги клались одна на другую. Были самодѣльные изобрѣтенія и болѣе опасныя игры-шалости. Такія игры принято наказывать. Онѣ опасны, но безнравственнаго въ нихъ ничего нѣтъ, и свидѣтельствуя онѣ только объ избыткѣ силъ, не находящихъ приложенія, о похвальной изобрѣтательности. Добылъ я откуда-то мѣдную пушечку, значительно тоньше обыкновеннаго карандаша, даже безъ колесъ, и лафета, очевидно чью-то сломанную игрушку. Лафетъ я самъ приспособилъ изъ деревяннаго чурбачка и утвердилъ на немъ пушку гвоздикомъ, потомъ приготовилъ изъ сѣры, селитры и толченаго древеснаго угля пороховой мяготи и начинилъ ею пушечку. Для снаряда отрѣзалъ косочекъ свинцу отъ чайной пломбы, да вогналъ въ дуло кусочки гвоздя. Отецъ еще не приходилъ отъ ранней обѣдни, какъ я устроилъ свою артиллерію на скамейкѣ, помѣстивъ противъ дула ея пустой стеклянный полуштофъ. Поджогъ спичкою затравку—трахъ! полуштофа какъ не бывало: отъ дѣйствія газовъ и снарядовъ онъ былъ разбитъ вдребезги и слетѣлъ на полъ, а пушка полетѣла въ другую сторону. Къ приходу отца все было уже въ порядкѣ.

Другой разъ вздумали мы на палатахъ, гдѣ спали и гдѣ часто и днемъ проводили время, вблизи тѣхъ подстилокъ, которыя слишкомъ почетно было бы назвать тюфяками, сложить печку и топить ее. Матерьяломъ для печи вмѣсто кирпича служили деревянные чурбачки. Когда отецъ спалъ послѣ обѣда, печка моя исправно топилась и дымила. Не понимаю, какъ она вся не сгорѣла и не произвела пожара, будучи сложена изъ дерева, на деревянныхъ палатахъ, среди всякаго тряпья, одѣяль и дѣтской одежды....

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ГИЛЯРОВА *).

Лѣтомъ подѣ Дѣвичьимъ для насъ былъ чистый рай. Слободка наша отдѣлена была отъ Москвы незастроеннымъ еще тогда длиннымъ и широкимъ Дѣвичьимъ полемъ (отъ монастыря до Зубовскаго бульвара, говорили тогда, считалось двѣ версты). Тогда еще не было этого медицинскаго городка, вѣчнаго памятника невѣжества Москвы въ исходѣ XIX вѣка. Какъ?! Это вѣчный памятникъ просвѣщенія... Нѣтъ, господа, не просвѣщенія; пѣо о чемъ свидѣтельствуешь онъ? О томъ, что богатая купеческая Москва не иначе поняла науку, какъ въ ограниченномъ смыслѣ только лѣченія. Я буду пить, ѣсть, предаваться всевозможнымъ излишествамъ, для того я и деньги наживалъ, обвѣшивая, обмѣривая, обсчитывая всѣхъ и cadaго съ утра до вечера, предавая свою душу всѣмъ темнымъ силамъ, а ты меня—лѣчи! Прежде, награбивъ миллионы, думали посмертными пожертвованіями на храмы Божіи спасти душу; теперь не смотря такъ далеко: спасай прежде всего мое тѣло! Никому изъ соревнующихъ въ честолубіи миллионеровъ и въ голову не пришло что, кромѣ медицины, есть вѣдь много и другихъ наукъ. Но что они для плоти?!... Одинъ строить клинику для женскихъ, другой для внутреннихъ болѣзней; тотъ воздвигаетъ медицинскій дворецъ для глазъ, а этотъ для уха, слѣпо слѣдуя нашептываніямъ медицинскаго шарлатанства. Припомните, что у всѣхъ дикарей изъ всѣхъ наукъ всегда на первомъ планѣ является врачеваніе. Припомнимъ это и перестанемъ радоваться на свое мнимое просвѣщеніе.

Въ описываемое время Дѣвичье поле было еще покрыто травою, и тамъ ходило стадо. Мѣстами поле было изрыто выемками для добыванія песку. Въ сторонѣ къ Хамовническимъ казармамъ происходили солдатскія ученья, по тогдашнему времени только маршировка, безъ пальбы. Дѣвичье поле представлялось какою-то степью, отдѣлявшею Поддѣвичье отъ «города», куда можно было добраться не иначе, какъ на Меркуль. Меркуль—это былъ единственный и зимою, и лѣтомъ извозчикъ подѣ Дѣвичьимъ. Меркулю съ вечера заказывали пріѣзжать утромъ, если ма-

*) См. выше, стр. 175.

тушка-пугуменья и нечастая посѣтительница «города», матушка-казначей не успѣли предупредить заказъ. Меркуль въ «городъ», именно на Красную площадь возилъ за 15 коп. сер. Потомъ появились зимою извощики изъ огородниковъ и вслѣдствіе конкуренціи съ Меркуломъ стали въ Зубово и «въ бани», т. е. къ Воздвиженью на Овражки, возить за 5 коп.

Но насъ дѣтей привлекало не это пыльное, песчаное, а осенью и весною мѣстами покрытое по колдобинамъ лужами поле, а луга и огороды за нашею слободою. Ближе всего былъ свой садъ съ плодовитыми кустами, отрѣзанный отъ двора высокимъ балясникомъ, своеобразно построеннымъ по данному отцемъ моимъ образцу. Отецъ очень любилъ строиться, бралъ плотниковъ, особенно Михайлу, котораго за курчавые волосы прозвалъ «баранчикомъ», поденно, на нашихъ харчахъ. Будучи отъ природы очень общителенъ и говорливъ, за что первый въ нашемъ роду и получилъ отъ начальства духовнаго училища вмѣсто фамиліи Никитскій (по Коломенской церкви Никиты Мученика) фамилію Гиларовъ (отъ Латинскаго *hilaris*, веселый), отецъ съ утра до вечера бесѣдовалъ съ плотниками, которые тѣмъ не менѣе только вслѣдствіе очень тогда еще непоколебимой добросовѣстности все-таки ухитрялись исполнять заданную работу безъ торга.

Тогдашій простой человѣкъ, особенно въ захолустѣ, былъ много честиѣ по-реформенного. Отъ отца слыжать я такіе примѣры отношеній напр. кредитора и должника. Бѣднякъ беретъ у богатаго взаймы деньги. Документовъ, конечно, не выдается никакихъ. Нѣтъ, впрочемъ: кредиторъ отмѣчаетъ у себя на стѣнѣ мѣломъ крестами и палками сотни, десятки и единицы рублей долга. Должникъ почему либо не уплачиваетъ въ условленный срокъ. Кредиторъ посылаетъ за нимъ, тотъ является. — что же долгъ? — Должникъ, конечно: потерпи, соберусь съ силами, отдамъ. — То-то, смотри! а то вѣдь я, указывая на стѣнную мѣловую записъ, сотру!! Нѣтъ для неисправнаго плательщика болѣе сильной угрозы, какъ это роковое «сотру!» Тутъ начинается обыкновенно бултыханье въ ноги: «яви Божескую милость, не стирай!» Ну, а теперь??.

За прочнымъ и высокимъ балясникомъ сада, за калиткою его, запертою висячимъ замкомъ, уже видна зрѣющая малина, краснѣющая смородина и, главная наша прелесть, крыжовникъ. Отецъ и мать пойдутъ иногда въ садъ, но насъ съ собою еще не берутъ, а проситься и въ голову не приходитъ. Мы знаемъ, что наступитъ наконецъ минута, когда насъ ежедневно будутъ пускать на одинъ часъ въ садъ. Наконецъ въ началѣ Іюля наступаетъ эта давножеланная минута: мы оравомъ бросаемся въ садъ. Болѣе жадные только ѣдятъ, болѣе благоразумные только лабираютъ крыжовнику и смородины въ розданныя каждому деревян-

ныя чашки. Иные ухитряются и ѣсть, и набирать. Расчетъ родительскій очень уменъ и справедливъ. Кому набирать ягоды на всю эту ораву? Пусть каждый трудится самъ на себя, а справедливость пользованія достигается однимъ и тѣмъ же даннымъ для всѣхъ срокомъ. Мало набралъ, ктожъ виновать? Значить, *тамъ* много ѣлъ. Много набралъ, ты не завидуй: онъ, значить, *тамъ* не ѣлъ. Садъ запертъ. Теперь можно спокойно наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Мы забираемся съ своими чашками на палаты и тамъ лакомимся ягодами иногда до самой ночи.

Наконецъ садъ опустошенъ; калитка остается разиня ротъ. Мы уже мало интересуемся общипаннымъ садомъ, гдѣ въ цѣлый день едва ли найдешь три-четыре крыжовины и исполосуешь иглами всѣ рученки. Теперь очередь за огородами. За садомъ идетъ нашъ «лугъ», луговинка, заканчивающаяся «ямю», которая заросла крапивою. Это остатки засыпаннаго колодца. На днѣ ея валяются обломки кирпичей. Но туда не лазишь, чтобы не обжечь ноги крапивою чрезъ худыя нанковые штанишки. Къ нашему лугу съ трехъ сторонъ примыкають огороды разныхъ огородниковъ, Демида и другихъ. На одной прилегающей къ лугу полосѣ капуста. Это нисколько не интересно; съ досады можно развѣ только полоснуть наиболѣе выпятившееся бѣлое брюхо иного кочна ножомъ, купленнымъ гдѣ-то за двѣ копѣйки. Этотъ желѣзный складной ножикъ постоянно носишь при себѣ, ибо воображаешь себя «разбойникомъ». На другой сосѣдней полосѣ огурцы. Этихъ невозбранено и политико-экономически и гигиенически съѣдать цѣлые десятки, выбирая наилучшіе. А позднею осенью, когда огурцы уже собраны и оставлены только на сѣмена рѣдкіе желто и краснопузые великаны, можно и это желтое или красное брюхо полоснуть тѣмъ же ножомъ. Свеклу мы мало уважали, равно рѣдкѣ. На что онъ? Впрочемъ изъ свеклы дѣлали фюлетовые фонарики, а изъ рѣдки желтые для иллюминаціи въ коронацію Николая Павловича, 22 Августа. Нельзя же безъ иллюминаціи! Но особенное счастье, когда на сосѣдней полосѣ оказывалась рѣпа или морковь. Ихъ ѣли безъ конца и даже вырѣзывали изъ нихъ разныя художественныя фигуры; изъ рѣпы звѣзды, изъ моркови балсины и т. п. Впослѣдствіи полосы съ рѣпою и морковью, не говоря уже о горохѣ, стали какъ-то отодвигаться отъ нашего сосѣдства, замѣняясь картофелемъ, ни на что болѣе не годнымъ, кромѣ пальбы имъ изъ пращей вслѣдствіе знакомства съ библейскою исторіею о Давидѣ и Голиаѣ.

Овощи наконецъ собраны огородниками. Какъ пріятно теперь скакать черезъ гряды и борозды, воображая себя уже не разбойникомъ а «казакомъ!» Къ этому времени успѣвало и казацкое вооруженіе. Подсолнечники на нашемъ огородѣ давно уже казнены и стоятъ безъ своихъ желтокудрыхъ головъ. Остались одни стволы, иные толстые и жир-

ные, другіе тонкіе и длинныя. Изъ толстыхъ вырѣзываешь пашку, которую почему-то, ради большей должно бѣть воинственности, называешь «ташкою»; за поясъ затыкаешь пару пистолетовъ, вырѣзанныхъ изъ тѣхъ же подсолнечныхъ дудокъ. За плечами карабинъ изъ того же матерьяла. Чѣмъ не казакъ, особенно если еще въ рукахъ пика изъ длиннаго и тонкаго подсолнечнаго ствола?! Въ этомъ вооруженіи скачешь по грядамъ и бороздамъ, преимущественно конечно поперекъ, чтобы было «похожѣе», скачешь въ «ближнюю» и даже въ «дальнюю» Америку, какъ назывались у насъ ближній и дальній сосѣдніе огороды. На случай сраженія снаряды подъ рукою: неизбѣжныя огурцы-желтяки.

Изъ всѣхъ огородниковъ болѣе всего извѣстенъ былъ намъ Макарь, лачужка котораго стояла на низкой и узкой полоскѣ земли, отдѣляющей монастырскій большой прудъ отъ Москвы-рѣки. Макарь былъ знакомъ не лично, а по обыкновенному около Пасхи разговору дома. «Ледъ пошелъ сегодня ночью. Макара уже затопило; едва успѣлъ слѣзть съ печи и сѣсть въ лодку». А еще вчера говорили: «Макарь, пора!»—«Ничего, говоритъ, Богъ милостивъ». «Вотъ-те и ничего». Ежегодно Макара предупреждали, и ежегодно онъ держался въ своей лачужкѣ, пока разливы воды не смывали его съ печи. Тогда онъ на время половодья поселялся вмѣстѣ съ другими, раздѣлявшими его участь, огородниками, въ большихъ заднихъ монастырскихъ воротахъ подъ церковью Покрова. Тамъ они обыкновенно проживали все время половодья, ничѣмъ не тревожимые, вѣроятно потому, что были арендаторами монастырскихъ огородовъ. Въ сильное половодье вода подступала къ «угольной башнѣ», и тогда Макарь и К^о защищались барьерами изъ навоза. Въ это время каждый считалъ своею обязанностью сбѣгать за монастырь посмотреть «воду» да и Макара кстати.

Въ осеннемъ воинственномъ настроеніи устраивалась также «полиція къ дьячишкѣ». Въ ближайшемъ съ нами боковомъ сосѣдствѣ отдѣленный отъ насъ только небольшимъ огородомъ стоялъ домишка монастырскаго дьячка Михаила Петровича Пушкина. Самого Пушкина я не помню, но помню его вдову-дьячиху, Анну Федоровну, ея зятя «дворянина» Зміева, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ былъ хромъ и ежедневно ходилъ пѣшкомъ въ «присутствіе», «къ Иверской» не черезъ Зубово, а черезъ Арбатъ, несмотря на свою хромоту и всеобщія указанія, что онъ «дѣлаетъ крюкъ». Зналъ я также и престарѣлую кухарку его Ульяну. Прислуга подъ-дѣвичьимъ ни у кого вообще какъ-то не мѣнялась: поступилъ разъ на мѣсто, ну и живетъ тутъ ужъ до самой своей смерти. Если бы у кого «сошла кухарка», это было бы что-то чудовищно невѣроятное. Это, пожалуй, сдѣлалось бы мѣстною эрою. Такъ и у «дьячишки» долго по смерти самого дьячка жила до самой своей кончины

кухарка Ульяна, знаменитая въ исторіи Поддѣвичья тѣмъ, что нѣкогда за своего хозяина званывала на монастырской колокольнѣ.

И такъ «къ дьячпшкѣ» устраивалась «полиція»: брались каменья и пускались въ ея заборъ, сначала изрѣдка, потомъ выстрѣлы учащались, начиналась настоящая бомбардировка и прекращалась только тогда, когда «дьячпшка» или Ульяна дѣлали вылазку пзъ своего укрѣпленія и начинали браниться. Не забуду знаменитый случай нашего озорства: одинъ разъ, при особенно усиленной пальбѣ наиболѣе тяжелыми снарядами, цѣлое звено забора «дьячпшки» рухнуло, обнаживъ внутренность осажденной сгнившей крѣпости. Тогда это казалось крупнѣйшимъ событіемъ въ жизни.

Полиція къ «дьячпшкѣ» была впрочемъ заслуженною съ нашей точки зрѣнія, за ея выдающуюся скупость. Она между прочимъ просила разъ попа Дм. Ал. помолиться, чтобы Господь хотя сколько нибудь убавилъ у нея разума, которымъ-де она очень тяготилась. Она же утверждала, что если бы она была богата, то, по своему разуму, сумѣла бы построить на морѣ хрустальный дворецъ.

Кухарка Ульяна напомнила мнѣ знаменитыхъ подъ Дѣвичьимъ Амазонокъ: кухарку попа Полтева и кухарку «Асафа».

Кухарка попа Полтева, бывало, зимою возила на салазкахъ къ заутрени въ монастырь своего хозяина. Попъ Полтевъ или пьянъ или страдаетъ водянкою ногъ; гдѣ ему идти къ заутрени по сугробамъ снѣга? Въ 4 часа утра по полю никто не пройдетъ кромѣ развѣ дьякона Берякина, молодого, но съ совершенно бѣлыми волосами, прозваннаго клирошанками «бѣлымъ Цыганомъ» за его полиѣйшее равнодушіе къ ихъ кокетству: онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія даже на то, какъ его клирошанки, проходя мимо его по церкви, кололи булавками. Пройдетъ еще другой «ранній» священникъ, служившій только раннюю обѣдню, тогда какъ «очередной» служилъ заутреню, позднюю обѣдню и вечерню. При такомъ безлюдствѣ по полю, почему же кухаркѣ и не отвезти къ заутрени попа Полтева на салазкахъ? Къ разряду такихъ же Амазонокъ принадлежала и кухарка Асафа. Асафъ Ивановичъ Горлицынъ былъ весьма ученый мужъ. Его ученость была подъ Дѣвичьимъ ближайшимъ образомъ извѣстна черезъ то, что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда нужно было отыскать значеніе какого либо Французскаго слова, у Асафа Ивановича брали Французскій лексиконъ Татищева. Горлицынъ служилъ цензоромъ по иностраннымъ книгамъ въ Почтамтѣ, и молва рассказывала о его учености чудеса. У одной изъ великихъ княгинь въ Петербургѣ пропали какъ-то рѣдкія драгоценности. «Асафъ», по долгу службы читая иностранную корреспонденцію, попалъ на письмо на какомъ-то Восточномъ, кажется, Персидскомъ языкѣ, написанное

шифрами. Расшифровавъ письмо и переведя его, Асафъ убѣдился, что напасть на воровскую переписку объ украденныхъ брилліантахъ великой княгини. Онъ далъ знать о томъ куда слѣдуетъ. Снеслись съ Персидскимъ правительствомъ и въ концѣ концовъ нашли въ Персіи подъ дубомъ зарытыми эти сокровища. Горлицынъ былъ за это награжденъ и въ мое время былъ уже статскимъ совѣтникомъ, что и значилось у него въ надписи на воротахъ; но кухарка по своей невѣжественности не цѣнила своего барина.

— Асафъ? бывало кричить она изъ кухни.

— Что такое?

— Къ тебѣ пришли.

— Кто пришелъ?

— Да они пришли.

Асафъ выходитъ въ кухню и видитъ тамъ булочника, присланнаго квартальнымъ Лачиновымъ. Асафъ имѣлъ рыжую кобылу, сани и пролетку, но кучеръ не дуракъ: должность его исполняла кухарка Θεона, которая ежедневно и отвозила своего барина черезъ поле до Зубова, гдѣ почтамскій чиновникъ бралъ уже извозчика.

Асафъ по своей скупости вѣлъ деревянными ложками, изломанными и сшитыми веревочкою, отверстія для коихъ самъ просверлилъ онъ какимъ-то самодѣльнымъ шиломъ.

Такъ-то всякую мелочь знали другъ о другѣ подѣ Дѣвичьимъ.

Кромѣ Θεоны кухарки, была у Асафа еще Θεона горничная; объ Θεоны ежедневно ссорились и бранились изъ-за того, кому изъ нихъ доить корову.

Скверное наше озорство противъ забора бѣдной дьячихи объясняю вообще приниженнымъ положеніемъ дьячка въ ту пору. Монастырскій «причтъ» состоялъ изъ четырехъ священниковъ, считая въ томъ числѣ и протопопа, двухъ дьяконовъ и шести дьячковъ. Эти шесть несчастныхъ считались какими-то крѣпостными у поповства по тогдашней церковной дисциплинѣ; священникъ имѣлъ право поставить дьячка за какую либо провинность на колѣни въ церкви на всю службу. И ставили тамъ на колѣняхъ, даже такіе старики какъ Ѳеодоръ Матвѣичъ, не говоря о Никишкѣ, Алешкѣ (такъ ихъ и звали) и другихъ. Этой участи избѣгалъ развѣ одинъ степенный Иванъ Васильевичъ Зиминъ, ходившій въ синей чуйкѣ въ родѣ охотнорядца. Дьячки чередовались при чередованіи священниковъ, черезъ что у шести крѣпостныхъ было четыре господина. Такимъ образомъ, напр., весьма обычнымъ было дѣломъ послать дьячка пѣшкомъ взадъ и впередъ на Мясницкую улицу въ винную контору за «пѣнникомъ» съ ведерною бутылкою, ибо водка оптомъ продавалась только тамъ, и за все это наградить его только однимъ стаканомъ вина.

Для насъ, дѣтей, изъ дьячковъ былъ всѣхъ страшнѣе Федоръ Матвѣичъ. Его специальностью было пугать поповскихъ дѣтей по приказанію дѣтей или прислуги. Федоръ Матвѣичъ былъ старикъ съ совершенно краснымъ лицомъ, съ вишневымъ носомъ (онъ чаще другихъ былъ посылаемъ въ «контору»), въ архаичкѣ подвязанномъ краснымъ съ синими полосками кушакомъ. Кажется, онъ всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ, специально для хожденія въ контору, но служившій и для пуганья ребятъ. «Погоди, бывало, грозитъ кто-нибудь: возьметъ тебя Федоръ Матвѣичъ въ мѣшокъ!» И, дѣйствительно, около этого времени случайно, конечно, появлялся въ кухнѣ ужасный Федоръ Матвѣичъ, съ своимъ страшнымъ краснымъ лицомъ, фиолетовымъ носомъ, сѣдыми торчащими какъ волчья шерсть волосами, съ краснымъ кушакомъ и ужаснымъ мѣшкомъ. Онъ показываетъ мѣшокъ и грозно приговариваетъ: «давно семеро сидятъ да соломку ѣдятъ и тѣмъ довольны». Колѣнки трясутся, сердце бьется какъ птица въ клѣткѣ, и только тѣмъ утѣшаешься въ предстоящей печальной участи, что тѣ «семеро» «довольны» «соломкою», хотя по дѣтскому жестокосердію и не интересуешься знать, кто именно такіе эти несчастные «семеро». Образъ ужаснаго Федора Матвѣича долго угнеталъ мое воображеніе. пока не смѣнили его болѣе отвлеченныя пугалы.

Время идетъ. Дикое скаканье изъ «ближней Америки» въ «дальнюю» уже не удовлетворяетъ болѣе. Цивилизуешься съ возрастаніемъ. Теперь уже не огороды, а сады болѣе нравятся. А сколько было тамъ садовъ: Чижевскій, князей Вадбольскихъ, Погодина, попа Полтева, страшной Хлыстовки и другіе.

Чижевскій садъ былъ при фабрикѣ Чижевыхъ, состоявшей изъ огромныхъ каменныхъ корпусовъ. Это былъ великолѣпный садъ первыхъ богачей въ околѣдѣ. Тамъ былъ знаменитый лабиринтъ, въ который мы не рѣшались проникнуть: первыя попытки уже напугали. Преданіе, за которое отнюдь не ручаюсь, обвиняло Чижевыхъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Увѣряли, будто бы у нихъ спускали даже прудъ и тамъ будто бы нашли какую-то форму для дѣланія денегъ, быть можетъ оставшуюся еще отъ какихъ либо прежнихъ владѣльцевъ этой фабрики. Достоверно только одно: жилъ у нихъ какой-то Кирюша юродивый, пившій чай съ дерев. масломъ, пользовавшійся уваженіемъ и духовенства, выражавшимся въ томъ, что ему позволялось раздавать артусъ, котораго на пасхѣ приготавливалось въ монастырѣ очень много. Рѣзать артусъ позволялось и Стручку, но объ немъ послѣ при розыскахъ у Чижевыхъ. Юродивый Кирюша оказался бѣглымъ каторжникомъ. Это можетъ быть и послужило основаніемъ преданія о фальшивыхъ деньгахъ.

Былъ подѣ Дѣвичьимъ и другой юродивый. Ѳедосій, дѣйствительно святой жизни. Лѣто и зиму онъ ходилъ босикомъ денегъ ни съ кого не бралъ; иногда пилъ у насъ чай, но безъ сахара. Былъ еще юродивый съ искалѣченными руками, купеческій сынъ Астаховъ. Онъ говорилъ густымъ басомъ и всегда рѣчь начиналъ упоминаніемъ матери своего, хотя бы и незнакомаго собесѣдника, потомъ дѣлалъ довольно продолжительную паузу и прямое дополненіе доканчивалъ подлежащимъ и сказуемымъ: «Богъ любить».

Не забыть о «Стручкѣ». Это была кличка единственнаго подѣ Дѣвичьимъ слесаря. Онъ жилъ на Большой Царицынской улицѣ въ двухъ-этажномъ каменномъ домикѣ, что рѣзко выдѣляло его среди одноэтажной деревянной слободы, тѣмъ болѣе, что внизу помѣщалась «Агашка». «Агашкою» назывался единственный тогда у насъ кабакъ, поддерживаемый главнымъ образомъ фабричными Чижовыхъ, особенно конечно во дни кулачныхъ боевъ, которые занимали все мѣсто между фабрикою и «Агашкою». По своей наивности я думалъ даже, что каждый кабакъ называется «Агашкой» или лучше, что накакихъ кабаковъ и не существуетъ на свѣтѣ, а есть только одна «Агашка».

Стручекъ былъ изобрѣтателенъ, но не сообразителенъ. Купилъ онъ гдѣ-то подмоченнаго порошу и задумалъ его сушить у себя въ печкѣ. Порохъ высоко взорвался, и верхній этажъ Стручкова жилища взлетѣлъ на воздухъ. Стручекъ очень уважался въ околѣдѣ, ибо исправлялъ всѣ замки, а главное, еженедѣльно заводилъ монастырскіе часы на колокольнѣ. Эти прекрасные часы били не только каждую четверть часа, но и каждую минуту, этими ежеминутными ударами напоминали скоротечность и невозвратность времени, даже на дѣтское сердце наводило какую-то грусть. Стручекъ исправно заводилъ еженедѣльно эти часы. Потомъ часы начали часто останавливаться и наконецъ, какъ ни вертѣлъ ихъ Стручекъ, совсѣмъ стали; но и тогда никому, начиная съ игуменья и кончая послѣднимъ штатскимъ, не пришло въ голову пригласить часовщика, каковыхъ подѣ Дѣвичьимъ совсѣмъ не полагалось. Конечно, въ такомъ богатомъ монастырѣ, какъ Новодѣвичій, объ экономіи тутъ не могло быть и рѣчи, а ничего не видали въ механикѣ дальше Стручка просто по дѣвической невинности. Изъ-за этого Стручка разъ я пострадалъ и совсѣмъ несправедливо.

Для нашей луговины была куплена коса. Мизерная луговина не заслуживала пріобрѣтенія косы, а потому, вѣроятно, коса и лежала долгое время дома на окнѣ не насаженной на древко. Приходитъ какъ-то къ отцу Стручекъ, видитъ, можетъ-быть, уже не въ первый разъ, бесполезно валяющуюся косу. Дайте-ка мнѣ, батюшка, говорить онъ, эту косу: изъ нея сдѣлаю два ножа. Отецъ обрадовался такому предложенію.

избавлявшему его отъ ненужной косы, хотя, воображаю, хороши были бы ножи изъ чрезвычайно мягкой стали этого садового инструмента. Нѣсколько времени мы ласкали себя мыслью о необыкновенныхъ достоинствахъ этихъ ножей, изготавливаемыхъ мудростью Стручка. Но проходятъ недѣли, мѣсяцы: ни ножей, ни Стручка. Встрѣчаетъ отецъ какъ-то Стручка и освѣдомляется о ножахъ. Тотъ пагло объявляетъ: «Эхъ хватились! Давно уже сдѣланы и проданы.» Отецъ по благодушію, своему, вѣроятно и этому обрадовался, но во мнѣ заговорило чувство правды. Увидѣвъ какъ-то на полѣ Стручка, я прямо, опять позабывъ изреченіе: «не всегда говори, что мыслишь», заявилъ ему, что онъ ножи укралъ. Оскорбленный Стручекъ пожаловался отцу, и тотъ меня высѣкъ за то, что я осмѣлился оскорбить «такого почтеннаго человѣка».

Былъ и другой случай такого же наказанія и тоже, думается, несправедливо. Поѣхали мы: отецъ, я и младшій братъ на Меркулѣ «въ бани». Кажется, это было около масляницы, и парильщики подносили отцу, конечно на показъ только (ибо въ старину на-чаи просили всегда съ обрядомъ) масляничную чарку. Это была огромная съ большое круглое блюдо пряничная лепешка, украшенная деревьями изъ зеленой изрѣзанной лохмотьями бумаги, съ серебряною мишурою, изображающею изъ себя ледъ. На пряничной лепешкѣ сдѣлана была пряничная гора съ оловяннымъ блюдечкомъ для катанья съ горы, а, можетъ быть, и для помѣщенія денегъ посѣтителеми бань, при поздравленіи ихъ парильщиками. Пряничная масляница, конечно оставалась собственностью парильщиковъ, какъ и тотъ бѣлый хлѣбъ, съ которымъ являлись къ намъ въ свои именины будочники квартальнаго Лачинова. Вошли мы въ баню, стали мыться. Вдругъ смотрю, какой-то лысый господинъ отнимаетъ шайку у моего младшаго брата. Хотя дѣло и не касалось меня, но я поспѣшилъ выбрать похитителя «лысымъ осломъ». Тотчасъ по жалобѣ «лысаго осла» отцу, обѣщана мнѣ была порка, что неукоснительно и было исполнено дома.

Отецъ, хотя вообще очень горячій, умѣлъ, какъ и слѣдовало, наказывать холодно. Хотя надъ родительскою кроватью и висѣла для насъ ременная плетка, но ею больше пользовалась мать. Едва ли благоразумно поступалъ я, любя сосать кончики этой плети; ибо они черезъ то должны были заскорузнуть, стать жестче, а потому больнѣе. Отецъ для наказанія бралъ пруть и бралъ не самъ, а посылалъ за нимъ самого виновнаго въ кухню. Можетъ быть, черезъ то хотѣлъ онъ продолжить минуты страха и ужаса отъ предстоящаго наказанія; но станьте въ мое положеніе про выборъ прута: взять большой, кто себѣ врагъ? взять очень маленькій,—отецъ, недовольный такимъ выборомъ, можетъ забраковать его и самъ отправиться въ кухню за большимъ пруткомъ. И вотъ

выдерживаешь пруть за прутомъ изъ голика и ничѣмъ не можешь себѣ угодить. Отецъ никогда не сѣлъ безъ счету ударовъ вслухъ, основательно разсуждая, что, разгорячившись, можно пересыпать больше, чѣмъ слѣдуетъ. Число назначалось всегда нечетное и никогда не достигало двухъ десятковъ. Зато если произносимое отцемъ нечетное число давало надежду на окончаніе экзекуціи, четное всегда свидѣтельствовало о предстоящемъ еще по крайней мѣрѣ одномъ ударѣ.

Сколь ни страшны были эти весьма частыя наказанія, они не оставляли въ сердцахъ ни малѣйшаго чувства обиды даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ выше въ исторіи со Стручкомъ или «лысымъ осломъ», виновность моя заключалась только въ отстаиваніи праваго дѣла. Но я хорошо помню первую въ жизнь обиду, притомъ очень тяжелую, со стороны посторонняго человѣка.

Было 28 Іюля 184... года, подѣ Дѣвичьимъ мѣстный праздникъ Смоленской Божіей Матери и Прохора и Никанора. Въ этотъ день бываетъ крестный ходъ изъ Кремля въ Новодѣвичій монастырь. Но еще наканунѣ все поле готовится для народнаго гулянья. Устраивались карусели, развѣшивались «коньки»; раскидывается нѣсколько палатокъ, казавшихся тогда мнѣ снаружи черезъ ихъ стеклянныя окна чѣмъ-то необыкновенно очаровательнымъ; растягиваются изъ парусины два колокола съ развѣвающимися на ихъ вершины флагами. Отъ колоколовъ этихъ въ праздникъ нестерпимо воняло сивухой, и вся земля вокругъ нихъ покрыта была маленькими пробочками на посрамленіе сосѣдней Агашки-кабака. Самое гулянье происходило весьма оживленно, и къ вечеру будка у храма Св. Отецъ Седьмаго Вселеннаго Собора биткомъ была набита пьяными, а дверь снаружи припиралась коломъ. Пьяными же былъ набитъ и сарай при будкѣ и также припертъ коломъ. Словомъ, было все какъ слѣдуетъ по праздничному. Къ намъ въ домъ съ утра не меньше, чѣмъ въ мѣстную будку, набивалось гостей. Къ 12 часамъ являлись родственники изъ Московскаго духовенства, даже отдаленные, назначенные участвовать въ крестномъ ходу и бывавшіе у насъ только разъ въ году и именно въ этотъ день. Натолкавшись вдоволь дома, внимательно разглядѣвъ лицо священника Александра Алексѣевича, такъ напоминавшаго мнѣ голову одного изъ верблюдовъ 11 Еврейскихъ патріарховъ, продающихъ брата своего въ Египетъ (какъ по крайней мѣрѣ изображена была эта голова въ любимой мною книгѣ съ картинами «104 священныхъ исторій») я отправился на Дѣвичье поле, съ твердымъ намѣреніемъ въ первый разъ въ жизни покататься на конькахъ. Устремляюсь къ обольстительнымъ конькамъ, отдаю хозяину ихъ единственный свой мѣдный грошъ, добытый тяжкимъ зубреніемъ «Начатковъ» Филарета. Хозяинъ, старикъ пьяный съ отвратительною

наружностью, беретъ мою плату, а когда доходить дѣло до того, чтобы уже садиться на конекъ, онъ въ пьяной забывчивости не допускаетъ меня и даже выругиваетъ скверными словами! О, какая была это тяжелая обида для юнаго сердца, впервые встрѣтившагося съ человѣческой неправдою. Родительскія тѣлесныя наказанія, какъ праведное воздаяніе, казались ничто предъ этою наглою неправдою чужого человѣка.

Садъ князей Вадбольскихъ лежалъ за нашею усадьбою по направленію къ Нескучному саду въ переулкѣ, идущемъ параллельно нашей Малой Царицынской улицѣ. Это была обширная барская усадьба, одна изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ на этой окраинѣ. Далѣе къ Лужникамъ оставались слѣды многихъ такихъ разрушенныхъ усадебъ, полустертыя слѣды которыхъ обнаруживались для меня въ прудикахъ съ горками, иногда съ островками, въ группахъ деревьевъ на луговинѣ и т. п. Одна такая горка, мы такъ ее и звали Горка, была недалеко отъ насъ по направленію къ Хамовникамъ. Островокъ ея прудика былъ для насъ недоступенъ; но по семейному преданію, иногда туда былъ доступъ, и разъ между прочимъ мой старшій братъ нашелъ тамъ такихъ огромныхъ размѣровъ грибовъ, что онъ занялъ одинъ всю сковородку и его хватило на всѣхъ «дѣтей». Вѣроятно, это были боровики. Мы, младшее поколѣніе, часто бѣгали на Горку, любоваться на тѣнистый островъ какъ на нѣчто намъ недоступное. Но поэтический прудъ все болѣе и болѣе вычерпывался огороженными на поливку капустной «рассады», и наконецъ въ одно сухое лѣто образовался по дну его переходъ на таинственный островъ. Мы поспѣшили побывать на островѣ съ тайной надеждой найти тамъ тоже чудовищный грибъ. Гриба не нашли, да съ доступностію таинственнаго острова исчезло и все очарованіе Горки.

Садъ князей Вадбольскихъ лежалъ недалеко отъ этой Горки, и намъ удалось побывать тамъ не болѣе двухъ разъ; ибо князья Вадбольскіе были первые аристократы въ околотѣ, мы же и по общественному положенію, и по характеру были скромны. Но все таки помню куртины цвѣтовъ, кустокъ и желтыя песчаныя дорожки, едва ли не впервые мною тамъ видѣнныя. Въ этомъ домѣ и саду въслѣдствіи праздновалась свадьба моей старшей сестры, къ каковому торжеству мнѣ впервые была шита черная курточка изъ *полусука*. Мнѣ тогда было уже лѣтъ 13. Дотолѣ я лѣтомъ бѣгалъ въ ситцевой рубашкѣ розовой съ крапинками, а зимою согрѣвался въ ватномъ цвѣта бордо *полутерновомъ* «капотѣ». Мать сама обшивала насъ - дѣтей; портнихи и портные появились очень поздно. На свадьбѣ сестры я впервые ѣлъ бланманже, приготовленное поваромъ; а послѣ обѣда одинъ изъ князей, участвовавшихъ въ нашемъ свадебномъ пирѣ, далъ мнѣ половину апельсина и приказалъ мнѣ благодарить его.

Княжеская семья была для насъ слишкомъ высока; но старшій мой братъ, наклонный къ свѣтскости, модѣ и шику, несравненно болѣе остальныхъ, ухитрился познакомиться съ молодыми князьями; мы же довольствовались только созерцаніемъ, какъ въ праздничные дни вся семья князя въ огромной шестимѣстной каретѣ, единственной тогда подѣ Дѣвичьимъ, ѣздила въ монастырь черезъ переулокъ, прорѣзывавшій огороды. Въ каретѣ помѣщался и старый князь въ альмавивѣ съ безконечнымъ количествомъ воротниковъ. Не только зимою, но и лѣтомъ, даже въ самые сухіе, знойные дни, сидѣлъ онъ въ каретѣ въ калошахъ: такъ напуганъ онъ былъ первою холерою. За это-то именно ему и дана была подѣ Дѣвичьимъ кличка «Холера-морбусъ», на каковую онъ дѣйствительно походилъ, худой до невозможности, черноволосый и съ желтымъ, какъ лимонъ, лицомъ.

Кромѣ полученной половинки апельсина отношеніе мое къ княжескому дому ограничивалось знакомствомъ съ Ларивономъ, крѣпостнымъ человѣкомъ князей Вадбольскихъ. Ларивонъ былъ здоровый рыжебородый мужикъ, не чуждый выпивки, что казалось тогда большою рѣдкостью между крѣпостными и вообще простонародьемъ. Ларивонъ былъ профессиональный санитаръ околотка и потому имѣлъ всегда спеціальный запахъ. На себя или на господъ зарабатывалъ онъ деньги своимъ тяжелымъ трудомъ, не знаю. Но за пьянство часто его поролъ «Холера-морбусъ», не смотря на заступничество своего старшаго сына. Сереженька, такъ разказывалъ Ларивонъ, ужъ просилъ-просилъ папеньку; нѣтъ, не прощаетъ. Въ ноги кланялся; нѣтъ, не прощаетъ.

Садъ Вадбольскихъ тянулся длинною полосою къ Москвѣ-рѣкѣ. За нимъ опять раскидывались огороды, среди которыхъ усадьба страшной «Хлыстовки». Кто была эта Хлыстовка, не знаю. Говорили только, что она была молодая женщина; но усадьба ея, окруженная высокимъ непроницаемымъ частоколомъ съ заостренными верхушками бревенъ, напоминавшая ограду острога, хотя ее ежегодно красили, внушала какой-то ужасъ. Я даже опасался подходить близко къ этому частоколу. Чѣмъ, какая молодая жизнь заживо была схоронена въ этомъ домѣ?...

Въ Погодинскомъ саду пришлось быть только одинъ разъ. Садъ былъ громадный, старый, запущенный, мрачный. Съ владѣльцемъ сада Мих. Петр. Погодинымъ отецъ былъ знакомъ. Погодинъ бывалъ даже у насъ, равно какъ извѣстный археологъ И. М. Снѣгиревъ. Какъ сейчасъ помню шершавую фигуру Погодина, его рѣзкую рѣчь; вижу, какъ теперь, красное угреватое съ сизоватымъ носомъ лицо Снѣгирева и слышу его непристойныя кощунственные рѣчи.

Образъ М. П. Погодина сочетался въ моей памяти съ исторіею монастырской старицной XVII столѣтія приходорасходной книги. Книга

эта въ $\frac{1}{4}$ листа въ кожанной оберткѣ была зачѣмъ-то взята отцемъ изъ монастырской библіотеки, разсматривалась у насъ дома, при чемъ въ ней найдены были любопытныя записи расходовъ: «Царь Дмитрій Ивановичъ взялъ 1000 рублей», «Царь Дмитрій Ивановичъ взялъ еще 1000 рублей». Книгу эту взялъ у отца Погодинъ. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ ея у насъ въ домѣ.

Гуляя по саду Погодина, я познакомился съ его двумя сыновьями; изъ разговора съ коими помню только ихъ сообщеніе, что лакея ихъ зовутъ Тяпкинь-Ляпкинь. Я тогда смѣялся этому хитроумному прозвищу, нисколько не подозрѣвая Гоголевскаго источника влички. Впослѣдствіи, конечно, я узналъ о близости Погодина съ Гоголемъ, о житѣи послѣдняго у перваго.

Мнѣ пришлось впослѣдствіи познакомиться и съ будущею второю супругою М. П. Погодина.

Отецъ мой очень любилъ по праздникамъ возвращаться отъ поздней обѣдни съ какими либо неизвѣстными намъ лицами, въ какомъ либо отношеніи замѣчательными. Возвращается какъ-то онъ отъ обѣдни въ прекрасно-солнечный Троицынъ день съ тремя особами. Старая изъ нихъ была Елисавета Ивановна Симонъ, вдова управляющаго имѣніями князя Трубецкаго, жившая на лѣвой (стоя предъ монастыремъ) сторонѣ Дѣвичьяго поля, близъ нашей Малой Царицынской улицы, въ углу поля; двѣ младшія—ея дочери: старшая Софья Ивановна, младшая Варвара. Софья Ивановна была красавица, высокая, стройная брюнетка и не шатенка; младшая Варвара, скоро потомъ скончавшаяся, была пониже ея ростомъ и менѣе интересна. Съ этихъ поръ началось наше знакомство съ Симонъ. Онъ часто бывали у насъ, особенно старушка мать. На лицѣ Софьи Ивановны лежалъ отпечатокъ какой-то серьезности, а держала она себя изящно, какъ воспитанная особа, что для насъ въ то время представлялось рѣдкостью. Впослѣдствіи я узналъ печальную судьбу этой очаровательной особы, полуиностраннаго происхожденія, отъ Руской матери и отца, кажется, Англичанина. Она по любви вышла замужъ за какого-то иностранца, который, возвратившись отъ вѣнца, тотчасъ же почувствовалъ себя нездоровымъ и, не участвовавъ въ брачномъ обѣдѣ, слегъ въ постель, съ которой уже и не вставалъ. Въ этомъ состояніи какого-то полувдовства она и познакомилась съ нами. Ея умъ, образованіе, красота, изящество манеръ произвели сильное впечатлѣніе на моего старшаго брата, и онъ года два былъ почтительно въ нее влюбленъ. Какъ водится въ такихъ отношеніяхъ, между молодыми людьми пересылались книги и записки. Письмоносцемъ и книгоношею былъ я. Разъ Софья Ивановна угостила меня конфетами, кажется, первыми въ моей жизни. Впослѣдствіи Софья Ива-

новна вышла замужъ за Погодина, пережила его, поселилась на житье въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Поддѣвичьемъ. Она осталась навсегда поэтическимъ образомъ въ моемъ воспоминаніи.

Особенно заманчивъ былъ садъ попа Полтева. Въ немъ росли яблоки, которыхъ во всемъ Поддѣвичѣ не было, если не считать одну яблоню росшую у насъ въ палисадникѣ, съ мелкими, но казавшимися тогда необыкновенно вкусными, яблоками. Бывало, встанешь очень рано и лазишь по мокрой травѣ около этой яблони въ надеждѣ отыскать «падалъ», и вдругъ изъ-подъ травы выглянетъ на тебя одно, другое желтое лицо источеннаго червемъ яблока.

Но у Полтева было десятка два яблонь. И какія яблони! Низенькія, тогда какъ наша была высокая дылда, развѣсистыя, кудластыя. Но Полтевскій садъ былъ отдаленъ отъ нашего переулкѣ пустыремъ лавочника «Сережки», неплодовитыми садами дьякона Грильскаго, прозваннаго «карасемъ» за небольшой ростъ, широкія плечи, упитанное тѣло садомъ Асафа и попа Данилы. Задняя сторона сада была ограждена частоколомъ. Ни «разбойникомъ», ни «казакомъ» туда не проникнешь, а для мирныхъ сношеній не доставало знакомства съ «Полтевскими». Были даже нѣсколько холодныя отношенія, ибо сыновей у Полтева не было, а съ дочерьми его не особенно ладили мои сестры. Разъ какъ-то удалось побывать въ этомъ саду и получить въ подарокъ съ десятокъ разныхъ сортовъ яблоковъ, при чемъ я въ первый разъ узналъ тутъ о существованіи и «боровинки», и «бѣлаго налива».

Весеннее время начиналось для насъ прежде всего ледоходомъ. Это важнѣйшее событіе подъ Дѣвичьемъ. Отецъ неукоснительно раза два въ день ходилъ смотрѣть «воду»; иногда онъ бралъ и насъ съ собою. О наступленіи ледохода получалось извѣстіе обыкновенно отъ какого либо дьячка, обязаннаго вставать раньше прочихъ членовъ причта, а если ледоходъ начинался днемъ, то легко усматривалось имъ при звонѣ съ колокольни. Мы хаживали смотрѣть и ледоходъ, и полую воду. Объ особенно высокой водѣ рассказывалось иногда, что въ церкви Тихвинской въ Лужникахъ вода подмочила даже престолъ въ алтарѣ. Во время половодья мы любовались быстро несущимися по водѣ разсѣянными бревнами разбитыхъ плотовъ лѣсопромышленниковъ; вечеромъ смотрѣли на огоньки, курившіеся по обѣимъ берегамъ рѣки. «Это плотовщики», объяснялъ намъ отецъ: «варятъ себѣ кашу». Это было близко нашему сердцу, потому что и сами мы круглый годъ ѣли почти безпрерывно только щи и кашу. Иногда днемъ подходили мы къ огромнымъ ледянымъ глыбамъ, оставленнымъ водою на нашемъ берегу. «Теперь ледъ уже трухлявъ», пояснялъ намъ отецъ, стоя надъ ледянымъ пластомъ, который дѣйствительно при толчкѣ палкою, особенно отцовскою съ длин-

нымъ и тяжелымъ почти острымъ мѣднымъ наконечникомъ, кололся широкими и тонкими свѣтящимися ломтями.

Слѣдующимъ весеннимъ дѣяніемъ было выставленіе зимнихъ рамъ. Къ этому отецъ приступалъ не иначе, какъ когда снѣгъ, долго весною бѣлѣвшійся въ оврагахъ Воробьевыхъ горъ, исчезалъ совершенно; ранѣе этого полное наступленіе весны не признавалось имъ.

Наступала наконецъ зеленая весна. На нашей луговинѣ появилось множество желтыхъ цвѣтовъ цикорія, которые мы называли «попами». «Попы» эти скоро отцвѣтали, съеживались, длиннымъ желтымъ и узкимъ лицомъ напоминая мнѣ отцовскаго сослуживца, престарѣлаго и слѣпого священника Дмитрія Алексѣевича, предшественника попа Данилы съ его роковымъ радіе. Сморщенное лице Дмитрія Алексѣевича мало по малу распускалось, и на свѣтъ Божій являлся совершенно круглый бѣлый, изъ паутинообразныхъ иголокъ состоящій «обдуванчикъ» который обдуть считалось какою-то обязанностью съ нашей стороны, пока безконечное множество вновь появляющихся «обдуванчиковъ» дѣлало этотъ трудъ уже не подъ силу. Но еще раньше обдуванчиковъ въ палисадникѣ нашемъ на солнечной сторонѣ появлялась юная крапива. Собирать ее и варить изъ нея щи, «пока еще не поспѣлъ щавель», считалось какою-то священною обязанностью. И мы собираемъ на щи крапиву, несмотря на то, что иная молодая плутовка больно обожжетъ руки, никогда не знавшія никакихъ перчатокъ, зато покрытая иногда на суставахъ съ наружной стороны «цыпками», то-есть запершавившеюся и перетрескавшееся кожей. «Это ничего, это отъ холода», говорятъ старшіе, видя наши «цыпки», сами, конечно, въ дѣтствѣ хорошо знакомые съ этими «цыпками. Но вотъ крапива уже старѣетъ и выходитъ изъ моды: поспѣлъ на нашемъ «лугу» щавель, набрали мы щавелю на щи или на батвинью съ вяленнымъ сухимъ судакомъ, чрезвычайно изможденностью своей плоти напоминающемъ тѣ щепки, которые огазываются въ постныхъ щахъ въ капустѣ, обильно снабженной деревянными лещиками отъ краевъ огромнаго деревяннаго корыта, въ которомъ осенью мы «рубили» капусту. Теперь самъ ѣшь сырой щавель не хуже травояднаго, которое, кажется, обходить его. Щавель подростъ, образуются изъ него столбики, ѣшь и столбики. Но щавель еще куда не шло. Появляется свербиха съ своимъ ѣдымъ обжигающимъ полостью рта вкусомъ. И ее считаешь своею обязанностью ѣсть, содравъ предварительно съ нея кожу. Верхняя часть стебля даже кажется очень нѣжною и сладкою. Старшіе этому не препятствуютъ: «и знакъ на пользу человѣка». Считаешь своею обязанностью пить еще какую-то травяную дрянь, называемую нами «просвирками». Эти просвирки ѣшь даже съ какимъ-то отвращеніемъ, а и въ голову не приходитъ, что можно и совсѣмъ не касаться этихъ прокли-

тыхъ «просвирокъ»: никто вѣдь къ тому не нудить. Наконецъ появились всякія травы и зацвѣли. Пора идти въ Лужники собирать травы.

Лужники лежали по нашу сторону Москвы-рѣки. Для этой охоты запасались веревками и мочалками. Вотъ и Лужники и побережье рѣки. Всѣ эти поемные луга давно уже освободились отъ воды; на жирныхъ влажныхъ мѣстахъ трава поднялась по поясъ, и чего тутъ нѣтъ, и все то намъ съ отцемъ нужно. Вотъ горькая полынь. О пригодности ея для настоя водки и говорить нечего. Собираемъ «бѣлый донникъ» «звѣрбой», «мужскую геморойную траву». Это тройственное сочетание полезно противъ гемороя, «дикая рябина» тоже на что-то годится. Собираемъ тоже «мать и мачиху», и на этой травѣ наглядно познаемъ съ лицевой стороны холодное прикосновеніе мачихи, а съ исподней бархатную теплую ласку матери. Собранныя травы сортируются, ненужные стволы обрѣзываются, годныя части связываются въ пучки. При этомъ связываются и букеты по собственной эстетической потребности изъ клевера, синихъ колокольчиковъ, голубыхъ васильковъ, красной и бѣлой кашки, розовой иммортели, астръ, пестрой, желтой съ бѣлыми лепестками ромашки и т. д., и все это относится домой, гдѣ полезныя травы развѣшиваются на чердакѣ для сушки.

На Воробьевы горы, преимущественно со второй половины лѣта, мы часто ходили съ отцемъ за грибами. Въ тѣ недѣли, когда отецъ былъ не «очереднымъ», а «раннимъ» священникомъ, т. е. изъ четырехъ недѣль въ три недѣли, мы собирались въ ясный день дома: пили молоко и чай съ хлѣбомъ и, не дожидаясь обѣда, происходившаго обыкновенно въ 12 часовъ, брали съ собою узелки съ чернымъ хлѣбомъ, солью, огурцами; туда же помѣщалась и жестяная кружка для питья воды изъ ручьевъ. Каждый изъ участниковъ экспедиціи бралъ съ собою плетеную корзинку, и часовъ въ 8 мы отправлялись на ближній перевозъ черезъ Москву-рѣку. Этотъ перевозъ былъ направо отъ монастыря. Отъ монастырскихъ главныхъ воротъ спускались мы внизъ между монастырскою стѣною и большимъ прудомъ. Въ прозрачной водѣ этого пруда виднѣются аршинныя стерляди, точно прямыя палки, лежація на днѣ пруда; изрѣдка виднѣются толстые осетры. Это какой-то рыбный торговецъ снялъ пруды для садка рыбы и впустилъ туда, говорили тогда, сорокъ бочекъ стерляди. Не одинъ годъ жила тамъ эта публика, и никому въ голову не приходило красть ее, хотя сторожей мы и не видали. Наконецъ почему-то стерляди стали засыпать, и я видѣлъ нѣсколько ихъ лежащихъ на поверхности воды къ верху бѣлымъ брюшкомъ. Приходила въ голову мысль насадить гвоздь на палку, тѣнуть въ спину спящаго у самой деревянной набережной пруда осетра и вытащить; но до исполненія, конечно, дѣло не дошло. Мы миновали большой прудъ,

подошли къ угольной башнѣ, надо поворачивать вправо на плотину между двумя прудами. Тутъ на низкомъ берегу большого пруда, среди осоки и желтыхъ кувшинокъ, рѣзвится стаями мелкая рыбка, только что вылупившаяся изъ икры. Иныя рыбки такъ малы, что меньше булавки. По своей юности эта мелюзга безбоязненно шныряетъ у самыхъ вашихъ ногъ. На право насыпь между большимъ прудомъ и Москвою-рѣкою и убогая лачуга огородника Макара. Онъ уже давно обсохъ, и огорды пахнутъ навозомъ. Поворачиваемъ сначала влѣво, потомъ вправо, проходимъ между капустными грядками и картофелемъ. Дорожка къ перевозу не повинуется правильнымъ геометрическимъ прямоугольникамъ Макара и въ убытокъ ему идетъ наискось. Вотъ и рѣка, синяя, полная. Она давно запружена у Бабьегородской плотины. Вправо къ Чижевской фабрикѣ виднѣются рѣчные острова, поросшіе раkitникомъ. Около нихъ уже не видать песчаныхъ отмелей: новая и важная примѣта, что рѣка запружена. Подходишь къ рѣкѣ. Весною, бывало, долго тутъ вязнемъ въ бѣломъ пескѣ; теперь вода подошла къ самымъ раkitамъ берега. Вотъ и плоть перевозчика. Жутко садиться въ лодку: вѣдь рѣка запружена. Какая тутъ глубина? спрашиваешь перевозчика и получаешь точный, но мало успокоительный отвѣтъ, сравнивая свой ростъ съ указанною глубиною, ибо плавать я еще не выучился. Наконецъ перѣхали. Отецъ отдаетъ за каждого изъ насъ по мѣдному грошу ($\frac{1}{2}$ коп. сер.). Выходимъ на берегъ; и тутъ пески покрыты водою; тропинки на гору начинаются почти отъ самой воды. А ихъ тамъ много. Онѣ влѣво какъ змѣи взбѣгаютъ на гору не прямо, а наискось. Однѣ изъ нихъ избираютъ подъемъ поотложе, а другія покруче. Глядя по болѣе или менѣе героическому настроенію духа, избираешь ту или другую. Но тропинки эти, по мѣрѣ подъема вверхъ, сходятся, переплетаются, опять разбѣгаются въ разныя стороны, опять сближаются. Но тутъ уже не до тропинокъ, мы вступили въ область грибовъ. А палка еще не вырѣзана. Ищешь поскладнѣе для этого назначенія орѣшину. Отецъ срѣзываетъ для себя трость складнымъ кривымъ ножомъ, помѣщающимся въ глубокомъ карманѣ его холстинковаго подрясника. Этимъ ножомъ ужъ онъ будетъ рѣзать огурцы, а если взяты печеные яйца (что бывало не всегда, какъ роскошь), то и яйца. Папенька, я нашелъ грибокъ! кричитъ ужъ кто-нибудь изъ насъ, пока происходятъ срѣзываніе и обдѣлка палки. — Покажи, какой? Это волвянка. Клади ее ко мнѣ. Нѣтъ я къ себѣ. Ну, хорошо къ себѣ, копѣйка за мной. Каждый разъ за первый найденный грибокъ назначалась копѣчная премія. Папенька, я нашелъ сырофшку. раздается радостный голосъ еще чей-нибудь. Грибы попадаются все неважные: сырофжки, волвянки, свинухи, козелки. Если встрѣчаемъ краcнаго великолѣпнаго мухомора, не примнемъ дать ему палкой по мордѣ

изъ озорства конечно, но внутренно прикрываясь благонамѣренностью: «чтобы ктонибудь не сорвалъ и не отравился». Поганки сшибаешь и разбиваешь палкой уже безъ всякаго благовиднаго предлога. Отецъ смотритъ на свои серебряные массивные, почти что фунтовые часы (они и сейчасъ хранятся у меня, въ серебряномъ футлярѣ, неизвѣстно зачѣмъ существующемъ, ибо онъ не закрываетъ циферблата, а защищаетъ только одно отверстіе для ихъ завода).—«Ужъ скоро часъ! говоритъ онъ: пора». Мы садимся на лужайку, развязываемъ узелки. У тебя что?—У меня хлѣбъ и баранки.—А у тебя?—У меня огурцы.—Давай сперва огурцы. Начинается завтракъ. И въ голову не приходитъ мысли о неизысканности стола. Что же иное можно ѣсть на Воробьевыхъ горахъ кромѣ хлѣба и огурцовъ?! А недалеко журчитъ ручей; становишься на какой-нибудь выдающійся изъ воды камышекъ и черпаешь жестяною кружкою изъ прозрачной и холодной струи, изгибающейся вокругъ этого камышка. Непрехотливый завтракъ оконченъ, и мы снова принимаемся за собираніе грибовъ, пока наполнятся всѣ корзинки.

Помню, одинъ разъ мы забрались очень далеко. Дойдя до села Воробьева, повернули оттуда вправо между плодовыми садами крестьянъ, огражденными раскидистыми кустами крыжовника, съ вѣшней стороны, мѣстами общипаннаго, мѣстами еще пригибающагося къ землѣ отъ тяжести крупныхъ ягодъ густо-краснаго цвѣта. Едва ли удалось тутъ щипнуть нѣсколько ягодъ: отецъ былъ безукоризненно строгъ въ соблюденіи заповѣди. За крыжовникомъ стояли яблони (тогда еще не вымороженныя на Воробьевыхъ горахъ въ одну мютую зиму), сливы бѣлыя и черныя. Миновавъ сады, перешли поле и достигли какого-то лѣса, вѣроятно теперь уже сведеннаго, ибо Московскія окрестности на моей памяти совсѣмъ облысли. Это былъ, должно быть, преимущественно дубнякъ, потому что тамъ то и дѣло встрѣчались бѣлые грибы съ густо коричневыми загнутыми внизъ какъ козырьки шляпками; такіе крѣпыши, точно деревянные. Нашлось также много и березовыхъ, не тѣхъ тонконогихъ, блѣдныхъ развихляевъ, которые встрѣчаются на потныхъ луговинахъ, а приземистыхъ черномазыхъ головастиковъ; нашлось немало осиновыхъ, не тѣхъ мягкихъ шляпиковъ, па которыхъ при легкомъ прикосновеніи остаются углубленные слѣды пальцевъ, а молодыхъ, румяныхъ здоровяковъ, годныхъ хоть сейчасъ въ царскую гвардію. Миѣ всегда бросалось въ глаза сходство между видами грибовъ и тѣми древесными породами, какія ихъ производятъ. Не знаю, какъ по наукѣ; но бѣлый грибъ своею прочностью, выдающеюся предъ прочими крѣпостью, напоминаетъ дубъ. Березовые грибы съ своими пестрыми высокими ногами напоминаютъ березовую рощу. И замѣтите: гдѣ березы жирны и раскидисты, тамъ и березовые грибы основательнѣе; а попро-

буйте искать ихъ въ березовой рошѣ, гдѣ ходитъ скоть, гдѣ тонконогія, худосочныя, лишенныя нижнихъ вѣтвей березки грустно покачиваютъ своими головами на свою злосчастную участь, тамъ и бѣдный изъ прозябающихъ березовый грибокъ похожъ на гимназиста VIII класса передъ экзаменомъ зрѣлости. Осиновый грибокъ синеватостью корня и краснотою шляпки напоминаетъ видъ осенняго облетающаго листа осины.

На этомъ удачномъ сборѣ пришлось, кажется, уже пренебрегать сыровѣжками, свинухами, подорѣшниками, волвянками, обычною нашею добычею. Такого-то иной человекъ зазнается въ счастіи!

Уже при вечерней темнотѣ и сырости спускались мы отъ села Воробьева внизъ къ перевозу и возвратились мимо Вавилонъ-колодезя, не посмотрѣвъ по обыкновенію на его прозрачную воду и лежація на днѣ колодца мѣдныя засеребрившіяся монеты, позабывъ на сей разъ таинственную мѣстную легенду, что этотъ колодезь есть «морское ухо», которое со временемъ затопитъ всю Москву.

Одна изъ такихъ грибныхъ Воробьевскихъ прогулокъ мнѣ особенно памятна. На этотъ разъ отецъ съ нами и съ своимъ знакомымъ священникомъ Т. направился не къ селу Воробьеву, а почти въ противоположную сторону, къ селу Троицкому-Голенищеву, мимо кирпичныхъ заводовъ, гдѣ не преминулъ подробно осмотрѣть это производство: отецъ любитъ останавливаться предъ предметами, сколько-нибудь любопытными, пускаться въ подробные разспросы и всегда, благодаря своему сану, получалъ радушные и удовлетворительные отвѣты.

Былъ жаркій Августовскій день. Незамѣтно смежились на Западѣ синія свинцовыя тучи, закапалъ крупный дождь. Попасть подъ дождь на Воробьевыхъ горахъ да еще около кирпичныхъ заводовъ, выстроенныхъ конечно тамъ, гдѣ глина особенно жирна, чистая погибель. Какъ быть? Съ горы не сойдешь, а, если хотите, только развѣ сползешь плашмя. Пока размышляли, дождь пошелъ какъ изъ ведра. Въ Троицкомъ-Голенищевѣ есть грязный деревенскій трактиръ, но не идти же туда священнику съ малолѣтними дѣтьми?.. Отецъ нашелся. Онъ отправился къ мѣстному священнику, и оба Московскихъ іерей были весьма радушно приняты ихъ сельскимъ собратомъ. Насъ обсушили. Явилось угощеніе и выпивка. Т. совсѣмъ охмелѣлъ, размякъ, разшлюпился, расшлюнявился и все лѣзъ съ любезностями къ дочерямъ и женѣ своего хозяина, приговаривая: «это—осиновый грибокъ, красный», и онъ указывалъ на одну румяную поповну; «а это бѣлый грибокъ, бѣлый», и онъ обращался къ другой бѣлолицей; «а это, приговаривалъ онъ,—«мамочка» и цѣловалъ руки у своей хозяйки. Погода окончательно испортилась, да и температура также, и насъ оставили ночевать. Но какъ же быть съ нашею матерью? Она обезпокоится. Ночевать внѣ дома—небывалая вещь. Подъ

грозою на Воробьевыхъ горахъ конечно погибли! Мысль о безпокойствѣ дома пришла за пированьемъ уже поздно, часовъ въ 10 вечера. А дождь все льетъ, а гроза бушуетъ! Между Воробьевыми горами съ ихъ глиною и Поддѣвичимъ ни конному ни пѣшему, казалось, нѣтъ проходу. Но въ запасѣ оказался годный на всякую потребу патаукъ, не то куда негодное Американское изобрѣтеніе, рекомендуемое для всевозможныхъ хозяйственныхъ операций (откупориванія бутылокъ, вскрытія жестянокъ съ сардинками и разошедшееся между Русскими простакami, кажется, въ миллионномъ количествѣ экземпляровъ), а патаукъ поповскій—годный на всякую службу, дьячекъ нашего радушнаго хозяина. Дьячка, конечно, зарядили свойственнымъ ему зельемъ (зелье только теперь обозначаетъ водку, а прежде оно значило—порохъ) и пустили черезъ глиняную похлебку внизъ со скользкой горы черезъ Москву-рѣку и черноземные огороды въ Поддѣвичье съ успокоительнымъ къ нашей матери письмомъ. Дьячекъ благополучно возвратился только утромъ. Мы не видали его, но вѣроятно это сталъ уже не дьячекъ, а глиняное изображеніе дьячка.

У нашего радушнаго хозяина былъ садъ съ черными сливами; или насъ пустили туда, или сами мы пробрались, не помню; помню только, что было совсѣмъ темно, что вѣтки сливъ при самомъ легкомъ къ нимъ прикосновеніи окатывали насъ водою какъ изъ ведра, что оцупью срывались нами цѣлыя горсти черныхъ жирныхъ сливъ вмѣстѣ съ листьями. Должно быть, этихъ сливъ было страшное изобиліе. Мы ѣли ихъ, совали въ карманы, и все это въ совершенной темнотѣ, стоя въ лужахъ и подъ древеснымъ дождемъ. Кажется, это было неособенное съ нашей стороны преступленіе: вѣдь сливы, да еще черныя, попались намъ въ первый разъ въ жизни.

Иногда любовались мы съ отцомъ видомъ Москвы отъ церкви села Воробьева. Для этого отецъ бралъ съ собою подзорную раздвижную трубу, тонкую и длинную, безпрестанно показывавшую то какую нибудь Московскую крышу, то темное пятно, при качаніи ея въ слабыхъ дѣтскихъ рукахъ. Знакомый съ Исторіею Карамзина, я, кажется, чувствовалъ при этомъ нѣкоторую гордость, припоминая, что отсюда именно и царь Иванъ Васильевичъ Грозный смотрѣлъ на пылающую Москву, ибо въ головѣ крѣпко сидѣла великолѣпная картина Карамзина: «Въ сіе ужасное время, когда юный царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новгорода; приблизился къ Іоанну съ поднятымъ угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою царя легкомысленнаго

и злострастного; что огонь небесный пспепелилъ Москву; что сила Вышня я волнуетъ народъ и льетъ фіаль гнѣва въ сердца людей».

Кажется, Сильвестръ представлялся мнѣ въ видѣ моего отца, такого же строгаго іерея, и, кажется, нѣкоторая сословная гордость закрадывалась мнѣ въ душу.

Иногда спускались мы къ мѣсту неудачной закладки Храма Христа Спасителя по проекту несчастнаго Витберга. Густая тѣнь, сыро, камни памятника покрыты зеленымъ налетомъ плѣсени. На лѣво вокругъ журчатъ ручейки, гдѣ и пьемъ мы воду. До Мамоновки, хорошо видѣнной нами изъ столовой и дѣтской нашего домика, никогда не доходили. Можетъ быть, отецъ не ожидалъ тамъ грибовъ, а я такъ чувствовалъ какой-то суевѣрный страхъ предъ жилищемъ безумнаго старика графа Мамонова. Тогда объ этомъ узнали мы ничего не знали, кромѣ того, что въ 1812 году онъ на свой счетъ снарядилъ цѣлый полкъ изъ своихъ крѣпостныхъ, да будто бы онъ стрѣляетъ изъ пистолета въ тѣхъ, кто осмѣливается приблизиться къ его усадебной чугунной рѣшеткѣ съ полинялою позолотою, съ желтою ржавчиною и зеленымъ бархатомъ мохового налета.. А между тѣмъ несчастный мизантропъ вовсе не былъ страшенъ. Когда въ 40-хъ годахъ врачъ Калиновскій свидѣтельствовалъ несчастнаго безумца, онъ нашелъ, что графъ Мамоновъ «считалъ себя папой и Римскимъ императоромъ и безпрестанно писалъ приказашя воображаемымъ исполнителямъ своей власти... Его удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы быть окружену маленькими дѣтьми, которыя къ нему сбѣгаются изъ дворни. Около десятка разныхъ собакъ, безпріютныхъ и потерявшихъ своихъ хозяевъ, стадо голубей и безчисленное множество воробьевъ получаютъ отъ графа М*** ежедневную пищу» (*Русск. Арх.* 1868 г., стр. 969). Вотъ каковъ въ дѣйствительности былъ ужасный для дѣтскаго воображенія графъ Мамоновъ. Но тогда было время глухое; даже мой отецъ при всей своей любознательности ничего не могъ знать о графѣ Мамоновѣ.

Нашимъ садикомъ занимался самъ отецъ; я, помнится, помогаль ему и еще въ дѣтствѣ научился, разводить смородину черенками. Но разъ какъ-то осенью, должно быть, для основательной перекопки сада, отецъ взялъ поденщика Павла, который и жилъ, т. е. почевалъ у насъ въ кухнѣ на печкѣ. Днемъ, бывало, не отлучается отъ него и смотришь съ утра до вечера на его однообразный трудъ окапыванія кустовъ. По вечерамъ разбираешься къ нему на печку и заставляешь его рассказывать сказки. Сказокъ у Павла было много, но теперь едва-едва припоминаю двѣ изъ нихъ. Въ одной главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ царь Данила Бѣлый; тутъ же, помнится, дѣйствовала и голова великана, подъ которою скрывался мечъ - кладенецъ. Въ другой повѣствовалося

какъ какой-то бѣднякъ завелъ Нужду въ баню и сталъ ей лить кипяткъ на голову; «а Нужда только такъ: ммм!» При этомъ Павелъ сжималъ губы и зубы и поводилъ вправо и влево лицомъ, изображая боль Нужды отъ льющагося на ея голову кипятку. Раньше Павла я слышалъ сказки отъ отца. Бывало, послѣ обѣда онъ разоблачится и ляжетъ отдыхать на кровать, помѣстивъ подъ одеяло насъ мелюзгу. Сказки отца были про волка и лисицу, про волка и козу съ козлятами, напечатанные потомъ у Аѳанасьева. Я боялся этого страшнаго волка, но не очень. лежа съ отцемъ подъ теплымъ одеяломъ. Но сказки Павла были романтическія, не страшныя, но очень любопытныя.

Отецъ любилъ строить, но для этого ни денегъ, ни мѣста не было. Важнѣйшими постройками было устройство чулана изъ досокъ стоймя «въ четверть», придѣланнаго къ переднему крыльцу, загорода для сада и, главное, съ возрастаніемъ семьи, постройка свѣтелки, матеріалъ для коей и работа стоили 30 рублей!

Тѣснота помѣщенія и большая семья, состоящая изъ 8 человѣкъ однихъ дѣтей, да постоянно гостящихъ родственниковъ изъ Коломны и села Коломенскаго уѣзда Черкизова, сначала повели къ устройству двухъ палатей для спанья: въ дѣтской и столовой. Сестры помѣщались на палатахъ въ дѣтской, братья на палатахъ въ столовой. Но когда узкія низкія палаты въ дѣтской стали возмутительно тѣсны для подрастающихъ дочерей и ихъ кузинъ, отецъ рѣшился выстроить свѣтелку съ внутреннею лѣстницею изъ столовой, въ ущербъ напимъ палатамъ и ихъ тремъ жильцамъ. Должно быть было нелегко сразу и лѣсъ купить и работу начать. Купленные для свѣтелки осмерины и шестерины, помнитса, одно или два лѣта лежали на дворѣ у насъ, прежде чѣмъ было приступлено къ работамъ. Наконецъ были наняты четыре плотника: Гаврила, Михайла, прозванный Баранчикомъ, еще кто-то и четвертый Александръ Петровъ. Имена эти запомнились потому, что скоро они обращены были въ нашъ таинственный языкъ. Около этого времени мы научились играть въ трынку, въ которую я проигралъ брату множество квартиллионовъ самодѣльными марками. А такъ какъ это упражненіе нами признавалось непозволительнымъ, особенно во время приготовленія уроковъ, то, замѣьте какая тонкая смѣтливость: масти обозначались у насъ очень популярными въ домѣ именами этихъ плотниковъ. Черви назывались «Гаврила», бубны «Баранчикъ», дики «Александръ Петровъ» (который вскорѣ сошелъ отъ насъ и, какъ представитель мрачной злосчастной пиковой масти, умеръ). Для трефъ допущено было уклоненіе отъ плотничьей артели въ честь бывшаго у насъ тараканщика: они назывались «Тараканка». Рядомъ съ этимъ фигуры и простыя очковыя карты тоже назывались условно. Такъ, помню, се-

мерка называлась почему-то «Чумичка», а потому пиковая семерка напр. обозначалось такъ: «Александръ Петровъ Чумичка». Отецъ мой не былъ большимъ охотникомъ до карточной игры; но на моей памяти раза два выходило у него полосами, что онъ игралъ въ карты. Игра была самая невинная, проферансъ безъ всякихъ новѣйшаго происхожденія осложнений. Такъ какъ выигрышъ отцовскій назначался по очередно то тому, то другому изъ насъ, то понятно, что и для меня былъ прямой интересъ просиживать около него все время игры. Разъ игра затянулась на всю ночь. Я тоже просидѣлъ около отца всю ночь часовъ до 7 утра. Ночью сейчасъ вижу эти широкіи, но тонкія лучи солнца, врывавшіеся сквозь расщелины ставней въ нашу залу, гдѣ догорали и потомъ были погашены оплывшія сальныя свѣчи. Помню свою радость, что «просидѣлъ всю ночь». Если отецъ выигрывалъ, наши барыши вертѣлись большею частью около гривенника, часто спускаясь ниже, и только какъ-то одинъ разъ поднялся выигрышъ копѣекъ до 30 сер. Тутъ-то я и постигъ тайну преферанса, какимъ онъ былъ въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ.

Играли втроемъ. Каждый игрокъ записывалъ себѣ или 11, или 21 или 31 ремизовъ. Больше 31 ремиза не записывали. Единица къ десяткамъ прибавлялась, чтобы нельзя было всѣ ремизы сыграть въ одну, двѣ, или три игры; ибо самая большая игра «10 безъ козырей»; считалась только за 10. Остальныя масти и взятки считались сообразно съ этимъ: 6 въ пикахъ стоило одного ремиза, 6 въ трефахъ—двухъ и т. д., шесть безъ козырей—пяти; а потомъ уже масти не различались: 7 въ какой бы то ни было масти стоило шесть, 8 семь, 9 восемь, 10 девять; десять безъ козырей 10. Всѣ осложненія игры ограничивались припискою 10 фишекъ противъ обремизившагося, что называлось консоляціею, при чемъ всегда игроки остряли на счетъ «утѣшенія» (*consolatio*).

Впослѣдствіи старшій мой братъ съ своими пріятелями ввели у насъ проферансъ «съ табелькою», гдѣ счетъ былъ разманистѣе: шесть въ пикахъ—1, но игра семь, восемь и т. д. подымалась въ стоимости по градаціи мастей, такъ что десять безъ козырей стоило уже 25 ремизовъ. Табелка эта для старинныхъ игроковъ, закоснѣлыхъ въ «простомъ» преферансѣ, была истиннымъ мученіемъ. Эту «табелку» т. е. роспись ремизовъ отъ 1 до 25 болѣе просвѣщенные писали на бумажкахъ и клали подъ носъ консерваторамъ.

Постоянными партнерами отца были его двоюродный братъ В. В. Смирновъ (учитель по училищу Н. П. Гилярова), священникъ церкви Воздвиженія на Овражкѣ (скончавшійся отъ холеры въ 1848 г. вмѣстѣ съ своею женою), два дьякона Алексѣй Петровичъ Березкинъ «бѣлый Цыганъ» и Сергій Петровичъ Гжелскій, оба Новодѣвиченскіе, нако-

лецъ архитекторъ Бѣляевъ, вдовецъ послѣ трехъ женъ, обладатель огромнѣйшаго носа.—Ну, скажете, бывало, отецъ въ игрѣ: Ходите что ли вы, «сей ужасный носъ».

Два слова объ этихъ дьяконахъ. Отецъ иногда игралъ съ Березкинымъ въ шашки. Хладнокровный дьяконъ, недоступный даже булавочнымъ уколамъ клирошанокъ, обыкновенно при потерѣ каждой своей шашки неподражаемо-равнодушно говорилъ: «Ну, и дери ее на шесть!» или: «Ну, и прострѣлина ее запали!» или еще: «Ну, и проскудина ее зашиби!» Разъ, перебирая всѣ чудачества попа Полтева, Березкинъ напомнилъ отцу о поведеніи Полтева при угощеніи причта монахиней Еленою Христофоровною Оппель, ходившею безсмѣнно въ власяницѣ подъ сорочкою:—А помните, какъ онъ куралесилъ у Христофоровны на *балл*?

Березкинъ любилъ рассказывать, какъ онъ, учась на Перервѣ, ловилъ съ товарищами рыбу, изъ которой тутъ же на берегу они варили такую густую уху, что «даже палкой не промѣшаешь». Его жена «Березиха» покупала на Кузнецкомъ мосту себѣ самыя модныя шляпки но не рѣшалась надѣвать ихъ, пока онѣ совсѣмъ не выйдутъ изъ моды, боясь показаться сосѣдямъ «франтихою». Своимъ мужемъ она была недовольна и говаривала нашей горничной:—Какой вашъ батюшка хороший, такой сытый да гладкій; не то, что мой Алешка ледящій; и посмотрѣть-то не начто!

Дьяконъ Гжельскій часто просиживалъ у насъ отъ 11 часовъ утра до 11 часовъ вечера, все пилъ водку и все закусывалъ. Мы по своей юности не понимая, въ чемъ тутъ дѣло, прозвали его «ненаѣднымъ». Разъ горничная наша Варвара, слыша наши толки, и говоритъ:—А вы бы сказали папенькѣ-то, чтобы онъ поменьше водки-то подливалъ; такъ небось, какъ разъ наѣлся бы и ушелъ.

Однажды кухарка Гжельскаго Вѣра приходитъ къ намъ и говоритъ:

— Сергѣй Петровичъ! Пойдемте домой: Анна Васильевна плачетъ, что вы тутъ цѣлый день сидите. Въ отвѣтъ на это Сергѣй Петровичъ молча отрѣзалъ ломоть стоящаго на столѣ арбуза и послалъ его женѣ, «чтобы она не плакала», а самъ принялся рассказывать, какъ онъ съ Полтевымъ прогуливались часовъ въ 11 вечера мимо поповскихъ домовъ и увидѣли «Березиху», стоящую въ своей спальнѣ въ одной сорочкѣ. Возмущенные такою непристойностью, они влѣзли къ Березкину въ окошко и отдули Березиху скамейкой, но не больно, а такъ, ради науки, чтобы впредъ была умнѣе. При этомъ Сергѣй Петровичъ весьма негодовалъ и называлъ Березиху «дурой».

Прослышавъ я отъ отца, что «сей ужасный носъ» обладалъ огромною всемірною исторіею Аббата Милота. Пользуясь знакомствомъ съ Бѣляевымъ при карточной игрѣ, я проникъ къ нему въ домъ и полу-

чилъ на прочтеніе эту исторію. Она была ужасна: въ 13 томовъ, въ кожаныхъ переплетахъ, на синей затхлой бумагѣ. Содержаніе было не лучше. У меня достало времени прочесть не больше семи томовъ. Потомъ почему-то Бѣляеву потребовался Аббатъ Милотъ, а въ послѣдствіи, когда я разбогатѣлъ до суммы 3 р. с., исторія аббата Милота была мною за эту цѣну куплена у букиниста.

Какого происхожденія могла быть эта сумма? Вѣроятно, она сложилась изъ отцовскихъ выигрышей и тѣхъ денегъ, которыя я по праздникамъ получалъ отъ старушки-монахини Новодѣвичьяго монастыря Татьяны Ѳеодоровны.

Объ этой знаменитой старушкѣ говоритъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Я скажу, что самъ о ней помню. Жила она въ маленькой келейкѣ въ заднихъ монастырскихъ воротахъ надъ церковью Покрова. Это была очень древняя старушка. Происходила она изъ крестьянскаго сословія, была неграмотна, но обладала рѣдкою, можно сказать, чудесною силою безхитростнаго слова. Къ ней часто прѣзжала изъ Москвы самыхъ громкихъ фамилій аристократія посовѣтоваться о какихъ либо семейныхъ дѣлахъ, поскорбѣть о несчастіяхъ своихъ; поссорившіеся супруги искали чрезъ нее примиренія. Довольно было нѣсколькихъ словъ святой старицы, чтобы сомнѣнія улегались, аристократическая гордость преклонялась, болящее сердце успокоивалось. Иныхъ «чудесъ» она не творила и была совершенно чужда какихъ-либо чудодѣйственныхъ (въ родѣ юродства) выходокъ. Въ моемъ воспоминаніи она представляется въ высшей степени простою, самою обыкновенною изъ обыкновенныхъ старушекъ. Изъ всего причта съ отцомъ моимъ она была въ наилучшихъ отношеніяхъ. Они помогали другъ другу духовно: а вещественное выраженіе ихъ дружескихъ отношеній ограничивалось подаркомъ Татьяны Ѳеодоровны отцу иконы, писанной по преданію императрицею Елисаветою Петровною до вступленія ея на престолъ. Это большой образъ Трехъ Радостей живописнаго письма. Икона эта очень почиталась отцомъ и сейчасъ хранится у меня. Съ своей стороны мать моя каждое Воскресенье и праздникъ посылала къ Татьянѣ Ѳеодоровнѣ небольшой горячій пирогъ съ капустою или морковью. Пирогъ этотъ всегда носилъ я. Татьяна Ѳеодоровна развязывала тарелку, вынимала пирогъ, тарелку, сложа отъ пары салфетку, возвращала мнѣ и каждый разъ дарила нѣсколько мѣдныхъ монетъ, какія оказывались у этой безсеребрянницы. Иногда это былъ мѣдный пятакъ, иногда копѣекъ семь серебр. Изъ этихъ грошей я сдѣлалъ первыя сбереженія, которыя лѣтъ черезъ 8—10 достигли рублей 20, на что я и сшилъ себѣ впервые на свой счетъ теплую на ватѣ съ фланелевою подкладкою да еще съ собачьимъ воротникомъ шинель.

Дѣло съ сбереженіями было такъ. Ссудосберегательная касса при Опекунскомъ Совѣтѣ принимала тогда вклады начиная съ 50 коп. серебромъ. Ничтожныя сбереженія отца были имъ разложены по такимъ книжкамъ на всѣхъ четырехъ моихъ сестеръ. Я тоже самъ завелъ книжку и вложилъ въ «каассу» когда полтинникъ, когда рубль, для чего иногда самъ одинъ путешествовалъ изъ подъ Дѣвичья въ Опекунскій Совѣтъ. 20 рублевая сумма могла возрасти не изъ однихъ денегъ Татьяны Федоровны: года два-три въ Свѣтлое Христово Воскресенье я получалъ отъ игумена монастыря по цѣлковому, а также по рублю отъ монахини Елены Христофоровны Оппель, почему-то меня полюбившей.

Не могу осуждать и теперь эту свою бережливость. Впослѣдствіи, съ окончанія курса въ университетѣ, вѣрный привычекъ дѣтства, я уже никогда не допускалъ себя ни одинъ годъ проживать все, что получалъ, какъ бы ни были трудны обстоятельства человѣка, и никогда не имѣвшаго опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

Не могу похвалиться, чтобы у меня не было желаній и желаній страстныхъ, которыя такъ легко было бы удовлетворить, если бы не эта заманчивая «касса», питающая не сребролюбіе, а гордость, ревность капиталиста. Мнѣ, напр., очень нехудо было бы, хотя копѣекъ за 10, приобрести свой перочинный ножичекъ; а такой я приобрѣлъ уже только будучи студентомъ, обремененный частными уроками. Очень недурно было бы купить удочку, когда Москва-рѣка и монастырскіе пруды были подъ самымъ носомъ; но вѣрьте, въ голову не приходило сдѣлать такую трату, хотя я и бесполезно мучился надъ приготовленіемъ рыбныхъ крючковъ изъ булавокъ, на которые рыба не обращала никакого вниманія, хотя я на нихъ и насаживалъ мухъ. Только одинъ разъ, кажется, въ мѣстный храмовой праздникъ, позволилъ я себѣ приобрести тоненькую камышевую тросточку, окрашенную въ зеленый цвѣтъ съ бѣлыми спиральными полосками. Удовольствіе это стоило 5 коп. сер. и не могло быть сдѣлано на счетъ родителей, ибо они совсѣмъ были чужды всякаго форса.

Особенно хотѣлось мнѣ имѣть саблю, и я получилъ бы ее, если бы не помѣшали тому или возмущившіяся противъ Австріи Венгерскія войска, или забывчивость человѣческая. Дѣло было въ 1848 году. Отецъ, возвращаясь отъ церковной службы, имѣлъ обыкновеніе приводить съ собою какого либо интереснаго для него богомольца и обращаться къ нашей матери со словами: «Мать! Поди-ка посмотри, кого я тебѣ привелъ». На этотъ разъ новымъ гостемъ нашимъ послѣ вечерни оказался какой-то молодой офицеръ. Онъ отправлялся въ армію, посланную императоромъ Николаемъ для усмиренія Венгріи; передъ отправленіемъ въ походъ онъ пожелалъ отслужить молебенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, обра-

тилъ на себя вниманіе отца и былъ имъ приглашенъ къ себѣ въ домъ на чай. Бѣдный офицерикъ, кажется, трусплъ и просилъ меня молиться за него, обѣщая за то, если онъ останется живъ, при возвращеніи подарить мнѣ свою саблю, которою, вѣроятно я любовался у гостя во время его чаепитія. Нѣсколько лѣтъ потомъ утромъ и вечеромъ ежедневно молился я о здравіи раба Божія Финогена. Венгры были давнымъ давно усмирены, а я, не знакомый съ политическими событіями, чуть не до самой первой Восточной (1853—1855 гг.) войны вымаливалъ у Бога Финогену здравіа, а себѣ его саблю.

Зналъ въ дѣтствѣ я и другаго военнаго, нѣкоего отставнаго солдата Матвѣя. Это былъ совсѣмъ сѣдой старикъ, со щетинистою рѣдко бритою бородою, въ изорванной солдатской шинели. Онъ иногда приходилъ къ отцу и получалъ отъ него стаканъ водки. По виду своему онъ ничѣмъ не отличался отъ любого ветерана Николаевскихъ временъ, только иногда срывалась у него какая нибудь Латинская фраза. Отъ отца я слышалъ трагическую исторію Матвѣя. Матвѣй былъ товарищемъ ему по семинаріи и по окончаніи въ ней курса поступилъ въ университетъ. Окончивъ томъ курсъ, онъ былъ гдѣ-то учителемъ гимназіи. Будучи учителемъ, онъ за что-то ударилъ по лицу своего директора и былъ императоромъ Николаемъ отданъ въ рядовые. Онъ прослужилъ солдатомъ 25 лѣтъ и, выйдя въ отставку, ходилъ къ знакомымъ ему по семинаріи Московскимъ священнослужителямъ. Матвѣй былъ первымъ видѣннымъ мною университетскимъ человѣкомъ. Первое мое впечатлѣніе о преимуществахъ университетскаго образованія было не особенно въ пользу университета. Да, тяжело было то время!

Имѣлъ я удовольствіе знать и другаго военнаго человѣка. Это знаменитый въ мое время подъ Дѣвичьимъ кварталный Лачиновъ. Онъ былъ свѣтскимъ владыкою Поддѣвичья, ибо кварталные въ то время замѣняли и миров. судей и обязаны были пороть крѣпостныхъ по жалобѣ навѣтчиковъ. Лицо его было красно, точь въ точь какъ краснаго сукна воротникъ его мундира (тогда у пол. б. красн. воротн.). Его фигура и держанье себя воскресали потомъ въ моей памяти, когда впоследствии и видѣлъ Прова Садовскаго на сценѣ Малаго театра въ роли Гоголевскаго Городничаго. Но у нашего кварталнаго Лачинова было и отличіе отъ Сквозника-Дмухановскаго: Лачиновъ былъ всегда пьянъ, въ праздникъ и въ будни, въ мясоѣдъ и въ постъ, днемъ и ночью. Немудрено, что разъ его будочники затащили зимою къ себѣ въ будку какую-то женщину и тамъ зарѣзали ее и изрѣзали въ куски; ибо комиссаръ у кварталнаго Лачинова представлялся безличнымъ ничтожествомъ. Квартальный Лачиновъ сверхъ того былъ величайшій сквернословъ; а потому онъ не считалъ возможнымъ въ Великій постъ говѣть такъ, какъ

прочіе православные. Лачиновъ всегда исповѣдывался у отца въ алтарѣ въ полунощницу Свѣтлаго Христова Воскресенія, а въ обѣдню причащался: только при такомъ короткомъ разстояніи между исповѣдью и причащеніемъ, притомъ находясь не въ кварталѣ и не у себя, а въ алтарѣ, онъ, какъ самъ признавался, могъ за это время не согрѣшить сквернословіемъ. Но онъ имѣлъ такой твердый разгулъ, что даже и тогда, когда едва держался на ногахъ и едва ворочалъ языкомъ, никто не слыхалъ отъ него ни одного пьянаго, безумнаго слова. Нѣкоторые попадаи даже ставили квартальнаго Лачинова въ примѣръ своимъ мужьямъ.

Квартальный Лачиновъ впрочемъ весьма удобно могъ ограничить свою службу только сквернословіемъ, ибо за все время жизни подъ Дѣвичьимъ до 14 лѣтняго возраста почти ни о какихъ уголовныхъ дѣлахъ я не слыхалъ. Правда, разъ у насъ «воры» украли изъ погреба нѣсколько десятковъ моченыхъ яблоковъ: но для всѣхъ было понятно, что эти таинственные воры были никто иной, какъ знаменитый сапатаръ околотка Ларивонъ князей Вадбольскихъ. Было впрочемъ одно ужасное дѣло, но нашъ Лачиновъ ничего тутъ не могъ разыскать. Близъ самаго края нашей слободки къ Лужникамъ былъ домъ Каменецкаго. Прежде онъ принадлежалъ одинокому ли съ кѣмъ не знакомому довольно зажиточному владѣльцу Диско, имѣвшему при себѣ только 15 лѣтнюю дѣвочку - прислугу. Въ одну зимнюю ночь и Диско, и его прислуга были убиты топоромъ по головѣ и ограблены. Преступленіе это осталось нераскрытымъ, а самый домъ убитаго внушалъ, по вечерамъ особенно, нѣкоторый страхъ.

Просыпаюсь я какъ-то разъ утромъ на палатахъ. На столѣ самоваръ выпускаетъ бѣлые клубы пара подъ самый потолокъ и ко мнѣ на палаты. Отецъ уже пришелъ отъ ранней обѣдни и толкуетъ съ дячкомъ объ ужасной новости: близъ монастырской стѣны у пруда, обсаженнаго громадными ветлами, на одной вѣтлѣ оказался удушенникъ! Самоубійство въ то время было совершенно исключительнымъ событіемъ. Объ одномъ только такомъ случаѣ я и слыхалъ подъ Дѣвичьимъ; о второмъ самоубійствѣ я уже узналъ, начавъ читать газеты. Теперь эти случаи сдѣлались обычными, еще болѣе распложаясь отъ чтенія репортѣрскихъ о нихъ отчетовъ. Слѣдовало бы, давно бы слѣдовало прекратить печатаніе такихъ извѣстій, ни для кого ни на что не нужныхъ, но только страшно вредныхъ, ибо привычка дѣлаетъ людей къ этому равнодушными. Не то было въ изображаемое время: ужасъ былъ у всѣхъ неописуемый. А мнѣ чуть не казалось, что теперь послѣ Іуды Искаріотскаго только второй самоубійца поступитъ на дно адское—монастырскій удушенникъ. Самое дерево, на которомъ погибъ несчастный, мнѣ не удалось видѣть; ибо игуменья, очевидно раздѣляя всеобщій ужасъ и омер-

зѣніе, распорядилась тотчасъ же спилить проклятую ветлу подъ самый корень; мнѣ удалось видѣть только ея пень, да и то никогда не могъ я пройти мимо его, не оглянувшись на него нѣсколько разъ съ какимъ-то содраганіемъ ужаса. А теперь переѣзжайте пораньше весною въ любую дачную мѣстность,—непремѣнно встрѣтите тамъ въ концѣ одинъ или два такихъ висящихъ фрукта, и никто на это, кромѣ любознательныхъ кухарокъ, не обратитъ ни малѣйшаго вниманія.

Важнѣйшими осенними хозяйственными праздниками были у насъ солка огурцовъ и рубка капусты.

Еще заранѣе по нашей улицѣ появляются уже обручники съ травою осокою за поясомъ и съ круглою связкою обручей за спиною. Идали они напоминали букву фертъ. Но нечего на нихъ и смотрѣть: сквозь окна доносятся до слуха ихъ возгласы: «О-бру-чья на-би-вать!» Въ послѣдніе годы, въ надеждѣ должно быть на расширяющуюся грамотность, разнощикамъ воспрещается орать и даже на вывѣскахъ уничтожены Египетскія письма, состоящія въ изображеніи продаваемыхъ предметовъ: въ колоніальной лавкѣ красовались прежде головы сахара, цибикъ чая, кофе въ хрустальной вазѣ. Прежде въ нашемъ сосѣдствѣ на Плющихѣ въ цирюльнѣ на вывѣскѣ изображена даже была такъ цѣлая картина: молодая дама или дѣвица въ бѣломъ подвѣчномъ платьѣ, съ гирляндю цвѣтовъ на головѣ съ длиннѣйшимъ тюлевымъ вуалемъ, декольте, сидитъ на креслѣ; около нея, изогнувшись въ три погибели, стоитъ кавалеръ въ бѣломъ галстухѣ, въ открытомъ жилетѣ, съ «манишкой», во фракѣ, съ хрустальною вазою въ рукѣ, куда высокою и крутою дугою бьетъ кровь изъ обнаженного ручного сгиба этой особы въ декольте, на что сама дама смотритъ съ улыбкою неизреченнаго удовольствія. А войдите вы въ такую цирюльню, никакой дамы тамъ не увидите, а встрѣтите развѣ какую нибудь фризую шинель, которую цирюльническій ученикъ для практики «брѣетъ Христа ради». Теперь гириомическія вывѣски, хотя конечно и не столь замысловатыя, стали вновь допускаться, ибо покупателями признаны не только грамотные, но и безграмотные; но пѣсни разнощиковъ позавглохли. А въ описываемое время онѣ были обстоятельны и разнообразны. Такъ продавецъ клюквы распѣвалъ «по ягоду, по клюкву; студена, ядрена, маверная, подсиѣжная, Володимирская крупна». А раньше за этимъ слѣдовало, кажется, цѣлое сказаніе о томъ, какъ давно собирали эту клюкву.

Обручникъ приглашался во дворъ къ погребу, гдѣ уже заранѣе стояли извлеченныя изъ погреба кадки. По всему околотку раздается стукъ набиваемыхъ новыхъ дубовыхъ обручей. Работаетъ онъ прочно, закладывая промежутки досокъ сухою осокою. Кончилась починка об-

ручника; начинаютъ парить кадки, для чего раскаляются нѣсколько булыжниковъ, хранящихся изъ года въ годъ у кухарки, и непременно одинъ или два утюга безъ ручекъ, которые съ особеннымъ неудовольствиемъ шипятъ при погруженіи въ кипятокъ налитый въ кадку.

Пока огурцы рыхлы и пухлы, ихъ не рѣшаются солить: выйдутъ-де пустые. Надо подождать, когда они появятся сухощавые и непременно съ пятнышками—это вѣрный признакъ, что они и къ веснѣ не окажутся пустыми. Огурцовъ привозится цѣлый возъ; отмѣривается четвериковъ сорокъ. Это не дорого—рубля два, кто же въ самомъ дѣлѣ дастъ за четверикъ дороже 5 коп.?.. Огурцы перебраны, желтые отобраны. ихъ такъ съѣдятъ, да еще изъ особенно пузастыхъ можно надѣлать шкаликовъ для иллюминаціи, а то и за объѣдомъ ловкій художникъ вырѣжетъ изъ такого огурца два съ душками висячихъ, другъ друга запирающихъ, замка. Огурцы моются въ особой кадкѣ; вода сливается тутъ же, запруживающъ дворикъ и благоразумно пробирается въ садъ. Теперь надо готовить рассолъ; для рассола тутъ же огородникомъ, что привозилъ огурцы, доставлены пучки чаберу, острогону, чесноку, конечно уже даромъ. Рассолъ солить, послѣ чего уже одна кухарка безконтрольно оканчиваетъ процедуру. На нагруженные огурцами кадки кладутся деревянные круги, на нихъ тяжелые камни. А все таки въ свое время «овершья» огурцовъ придется бросать.

Особенно торжественна была рубка капусты. Прежде всего въ этотъ день мы, какъ въ какой-нибудь праздникъ, уже не учились. Еще съ вечера привезены сотни четыре кочновъ. Утромъ кухарка, при помощи дьячка Федора Матвѣича или другого какого, устанавливаетъ въ сарай на двухъ поперекъ поставленныхъ скамейкахъ чудовищныхъ размѣровъ корыто. Корыто поставлено незыблемо; углы у него заклепаны. Утромъ наскоро всѣ пьютъ чай и съ радостнымъ ликованиемъ отправляются «рубить капусту». Сѣчки, т. е. стальные полумѣсяцы или простые, или съ завитками на верхнихъ углахъ, еще заранее выточены кѣмъ-либо изъ дьячковъ или самимъ отцомъ; осмотрѣны дровки, и гвозди, разшатавшіеся отъ прошлогодней работы, закрѣплены. Я надѣваю свой полу-терновый «капотъ», подпоясываюсь и тоже отправляюсь въ сарай, гдѣ среди большихъ, среднихъ и малыхъ сѣчекъ выбираю себѣ одну какую либо по себѣ и «по рукѣ». Начинается очистка капусты: зеленоватые или бѣлые, но прѣлые листья срѣзываются и отбрасываются въ уголъ; изъ очищеннаго кочна вырѣзывается сѣчкою остроконечная пирамидальная кочерыжка. Кочерыжки эти потомъ очищаются окончательно, и хотя ихъ не одна сотня, онѣ очень скоро какъ-то съѣдаются. Пожирание кочерыжекъ начинается тутъ же: одною рукою рубишь капусту, другою держишь очищенную кочерыжку, отъ которой то и дѣло откусываешь.

бѣлые сахаристые куски. Не понимаю, за что онѣ не допускаются въ капусту, когда онѣ особенно сравнительно съ листомъ сладки. Всѣ мы рубимъ держа сѣчки поперекъ корыта, чтобы не прорубить дна. У ретиваго работника капуста уже измельчала, у лѣниваго и мѣшкотнаго она еще лежитъ пухлыми лохмотьями. Кидаютъ въ корыто новый десятокъ или больше очищенныхъ кочней. Какъ пріятно разсѣкать громадный еще никѣмъ не тронутый большой тугой кочанъ! Изрубленную и полуизрубленную капустную массу вспрыскиваютъ солью, кидая ее въ корыто цѣлыми горстями. Мягкій звукъ сѣчекъ смѣняется царапающимъ: это соль попадаетъ подъ сѣчку. Наконецъ первое корыто окончено. Готовую капусту выгребаютъ въ ведра и ссыпаютъ въ кадки, куда кладутъ также нѣсколько цѣлыхъ даже съ кочерыжками кочней: «хорошо будетъ въ Великій постъ съ масломъ». За первымъ корытомъ слѣдуетъ другое, третье и т. д. пока часамъ къ 12 ночи не окончится вся работа.

Если во время рубки капусты приходитъ дьячекъ, онъ, не дожидаясь приглашенія, тоже беретъ сѣчку, которыя всегда оказываются въ мѣшекъ; а то онъ можетъ смѣнить кого либо изъ особенно уставшихъ. Если приходитъ монастырскій штатный служитель, и ему найдется дѣло. Иногда такимъ добровольцемъ является сосѣдняя кухарка, не могшая удержать своего восторга при знакомомъ у сосѣдей стукѣ сѣчекъ: тукъ-тукъ-тукъ.

Сластями, или, по тогдашнему, «гостинцами», родители не баловали насъ особенно. Иарѣдка ѣздили они въ «городъ» на именины къ братьямъ матери Геннадію Ѳедоровичу Островскому, совѣтнику Синодальной типографіи, жившему на Никольской, и Николаю Ѳедоровичу (отцу драматурга А. Н. Островскаго и министра М. Н. Островскаго), секретарю Московской палаты гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, обладавшему цѣлымъ урочищемъ у Николы въ Воробинѣ. Съ Никольской или изъ Воробина или отъ Троицы въ Вишнякахъ, гдѣ протоіереемъ былъ В. И. Груздевъ, женатый на родной сестрѣ матери, можно было возвратиться въ Поддѣвичье только къ полночи. И мы всегда полусонные дожидались поздняго возвращенія родителей «изъ гостей», ибо они всегда привозили всѣмъ намъ оттуда «гостинцы». При многочисленности нашей оравы каждому доставалось понемногу «гостинцевъ»: кому Французская черносливина и маленькая съ сюртучную пуговицу мармеладинка; кому четвертинка Антоновскаго яблока и миндальный орѣхъ. «Гостинцы» тотчасъ же пожирались, и мы уже съ спокойною совѣстью засыпали.

Только разъ въ году покупались гостинцы, притомъ цѣлымъ большимъ кулкомъ, именно къ Святкамъ. Но предварительно закупалась мороженая разность: двѣ или три небольшихъ свиныхъ туши, теленокъ,

нѣсколько гусей, поросятъ, гусиныхъ потроховъ и т. п. Меня отецъ всегда бралъ при этомъ съ собою на «Смоленскій», т. е. рынокъ, и мнѣ всегда было жалко гусей, голыхъ, на уорозѣ туго перетянутыхъ мочалкою, врѣзывающеюся въ ихъ замороженное тѣло. Цѣны на живность до Севастопольской кампаніи и коронаціи Александра II покажутся невѣроятными теперешнимъ хозяевамъ. Уже переселившись въ Москву на Солянку, отецъ въ 1855—1856 годахъ платилъ на Хитровомъ рынкѣ передъ Рождествомъ по 20 копѣекъ за гуся, и это казалось уже дорого. Потому-то раньше, несмотря на ограниченность своихъ средствъ, при многочисленной семьѣ, онъ могъ къ Святкамъ покупать чуть не возъ всякой живности. Боюсь ошибиться, но кажется, что мороженая свинина покупалась на Смоленскомъ рынкѣ рубля за 2—3 средней величины туша. Вмѣстѣ съ этимъ отецъ покупалъ еще пуда два баранокъ, которые пеклись крестьянами, привозились ими на рынки и продавались съ воезовъ очень дешево.

Когда существенныя покупки были сдѣланы, приобретаались гостинцы. Они были недороги, но ихъ всегда было очень много. Это были простые орѣхи, а также кедровые. Грецкіе и миндальные считались роскошью и могли быть получаемы въ весьма ограниченномъ количествѣ только съ именинъ дядьевъ (которыхъ однако изъ почтенія къ этой высокой роднѣ не приходило намъ въ голову такъ именовать ни въ глаза, ни за глаза). Далѣе въ знаменитомъ кулекѣ находился Русскій черносливъ, но никакъ не Французскій, извѣстный намъ опять таки только какъ гостинецъ съ именинъ Николая или Геннадія Федоровичей, потомъ шли пряники—круглые и мятные, очень вкусные, медовые съ изюмомъ, носившіе форму желто-бурыхъ кирпичиковъ. Покупалось немного изюму-кишмишу, а также коринки, которая считалась особенною роскошью. Большое изобиліе было пастилы яблочной и клюквенной, покупаемой въ двухъ деревянныхъ корытцахъ, потребляемой теперь только простонародьемъ, но казавшейся тогда обворожительной и съ наслажденіемъ съѣдаемой послѣ распластанія своей порціи на ея слои, при чемъ немилосердно пачкались руки сладкою липкою медовою массою. Вотъ и все; но дѣло въ томъ, что изъ этого неистощимаго кулка мы въ теченіе двухъ святочныхъ недѣль получали ежедневно послѣ обѣда по порціи, для чего кулекъ извлекался изъ чулана и помѣщался около дубоваго круглаго съ откидными полами обѣденнаго стола, на которомъ мать и раскладывала «гостинцы» кучками, строго слѣдя, чтобы не обдѣлить какую либо кучку даже такимъ не крупнымъ плодомъ, какъ кишмишъ; одни только кедровые орѣшки клались приблизительно на глазомѣръ; но за то каждому предоставлялся выборъ «кучки», ибо предметы ея все-таки не могли быть тождественны по величинѣ и по достоинству.

По полученіи «кучки», нѣкоторые съѣдали ее тотчасъ же, а другіе, съ коммерческими наклонностями, воображая себя лавочниками, распро- давали свои гостинны по бумажнымъ «лоткамъ», т. е. четырехуголь- нымъ листочкамъ писчей бумаги, съ завернутыми уголками; заверты- вали свои товары въ «фунтики», изобрѣтали для торговли даже вѣсы, выстрогавъ ихъ коромысло изъ лучинки, къ краямъ котораго привязы- вались нитками бумажныя тарелочки.

На масляницѣ у насъ ежедневно пеклись блины и подавались на столъ въ такомъ неукоснительномъ порядкѣ: сначала простые блины, потомъ испеченные въ маслѣ, далѣе въ маслѣ и съ бѣлозерскими снят- ками и наконецъ въ маслѣ съ яйцами. Но масляница особенно памятна мнѣ тѣмъ, что въ это время приходилъ къ намъ Климычъ съ «рацею» (oratio).

Семень Климычъ былъ однимъ изъ «штатныхъ», т. е. служителей, опредѣленныхъ по штату, т. е. по высшему установленію для прислуги при монастырѣ. Штатные исполняли должности дворниковъ и могильщи- ковъ монастырскихъ; ихъ было нѣсколько человѣкъ, и они занимали особый монастырскій каменный двухъэтажный домикъ, крайній въ нашей слободкѣ по направлению къ Лужникамъ. Семень Климычъ былъ самымъ старшимъ изъ «штатныхъ». Онъ хорошо помнилъ 1812 годъ.

Климычъ на масляницѣ и, кажется, еще въ Семикѣ являлся къ намъ и сказывалъ длинную «рацею» объ отношеніяхъ Масляницы и Семика. Съ усиліемъ восстанавливаю въ памяти начало этой «рацеи»: «А вотъ какъ Семикъ Масляницу встрѣчаетъ, за бѣлы руки хватаетъ: «Здрав- ствуй, матушка ты наша Масляница! Соколиная твоя головушка, лебе- диная твоя шейка, сахарныя твои уста, перепелиныя твои косточки...»

Семень Климычъ получалъ за это стакана два водки, отчего у него еще болѣе синѣлъ совсѣмъ сизый его носъ.

Климычъ рассказывалъ отцу и намъ о пребываніи «непріятеля» въ 1812 году въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ былъ въ это время же- натъ и занималъ должность «штатнаго». Его рассказъ глубоко врѣзался мнѣ въ памяти, потому что я слышалъ его не одинъ разъ, а главное потому, что рассказъ этотъ, по усиленному настоянію отца моего, соб- ственноручно на подлистахъ съ одной стороны былъ записанъ Климы- чемъ. Очень малограмотный Климычъ трудился надъ этимъ небольшимъ рассказомъ весьма долго, снабжаемый отъ отца бумагою и письменными принадлежностями и обильно поощряемый «пѣнникомъ». Рукопись эта была отцемъ моимъ черезъ Никиту Петровича Гилярова передана П. И. Бартеневу, которымъ, съ указаніемъ на участіе въ этомъ дѣлѣ моего отца и напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 года съ соблюденіемъ правописанія Климыча.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести нѣкоторыя мѣста наивно художественнаго творенія Семена Климыча. Начиналось оно такъ:

«1812 года Сентября дня, нашествіе Галловъ. И за день игуменья Меюдія Ивановна собрала утварь церковную и Божію Матерь Смоленскую, также потиры, кресты, Евангелія; а прочее серебро заложила въ соборной церкви въ стѣнѣ и заставила образомъ Воскресеніемъ Христовымъ, на полотнѣ въ три аршина. Подводы были вытребованы изъ Удѣльной Конторы, три тройки, опричь своихъ четырехъ лошадей, и провожали, а какъ выѣхала за ворота, приказала остановиться и вылѣзла изъ кареты и помолилась на соборную церковь и призвала штатныхъ, пожаловала по пяти рублей; притомъ сказала: Прощайте, ребяташки, а если, паче чаянія, что-либо повстрѣчается, то приходите ко мнѣ, сказала: «Таперь, ребяташки, проводите меня до Савинскаго подворья, таперича уже десятый часъ».

Трогательно описаніе утра въ день вступленій непріятеля: «Поутру къ обѣдни на паперти позвонили. Отецъ протопопъ приказалъ всѣмъ приходять къ обѣдни и сказать: «Провославныя, молитесь съ усердіемъ и раскаявайтесь. Настигаетъ часъ смертный»; какъ литургія кончилась, началъ читать Вѣрую Господи и протчая по ряду, то весь народъ яко стѣна повалился въ землю; пали со слезами, а уже какъ всѣхъ приобщилъ, приказалъ подождать, чтобы отслушать благодарный молебенъ».

Первое появленіе непріятеля изображено такъ: «Къ вечеру пошли двое штатныхъ на Москву рѣку подъ берегъ; тутъ остались два быка живыхъ; только хотѣли спуститься, но съ Филей скачить партія Французовъ; а тутъ сдѣланъ былъ мостъ для переправы Русскихъ солдатъ противъ огородниковыхъ сторожекъ. Одинъ солдатъ Французъ перешелъ черезъ мостъ кричить: «Русь, хлѣба». А мы бѣжать; потомъ опять пошли, взяли домашній ситный, и ломоть хлѣба, а онъ уже на горѣ у Милюкова забора дожидается; подходимъ и поклонились, и онъ сдѣлалъ рукою, подали ситный, онъ отщипнулъ и даетъ, сказалъ «Есть», а какъ и ломоть также отщипнулъ, я одинъ спросилъ: «Вы Англичане или Французы?» Онъ сказалъ: «Французъ», потомъ вынулъ изъ за лѣвой пазухи пистолетъ и опять говорить «Французъ», еще вытащилъ саблю, еще показалъ карманные часы, сказалъ «Французъ», потомъ ситный и хлѣбъ завязалъ въ платокъ, поклонился и пошелъ».

Насколько въ то время Москва мало знала объ истинномъ положеніи дѣлъ, свидѣтельствуемъ Климычъ, приводя споръ управителя графа Головкина съ протопопомъ. Управитель полагалъ, что появившіеся подъ монастыремъ солдаты суть Англичане; протопопъ опровергалъ его. «Вы не увѣряйте, что Англичане, наши штатные ходили къ Милюкову (нынѣ

фабрика Гоняшина) забору и носили хлѣба и спрашивали, что вы Англичане или Французы, то быть унтеръ-офицеръ Французъ, сказалъ имъ».

Французы начали стучать въ запертые монастырскіе ворота. «Услышала казначей, и отецъ протопопъ, и прочіи монахи. Пришли монахи, тутъ же стоялъ штатный; а Французъ влѣзъ по слѣгъ черезъ ограду, спрашиваетъ: «ключи, ключи», и ударилъ его Французъ, штатной упалъ. Я вышелъ, а послѣ казначей кричитъ: «Семень, отогри скорѣе»; а я сказалъ: «Матушка, меня убьютъ».—Тебя убьютъ и насъ. Я спросилъ у солдата какъ мнѣ отпереть; а онъ сталъ на одну колѣнку и положилъ палецъ на палецъ крестообразно и сказалъ: «пardonъ». Я отперъ воротную калитку, какъ солдатъ научилъ, такъ я и отперъ, а какъ первой взошелъ, положилъ мнѣ на голову руку, свою же руку поцѣловалъ и сказалъ «добре»; а какъ всѣ четверо взошли, остановились, спрашивали, нѣтъ ли запасного войска; отецъ протопопъ показавъ руки: «зотъ только у насъ и орудія». Изъ воротъ вышли, тутъ стояла казначей, и монахи кланялись и просили о помилованіи, указывая на шею... Одинъ сказалъ «добре, добре», и при томъ спросилъ, указывая на соборъ: «что это?». Отецъ протопопъ сказалъ, что клезія (ecclēsia—церковь по латыни) и приказавъ отпереть. Отецъ протопопъ пошелъ впередъ съ церковницею, и монахи и штатные отперли соборъ, протопопъ съ сѣверныхъ дверей взошелъ и отворилъ царскіе врата, а эти генералы взошли въ алтарь въ шляпахъ къ престолу; одинъ всталъ гдѣ священникъ совершаетъ литургію, а другой по правую, на престолъ облокотившись и глядятъ; потомъ пошли къ жертвеннику и ни за что не принимались, и пошли опять въ царскіе врата, прямо къ Западнымъ; тутъ же на пацерти остановились и спросили про Успенскую церковь. Протопопъ сказалъ клезія; а какъ пришли въ церковь, опять отворилъ отецъ протопопъ Царскіе врата, и они взошли, и опять также стали, какъ и въ соборѣ, посмотрѣли и пошли къ жертвеннику; потомъ взявъ священника за руку и подвелъ къ жертвеннику, снялъ потиръ и положилъ въ полу и все что было на жертвенникѣ, и снялъ кадила, тутъ же положилъ, а штатнымъ приказали снимать одежды, и сами стали развязывать, и намъ приказали, а какъ надо снимать, снялъ съ престола Евангеліе самъ и отдалъ протопопу, антиминсъ съ пеленами вложилъ за пазуху и промолвилъ: «Француска солдата вора». Въ разныхъ мѣстахъ осматривалъ, нѣтъ ли гдѣ серебра или жемчуга, все велѣлъ убирать, приговариваетъ: «Француска солдата вора». Какъ все собрали, опять взошелъ въ алтарь и сдалъ штатнымъ одежды съ престола и съ жертвенника, также и ризы и стихари, и приказавъ нести въ соборную церковь, сказавъ: «караула два, два караула». Послѣ этого соборъ былъ запертъ, и къ нему приставленъ караулъ.

Штатные, а особенно Семень Климычъ, скоро подружались съ Французами, поселившимися въ монастырь повсюду, кромѣ Собора.

«Намъ, продолжаетъ Климычъ, былъ знакомъ житникъ и хаживать къ намъ для мытья кошулей и фартуковъ; когда придетъ, принесетъ чаю и сахару и скажетъ: «Мадамъ вода» и давай плясать и скажетъ: «Мадамъ ютро рано шурки бурки», то есть коровъ доить, а ему надобно ихъ по утру рѣзать, когда коровъ пить, а иногда шестъ; а у насъ молоко наружи стояло, на окнѣ, и не смѣли унести, а придетъ Французъ и постучить въ окно и говорить: «Господа милика» и подастъ деньги мѣди рубль за кувшинъ или пятьдесятъ копѣекъ... Также и другой унтеръ спросилъ у меня: «мадамъ есть?». Я ему сказалъ, есть; а онъ спросилъ «а рубля есть? Мадамъ капотъ». Я пошелъ и сказалъ, что мой унтеръ просить рубль, хочеть капотъ дать. «Капотъ, она сказала, ну его къ шуту, онъ можетъ не стоять и гривенника». И тутъ же заставилъ собрать телѣгу и кибитку и тройку лошадей, кибитка краденая, а дуга то унесенная, а вожжи то кой какія; а какъ все исправилъ, потомъ онъ приказалъ привести мадамъ, а какъ пришла спросилъ: «рубли есть?» А она сказала есть, и онъ изъ-подъ кровати вытащилъ шубу заячью, покрытую алымъ гарнитуромъ, потомъ надѣлъ коконникъ, шитый золотомъ по бархату, а миѣ шапку бархатную кучерскую, сюртукъ и сапоги, а на сына Петра повязалъ сороку; а женѣ привязалъ подзатыльникъ. И пошли изъ кельи прямо къ телѣгѣ, и онъ ее посадилъ прямо въ телѣгу, а меня кучеромъ, и самъ сѣлъ въ кибитку и сказалъ: «аію!» и поѣхалъ вокругъ Собора и Успеня; а самъ кричитъ пѣсни и мою жену цѣлуетъ. И объѣхали три раза вокругъ; а какъ пріѣхали, жена пошла въ келью. и онъ также».

Семену Климычу удалось видѣть и самого Наполеона. Наполеонъ объѣхалъ Соборную и Успенскую церковь, нигуда не входилъ и съ коня не слѣзалъ. «И мы, говоритъ Климычъ, стояли внутри у воротъ, а какъ подъѣхалъ, и мы ему поклонились; а онъ рукой къ щетѣ, а житникъ указалъ, что алый палиманъ (плюмажъ), зеленое перо, мундиръ темно-зеленый, то Наполеонъ».

Когда Французы вышли изъ Москвы, и казаки забрали раненыхъ непріятелей, оставшихся въ монастырь, «мы, говоритъ Климычъ, воротились и пошли въ сарай и увидѣли, стоятъ бочки съ виномъ, 26 бочекъ, а двадцать седьмая стоймя, полная, верхняго дна не было; тутъ-то мы обрадовались. «Ну ребята, вотъ намъ Богъ далъ кладъ-то таперь ужъ и мы попируемъ», взяли ведро и почерпнули точно изъ колодца, взонли въ сторожку и выпили по стаканчику и помянули Французовъ. «Вотъ спасибо, что привезли». (Осмотрѣвъ другой сарай съ оружіемъ и аммуниціею, оставленными непріателемъ, опять пошли въ сторожку,

къ своему ведру хлопотать. «Ну, ребята, таперяча Богъ избавилъ отъ врага, теперъ выпьемъ». Вино возили по ночамъ съ церковными мѣстными свѣчами и навозили въ сараи; которые разливали по себѣ, и брали, кто въ лаханъ, кто въ горшокъ, а иной въ горѣлый черепокъ».

Выходъ Французовъ изъ монастыря и спасеніе обители отъ варыва и пожара Климычъ изображаетъ такъ: «А какъ стали собираться, то среди монастыря нагидали ранцовъ и шинели и старыхъ рубахъ и зажгли для этого свѣчу, потому что ночь была темная; у игуменнаго крыльца стояла бочка вина. Это былъ одиннадцатый часъ вечера». Генераль сдалъ монастырь протопопу. «И тутъ забили въ барабанъ тревогу, а генераль кричить: «Солдаты, солдаты». Вотъ такъ бѣгутъ, какъ вода течетъ. А которые подбѣгаютъ къ бочкѣ, кто въ бутылку, кто бурачокъ, кто во что, столько не унесли, что вылили на землю. А какъ всѣ выбрались-то монахины побѣжали по кельямъ осматривать, чтобъ не загорѣлось, а иныя подъ соборъ, и тутъ увидѣли двѣ кадки съ порохомъ; а именно пушечные заряды въ одной, въ другой ружейные, и связаны пучками, а рассыпного не было; и въ этотъ порохъ патронной натащали воды, а пушечные стаканы въ колодезь. А въ кельяхъ вездѣ была содома и вездѣ былъ порохъ, какъ то на окнахъ и на лавкахъ, и вездѣ свѣчи монахины затушили». Потомъ, по словамъ Климыча, «пріѣхала полиція Москву сберегать; а у кого что привезено или принесено, то обирать». Впрочемъ сама «казначея отдавала казакамъ безденежно вино, говорила: «Возьмите пожалуста, а то штатные обопьются». Казаки тоже вели себя непохвально. «Тутъ дня черезъ три пріѣхали казаки, четыре человекъ, и пришли къ казначеѣ и спрашиваютъ, гдѣ у васъ кладовыя, то подайте ключи, у васъ чай Французы натащали всего». А казначея сказала: «для чего вамъ ключи, вѣдь вы не Французы».—Такъ вы жили здѣсь, ерничали съ Французами, за то они вамъ и натащали. И вышелъ отецъ протопопъ и сказалъ: «Я поѣду къ Успенью въ Казачье къ вашему полковнику и доложу, что вы разбоемъ пріѣхали и хотите ограбить. У насъ Французы жили, ужъ тѣ нехристь, а вы крещенные дураки». И тутъ они отца протопопа изругали всячески и уѣхали».

21 Октября у Климыча родился сынъ Димитрій. «Надобно, говоритъ онъ, крестить, а вино купить негдѣ; и забывъ, что въ сараѣ стояла бочка цѣлая, и меня Богъ на разумъ наставилъ: взялъ топоръ, подошелъ къ окну и заставилъ шпалерами, чтобъ казначея не видала, благословясь цапъ по желѣзной рѣшеткѣ, двѣ перешибъ, еще въ другой и сдѣлалъ калитку, влѣзъ и нацѣдилъ ведро и другое на прибавокъ; и пошелъ какъ богачъ. А какъ чрезъ недѣлю, то ужъ и вино ушло изъ бочки кой-куда, и штатнымъ и дьячкамъ осталось очень мало».

Подробныя выдержки изъ повѣствованія Климыча привелъ я потому, что эту рукопись перечитывалъ я много разъ и содержаніе ея глубоко врѣзалось въ мою дѣтскую душу: самъ Климычъ, авторъ и герой разсказа, былъ налицо съ своимъ сизымъ носомъ и своею рацею о Семикѣ и Масляницѣ. Новодѣвичій монастырь, мѣсто дѣйствія, былъ извѣстенъ мнѣ до мельчайшихъ закоулковъ; а потомъ, какъ хотите, самый разсказъ и сейчасъ даже заслуживаетъ вниманія взрослого читателя своими и трагизмомъ и комизмомъ: сердце сжималось, когда воображеніе рисовало монахинь, трепещущихъ за свою жизнь, указывающихъ на свои шеи, и нельзя было не смѣяться и не передразнивать веселаго Французскаго мясника, плянущаго съ утра при мытьѣ его фартуковъ, или этого Французскаго унтера, катающагося на тройкѣ вокругъ церквей съ мадамъ, женою незлобиваго Климыча. Въ сжатомъ разсказѣ Климыча и страхъ за участь монастыря, и вздохъ облегченія при распоряженіи Французскаго генерала: «Караула два, два караула». А эти самоотверженные до геройства монахини среди пороха и горящихъ свѣчей?! Эти пьяницы «штатные», накидывающіеся на водку въ ту минуту, когда и монастырь и всѣ они должны были взлетѣть на воздухъ. Какъ хотите, а это много живѣе единственныхъ литературныхъ произведеній, изображающихъ эту эпоху и не только читанныхъ мною, но и составлявшихъ въ 1853 году №№ 2-й и 3-й моей собственной библіотеки. Первая брошюра «поэта» «Миръ и спокойствіе Европы» 1814 г., посвященная императору Александру I авторомъ Николаемъ Щеголевымъ, начиналась такъ:

Свершилось наконецъ злой гидры пораженіе!
Предметовъ тѣмъ мнѣ тутъ мое воображеніе;
Внезапностью мой духъ приводится въ восторгъ,
Тогда я возгласилъ, *кто великъ, яко Богъ!*
Явился предо мной вдругъ сребровласо время,
Носъ на раменахъ своихъ тяжело бремя,
Во свитокъ свернутый нетлѣнный пергамина,
На коемъ вписаны свершенія судьбинъ и т. д.

Другая брошюра, какъ значится въ выноскѣ, въ первый разъ была напечатана еще въ Іюль 1812 года, и состояла изъ нѣсколькихъ стихотвореній по поводу Отечественной войны. Содержаніе ея было не лучше первой.

Припомню кстати, что № 1 моей библіотеки была книжка «Три царства природы». Она была напечатана въ началѣ истекающаго столѣтія, но за то въ ней были, хотя и плохіе, рисунки разныхъ звѣрей и божествъ классической мифологіи. Геркулесъ съ палицею весьма напо-

миналъ мнѣ одну мою родственницу дѣвицу, постоянно ссорившуюся съ своею матерью изъ-за того, что та не могла найти ей жениха. За то № 4-й моей библіотеки была брошюра «Еще отрывокъ изъ дневника моего знакомаго». На ней даже значится авторская надпись: «О. А. Гилярову отъ Негрескула».

Слѣдующіе четыре №№ моей въ 1853 году библіотеки были четыре брошюры М. П. Погодина: «Розысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ Русскихъ княжествъ съ 1054 по 1240 годъ». Этихъ брошюръ, состоявшихъ изъ одной древне-русской географіи, я не въ силахъ былъ читать ни въ дѣтствѣ, ни въ зрѣломъ возрастѣ, спеціально изучая текстъ нашей первоначальной лѣтописи. Какъ же мнѣ не помянуть добрымъ словомъ литературное на меня вліяніе Семена Климича?...

Коснувшись въ лицѣ Климича и Погодина отечественной исторіи, повторю кстати здѣсь легенду о нападеніи разбойниковъ на Новодѣвичій монастырь при Петрѣ 1-мъ, слышанную мною отъ отца. Нѣкогда она уже была мною напечатана въ моихъ очеркахъ «Московская Старины», помѣщенныхъ въ 1888 г. въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

ВОСПОМИНАНІЯ Ѳ. А. ГИЛЯРОВА *).

Глухая ночная пора. Монастырскій штатный служитель, на коемъ лежала обязанность благовѣстити къ заутрени, ночевавшій обыкновенно въ сторожкѣ, вдѣланной въ воротахъ со стороны Дѣвичьяго поля, слышитъ во снѣ голосъ: Пора благовѣстити!

Сторожъ пробудился, взглянулъ на небо и видитъ по звѣздамъ, что еще рано. Думая, что это было только ночное мечтаніе, онъ ложится снова спать. Тотъ же таинственный голосъ будить его во второй и въ третій разъ. Недоумѣвая, что это значить, штатный служитель рѣшается однако ударить въ неурочный часъ къ заутрени. Но вмѣсто обычнаго пути къ колокольнѣ по монастырю, онъ какъ-то безотчетно отправляется отъ самой сторожки по монастырской стѣнѣ, гдѣ тоже есть ходъ прямо на колокольню, примыкающую къ стѣнѣ. Съ высоты ограды онъ съ изумленіемъ и ужасомъ видитъ: во мракѣ ночномъ какіе-то огоньки мелькаютъ среди церковныхъ папертей и среди надгробныхъ камней. Въ страхѣ бѣжитъ онъ на колокольню, припираетъ извнутри дверь бревномъ и ударяетъ въ большой колоколъ. Кто-то ломится въ дверь; но дубовыя доски, связанныя желѣзными полосами, не поддаются нападающимъ. Еще громче гудитъ большой монастырскій колоколъ. Монахини, разбуженныя неурочнымъ благовѣстомъ, высыпаютъ изъ келій и видятъ: наружныя двери главныхъ храмовъ взломаны; драгоценныя иконы, золотая и серебряная утварь разбросаны по папертямъ и около храмовъ; тутъ же брошены обгорѣлыя восковыя свѣчи, похищенныя изъ взломанныхъ церковныхъ ящиковъ. Бѣгутъ инокини къ заднимъ монастырскимъ воротамъ, ворота эти отворены настежъ, а отъ нихъ по направленію къ Лужникамъ скачетъ нѣсколько троекъ съ разбойниками. Оказалось, что разбойники пріѣхали на тройкахъ, перелѣзли черезъ заднюю стѣну и сломали замокъ. Ничего изъ церковнаго имущества грабители не успѣли захватить. Скоро пріѣхалъ въ обитель и самъ царь Петръ, пировавшій въ ту ночь у кого-то изъ вельможъ. Заслышавъ необычайный звонъ въ монастырѣ, гдѣ была заключена опальная его сестра Софья, Петръ поспѣшно прискакалъ, дабы узнать причину переполоха.

*) См. выше, стр. 326.

Скоро и сами разбойники были разысканы. Уликою противъ нихъ послужило ихъ платье, закапанное воскомъ. Дерзкіе святотатцы, оказавшіеся какими-то мастеровыми, были казнены.

Историческая основа этого преданія подтверждается мѣстнымъ праздникомъ (13 Мая) въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, установленнымъ въ память этого избавленія отъ разбойниковъ.

Таинственный голосъ легенды, разбудившій штатнаго (Семена Климыча тѣхъ временъ) казался мнѣ голосомъ ангела: атмосфера монастырская была сильно пропитана религіозными представленіями, даже гущѣ, чѣмъ нашъ домъ.

Привязалась къ клирошанкѣ Полинькѣ лихорадка и никакъ не поддавалась лѣченію. Старыя монахини нашли средство противъ ея болѣзни: наканунѣ ожидаемаго пароксизма отѣ на входной въ Полинькину келью двери написали мѣломъ крупными буквами: «Педагеи дома нѣтъ». Лихорадка тотчасъ же послѣ такого заявленія отстала отъ клирошанки.

У весьма почтенной монахини Ел. Христ. Оппель была воспитанница Лиза, крайне болѣзненнаго вида, такъ что отецъ мой прозвалъ ее «Зеленый человѣкъ». «Зеленый человѣкъ» по предписанію врача, принималъ круглый годъ рыбій жиръ, но въ великій постъ, боясь оскоромиться, воздерживался отъ этого лакомства.

Помню разъ вѣсть изъ монастыря: «Чертовъ домъ горитъ». Идемъ съ отцомъ изъ слободки своей на поле къ монастырскимъ воротамъ,—надъ Москвою въ лѣвую сторону поднимаются черные густые клубы дыма. Это горѣлъ Большой театръ, кажется, Великимъ постомъ. «Чертову дому» всего умѣстище было сгорѣть именно въ эти дни покаянія. Это еще и тѣмъ казалось умѣстище, что «Чертовъ домъ» загорѣлся будто бы отъ того огня, который служилъ на сценѣ для изображенія ада.

Скоро потомъ дошли изъ Москвы до насъ слухи о подвигѣ Марина на этомъ пожарѣ.

Когда весь уже театръ былъ объятъ пламенемъ, трое рабочихъ выбѣжали на его крышу. Не находя спасенія отъ огня, двое несчастныхъ бросились внизъ и разбились вдребезги. Третій въ нерѣшимости бѣгалъ по краямъ крыши. Никто и ничто не могло его спасти, ибо пожаръ по высотѣ горѣвшаго зданія даже не заливали. Вдругъ изъ толпы, оцѣпенѣлой отъ ужаса, выдѣлился какой-то мужикъ Маринъ, помощью водосточной трубы и веревки взобрался на крышу горящаго зданія, спасъ несчастнаго и самъ спасся. Рассказывали потомъ, что императоръ Николай благодарилъ Марина за его геройство, прибавивъ: «Богъ

тебя награждать, а я тебя поцѣлую». Даже нѣкоторые увѣряли, будто бы Маринъ, возгордившись царскимъ поцѣлуемъ, ударилъ какого-то генерала по лицу: «Меня-де самъ царь цѣловалъ!» Впрочемъ за эту прибавку не ручаюсь: она могла быть лишь плодомъ тогдашняго свободомыслія. Но лубочныя картины съ изображеніемъ подвига Марина были довольно распространены. Чортъ, или по мѣстной скромности «Рогатый», видѣлся не только въ театрѣ, но и въ открывшейся тогда «Петербургской» желѣзной дорогѣ. Мы съ отцомъ ходили пѣшкомъ изъ Поддѣвичьяго на станцію только что открытой «чугунной дороги». Мы подробно осмотрѣли все: и рельсы, и вагоны, и машины; были даже въ сараѣ локомотивовъ. При этомъ, глядя на маневрировавшій паровозъ, я вспоминалъ долетавшіе изъ монастыря до нашего дома толки: «Самого Рогатаго запрягли, дышитъ огнемъ. Тяжело ему, пролятому, ѣхать: пытитъ и какъ змѣй свиститъ» и т. п. Но я этому толкованію не вѣрилъ.

Кромѣ указанныхъ выше книгъ (среди которыхъ послѣ Карамзина первое мѣсто принадлежитъ Крылову), на мое дѣтское развитіе могли бы вліять товарищи. Но товарищей совсѣмъ у меня не было. Первый появился, когда мнѣ стукнуло уже 14 лѣтъ—мой двоюродный братъ Владимиръ Серг. Гиляровъ. Кромѣ товарищей, ту же услугу могли оказывать всевозможныя встрѣчи, знакомства, путешествія наконецъ. Путешествія были довольно частыя, но однообразныя: первое—въ Зубово въ аптеку Блехшмидта за лѣкарствами для матери. Бѣгая черезъ поле въ Зубово и назадъ, я ничего не видалъ, да и не могъ видѣть. Въ молчаливой Нѣмецкой аптекѣ тоже не могло происходить какихъ либо бесѣдъ. Для развитія моего получился единичный новый скудный фактъ: бывають-де такія иностранныя фамиліи, какъ Блехшмидтъ—подъ Дивичьимъ ни иностранцевъ, ни инородцевъ ни одинаго не было. Впрочемъ не разъ, путешествуя въ Зубово зимою, я встрѣчалъ на очень значительномъ пространствѣ снѣга кровавыя пятна и обломки прутьевъ... Вѣчная память императору Александру Освободителю, уничтожившему шпицрутены!... Путешествовалъ, даже одинъ очень часто, я и на Смоленскій рынокъ въ магазинъ Староносова за чаемъ и сахаромъ для родителей, а потомъ для старшаго брата Петра за «Колветовскими» свѣчами и Турецкимъ табакомъ Папа Никола Кріона, 25 коп. $\frac{1}{4}$ ф., когда къ брату стали ходить товарищи и онъ для нихъ дѣлалъ угощенія. У Староносова тоже не было ничего поучительнаго.

Оставались различныя встрѣчи или мимолетныя или не имѣвшія для меня никакого отношенія. Читатели ихъ помнить. Это ужасный дьячекъ Ѳеодоръ Матвѣичъ съ своимъ мѣшкомъ, «Стручекъ», «Лысый чортъ», дьяконъ «Бѣлый Цыганъ», архитекторъ «сей ужасный носъ», Ларивонъ князей Вадбольскихъ, Семень Климычъ наконецъ.

Кто еще? Ходилъ къ намъ офицеръ Демьянъ, могшій послужить образцомъ для Гоголевскаго Ноздрева. Помню: Демьянъ рассказывалъ, будто бы въ Малороссіи, гдѣ онъ стоялъ, такіе жирные бараны, что къ ихъ тяжелымъ хвостамъ привязываютъ два колеса, на которыхъ и катается ихъ хвостъ. Демьянъ увѣрялъ, что онъ приданое своей жены, 400000 р. тотчасъ же прокутилъ, а когда она умерла, на другой же день всѣ эти 400000 р. возвратилъ ей родителямъ, «даже ея золотой шейный крестъ». Какъ-то разъ Демьянъ заявилъ, будто сказку «Конекъ Горбунокъ» написалъ онъ. Я этому очень обрадовался; отецъ тоже съ восторгомъ сообщилъ о томъ матери. Теперь не знаю, читалъ ли еще Демьянъ и Ершовскаго-то «Конька Горбунка».

У Демьяна былъ братъ Абрамъ, моложе его. Этотъ былъ дамскій кавалеръ и до насъ не касался. Отставной капитанъ недурной наружности, онъ носилъ на черной перевязи лѣвую руку, прострѣленную на войнѣ, что придавало ему еще болѣе геройскій видъ. Онъ училъ танцевать Петра и моихъ старшихъ сестеръ. Одна изъ нихъ влюбилась въ Абрама. Она нашла въ своей куколкѣ «Машенькѣ» сходство съ своимъ «предметомъ», сняла съ нея женскій костюмъ, нарядила ее по военному и подвязала ей лѣвую руку. Но Абрамъ шутя называлъ свою «невѣстою» другую, 7-ю лѣтнюю мою сестру, танцевалъ съ нею и расхаживалъ подъ ручку. Я былъ тогда по 6-му году и помню хорошо Абрама. У Троицкихъ, родственницъ Абрама, былъ «балъ» по случаю свадьбы у ихъ жильцовъ. Сестренка моя подъ ручку съ Абрамомъ и конфузилась, и жеманилась, и важничала. Троицкіе обѣщали придти къ намъ въ гости въ Пятницу на Святой и съ Абрамомъ, но позамѣшкались. Тогда старшая сестра пошла въ кабинетъ и стала молиться предъ иконою «Трехъ Радостей», чтобы Абрамъ пришелъ поскорѣе; кухня изъ дружбы къ ней тоже молилась съ нею. Не успѣли они положить трехъ поклоновъ, являются Троицкіе съ Абрамомъ. Сестры сочли это за чудо.

Но вотъ старшій мой братъ Петръ окончилъ курсъ въ Семинаріи; къ нему стали ходить товарищи: новая струя вошла въ мою жизнь.

Образъ брата припоминается мнѣ въ видѣ худого молодого человека, ходящаго по комнатамъ и учащаго семинарскія «лекціи». Это было въ 1849 году, за годъ до окончанія имъ семинарскаго курса. Непосильная была для брата ежедневная ходьба изъ Поддѣвичья въ Каретный рядъ въ Семинарію, когда притомъ классы, раздѣленные 2-хъ часовою переменною, начинались съ 8 часовъ утра и оканчивались въ 4 часа вечера. Помню, онъ вставалъ зимою всегда при огнѣ, одинъ пилъ чай, который иногда наливалъ ему я, и еще до свѣта отправлялся въ Семи-

парію. Вечеромъ онъ возвращался уже послѣ нашего вечерняго чая. Эта ежедневная съ 14 лѣтняго возраста 15 верстная ходьба изнурила здоровье Петра, и онъ предъ окончаніемъ курса заболѣлъ груднымъ разстройствомъ. Совѣтовались съ докторами: фельдшера, Пимена Сем., изъ крѣпостныхъ гр. Шереметева, лѣчившаго мать постоянными кровопусканіями, хотя та никогда полна не была, смѣнилъ симпатичнѣйшій докторъ К. И. Сокологорскій, по рекомендаціи монахини Е. Х. Оппель; онъ лѣчилъ Петра за плату вносимую Оппель на причтъ. Лѣчение состояло въ накладываніи на спину какого-то «папье-файярда» и втиранія въ грудь и спину свиного сала. Послѣднею операціею ежедневно занимался я. Тогда казалось, что это иначе и быть не могло; теперь безуспѣшно пытаюсь рѣшить: почему 9—10 лѣтнему мальчику была поручена эта фельдшерская обязанность? Кромѣ отца, матери, было у насъ съ нимъ три сестры, всѣ старше меня; было наконецъ двѣ прислуги. Объясняется ли это живостью моего характера, или же это входило въ оплачиваемую мою службу у старшаго брата? Помню, что я ежедневно чистилъ ему ваксою его «опойковые» сапоги (младшіе братья ходили въ «вырѣзковыхъ», и первые опойковые сапоги заказалъ я себѣ на свой счетъ уже на послѣднемъ курсѣ въ Университетѣ, если только не по окончаніи курса). За чистку брату сапогъ я ежемѣсячно получалъ съ него гривенникъ. Не входили ли и эти втиранія въ кругъ моихъ служебныхъ за эту плату обязанностей? Вообще же старшій братъ считался какою-то «бѣлою костью», какъ любимецъ матери. Ему же свойственна была наклонность къ нѣкоторой свѣтскости. Въ свободное время онъ учился кланяться съ расшаркиваніемъ; кланяется, бывало, передъ зеркаломъ во всѣ стороны на разныя манеры чуть не сотни разъ. Другой обращеніе его свѣтскости: отдалъ онъ голубые свои штаны въ синюю краску, штаны изъ краски вышли коротки! Какъ быть? Онъ изобрѣлъ средство, за которымъ и проводилъ цѣлые вечера; не знаю только, подѣйствовало ли оно. Верхнюю часть штановъ онъ расправилъ на лавкѣ и повѣсилъ этотъ костюмъ на стѣнѣ. Затѣмъ онъ выстрогалъ двѣ аккуратныхъ палочки изъ лучинъ и крѣпкими нитками принялъ ихъ къ низу каждой штанины. Къ этимъ палочкамъ онъ привязалъ къ одной чугунную ступу, къ другой два утюга и пока штаны висѣли на этой дыбѣ, онъ вспрыскивалъ ихъ водою изъ чайника, чтобы легче они вытягивались.

19 лѣтъ братъ Петръ спилъ себѣ, не знаю на какія деньги, фракъ, но разумѣется, потихонку отъ отца, потому что тотъ преслѣдовалъ его франтовство, грозясь одѣть его въ «затрапезный халатъ». Петръ выѣзжалъ въ этомъ фракѣ съ П—выми на балы. Однажды онъ возвратился во фракъ откуда-то довольно рано, когда отецъ еще не ложился спать и сидѣлъ въ кабинетѣ. Петръ пробрался въ дѣтскую, гдѣ живо

переодѣлся въ принесенное ему кѣмъ-то украдкою домашнее пальтишко, въ которомъ и явился предъ отцомъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Отецъ, при обоюдной холодности съ своимъ старшимъ сыномъ, любилъ говорить знакомымъ про его болѣзнь. «Доктора, часто твердилъ онъ, не велѣли ему ни читать, ни писать, особенно наизусть не учить, до усталости не ходить; не ѣсть ни соленого, ни копченago, ни кислаго, ни горячаго». Долго братъ натирался свинымъ саломъ, пилъ молоко и въ свободное время раскланивался съ воображаемыми своими будущими знакомыми. Наконецъ сочли нужнымъ предъ окончаніемъ курса помѣстить его нахлѣбникомъ къ одному родственнику Приклонскому, священнику церкви у Троицы въ Троицкой, близъ Семинаріи. Оттуда братъ иногда прѣзжалъ къ намъ домой на Московскомъ извозчикѣ.

Эта свѣтскость повела брата въ общество на крылечко дьякона Сергѣя Петровича Гжелскаго, выходившее въ поле. Крылечко это имѣло значеніе мѣстнаго клуба, предсѣдательницею коего была Анна Ильинишна, тетка дьяконицы Гжелской, старая дѣва, ходившая въ локонахъ. Анна Ильинишна собирала у себя на крылечкѣ молодежь обоого пола. Отецъ прозвалъ Анну Ильинишну *кобылою* Ильинишиною, а самыя сборища «кобылятниченьемъ». Онъ запретилъ Петру ходить на эти сборища; но тотъ, выждавъ, когда отецъ ляжетъ спать, часовъ въ 9, уходилъ «кобылятничать» черезъ кабинетное окно и заборъ. Потомъ, кажется, прогулки эти были разрѣшены. Прогулки эти дышали сентиментальностью подъ вліяніемъ Анны Ильинишны. Помню: братъ и она все говорили о «звѣздочкахъ», при чемъ у каждого изъ нихъ была своя «звѣздочка»; прочіе участники прогулокъ, кажется, не умѣли выбрать себѣ по «звѣздочкѣ» а вѣрнѣе не для кого былъ дѣлать выборъ. Хорошо помню эти прохладныя звѣздныя ночи и наше гулянье по полю около монастыря. Это было тогда большое для меня удовольствіе, хотя для меня въ этихъ прогулкахъ не было никакого содержанія; даже и интересъ другихъ къ «звѣздочкамъ» былъ внѣ предѣловъ моего пониманія.

Позднѣе у брата стали заводиться знакомства, въ которыя я уже не допускался. Помню разъ я съ младшимъ братомъ усмотрѣли Петра, гуляющаго вечеромъ по полю съ какою-то неизвѣстною намъ дамою. Тотчасъ же рѣшено было слѣдить за нимъ издалека. Долго блуждали мы за нимъ по полю; наконецъ онъ свернулъ въ огороды; мы за нимъ и не спускаемъ глазъ съ него и его «дамины», какъ тотчасъ же прозвали эту особу. Такъ блуждали мы до самыхъ потемокъ, пока потеряли изъ виду и Петра и «дамину». Возвратились мы домой; нѣсколько спустя, приходитъ и братъ Петръ. Тотчасъ же подозвалъ онъ къ себѣ одного изъ насъ, молча, но больно выдрать его за уши; подозвалъ другого и

того также молча оттащала за уши. Мы тоже ничего не сказали и ни о чем не спросили его. Жаловаться родителям тоже в голову не приходило по сознанию своей вины. Такъ болѣе чѣмъ лаконически и окончилась для насъ эта исторія съ «даминою».

Но мы въ своемъ контролѣ за поведѣніемъ старшаго брата зашли дальше. Найдя его амурную переписку съ какою-то клирошанкою, я прочелъ ее всю. Она состояла изъ поздравленій и благопожеланій; листочки почтовой бумаги были разноцвѣтные: розовые, палевые и т. п. Изъ содержанія писемъ помню только, какъ таинственная черноризница усноковывала брата на счетъ какой-то сплетни: «Что тебѣ обращать вниманіе на людскія рѣчи: «собака лаетъ и на владыку». Выудили оттуда же и болѣе ядовитую для брата стихотворную фразу, а именно:

„Я на томъ свѣту спрошу тебя:
Ты за что про что погубилъ меня?
Это тебѣ, Петя, стыдно“.

Я съ младшимъ братомъ передѣлалъ эту фразу такъ:

Какъ на томъ-то на свѣту
Провѣлился съ тобой, Петя, на мосту.

Мы скакали передъ братомъ и твердили этотъ стишокъ; тотъ сердился и бранился, а мы прикидывались угнетенною невинностью: это-де передѣлка стиховъ изъ «Конька Горбунка», гдѣ Иванъ-дурачекъ желаетъ вору уграбшему коней,

Чтобъ на томъ ему свѣту
Провалиться на мосту.

Нашъ нецензурный намекъ на фразу письма былъ достаточно замаскированъ, и оправданіе въ своей благонамѣренности было довольно основательно; по крайней мѣрѣ ни за уши, ни за вихры мы на сей разъ не получили за это предостереженія.

Я въ то время ни на іоту не понималъ силы упрека клирошанки, но инстинктивно чувствовалъ тутъ что-то.

Единственными пріятелями брата Петра были П—вы, дѣти священника изъ прихода, верстахъ въ двухъ отъ насъ. Съ однимъ изъ нихъ Иваномъ братъ былъ попутчикомъ по дорогѣ изъ Семинаріи. Иванъ былъ пустѣйшій малый, но фарсунъ, какъ и прочіе его братья, за исключеніемъ развѣ одного изъ младшихъ, скромнаго и дѣльнаго. Дружба ихъ основывалась на обоюдности услугъ: братъ мой, учившійся отлично, писалъ Ивану сочиненія классныя и виѣклассныя (не смотря на то, Иванъ

все таки окончилъ въ Семинаріи курсъ по 2 разряду), а Иванъ училъ Петра свѣтскости. Черезъ Ивана познакомились мы съ его старшимъ братомъ, Герасимомъ, чиновникомъ Опекунскаго Совѣта, подобнымъ своему брату Ивану, и двумя младшими, поступившими изъ Семинаріи въ въ Университетъ. Съ четвертымъ изъ этихъ братьевъ, университетскимъ студентомъ, самымъ изъ нихъ умнымъ и скромнымъ, достигшимъ теперь высокаго служебнаго положенія, удалось мнѣ даже играть въ шахматы къ несказанному удовольствію для моей мальчишеской гордости. Но старшіе братья П—вы мало просвѣщенія внесли въ нашъ домъ; а они-то къ сожалѣнію, были болѣе частыми, чѣмъ ихъ младшіе братья, нашими гостями. Братъ мой Петръ и П—вы, съ участіемъ и моего отца, большею частью играли въ карты и «закусывали». Герасимъ умѣлъ нѣсколько играть на фортепьяно и пѣть романсы. Нѣкогда у моей матери были гусли; потомъ онѣ смѣнились дешевенькими октавъ въ пять фортепьянами, ибо сестры начали учиться у Троицкихъ.

Троицкія были бѣдныя дворянки, четыре старыя дѣвы, предложившія обучать музыкѣ моихъ сестеръ даромъ. Много лѣтъ потрудились эти добрыя дѣвицы надъ этимъ дѣломъ. Домикъ ихъ былъ очень холоденъ; по бѣднотѣ своей онѣ топили его мало, такъ что фортепьянный настройщикъ Эберманъ отказался настраивать у нихъ инструментъ, потому что будто бы они «топятъ домъ снѣгомъ». Не смотря на бѣдность, у Троицкихъ была огромная стая собакъ: у каждой сестры специально ея собака, сидѣвшая обыкновенно у нея на рукахъ, и нѣсколько собакъ общихъ. Когда я приходилъ по поводу уроковъ сестеръ къ Троицкимъ, собаки подымали неистовый лай и вой, и моимъ панталонамъ грозила бы серьезная опасность, если бы концы ихъ и безъ того не были обношены такъ, будто собаки уже давнымъ давно рвали ихъ.

Итакъ Герасимъ игралъ на фортепьяно и пѣлъ романсы. Два изъ нихъ я запомнилъ, первый до сихъ поръ помню наизусть:

Лѣтній, сидя въ чистомъ полѣ,
Лапти плелъ, свисталъ и пѣлъ
И въ своей счастливой долѣ
Никого знать не хотѣлъ.

Затѣмъ повѣствовалося, какъ лѣтній влюбился въ вѣдьму, «а ее ужъ бѣсъ рогатый къ себѣ вновь переманилъ».

Конецъ романа изображалъ печальное одиночество лѣшаго:

Вотъ онъ снова въ чистомъ полѣ
Свищетъ, пѣсенки поетъ
И въ своей злосчастной долѣ
Только вѣдьму на зубъ ждетъ.

При этомъ Герасимъ дѣлалъ страшные глаза, щелкалъ зубами и говорилъ: «сѣсть!» чему мы всѣ постоянно радовались. Но безъ сомнѣнія, это однообразіе остроты Герасима свидѣтельствовало только о его пошлости.

Другой романсъ, исполняемый Герасимомъ, былъ «Хуторокъ» Кольцова. Этотъ романсъ получилъ особенный ходъ у нашей женской публики и перешелъ къ Коломенскимъ кузинамъ. Съ письменнаго экземпляра даже и мною была снята копія, хотя я писалъ тогда еще «по линейкамъ». Такъ-то распространяется «просвѣщеніе»!

Любимымъ у Герасима былъ слѣдующій романсъ, достаточно характеризующій направленіе этой молодежи:

Ты хозяинъ мой,
Ты кудрявый мой,
Ты кудрями потряси,
А намъ водки поднеси!
Мы пришли къ тебѣ, сосѣдъ,
Не хозяйку смотреть,
А попробовать вино,
Не прокисло ли оно.
Наливай, братъ, наливай.
Дружбы лишь не забывай!
Чѣмъ нальешь полнѣе,
Тѣмъ вино вкуснѣе.

«Горе отъ ума» въ это время, по дороговизнѣ изданія, было мало распространено. Въ 1854 году кончилось право литературной собственности для сочиненій Грибоедова ¹⁾. Приходить къ намъ какъ-то утромъ Иванъ П—въ и приносить купленный имъ за 15 коп. экземпляръ «Горя отъ ума». Конечно, Иванъ, не умѣвшій самъ писать семинарскихъ хрій, купилъ «Горе отъ ума» не ради литературности, а только по свѣтскости; но я набросился на «Горе отъ ума» и скоро зналъ его наизусть.

Около этого же времени мать моя извлекла изъ своей стеклянной склеенной замазкою шкатулки съ какою-то «красавицею» на крышкѣ, въ дѣйствительности же какою-то ужаснѣйшею рожею, полусгнившую тетрадку «Цыгане», поэму Пушкина. Мать моя передъ замужествомъ жила у своего очень просвѣщеннаго брата Николая Ѳеодоровича ²⁾, откуда она вѣроятно и принесла въ замужество эту тетрадку. Конечно «Цыгане» были выучены мною наизусть.

¹⁾ Тогда это право было вдвое короче имѣвшаго. П. Б.

²⁾ Островскаго (отца писателя). П. Б.

Къ этому же времени относится у меня знакомство съ (царство ему небесное!) Василиемъ Дементьевичемъ Негрескуломъ.

Въ 1853 году (такъ вспоминаю я въ своемъ дневникѣ 1856 года), дня за два до храмоваго праздника 28 Іюля Смоленской Божіей Матери, отецъ пошелъ съ маленькими дѣтьми, въ томъ числѣ и со мною, по полю мимо палатокъ, приготовляемыхъ къ праздничному гуляню. Мы зашли въ одну изъ нихъ пить чай. Тутъ папеньку увидалъ какой-то господинъ.

— Я васъ, батюшка, знаю, говоритъ онъ.

— Какъ такъ? спрашиваетъ отецъ. Вотъ такъ-то. Ну, и пошли у нихъ тутъ разговоры. Иногда вмѣшивались въ разговоръ и два другіе его товарищи. Одинъ изъ нихъ былъ порядочно одѣтъ; другой весь оборванъ: сапоги худые, сюртукъ истертъ, брюки тоже, фуражка кое-какая. Всѣ трое они восхищались А. Н. Островскимъ. Поговорили они тутъ часа два; потомъ папенька повелъ ихъ къ себѣ. Дорогой онъ разговаривалъ съ тѣмъ оборвышемъ и узналъ, что онъ живетъ у Погодина, что тотъ уѣхалъ за границу, а оставилъ его одного безъ денегъ.

В. Д. Негрескулъ, сынъ казацкаго эсаула, прекрасно окончилъ курсъ въ Херсонской гимназій, нѣкоторое время тамъ служилъ на государственной службѣ, въ должности столоначальника, и получилъ чинъ губернскаго секретаря; тутъ между прочимъ писалъ онъ кое-какія статейки. Затѣмъ задумалъ онъ поступить вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, для чего отдалъ свое имѣніе братьямъ и сестрамъ, а самъ съ нѣсколькими рублями пришелъ изъ Херсона въ Москву, *нишкомъ*, въ холодной шинели, съ благословеніемъ отъ архіепископа Иннокентія и съ рекомендательнымъ отъ него письмомъ къ М. П. Погодину. Онъ получилъ мѣсто у М. П. Погодина. На этомъ мѣстѣ перебивало у Погодина много молодыхъ образованныхъ бѣдняковъ, между прочимъ предшественникъ Негрескула, нѣкто Дементьевъ, пописывавшій что-то въ *Москвитянинѣ*. «Мѣсто у Погодина» извѣстно было подъ Дѣвичьимъ. Эту должность ни корректоромъ, ни секретаремъ, ни учителемъ назвать нельзя. Это было именно «мѣсто»: лице, находившееся у Погодина «на мѣстѣ», обязано было учить дѣтей Михаила Петровича, держать корректуру *Москвитянина*, секретарствовать, писать въ *Москвитянинѣ* и т. д. За это давался столъ, обѣдъ и вѣроятно, чай; сверхъ того, квартира—подземелье во флигелѣ. Ни жалованья, ни вообще какого-либо денежнаго вознагражденія «на мѣстѣ» у Погодина не полагалось *).

* Какъ извѣстно, въ М. П. Погодинѣ мелочная скупость уживалась съ великодушной щедростью; отъ той и другой онъ такъ довольно и самъ пострадалъ. П. В.

На этомъ «мѣстѣ» Негрескуль, судя по его молодости (ему было лѣтъ 20 съ небольшимъ), былъ съ годъ до знакомства съ нами. Погодинъ держалъ его въ черномъ тѣлѣ, а другихъ знакомыхъ у Негрескула подъ дѣвичьимъ не было, да и быть не могло. Немудрено, что, при юношеской довѣрчивости гостя и при радушіи хозяина, Негрескуль какъ пришелъ къ намъ въ Іюль 1853 года, такъ потомъ каждый день и сталъ ходить до самаго своего отбытія изъ Москвы.

Такія знакомства молодыхъ людей «съ мѣста въ карьеръ» случаются, когда въ домѣ бываютъ дѣвицы. У меня тоже были три сестры-дѣвицы, а Негрескуль былъ юноша; но ни онъ ими, ни онѣ имъ ни единой минуты не интересовались. Бѣднякъ просто пріютился въ доброй семьѣ отъ одиночества и отъ холода въ переносномъ и въ прямомъ смыслѣ у Погодина (дровъ для флигеля, кажется, не полагалось). Когда братъ Петръ ночевалъ у П-выхъ, Негрескуль ночевалъ на его постели; а вѣдь усадьба М. П. Погодина была отъ насъ такъ близко.

Помню сутуловатую фигуру Негрескула, его Богъ знаетъ какое одѣяніе, его никогда нечищенные сапоги, его скверную привычку съ ожесточеніемъ кусать себѣ ногти до крови. Мы отучали его отъ этого, снабжая его замороженными подсолнечниками. Онъ ходилъ по нашей «залѣ» изъ угла въ уголъ, грызъ подсолнечники, выплевывалъ на полъ шелуху.—Нѣтъ, Александръ Петровичъ, при этомъ спорилъ бывало онъ съ отцомъ: Гоголь великій человѣкъ!

Доселѣ звучить у меня въ ушахъ одна его ко мнѣ фраза. Негрескуль ночевалъ на кушеткѣ брата Петра въ его отсутствіе. Была поздняя ночь, а можету быть раннее утро. Сальная свѣча оплыла. Я почему-то спѣлъ около кушетки, любовно вперивъ въ него глаза. Негрескуль лежалъ съ обнаженною отъ изорванной рубашки грудью, грудь его была густо покрыта темными волосами; изорванная рубашка бѣдняги была такъ грязна, что казалась мнѣ даже гораздо чернѣе маковыхъ зеренъ, которыя по большимъ праздникамъ давались намъ разведенныя въ медовой «сыгѣ».

— Учись, братъ Федоръ! говорилъ Негрескуль, смотря мнѣ въ глаза. Вѣроятно, доброе, просвѣщенное вліяніе Негрескула на меня не ограничивалось этою фразою; вѣроятно, въ этихъ трехъ словахъ былъ итогъ всѣхъ его со мною рѣчей, подсчитанный сознаниемъ и закрѣпленный памятью. П-вы и братъ Петръ глубоко презирали Негрескула; у нихъ даже сложилась пословица: «Жреть, какъ Негрескуль подсолнечники»; съ отцемъ раздѣляла Негрескула разнища лѣтъ. Сестры чуждались его. Тѣмъ не менѣе онъ и ихъ приструнилъ, засадивъ за Французскій языкъ. Помнится, онъ и меня начиналъ учить по-французски... До-

были даже отъ «Асафа» Французскій Словарь Татищева, у котораго къ этому времени, хотя и отъ рѣдкаго, но вѣроятно небрежнаго, гулянья по Поддѣвичью стала уже отставать одна переплетная доска. Ближе всѣхъ Негрескулъ былъ со мною, 13 лѣтнимъ мальчикомъ. Но часть просвѣщенія для нашего дома еще не настала: съ отбытіемъ Негрескула изъ Москвы, и лексиконъ Татищева отправился назадъ къ Асафу.

Доселѣ хранятся у меня двѣ брошюры Негрескула: одна съ надписью автора «О. А. Гилярову отъ Негрескула»: «Еще отрывокъ изъ дневника моего знакомаго» (о *провинціальныхъ театрахъ*), другая: «Внутреннія извѣстія». Обѣ суть отдѣльные оттиски изъ *Москвитянина*. Первая статья начинается такъ: «Анализируйте всѣ дѣйствія людей во всѣхъ состояніяхъ, вездѣ страсть *казаться*, но не *быть*, въ искусствѣ же въ особенности; послѣдствія всегда самыя печальныя!» Далѣе авторъ раздѣляетъ цѣнителей драматическаго искусства на три разряда: скептики-порицатели, безусловные поклонники, истинные цѣнители. «Внутреннія, извѣстія», судя по сохранившемуся у меня ихъ оттиску, и теперь просмотрѣнному, велись Негрескуломъ въ *Москвитянина* содержательно, стильно, талантливо. Такой журнальный обозрѣватель весьма годился бы и для теперешняго хорошаго учено-литературнаго ежемѣсячника.

Вотъ какой никѣмъ не оцѣненный алмазъ блеснулъ не надолго подъ Дѣвичьимъ предъ моими дѣтскими взорами!

Чтобы поступить въ вольные слушатели Университета, нужно было за полугодіе внести 25 р., а у Негрескула конечно не было денегъ: на «мѣстѣ» у Михаила Петровича, какъ сказано, нельзя было получить на копѣйки. О какихъ либо платныхъ урокахъ подъ Дѣвичьимъ смѣшно было бы и думать. Надо было Негрескулу искать уроковъ въ Москвѣ. Погодинъ, дѣйствительно, и досталъ ему урокъ въ Москвѣ, три раза въ недѣлю, гдѣ-то, кажется, около Театральной площади, у своихъ родственниковъ Панковыхъ. Но этотъ урокъ цѣликомъ входилъ въ обязанность «мѣста у Погодина».

Время шло, отрывались лекціи въ Университетѣ. Братъ Петръ, уже чиновникъ, съ своими пріятелями Поповыми началъ покучивать. По крайней мѣрѣ помню рассказы П-выхъ о ихъ «геройствѣ»: наняли они извозчика, ѣздили на немъ цѣлый день, а когда онъ сталъ просить денегъ за ѣзду, денегъ они ему не дали, но за то его избили. А Негрескулъ, сдѣлавшій въ Москву изъ Херсона пѣшкомъ болѣе 1000 верстъ ради ученія, тосковалъ предъ закрытыми для него изъ-за 25 рублей университетскими дверями. Тогда отецъ мой, посовѣтовавшись предварительно съ моею матерью, еще такъ недавно съ трудомъ выстроившій свѣтелку

за 30 рублей, вынесъ Негрескулу 25 рублей, говоря:—На, братъ! Будешь имѣть возможность отдать, отдай; а если нѣтъ, то Богъ съ тобой!

ИКажда просвѣщенія у Негрескула и протянутая отцемъ ему рука помощи, думается мнѣ теперь, положили глубокую благодѣтельную печать на мое болѣвшее за Негрескула сердце. Его фраза: «Учись, братъ Федоръ!» еще глубже опустила въ самую душу.

Осенью 1853 года уже пылала война на Дунаѣ. Эхо Синопскаго грома 30 Ноября уже докатилось до Поддѣвичья. Помню лубочныя картинки Синопской битвы, которыя, кажется, я объяснялъ нашей кухаркѣ Аннѣ, читая ей военныя реляціи. Имя героя Нахимова уже всюду гремѣло. Сердце южанина Негрескула должно было биться сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ насъ, не лишенныхъ еще разномыслія во взглядѣ на развертывавшееся великое историческое событіе. Помню: были у насъ гости, отставной офицеръ Козловъ, бывший ученикъ отца, и одинъ молодой чиновникъ, начитавшійся Петербургскихъ журналовъ. Козловъ отправлялся въ дѣйствующую армію и пріѣхалъ къ отцу проститься. Наконецъ гости стали уходить и вышли въ переднюю одѣваться; мы, дѣти, высыпали туда же. Чиновникъ, одѣваясь, замѣтилъ Козлову:—Вы идете на разбой, хе, хе, хе!

— Какъ?! вышелъ изъ себя Козловъ, и его всегда красное отъ выпивки лице побагровѣло, а глаза налились кровью: Русскій офицеръ, по волѣ Царя, и—на разбой!! Ахъ, ты тля!

Этимъ ссора и ограничилась. Какое же было наше дѣтское отношеніе къ этому такъ рѣзко выраженному различію взглядовъ на современную войну? Кажется, мы больше сочувствовали Козлову; но главнымъ образомъ сцена эта дала содержаніе нашему самодѣльному драматическому представленію. Одинъ изъ насъ изображалъ чиновника, другой Козлова. Послѣдній артистъ, вмѣсто всякой гримировки, сдавливалъ себѣ крѣпко накрѣпко шею обѣими руками, черезъ что лице его наливалось кровью, а глаза хотѣли выскочить вонъ. За тѣмъ слѣдовалъ вышеприведенный діалогъ. Роль Козлова хотя была важнѣе, но за то и тяжелѣе для исполнителя, а потому артисты чередовались.

Въ концѣ Ноября и Негрескулъ, съ отцовскими 25 рубл., съѣхалъ отъ Погодина, поступилъ къ кому-то въ учителя, сталъ слушать лекціи въ Университетѣ и заниматься въ школѣ гимнастики и фехтованія Пуаре.

«Когда еще не начиналась война, читаю въ моемъ «Дневникѣ», Негрескулъ говорилъ, что онъ пойдетъ на войну». Наконецъ непріятельскій

флотъ вступилъ въ Черное море:—Вотъ, Негрескулъ, иди защищать свою родину! говорить ему отецъ, и съ тѣхъ поръ мы больше его не видали.

Впослѣдствіи, просматривая списки убитыхъ и раненыхъ при осадѣ Севастополя, я прочелъ: «Поручикъ Негрескулъ, умершій отъ ранъ». Дѣтская слеза почтила память дорогого взрослого друга...

Припомню кстати еще отзвукъ войны. Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ хоронили какого-то генерала отъ инфантеріи Тимоѣева. Было много войска, была пальба изъ пушекъ, при чемъ нашъ домишко дрожалъ при каждомъ выстрѣлѣ (пушечную пальбу слышалъ я тутъ впервые). Потомъ сталъ быстро воздвигаться великолѣпный мраморный памятникъ надъ прахомъ этого генерала. Я смотрѣлъ на работы, любовался на мраморное рельефное изображеніе почившаго. Но никто ни слова не сказалъ, что Тимоѣевъ былъ одною изъ безчисленныхъ человѣческихъ жертвъ этой войны. Глухое тогда было, безгласное время, мало ушедшее отъ сомнѣній подъ Дѣвичьимъ въ 1812 г., когда Французы, а не Англичане появились 2 Сентября подъ стѣнами монастыря.

По отъѣздѣ Негрескула продолжалось у меня самообразование въ усвоеніи разныхъ плодовъ мѣстнаго просвѣщенія. Упомяну три изъ нихъ: 1) фокусы карточные, 2) писаніе лабиринтовъ, 3) изученіе тарабары.

Я выучился отъ кого-то карточному фокусу на нѣкоторой литературной подкладкѣ. Это—раскладываніе картъ въ порядкѣ одинаковыхъ буквъ нелѣпой фразы: «Наука много умѣть гитикъ». «Наука много умѣть»—это понятно; но надъ нелѣпымъ «гитикъ», нелучше радѣе попа Данилы, много и безплодно мучился мой дѣтскій умъ. Не легче были лабиринты. Еще отъ временъ Никиты Петровича Гилярова и старшаго брата Петра осталось намъ въ наслѣдство нѣсколько «лабиринтовъ». Лабиринты эти писались на четвертушкѣ бумаги, а нѣкоторые даже на цѣломъ листѣ. Они состояли изъ одного входа и безчисленнаго количества узенькихъ прямолинейныхъ параллельныхъ дорожекъ, поворачивающихъ подъ прямымъ угломъ. По срединѣ и въ разныхъ углахъ лабиринта помѣщались «бесѣдки», означенныя №№ 1, 2, штукъ до 5—6. Лабиринтъ былъ преисполненъ «тупиками». Бывало, идешь-идешь по немъ и вмѣсто «бесѣдки», попадаешь въ «тупикъ»; ищешь выхода, приходишь въ другой «тупикъ» и т. д. и т. д. А въ «бесѣдка» то и дѣло у тебя подъ самымъ носомъ; ты отъ нея отдѣленъ иной разъ только одною непроницаемою однако линейкою. Блужданіе по такому «лабиринту», особенно большихъ размѣровъ, было истиннымъ мученіемъ. Иной разъ попадешь въ одну какую либо «бесѣдку»; изъ нея нужно попасть въ

другую, но путь уже затерянъ къ выходу, а вмѣсто другой «бесѣдки» постоянно попадаешь въ «тупикъ» и, возвращаясь оттуда, конечно опять забываешь дорогу; да и никакой нѣтъ возможности запомнить цѣлую сотню дорожекъ и поворотовъ. Такъ иногда и застрянешь въ одной какой либо «бесѣдѣ» навсегда. Достоинства этихъ «лабиринтовъ», особенно большихъ, было то, что они иногда не могли быть изучены, и каждое по нимъ путешествіе всегда представлялось совершенно новымъ. Не знаю, самъ ли дядя и братъ сочинили эту премудрость или списали гдѣ либо; но наши подражательныя попытки были неудачны; да намъ же достались по наслѣдству и собственноручныя попытки старшихъ поколѣній на задней сторонѣ этихъ образцовыхъ, по линейкѣ исполненныхъ лабиринтовъ. Собственныя упражненія дяди и Петра никуда не годились ни по замыслу, ни по исполненію. Нѣтъ, очевидно эти гениальные лабиринты были списаны съ какого либо знаменитаго оригинала, а не дома сочинены.

Блуждая по лабиринтамъ, я вспоминалъ лабиринтъ въ саду фабрики Чижевыхъ, а также знаменитый въ древности Египетскій лабиринтъ при Меридовомъ озерѣ, хорошо знакомый мнѣ изъ исторіи Аббата Милота, взятой мною у «сего ужаснаго носа».

Къ этому же времени и къ такимъ же попыткамъ самообразованія относится и мое изученіе Символа Вѣры наизусть съ конца. Я и до сихъ поръ помню окончаніе этого вывороченнаго текста вмѣсто: «чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь», Нима акѣв огащудуб инзиж и хывтрем янесерксов юач.

Эта тарабарщина казалась какимъ-то иностраннымъ языкомъ, но скоро мы усвоили и настоящій «Тарабарскій» языкъ; а нѣкоторые, особенно женская публика, именно Коломенскія кузины, говорили на немъ даже очень бѣгло.

Тарабарскій языкъ, по домашнему преданію, былъ будто бы изобрѣтеніе какого-то попа съ Воробьевыхъ горъ, прозваннаго за то Тарабаромъ. Это, кажется, не основательно; ибо Тарабаръ былъ нашъ современникъ тамъ дьяконъ, и свидѣтельствуетъ только о наклонности обитателей Поддивичья все непонятное для разума относить къ Воробьевымъ горамъ, къ этой области разныхъ мифовъ. Впослѣдствіи этотъ самый Тарабарскій языкъ я встрѣчалъ въ Рускихъ рукописяхъ XVII ст. Или, можетъ быть, къ этому отдаленному времени надо отнести существованіе и Воробьевскаго мифическаго попа Тарабара?

Этотъ Тарабарскій языкъ основывался на слѣдующемъ. Гласныя буквы оставались безъ измѣненія, а согласныя замѣнялись: первая—

послѣднею, вторая—предпослѣднею и такъ д., и наоборотъ: послѣдняя—первою, предпослѣдняя—второю съ конца п. т. д. Такимъ образомъ б=щ, в=ш, г=ч; щ=б, ш=в, ч=г. Напр. фраза «Вѣра, поди сюда» выйдетъ по тарабарскп. «Шема, поци люца».

Сверхъ того, самъ отецъ сообщилъ намъ другую систему тарабарщины, а именно: слово раздѣлялось на двѣ части, которая и переставлялась, при чемъ въ началѣ прибавлялся слогъ *ши*, а въ концѣ *ци*; такимъ образомъ напр. слова *Машенька* преобразовывалось такъ: шенькама=шишенькамаци; *Оденька* денькаѳе=шиденькафеци.

Къ доморощеннымъ средствамъ образованія надо еще отнести свѣжее тогда преданіе о Никитѣ Петровичѣ Гиляровѣ: къ жизни его у насъ возводились разныя изобрѣтенія въ родѣ бумажныхъ пѣтуховъ и лабиринтовъ. О пѣтушкахъ, напр., хранилось такое преданіе. Разъ «Никитупика», поссорясь за что-то съ маленькимъ Петромъ (моложе его на 6 лѣтъ) взявъ нѣсколько розовыхъ конфетныхъ бумажекъ, нарѣзалъ ихъ квадратиками, изъ которыхъ и надѣлалъ капельныхъ пѣтушковъ; потомъ, подавая ихъ Петру, съ самымъ невиннымъ видомъ сказалъ: «посмотри, Петя, какіе хорошенькіе пѣтушки!» Петръ, считая пѣтушки уже своими, протянулъ за ними руку; тогда Никита распахнулъ окошко и выбросилъ свои драгоценныя произведенія подъ шедшій тогда проливной дождь.

Теперь же онъ сталъ ученый, окончилъ курсъ въ Моск. Дух. Академіи и тамъ сдѣлался профессоромъ. Самъ онъ влѣдствіе ссоры своей съ отцемъ не бывалъ у насъ тогда; но еще цѣлъ былъ тюфякъ, на которомъ бывало спалъ «Никитупика». Тюфякъ этотъ не отличался роскошною пухлостью, за что и прозванъ былъ «языкомъ». Была еще свѣжа къ памяти отвергнутая скромнымъ какъ прекрасная дѣвица «Никитупикой» любовь къ нему нашей кухарки Евгенки. Евгенка и не сама сочинила, и не передѣлала чужой романъ, воспѣвавшій ея несчастную любовь. Старшія сестры еще помнили этотъ романъ:

Къ тебѣ душа моя стремится,
Къ тебѣ влекусь невольно я;
Доколы сердце будетъ биться,
Клянусь тебѣ не измѣнить.
Тебя ли, о Микитъ прекрасный,
Тебя-ль могу забыть?
Твой образъ въ сердцѣ страстномъ
До краю гроба будетъ жить.

Сестры мои дразнили старую и безобразную Евгенку ея несчастною любовью къ «Микитѣ прекрасному»; а та въ отместку заткнетъ,

бывало, себѣ за головную косынку какой нибудь самый нарядный шелковый лоскутокъ (которыми у нея биткомъ былъ набитъ чайникъ, спрятанный въ сундукъ) и начнетъ подметать полъ вѣшникомъ, чтобы ея кокетливое убранство было у всѣхъ на виду.

Семейное преданіе помнило, что «Никитушка» велѣла дневникъ. Идея и практика дневника усваивались по наслѣдству отъ него младшимъ поколѣніемъ. Теперь мнѣ удалось получить отъ князя Н. В. Шаховскаго и подлинникъ этого дневника. Дневникъ, написанный па толстой, по теперешнему сказать, оберточной бумагѣ сѣраго и синяго цвѣтовъ $\frac{1}{4}$ л. озаглавленъ былъ такъ: «Нѣчто, собраніе кое-чего, или мои Мечты и Думы. 1840» *). Дневникъ этотъ фактически почти безсодержателенъ, притомъ скоро переходитъ онъ въ весьма неразборчивое писанье, сильно притомъ перемаранное учительскою рукою моего отца. Въ концѣ дневника даже написано рукою отца: «Старайся писать не такъ отрывисто, но болѣе въ періодическихъ формахъ». Вотъ начало этого дневника, автору коего было тогда 16 лѣтъ.

Москва, 1 Января 1840 года. Понедѣльникъ.

«Уже давно погрузились въ сонъ всѣ жители моей родины. Ночь была ясная; звѣзды блистали на голубомъ покровѣ неба. Кое-гдѣ еще мелькалъ огонекъ, съ которымъ, можетъ быть, бѣдный ремесленникъ доканчивалъ свою работу, чтобы достать себѣ насущный хлѣбъ. Все молчало, какъ вдругъ среди всеобщаго безмолвія заиграли колокола на соборной колокольнѣ, и вслѣдъ за тѣмъ торжественно загудѣлъ часовой колоколъ, двѣнадцать разъ повторя свои удары. Это былъ голосъ времени, полагавшій рубежъ между прошедшимъ и будущимъ... Мѣдъ еще звучала, и переимчивое эхо далеко разливало ея отголосокъ. Звукъ становился тише и тише, и наконецъ незамѣтно затихъ въ воздухѣ. Вслѣдъ за этимъ на сосѣднемъ дворѣ раздалось громкое ку-ку-ре-ку-у-у!... Этому звуку откликнулся пѣтухъ изъ нашего курятника и въ свою очередь прохрипѣлъ сирымъ своимъ голосомъ обычную пѣсню. За нимъ другой, тамъ третій; а тамъ далѣе и далѣе по всему городу».

Послѣднія три слова зачеркнуты и вмѣсто нихъ рукою отца написано: «Весь городъ огласился пѣтушинымъ пѣніемъ».

Далѣе слѣдуютъ размышленія автора о скоротечности и невозвратности времени, между прочимъ такіа: «Все здѣсь кончится; кончится и наша жизнь, и горе тому, кто не успѣлъ надлежащимъ образомъ располагать временемъ, кто во всю жизнь собирался только жить, и просыпается лишь тогда, какъ грозная коса засверкаетъ надъ его головою. Тогда все будетъ поздно, и лишь горькое раскаяніе сопроводитъ во гробъ несчастнаго. Боже мой! И теперь я не могу уже возвратить того времени,

* Другіе листы этого Дневника (1839 и 1840 годовъ) напечатаны П. И. Щукинымъ во 2-й книгѣ его „Сборника“ (Москва, 1803). П. Б.

которое прожилъ, не могу возвратитъ даже прошлаго года, не могу возвратитъ и самыхъ этихъ минутъ, проводимыхъ мною теперь въ размышленіи! Онѣ канули въ вѣчность»...

Переписывая эти строки дневника Никиты Петровича, узнаю въ нихъ что-то очень знакомое, давнымъ давно когда-то читанное, но гдѣ?... Такъ, не ошибаюсь: въ дѣтствѣ я не разъ перечитывалъ эти самыя строки, еще далекій отъ полнаго пониманія ихъ. Итакъ, я въ дѣтствѣ читалъ именно этотъ самый дневникъ, читалъ не разъ, а много разъ; иначе какъ бы черезъ десятки лѣтъ могли запомниться эти отвлеченныя риторическія размышленія? Припоминаю далѣе: въ концѣ 70-хъ годовъ, будучи уже соредакторомъ Никиты Петровича въ издаваемой имъ газетѣ «Современныя Извѣстія», я, разбирая семейныя бумаги, нашелъ въ нихъ этотъ самый дневникъ и отдалъ его автору. По внезапномъ разрывѣ младшаго брата со старшимъ, дневникъ остался у моего отца и, при великомъ уваженіи въ нашемъ домѣ ко всякой книгѣ и рукописи, легко сохранился съ 40-хъ по 70-ые годы. Теперь воспитательное для меня значеніе этого дневника становится вѣдъ сомнѣнію; а потому продолжаю пересматривать его.

Подъ тѣмъ же 1-мъ Января 1840 г. продолжаются размышленія: «Я представляю себѣ теперь юношу, полнаго жизни и красы. Какимъ наслажденіемъ дышать всѣ его взоры! Какое удовольствіе выражаютъ всѣ его движенія! Наслаждайся, наслаждайся, прекрасный молодой человѣкъ. наслаждайся (это слово вписано рукою отца), пока есть время! Ты еще только началъ пользоваться жизнію, только вступилъ въ свѣтъ и не успѣлъ еще различить истинно-добрыхъ людей отъ лицемеровъ, честныхъ друзей отъ ложныхъ пріятелей, и со всѣмъ стремленіемъ юношества предался любви къ ближнему. Но придетъ время; оно раскроетъ тебѣ глаза, и твое очарованіе минуетъ. Ты будешь скучать свѣтомъ, и онъ тобою; словомъ, будешь такимъ же, какъ вотъ этотъ старикъ, согнутый всецѣльнымъ временемъ въ дугу, потяравшій розовый отливъ ланитъ и испещренный морщинами, старикъ брюзгливый и скучный. Блаженъ ты, если при всемъ знаніи суеты здѣшняго міра будешь любить ближнихъ и не ощутишь той горечи сердца, какую обыкновенно чувствуютъ старики, разочаровавшіеся здѣшнею жизнію: потому что всѣ твои жалобы будутъ всуе: время неозвратно».

Съ этой точки зрѣнія авторъ и приходитъ къ необходимости вести дневникъ.

Дневникъ этотъ былъ подъ руками у покойнаго Никиты Петровича, когда онъ писалъ свое «Изъ пережитаго», а потому, полагая, что онъ извлекъ отсюда все нужное, фактическое, могу ограничиться приведенными выдержками. Какъ бы то ни было, вліяніе этого дневника на меня сказалось тѣмъ, что и я сталъ тоже на 16 году вести дневникъ и велъ его съ перерывами около пяти лѣтъ. Онъ - то и послужитъ главнымъ матеріаломъ для моихъ воспоминаній за періодъ моего возраста отъ 16 до 21 года.

Наконецъ удалось мнѣ увидѣть и самого автора дневника, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его отсутствія. Какъ младшій братъ, онъ счелъ своимъ долгомъ сообщить своему старшему брату о своей «зеничьѣ». Какъ-то вечеромъ, уже при огнѣ, пріѣзжаетъ Никита Петровичъ послѣ 5 лѣтней разлуки съ отцомъ. Встрѣча, помнится, произошла какъ-будто въ кухнѣ, а не въ передней. Какъ сейчасъ передъ глазами вижу высокую, очень худую фигуру дяди въ бѣломъ галстукѣ. Между братьями произошелъ краткій, но сильный разговоръ. — Братецъ! Я женюсь, сказалъ Никита Петровичъ, еще не раздвываясь, и что-то къ этому прибавилъ. — Что ты, что ты?! заторопился отецъ: брось...—Нѣтъ, теперь ужъ поздно: я къ вамъ заѣхалъ передъ вѣнцомъ. Отъ васъ ѣду прямо въ церковь.

Такъ это объясненіе ихъ отразилось въ моемъ дѣтскомъ воспоминаніи. Съ тѣхъ поръ я не видалъ дяди до переѣзда его въ Москву и до пробужденія и во мнѣ настолько мысли и любви къ знанію, что я могъ начать посѣщать его.

Религіозно-нравственное воспитаніе.

Родители мои были люди религіозные не по общественному только положенію, но по искреннему убѣжденію; однако никакихъ особенныхъ мѣръ къ нашему религіозно-нравственному воспитанію не прилагалось. Оно давалось самою средою. Конечно, насъ обучали молиться дома утромъ и вечеромъ, читать *Богородицу* и молитву о здравіи и о упокоеніи ближайшихъ родныхъ. Какой-либо уставной молитвы предъ обѣдомъ и послѣ обѣда не полагалось, хотя при этомъ требовалось отъ маленькихъ «по крайней мѣрѣ перекрестить лобъ». Никакихъ дальнѣйшихъ специальныхъ священнодѣйствій, встрѣчаемыхъ теперь и даже въ свѣтскихъ семьяхъ, въ родѣ поднятія чудотворныхъ иконъ, какихъ-либо особыхъ молебствій, у насъ не бывало. Конечно, въ тѣ праздники, когда установлено было славленіе или хожденіе духовенства по домамъ, отецъ послѣ обѣдни, возвратясь домой, сначала «славилъ» у себя, потомъ пилъ чай, а затѣмъ ужъ отправлялся «по приходу», когда сталъ приходскимъ священникомъ. Была впрочемъ попытка служить подъ праздникъ всенощныя у себя на дому, ибо въ монастырской церкви отправлять всенощную только очередной священникъ, каковымъ каждый бывалъ черезъ три недѣли въ четвертую. Роль пѣвцовъ при этомъ возлагалась на насъ, сыновей, хотя пѣснопѣнія наши ограничивались только словами «Господи помилуй!» да «аминь»; но и это очень меня конфузило. У меня не было ни голоса, ни слуху и никакого обученія пѣнію, а главное мнѣ было очень стыдно какой-то при этомъ фальши. Можетъ быть, эту фальшь почувствовалъ и самъ отецъ, глубоко правдивый и искренній человѣкъ,

а потому хотя онъ былъ и непоколебимо вѣрующимъ, онъ скоро оставилъ эту затѣю, именно, должно быть, за ея фальшивую вычурность, хотя постороннихъ свидѣтелей этого семейнаго богослуженія ни разу не было. Отецъ очень ревниво оберегалъ чистоту своей вѣры. Онъ, напр., въ молодости успѣшно учился по-нѣмецки, но бросилъ это изъ боязни «заразиться Лютеранскими мнѣніями». Французскаго языка онъ совсѣмъ не зналъ. При составленіи своихъ проповѣдей, онъ пользовался иногда указаніями какихъ-то Латинскихъ книгъ XVIII столѣтія.

Отецъ былъ ревностный проповѣдникъ. Онъ оставилъ послѣ себя очень много «поученій» и «словъ», главное достоинство коихъ въ безукоризненной логикѣ и стилистикѣ. Что до содержанія, оно преимущественно заключается въ мозаикѣ текстовъ, составляемой при помощи огромной «Симфоніи», т. е. указателя на всѣ тексты Ветхаго и Новаго Завѣта. Этою Симфоніею ухитрился потомъ пользоваться и я для семинарскихъ сочиненій. Нѣкоторые изъ проповѣдей отца имѣли успѣхъ въ предѣлахъ монастырскихъ стѣнъ, а отчасти и внѣ ихъ. Особенный успѣхъ имѣла его проповѣдь противъ пьянства, произнесенная имъ въ подмосковномъ селѣ Тропаревѣ при освященіи тамъ храма, возобновленнаго при участіи извѣстной уже монахини Татьяны Ѳедоровны. Проповѣдь эта, содержаніе которой, можетъ быть, внушено было самою Татьяною Ѳедоровною, сверхъ обыкновенія, была ближе къ дѣйствительной жизни, а не къ отвлеченнымъ понятіямъ «грѣховъ». Между прочимъ, отецъ поставлялъ проповѣди на всю Коломенскую родню, начиная съ своего отца, когда приходилось тамъ произносить проповѣди по назначенію мѣстной епархіальной власти. Главнѣйшій недостатокъ проповѣдей отца была нѣкоторая мертвенность, общая принадлежность церковнаго слова эпохи Московскаго митрополита Филарета. Отецъ полагалъ достоинство своихъ проповѣдей не въ теплотѣ чувства, не въ силѣ впечатленія, не въ жизненности, а въ безукоризненной логикѣ и стилистикѣ. Эти свои произведенія онъ передѣлывалъ и переписывалъ по нѣскольку разъ. Уже старецъ преклонныхъ лѣтъ, умирая отъ водянки, онъ, часовъ за 5—6 до кончины своей, тщетно пытался перелистывать одну свою проповѣдь, очень страдалъ отъ своего безсилія и успокоился только, когда я сталъ за него перелистывать это «слово».

Вотъ эта-то отцовская страсть къ проповѣдямъ и играла нѣкоторую добавочную роль въ нашемъ религіозно-нравственномъ воспитаніи. Отецъ требовалъ отъ насъ неукоснительнаго посѣщенія церкви по праздникамъ, маленькихъ насъ бралъ съ собою въ алтарь, а когда мы подросли, требовалъ главнымъ образомъ не стоянія за службою, а слушанія его проповѣди въ концѣ обѣдни. Когда мы перестали ходить въ алтарь,

онъ для контроля спрашивалъ не столько о томъ, какое Евангеліе сего-дня читалось, сколько о томъ, о чемъ была сегодня проповѣдь, чѣмъ мы и пользовались, приходя только къ самому концу обѣдни.

Въ дѣтствѣ выстаиваніе въ алтарѣ службы отъ самаго начала до самаго конца не было особенно скучно. Молился ли я? Внѣшнимъ образомъ конечно, а внутренно, едва ли. Едва ли и другой ребенокъ внутренно молится въ церкви, ибо для такой молитвы необходимо что-нибудь *пережить*, чего ребенокъ еще не успѣлъ. Въ алтарѣ мое любопытство занимали всѣ тѣ дѣйствія священника и дьякона, начиная съ принесенія проскомидіи до ихъ причащенія, какія скрыты отъ мірянъ церковными дверями и завѣсою. Это послѣднее знакомство съ литургіею повело въ очень раннемъ возрастѣ къ домашнимъ подражаніямъ священнодѣйствію, а позднѣе къ заучиванію наизусть и чтенію въ слухъ ектеній и возгласовъ уже на Греческомъ языкѣ, ибо у отца была рукописная Греческая литургія. Но однообразіе священнодѣйствія не могло постоянно приковывать дѣтскаго вниманія. Во время долгой службы я читалъ церковныя книги, лежавшія на оклѣ въ «діаконникѣ», находилъ удовольствіе соскабливать ногтями жирныя овальныя восковыя капли съ листовъ книги и заглаживать это мѣсто ногтемъ. Кажется, тутъ только и научился я читать по церковно-славянски, ибо дома насъ никогда этому не учили, считая, должно быть, церковно-славянскій языкъ настолько же роднымъ какъ и Русскій. Кромѣ чтенія богослужебныхъ книгъ занимался я въ діаконникѣ выдергиваніемъ золотой и серебряной мишуры изъ церковныхъ облаченій, сваленныхъ тутъ же на столѣ. Особенно сманивали меня разноцвѣтныя стекляшки на ризахъ; но такія облаченія употреблялись рѣдко и потому не валялись на столѣ, да притомъ же казались мнѣ драгоценными камнями, присвоеніе коихъ было бы святотатствомъ. Для развлеченія во время скучныхъ всенощныхъ я иногда приносилъ съ собою нѣсколько кусковъ сахару, тайкомъ утащенныхъ у матери изъ чайнаго шкафа, черезъ что за богослуженіемъ не столько спасалъ, сколько губилъ свою душу. Но подаваніе отцу кадила съ предварительнымъ раздуваніемъ его и обильнымъ снабженіемъ ладономъ, простымъ и «роснымъ», занятіе столь обольстительное для мальчишекъ, было даже пріятнѣе сосанія крѣпкаго рафинада. Иногда шаловливое поведеніе въ церкви вело къ тому, что изъ церкви впередъ себя отецъ посылалъ дьячка къ матери съ приказаніемъ такого-то изъ сыновей «оставить безъ чая». Дьячекъ долженъ былъ упредить появленіе виновнаго, чтобы распоряженіе отцовское пришло въ время. Позднѣе, когда мы стали уже юношами и «отлынивали» отъ хожденія въ церковь или являлись только «къ шапочному разбору», отецъ, подавая и намъ среди прочихъ бого-

мольцевъ прикладываться ко кресту, иногда изрекать вслухъ съ амвона свой лаконоческій приговоръ: «безъ чаю!» Этотъ приговоръ, произнесенный вслухъ, коснулся даже раза два и моего двоюроднаго брата, гостившаго у насъ уже студентомъ медикомъ: «Володька тоже безъ чаю!»

Монастырская обстановка давала нѣкоторое религіозное направленіе моимъ мыслямъ. Я очень любилъ бродить по монастырскому кладбищу и разсматривать не только новые изящные и богатые памятники, тщеславно вытѣзавшіе впередъ (точно обладатели ихъ и на томъ свѣтѣ имѣють право самочинно отгѣснить смиренную бѣдноту), но и старыя, вросшія однимъ бокомъ въ землю, сырыя, пожелтѣвшія и позеленѣвшія гробницы. Эта привычка гулять между старыми безвѣстными надгробными плитами, сравнивающимися съ землею могильными буграми, воспитывала во мнѣ еще въ дѣтствѣ взглядъ на суетность и мимоетность здѣшней жизни и презрѣніе къ «благамъ міра сего»... Можетъ быть, отчасти поэтому 14 лѣтъ отъ роду отвергъ я предложеніе всесильнаго управляющаго у знаменитаго тогда миллионера-откупщика В. А. Кокорева, «сдѣлать богатаго человѣка изъ полюбившагося ему мальчика». Предложеніе Морозова (такова была фамилія симпатичнаго и образованнаго управляющаго у Кокорева) я отвергъ, но Пушкина и Гоголя продолжалъ брать у него для чтенія. Поэтому не пожелалъ я и на юридическій факультетъ поступить, хотя въ 1861 году, когда я держалъ вступительный экзамень, рванулись туда тысячи въ ожиданіи сильнаго заработка съ предстоящею адвокатурою. Потому-то всегда отклонялъ я сватовство мнѣ невѣсть съ значительнымъ приданымъ; можетъ быть, потому и къ государственной службѣ совсѣмъ не имѣлъ охоты, чтобы не сказать больше... Никогда также не любилъ я и большого общества. Позднѣе, уже въ началѣ семинарскаго періода, этотъ взглядъ на мірскую суету формулировался для меня въ текстъ Св. Іоанна: «Не любите міра, ни яже въ мірѣ... Яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская; нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть». Оттого-то и всегда самымъ дорогимъ для меня листомъ Евангелія была XIV глава Іоанна: «Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца моего обители многи суть; аще ли же ни, реклъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ»... Это «въ дому Отца моего обители многи суть», при всѣхъ религіозныхъ и философскихъ сомнѣніяхъ въ періодъ складывавшихся моихъ убѣжденій, оставалось неподвижнымъ, незыблемымъ, краеугольнымъ камнемъ. Ни въ бытіе Божіе ни въ безсмертіе души я, человѣкъ 60-хъ годовъ, никогда не терялъ вѣры,

Разъ, 10-лѣтнимъ ребенкомъ, блуждая въ отдаленныхъ углахъ монастырскаго кладбища, среди безвѣстныхъ могилъ, я нашелъ валяю-

ищей небольшой каменный шаръ. Находка эта, хотя мнѣ рѣшительно ни на что не пужная, соблазнила меня: я сбѣгалъ домой, взялъ салфетку, завязалъ въ нее этотъ изъ известковаго камня шаръ и принесъ домой. Уже тотчасъ послѣ этого совѣсть стала мучить меня за такое «святотатство». Съ этимъ совпало страшное событіе—первая для меня чело-вѣческая смерть. У насъ долго жила горничная Варвара; она заболѣла тифомъ и умерла въ больницѣ. Ея смерть представилась мнѣ послѣдствіемъ моего святотатственнаго дѣянія: покойникъ, владѣлецъ взятаго мною у него каменнаго шара, взялъ у насъ за то Варвару! Тотчасъ, при вѣсти о смерти Варвары, я схватилъ злосчастный шаръ и бѣгомъ отвесъ его въ тотъ же уголъ кладбища, откуда взялъ.

Такая pietas къ покойнику никогда не оставляла меня. Ее отношу къ слѣдствіямъ ранняго своего воспитанія среди могилъ съ крестами и съ трогательными религіозными надписями.

Припомню кстати впечатлѣніе изъ этого же порядка идей, глубоко вѣдрившееся мнѣ въ душу. Читалъ я книги безъ всякаго контроля и указанія старшихъ. Попалась мнѣ какъ-то и сдѣлалась любимымъ чтеніемъ какая-то книга объ аввахъ (отцахъ), вѣроятно составленная по какому нибудь Греческому Патерику. Въ ней между прочимъ рассказывалось, какъ авва Макарій (а можетъ быть и кто другой), идя по пескамъ пустыни, наткнулся на черепъ человѣческій. Авва, уставясь посохомъ въ черепъ, спросилъ его, кѣмъ онъ былъ при жизни. Я, отвѣчая голый черепъ, былъ жрецомъ Сераписа въ Геліополѣ; затѣмъ на разспросы Макарія о своей загробной участи, сообщилъ, что онъ и другіе такіе же, какъ онъ, невидавшіе истиннаго Бога, находятся въ темномъ мѣстѣ, не видятъ одинъ другого, видятъ только затылки другъ у друга.... Рассказъ этотъ произвелъ на меня угнетающее впечатлѣніе, вытѣснилъ изъ моего воображенія древнее пугало Ѳедора Матвѣича съ его мѣшкомъ, гдѣ «семеро сидятъ да соломку ѣдятъ», и цѣликомъ надолго занялъ его мѣсто.

Воображеніе запугивалось также однимъ монастырскимъ изображеніемъ, дѣйствительно страннымъ, отличнымъ отъ прочихъ. Это находящееся въ больничной церкви изображеніе Пятницы-Параскевы, пожертвованное Цыганами, весьма почитающими эту святую. Это не икона, а рѣзаная изъ какого-то коричневаго дерева статуя, одѣтая въ шелковое платье и парчевые башмачки. Видъ этой статуи съ коричневымъ лицомъ, какъ у муміи, такъ страшенъ, что мы боялись даже взглянуть на нее издали.

Вздумали также какъ-то у насъ старшія сестры въ темные осенніе длинные вечера читать вслухъ Четви-Минеи Дмитрія Ростовскаго.

Драматическія сцены между «мучителемъ» и «мученикомъ» или «мученицею» на судебномъ допросѣ съ пытками, неизмѣнно кончавшіяся «усѣкновеніемъ главы» осужденнаго, тоже производили на меня сильное впечатлѣніе. Но эти картины физическихъ страданій и непоколебимой стойкости духа дѣйствовали прекраснымъ воспитывающимъ образомъ на мое юное сердце и воображеніе. Тутъ не было никакихъ пугалъ въ родѣ черепа аввы Макарія, или тѣхъ человѣческихъ череповъ съ горящими свѣчами въ костяныхъ глазныхъ отверстіяхъ, изображенныхъ въ Русской народной сказкѣ «Василиса Прекрасная». Къ сожалѣнію, эти чтенія «житій» продолжались недолго.

Вѣсти, долетавшія до меня изъ монастыря, были не религіознаго ниже церковнаго, а чисто-мѣстнаго монастырскаго характера; а такъ какъ монастырь былъ женскій, то и на всемъ исходящемъ оттуда лежала печать нѣкоторой женской мелочности. Поясню это нѣсколькими разсказами о современныхъ мнѣ матеряхъ-игуменьяхъ, какъ главныхъ лицахъ монастырской жизни.

Я еще засталъ въ живыхъ игуменью Мееодію Ивановну, игуменствовавшую еще въ 1812 году, описанную Климычемъ въ его разсказѣ о «нашествіи Галловъ». Она дожила почти до 100 лѣтъ, померла въ концѣ 40-хъ годовъ. Это была особа умная и просвѣщенная, но совершенно не понимала ни жизни, ни людей. Она говорила нашей матери: «А мы, матушка, все вамъ завидуемъ. Эдакое вамъ веселое житіе съ батюшкой-то: что онъ говоритъ, что гусли играютъ, все равно». Мееодія любила вспоминать, какъ у нея во время-оно бывалъ въ гостяхъ покойный митрополитъ Московскій Платонъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ ней неожиданно, и она просила его остаться обѣдать, то онъ бывало ужъ непременно спроситъ: «А старая гречневая каша есть? А то не сяду съ тобой обѣдать». Если въ игуменской кельѣ не оказывалось старой гречневой каши, то послушницы отправлялись на поиски по всѣмъ кельямъ и конечно почти всегда находили любимое кушанье владыки.

Игуменью Мееодію смѣнила Клавдія, переведенная въ Новодѣвичій изъ Алексѣевского монастыря. Она была вдова изъ мѣщанскаго сословія, совершенно необразованная, но за то умная, практичная и понимала жизнь лучше иной мірянки. Она не раздѣляла взгляда Мееодіи на нашего отца какъ на «гусли». Напротивъ, она не разъ говорила нашей матери: «Ахъ, матушка, мы все васъ жалѣемъ, какъ это вы только живете съ такимъ *болоной*: вѣдь на полчаса придетъ сюда, такъ все заболанутитъ». Любопытно совпаденіе. Н. П. Гиляровъ въ своемъ «Изъ пережитаго, сообщаетъ, что его прадѣдъ, а стало-быть прадѣдъ же и моего отца, Михаилъ Сидоровичъ имѣлъ прозвище *Болоной*. Никита Петровичъ не

объясняетъ, въ какомъ именно значеніи взято это слово, но совпаденіе характеристики прадѣда и правнука изъ разныхъ по времени источниковъ однимъ и тѣмъ же словомъ «болонд» заслуживаетъ вниманія.

Игуменья Клавдіа была добра и снисходительна къ монашенкамъ, даже до слабости. Она скончалась на Пасхѣ въ 1853 или 1854 г. Монашенки горько ее оплакивали: когда ее отпѣвали, трудно было даже раз-обратить пѣніе сквозь ихъ рыданія.

Вотъ образецъ административныхъ распоряженій благодушной игуменьи Клавдіи. Ходили слухи объ излишней близости дьякона Гжельскаго съ одною клирошанкою. Дьяконица, опасаясь, какъ бы слухи эти не дошли до благочиннаго, а потомъ и до митрополита, стала ходить въ гости къ этой клирошанкѣ и принимать ее къ себѣ, притворяясь, будто бы она съ нею дружна. Когда Гжельскій померъ и былъ похороненъ въ монастырѣ, клирошанка посадила цвѣты на его могилѣ. Дьяконица, которой теперь не зачѣмъ ужъ было притворяться, пошла жаловаться игуменѣ, что ей и мертвого-то не хотятъ уступить. Добрѣйшая до слабости Клавдіа, желая и вдову успокоить, и клирошанку не огорчить, приказала матери-казначей распорядиться, чтобы никто больше не сажалъ цвѣтовъ на могилахъ; «а то ужъ не хорошо: все лошади ходятъ да цвѣты-то и обнюхиваютъ». Это распоряженіе окончилось ничѣмъ, ибо оно случилось совсѣмъ ужъ осенью, а слѣдующею раннею весною Клавдіа скончалась.

На мѣсто Клавдіи была прислана изъ Зачатіевскаго монастыря игуменья Паисія, кажется, изъ дворянокъ. Монашенки встрѣтили ее недружелюбно, а сестры мои старались рѣшить, на чтѣ Паисія болѣе похожа: на журавля, на вяленого судака пли на стволъ высохшаго подсолнечника. Паисія привела съ собою нѣсколько монашенокъ, своихъ приближенныхъ, въ кругленькихъ клобучкахъ по формѣ Зачатіевскаго монастыря. Это новшество смутило консервативный духъ Новодѣвиченскихъ монахинь, которыя и подняли на смѣхъ эти «головки-кострюльки»; ибо клобуки Новодѣвиченскіе были конусообразные, закрученные у постриженныхъ, острые у «бѣлицъ», напоминая голову стерляди, за чтѣ мы, мальчики, и прозвали своихъ монахинь «стерлядьми», знакомыми намъ не по кухнѣ, конечно, а только по монастырскому пруду. Одна изъ такихъ очень юныхъ «стерлядокъ» даже пыталась познакомиться со мною. Встрѣчая меня въ монастырѣ, не разъ говорила она мнѣ:—Ахъ, ты бѣлаголова! Вѣроятно подъ «бѣлою» головою разумѣла она мои выгорѣвшіе отъ солнца волосы. Впрочемъ этимъ и ограничивалось все наше знакомство.

Домашнее обученіе.

До самаго поступленія въ Московскую Духовную Семпнарію я получалъ домашнее образованіе только числился въ Московскомъ духовномъ училищѣ и явился туда лишь на выпускной экзаменъ. Словомъ, я былъ «билетнымъ», учился въ училищѣ по билету». Черновой списокъ одного такого моего билета сохранился въ бумагахъ отца. Вотъ онъ:

Б и л е т ъ.

«Данъ сей Московскаго духовнаго Донскаго уѣзднаго училища низшаго отдѣленія ученику Ѳедору Гилярову, согласно прошенію родителя его Московскаго Новодѣвича монастыря священника Александра Петрова Гилярова, для обученія въ домѣ: 1) Пространному Катехизису; 2) Грамматикамъ: Россійской, 3) Словянской, 4) Латинской, 5) Греческой, 6) Ариѳметикѣ, 7) Церковному Уставу и 8) Нотному пѣнію, срокомъ до 26 числа Іюня будущаго 1852 года съ тѣмъ, чтобы онъ, ученикъ Гиляровъ, на основаніи § 26 правилъ о духовномъ образованіи въ теченіе Филиппова и Великаго постовъ непременно былъ представляемъ на испытаніе въ училище». Это надо пояснить.

Въ духовныхъ училищахъ въ мое время, сверхъ своекоштныхъ и казеннокоштныхъ учениковъ, были еще билетные. Билетные обязаны были учиться дома всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ училищѣ, и являться въ училище только на испытанія. Эта положеніе было для всѣхъ весьма удобно. Съ училища оно прямо снимало обязанность обучать нѣсколько десятковъ учениковъ, а родителямъ давало удобство вести обученіе какъ имъ угодно, охраняя сына отъ возможнаго дурнаго вліянія товарищества, а при дальнихъ разстояніяхъ училища отъ мѣста жительства ученика сохраняло его время и здоровье. И въ самомъ дѣлѣ, каково бы было 10—12 лѣтнему мальчику ежедневно изъ-подъ Дѣвичья путешествовать въ Донской монастырь на уроки, продолжавшіеся отъ 8 ч. утра до 12 дня и потомъ отъ 2 ч. до 4-хъ? Между тѣмъ училищное начальство вполне могло положиться на родителей въ дѣлѣ воспитанія. Училищный педагогическій составъ, за исключеніемъ ректора и инспектора, былъ средняго семинарскаго образованія, т. е. именно такого, каковаго и отцы учениковъ (предполагая, что льготою билетовъ пользоваться будутъ главнымъ образомъ священники и дьяконы) сами окончившіе курсъ Семинаріи, а иные священники и съ академическимъ образованіемъ. О какой-то педагогії тогда и помину не было. Въ училищахъ учили главнымъ образомъ по-латыни, по-гречески, Закону Божию; а все это было родное въ каждомъ родительскомъ домѣ. На сколько такая мѣра была бы невозможна напр. въ Гимпазіи при разнокалиберности образованія родителей отъ университетскаго до полнѣйшей безграмотности, на столько она была весьма полезна для духовныхъ училищъ.

Такимъ образомъ 10 лѣтъ отъ роду я, безъ всякаго экзамена, минуя первый и второй классы, прямо былъ записанъ въ 3-й классъ Московскаго духовнаго Донскаго училища, куда ни разу и не являлся цѣлыхъ шесть лѣтъ. Принять я былъ безъ экзамена въ той основательной увѣренности, что не можетъ же сынъ Московскаго священника не знать читать и писать. И въ самомъ дѣлѣ, не было ли бы глупѣйшею формальностью экзаменовать въ этомъ меня или другого мальчика въ подобномъ моемъ положеніи? Мало того: меня и изъ 3-го класса перевели въ 4-й безъ экзамена; даже не показали ни меня училищу, ни мнѣ училища.

Чѣмъ это объяснить? Вѣроятно, симпатичною патриархальностью въ духовной средѣ того времени. И дѣйствительно, развѣ не числился тоже билетнымъ въ Донскомъ училищѣ старшій сынъ А. П. Гилярова Петръ, теперь окончившій курсъ въ Московской Духовной Семинаріи изъ первыхъ? Развѣ уже тогда извѣстный всему Московскому духовному міру и іерархіи Никита Петровичъ Гиляровъ не у А. П. Гилярова воспитывался почти во все время семинарскаго курса? Развѣ наконецъ іеросхимонахъ Донскаго монастыря, изъ вдовыхъ Костромскихъ протоіереевъ, Ѳеодоритъ Островскій, не родной дѣдъ по матери этому третьекласнику Ѳеодору Гилярову? Подобнымъ образомъ могло рассуждать начальство духовнаго училища, если даже не принимать въ расчетъ, что ректоръ училища о. Нечаевъ и самъ чуть ли не былъ товарищемъ моего отца, во всякомъ случаѣ хорошо зналъ Александра Гилярова, прозваннаго еще въ Семинаріи *accipiter* (ястребъ).

Принявъ на себя предъ училищнымъ начальствомъ отвѣтственность за обученіе меня всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ училищѣ, отецъ мой не подумалъ даже достать программу духовнаго училища. Впрочемъ была ли еще и программа? Такимъ образомъ, сѣздивъ къ ректору за «билетомъ ученика III класса Ѳеодора Гилярова, отецъ мой началъ самъ меня учить всей мудрости духовнаго училища, послѣ того какъ подъ руководствомъ матери своей я выучился читать по-русски и вызубрилъ «Начатки» митрополита Филарета.

Плохо помнится первое время этого ученія. Какъ учился я писать, я уже говорилъ. Послѣ этого на первомъ мѣстѣ должны были стоять Русская грамматика и ариѳметика. По Русскому языку я, помнится, только училъ грамматику Востокова наизусть безъ всякихъ письменныхъ упражненій. Вѣроятно, я ничего въ ней не понималъ. Я очень боялся въ этомъ учебникѣ таблицы съ 10 различіями глагола и сейчасъ еще помню только слѣдующій кусочекъ изъ этого руководства: «разсвѣтаетъ, пора вставать, надобно работать». Здѣсь три предложенія, изъ коихъ первое заключается въ одномъ словѣ, а именно въ глаголѣ «разсвѣтаетъ».

Теперь, пересматривая свои ученическія за описываемый період тетрадки, нахожу писанный моею рукою отрывокъ изъ какого-то руководства по Русской грамматикѣ. Въ немъ изложено кратко въ вопросахъ и отвѣтахъ ученіе о глаголѣ. Откуда оно? Оно добыто изъ училищнаго рукописнаго руководства къ выпускному экзамену и именно публичному, для котораго приготавлилась напоказъ только часть курса. Далѣе нахожу свои ученическія «перекладки» басень Крылова «Квартетъ», «Стрекоза и Муравей», «Обезьяна». Изложеніе складно, почти безъ поправокъ отцовской руки; правописаніе безукоризненно, но «запятые» иногда хромаютъ. Какъ были достигнуты такіе результаты, часто трудные для этого возраста? Не помню, чтобы этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ отецъ со мной занимался. Даже поступивъ въ Университетъ, я кромѣ подлежащаго сказуемаго и опредѣленія ничего не зналъ изъ синтаксиса простаго предложенія и учился сему отъ учениковъ, которые повторяли со мною свои уроки. Подъ диктантъ я совсѣмъ никогда не писалъ по русски, ниже на другомъ какомъ либо языкѣ. И такъ правописаніе и порядочный стиль достигнуты были только чтеніемъ. «Перекладки» сохранилось только три. Вѣроятно ихъ и не было больше, потому что отецъ нашелъ успѣхи въ этомъ достаточными. Иначе я изъ литературнаго самолюбія непременно сохранилъ бы эти произведенія.

По ариметикѣ прошелъ я съ отцомъ только сложеніе, вычитаніе и умноженіе простыхъ чиселъ. Вѣроятно отецъ не былъ наклоненъ къ математикѣ; можетъ быть, самъ дальше простыхъ дробей не помнилъ, ибо математика всегда была большимъ мѣстомъ въ духовныхъ школахъ. Къ экзамену изъ ариметики я готовился при помощи зятя своего Е. О. Соколова, который хотя прошелъ только курсъ Коломенскаго духовнаго училища, но ариметику зналъ и любилъ.

Особенное вниманіе обращено было отцомъ на Лат. и Греч. языки, Священ. исторію съ катехивисомъ и географію. Нотному пѣнію и церковному уставу, входившимъ въ училищную программу, я совсѣмъ не учился, а *потому* меня даже и не экзаменовали изъ этихъ предметовъ на выпускномъ изъ училища экзаменѣ. Эти четыре предмета, т. е. два языка, Законъ Божій и географія шли у насъ по образцу училища, каждый три раза въ недѣлю.

Общій характеръ обученія состоялъ изъ задаванія уроковъ безъ всякихъ объясненій. Объясненія эти давались отцомъ только при сдачѣ ему выученнаго наизусть. Весьма часто, даже по большей части, я не понималъ того что выучивалъ наизусть; очень часто, одинъ разъ даже два раза въ день въ одно утро, былъ я за это непониманіе наказанъ розгами.

Ясно и подробно помню я все случаи наказанія меня за поведеніе. Къ извѣстнымъ читателямъ случаямъ порки за «Струча», «Лысаго осла», ножичекъ Репнинской, вообще ножички, разбитые квасные графинны и т. п. я могъ бы припомнить еще случаи наказанія за гонянье куръ раннею весною по лужамъ воды и т. д. и т. д. Но я рѣшительно не помню, *за что* именно отецъ наказывалъ меня при урокахъ; очевидно, только за непониманіе, потому-то этотъ *отрицательный* поводъ и не могъ сохраниться въ моей памяти. Можетъ быть, это была лѣнь? Врядъ ли: я былъ очень любознателенъ и трудолюбивъ, такъ что потомъ могъ одинъ безъ всякой помощи приготовиться къ Университету. Я дѣйствительно въ часы, назначенные для ученія, часто ничего не дѣлалъ или игралъ въ пѣтухи. Но часами для ученія назначалось *все* время отъ утренняго чая до ужина, за исключеніемъ двухъ часовъ послѣ обѣда, на счетъ чего была торговля: отецъ толковалъ этотъ законъ: «два часа съ обѣдомъ», а мы:—«два часа *послѣ* обѣда». Такое одинокое сидѣнье за уроками, безъ сомнѣнія, выходило изъ предѣловъ дѣтскаго вниманія и сосредоточенности. А главное: непониманіе изучаемаго и вело преимущественно къ оставленію учебника и къ замѣнѣ его чтеніемъ Карамзина или чѣмъ другимъ, дѣльнымъ или бездѣльнымъ.

Помню обращеніе такого непониманія. Сижу я и перевожу съ Русскаго языка на Латинскій фразу: Богъ сотворилъ міръ—*Deus creavit mundus*. Подходить ко мнѣ племянникъ Асафа, семинаристъ, товарищъ брата Петра, смотритъ въ тетрадь и указываетъ на ошибку: «сотворилъ что?—міръ. Какой падежъ *міръ*? развѣ именительный? Надо не *mundus*, а *mundum*». Я возражаю, никакъ не подозрѣвая, что хотя въ Русскомъ языкѣ им. и вин. *міръ* сходны, но въ Латинскомъ различны, хотя я могу правильно просклонять сущность. Нѣсколькими словами Горлицынъ просвѣтляетъ въ моей головѣ совершенно темное мѣсто объ отношеніи Русскихъ формъ съ Латинскими. До того времени я твердо зналъ Латинскія формы, плохо Русскія, а объ ихъ *отношеніи* не имѣлъ никакого представленія. Дай мнѣ тогда ктонибудь десятокъ подобныхъ объясненій, *пойми мое непониманіе*, и сидѣнье мое за уроками вмѣсто цѣлаго дня сократилось бы въ какіе нибудь два часа. Но этого отецъ, страдая излишнею горячностью, никакъ не понималъ. А братъ Петръ никогда даже пальцемъ не шевельнулъ въ дѣло моего ученія. За все время безтолковаго обученія у отца только *одинъ* человекъ, только *одинъ* разъ помогъ мнѣ. Это именно Горлицынъ своимъ указаніемъ на *mundus*, и я же его заочно прозвалъ *mundus*. Вотъ и дѣлайте добро людямъ!

Отсюда-то и сложилось и до зрѣлаго возраста оставалось у меня убѣжденіе, будто бы я совсѣмъ неспособенъ къ языкамъ, хотя и окон-

чить курсъ на филологическомъ факультетѣ, занимаясь тамъ необходимымъ Санскритомъ и безъ помощи учителей достигъ бѣлаго чтенія на двухъ новыхъ языкахъ, а нѣкоторое время занимался сравнительною грамматикою по собственной охотѣ.

Обращаюсь опять къ своимъ ученическимъ тетрадамъ, сначала по Латинскому языку. Вотъ тетрадь, писанная моимъ еще полудѣтскимъ почеркомъ на 13-лѣтнемъ возрастѣ въ 1853—1854 гг. Это переводы съ Лат. на Русск. языкъ самые элементарные: *Terrae figura est rotunda*—фигура земли кругла; *Corpus est animi domicilium aut instrumentum*—тѣло есть жилище души или орудіе. Тетрадка оканчивается болѣе трудными примѣрами управленія безличныхъ глаголовъ. Орѳографія Русскаго перевода еще хромаетъ и исправлена рукою отца. Эти переводы, очевидно, служили и практикою въ Русскомъ правописаніи, но побочно, мимоходомъ. Въ другой тетрадѣ тотъ же текстъ, но продолженъ дальше. Почеркъ мой мельче и тверже. Въ концѣ помѣтка отца 8 Марта 1855 года. Русское правописаніе гораздо тверже, но буква ѣ страдаетъ. Орѳографія и здѣсь поправлена отцомъ. Но какая скука все тоже и тоже третій годъ! Какіе жалкіе успѣхи!

Вотъ еще тетрадка, современная этой послѣдней, Русскій переводъ *Historiae Sacrae*. Отцовскія поправки касаются тутъ и Русской стилистики, усвояемой мною опять случайно, мимоходомъ. Вотъ тетрадка съ приискавными словами изъ *Selectae Historiae*; такая же тетрадка для перевода изъ Латинской Хрестоматіи; словъ приискано на 85 статей и 35 басенъ. Вотъ письменный переводъ этихъ статей. Переводъ удовлетворителенъ, то на немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отцовской руки. Припоминаю: былъ цѣлый годъ, а можетъ быть и больше съ Ноября 1853 г., когда отецъ былъ переведенъ изъ монастыря въ приходъ Воздвиженія на Овражѣ и не только совсѣмъ пересталъ меня учить, но еще поручилъ мнѣ учить моего младшаго брата тому, что и самъ я едва зналъ.

Вотъ и всѣ остатки обученія латыни. Никакихъ слѣдовъ чтенія какихъ либо Латинскихъ авторовъ; даже Корнелія Непота впервые увидѣлъ я только тогда, когда получилъ первый частный урокъ, будучи уже студентомъ. За то очень твердо, хотя и не всегда съ пониманіемъ, зубрилъ я Латинскія грамматики, почему-то не одну, а цѣлыхъ три: Ампросія, Беллюстина и Либрехта.

Сколь ни плохо учился я по-латыни, но занятія Греческимъ языкомъ были еще слабѣе. Самъ отецъ зналъ этотъ языкъ хуже Латинскаго. Я все училъ какую-то самодѣльную рукописную, оставшуюся отъ старшихъ поколѣній Греческую грамматику, гдѣ парадизмъ склоненій и

спряжений не было; были только исключенія, а примѣры правильныхъ склоненій и спряженій пришлось изучать по печатному для духовныхъ школъ руководству. Помню: я очень долго возился съ глаголомъ *tupto*, такъ что дядя Сергѣй Петровичъ, не разъ приѣзжавшій къ намъ изъ Черкизова, сталъ даже дразнить меня этимъ словомъ. Вѣроятно, изученіе Греческаго языка выпало какъ разъ на то время, когда отецъ совсѣмъ бросилъ заниматься со мною.

Въ архивѣ моемъ оказываются жалкіе остатки Греческихъ письменныхъ упражненій. Вотъ слова, присканныя къ «краткихъ повѣстяхъ изъ Гіеракла» и къ баснямъ Езопа, помѣщенные въ Хрестоматію для духовныхъ школъ. Вотъ и письменный переводъ этихъ басенъ. Ихъ только 27 штукъ. Это работа за полтора года, ибо указано время перевода: «одна половина 1853 года, другая съ 1854 по 1855 годъ». Переводъ нѣкоторыхъ басенъ значительно исправленъ отцомъ въ стилистическомъ отношеніи, но нѣкоторыя басни совсѣмъ имъ не читаны: исправленные и неисправленные чередуются. Очевидно ученіе шло кое-какъ, случайно, когда я попадался подъ руку.

Вотъ и послѣднія двѣ тетрадки. На нихъ и сейчасъ не могу взглянуть безъ первнаго содраганія. Это Русскій переводъ слова Василія Великаго «Велико различіе между христіанами и людьми міра его». Къ этому «Слову» присканы и слова. Но переводъ не мой, а списанный откуда-то мною съ печатнаго; позвольте привести начало этого перевода. «У христіанъ свой міръ, свой образъ жизни, и умъ, и слово, и дѣятельность свои; инаковы же и образъ жизни, и умъ, и слово, и дѣятельность у людей міра сего. Иное—христіанинъ, иное—міролюбцы; между тѣми и другими разстояніе велико. Ибо обитатели земли, чада вѣка сего, уподобляются пшеницѣ, всыпанной въ рѣшето земли сей, и просѣваются среди непостоянныхъ помысловъ міра сего, при непрестанномъ волненіи земныхъ дѣлъ, пожеланій и многосплетенныхъ вещественныхъ понятій».

Согласенъ вполне съ вами, что содержаніе этого произведенія пресвходно; но прошу васъ только представить себѣ 13 лѣтняго мальчика которому безъ всякихъ предварительныхъ поясненій приказано перевести письменно это великое произведеніе. А мальчикъ этотъ никакъ еще не могъ сладить съ правильными Греческими склоненіями и спряженіями, съ Греческаго перевелъ онъ пока всего только нѣсколько басенъ, да и тѣ не всѣ поправлены были ему учителемъ. Пособіе у мальчика только одно, толстый Греко-латинскій словарь. Кое-какъ догадывается онъ о началѣ слова въ какомъ нибудь *plusquamperfectum* - ѣ, обросшемъ флексіями п тройнымъ напроценіемъ спереди, или въ трудно узнаваемомъ

и въ Университетѣ неправильномъ глаголѣ; находить наконецъ слово въ Греко-латинскомъ лексиконѣ, а тамъ—цѣлый столбецъ Латинскихъ значеній этого слова; а Латинскій-то языкъ, вы видѣли, извѣстенъ былъ ему только по *Historiae Sacrae*. И вотъ онъ прискиваетъ уже въ Латинско-русскомъ словарѣ то одно, то другое изъ этихъ объяснительныхъ Латинскихъ словъ, и все таки, при всемъ напряженіи способностей, не видитъ онъ ни малѣйшаго просвѣта въ этомъ «непрестанномъ волненіи земныхъ дѣлъ, пожеланій и множественныхъ вещественныхъ понятій».

А вы жалуетесь на трудность ученія, на мнимое «переутомленіе». (истинное послѣдствіе ранняго разврата), вы, для которыхъ и сами по себѣ удобопонятные прекрасные тексты повѣствовательнаго содержания, помимо буквальныхъ къ нимъ переводовъ, изданы со всякими поясненіями и спеціальными маленькими въ концѣ книги словариками, гдѣ, среди не десятковъ тысячъ, а какихъ нибудь сотней словъ, указано на Русскомъ, а не на Латинскомъ языкѣ, ихъ точное значеніе для даннаго мѣста съ объясненіемъ притомъ и формы стоящей въ текстѣ!

Досталъ я этотъ спасительный переводъ, при помощи его пробовалъ всячески уразумѣть Греческій текстъ: пробовалъ просиживать съ нимъ до заутрени; пробовалъ приниматься за него съ ударомъ на колокольнѣ къ заутрени,—все ничего не выходило!

Остается сказать о второстепенныхъ предметахъ, Законѣ Божиѣмъ и Географіи. Священная Исторія Богданова заучивалась очень легко. Труднѣе казался Катехизисъ митрополита Филарета, знаніе коего требовалось буквальное. Но мудрость Катехизиса не превышала моего разумѣнія, и потому и съ Катехизисомъ не было особеннаго труда.

Географію проходилъ я по запискамъ, оставшимся отъ брата Петра. Вѣроятно этотъ краткій курсъ былъ составленъ отцомъ. Глобусъ подъ руками не было; я познакомился съ глобусомъ на урокахъ, будучи уже самъ студентомъ и речетиторомъ. За то на стѣнахъ висѣли пять географическихъ картъ прошлаго столѣтія. Хотя Польша на картѣ Европы оставалась тамъ еще самостоятельнымъ государствомъ, все таки общій видъ очертанія материковъ врѣзался мнѣ въ память. Любопытность побуждала находить на этихъ картахъ островъ Св. Елены, Чермное море и т. п. мѣста, съ которыми я знакомился помимо географическаго учебника.

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ГИЛЯРОВА*).

Переходное положеніе семьи.

Въ Октябрѣ 1853 года въ нашей жизни совершился переломъ: отецъ нашъ изъ Новодѣвичьяго монастыря былъ переведенъ во священники въ приходъ Крестовоздвиженской, что на Овражкахъ, церкви, находящейся близъ Дѣвичьяго поля, тамъ, гдѣ начинается улица Плющиха. Прежде, чѣмъ говорить о причинѣ этого перевода, надо сказать объ отношеніяхъ моего отца къ знаменитому Московскому митрополиту Филарету.

Предъ лицомъ всесильнаго «владыки» отецъ мой стоялъ противоположно освящаемый съ двухъ сторонъ, дружественной и враждебной. Отецъ мой приходился очень дальнимъ родственникомъ Филарету, именно онъ женатъ былъ на Татьянѣ Ѳеодоровнѣ Островской, родной братъ которой Геннадій Ѳеодоровичъ Островскій былъ женатъ на Варварѣ Иродіоновнѣ, дочери Иродіона Степановича Сергіевскаго (изображеннаго въ книгѣ «Изъ пережитаго» Н. П. Гилярова) и Ольги Михайловны Дроздовой, сестры митрополита Филарета. Такимъ образомъ Варвара Иродіоновна, невѣстка моей матери, была родная племянница Филарета. Хотя родство это и было «седьмою водою на киселѣ», но все же оно было немалою вещью во времена тогдашняго безграничнаго nepотизма. Всѣ лучшіе богатѣйшіе въ Москвѣ приходы были заняты многочисленною «Филаретовскою роднею». Во главѣ этой родни стояла знаменитая «Ксенофонтьевна», вершительница поповскихъ и дьяконскихъ судебъ. Ксенофонтьевна была невѣстка митрополита, вдова. Съ этою предводительницею Филаретовской родни родители мои не состояли ни въ какихъ отношеніяхъ; между ними не было даже простаго знакомства. Отецъ мой не покрывался многообъемлющимъ родственнымъ крыломъ Ксенофонтьевны, но за то изо всей мужской родни ближайшимъ и любимѣйшимъ у Филарета былъ Геннадій Ѳеодоровичъ Островскій. Онъ-то и былъ главнымъ и единственнымъ заступникомъ отца предъ «владыкою».

*) См. выше, стр. 465.

Филаретовская родня, пользуясь своимъ родствомъ, могла позволять себѣ то, о чемъ не-родня и помыслить не смѣла; ибо времена были Филаретовскія, да еще Николаевскія.

Поведеніе много Филаретовскаго родственника ставило митрополита въ безвыходное положеніе прямо мученика. Знаменитымъ мучителемъ «владыки» былъ Григорій Ивановичъ, протопопъ Троицы на Листахъ, зять митрополита, женатый на его сестрѣ Аграфенѣ Михайловнѣ и «отчасти сосватанный за сестру самимъ владыкою» («Изъ нережитаго, 42») Григорій Ивановичъ, по моимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, придерживался рюмки и во хмелю бывалъ весьма буенъ и жестокъ. Разсказывали тогда, будто бы онъ даже истязалъ свою жену, сестру митрополита: привязывалъ ее въ одной рубашкѣ къ стѣнѣ веревкою и сѣкъ. Митрополитъ, конечно, зналъ объ этомъ черезъ Ксенофонтьевну, сосудъ всякихъ родственныхъ сплетенъ. Всячески усовѣщевалъ онъ своего пьянаго и буйнаго зятя, ничто не помогало. Разъ призываетъ онъ его и грозитъ: — Я тебя въ дьячки въ село пошлю! — Посылай, спокойно отвѣчаетъ Григорій Ивановичъ: тогда твоя сестра будетъ сельскою дьячихою. Такъ Григорій Ивановичъ при всей невозможности своего поведенія и дожился благополучно свой вѣкъ въ протоіерейскомъ санѣ «на Листахъ».

Кромѣ Ксенофонтьевны, ближайшимъ человѣкомъ и «наушникомъ» былъ у митрополита секретарь его всеильный Александръ Петровичъ*), злой геній моего отца. Ему былъ близкою роднею Новодѣвическій попъ Дмитрій Алексѣевичъ. Попъ Дмитрій былъ глупъ, даже очень глупъ, хотя послѣ протопопа и старѣйшій изъ Новодѣвическихъ священниковъ. Мой отецъ былъ самый младшій изъ нихъ и вполне заслуживалъ данное ему въ семинаріи прозвище. Какъ ястребъ, онъ любилъ безъ всякаго повода налетѣть и трепать перья у самоувѣреннаго глупца. Любимѣйшимъ его занятіемъ было неустанно въ теченіи многихъ лѣтъ травить попа Дмитрія, безпрестанно подставлявшаго свои незащитные бока острому клюву и когтямъ своего сослуживца «ястреба». Безсильный отвѣчалъ тѣмъ-же, попъ Дмитрій послѣ каждой такой трепки отправлялся съ жалобою на отца ко всеильному Александру Петровичу, который не пропускалъ случая чернить отца въ глазахъ митрополита. Отецъ хорошо зналъ это и хотя, бывало, предъ каждой поѣздкою на «Троицкое подворье» всячески охорашивался и становился очень серьезнымъ и сосредоточеннымъ, не оставлялъ однако щипать попа Дмитрія въ явный вредъ себѣ. Такъ объ эти силы враждебная, секретарь, и дружественная «братъ Геннадій» долго боролись безуспѣшно. Отецъ ни повышенія не получалъ, ни карамъ не подвергался. Памятникомъ робкихъ стремленій отца поступить

*) Святославскій, извѣстный читателю по „Дневнику“ И. М. Снѣгирева. II. Б.

на лучшее мѣсто осталась у меня копія прошенія его митрополиту 13 Октября 1845 года. Онъ просить быть переведеннымъ на прежнее священническое мѣсто при Георгіевской, что на Вспольѣ, церкви. основательно указывая, что имѣетъ «семерыхъ дѣтей, и изъ нихъ четырехъ мужескаго пола, и воспитаніе же сихъ послѣднихъ въ семинаріи, по дальности отъ настоящаго моего мѣста, насопряжено съ тяжкими неудобствами». На верху этого прошенія надпись рукою отца: «Не было подаваемо и оставлено для памяти, что надобно всего болѣе просить Бога и стараться с..... право не знаю о чемъ». Наконецъ 13 Ноября 1852 году Геннадій Ѳеодоровичъ скончался; осталась одна только враждебная отцу сила—Александръ Петровичъ, и меньше чѣмъ черезъ годъ участь отца измѣнилась.

29 Октября 1853 г. какая-то аристократка Апр—на привезла изъ Петербурга тѣло своей свекрови для погребенія въ Новодевичьемъ монастырѣ. Отецъ мой, хотя все еще оставался однимъ изъ младшихъ священниковъ, продолжалъ, по неспособности прочихъ, распоряжаться при всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ и на этотъ разъ, когда неожиданно вечеромъ было привезено тѣло, сослуживцы выдвинули отца впередъ, хотя на сей разъ онъ и не былъ очереднымъ и могъ позволить себѣ выпить, чего однако никакъ не утверждаю рѣшительно. Между отцомъ и Апр—ной произошелъ разговоръ о предстоявшемъ на утро погребеніи. Отецъ былъ превосходнымъ знатокомъ церковнаго устава, весьма вообще мудренаго и рѣдко кѣмъ изъ духовенства сообщаемого во всѣхъ его трудно понимаемыхъ методахъ. Нѣкогда отецъ даже собирался писать руководство къ церковному уставу и завалилъ у себя всю комнату богослужебными книгами. Гордая аристократка, мало знакомая съ церковнымъ уставомъ, начала умничать; отецъ возражалъ, та настаивала. Въ чемъ состоялъ предметъ ихъ разногласія, не знаю: думала ли она обойтись безъ заупокойной обѣдни, указывая, что тѣло уже отпѣто, или же въ чемъ другомъ; но семейное преданіе сохранило въ памяти слѣдующее окончаніе ихъ пререканія.

— Надо распорядиться, говорилъ отецъ.

— Мы уже всѣмъ распорядились настаивала Апр—на.

— Распорядились, распорядились! передразнивалъ ее отецъ: ну, какъ сами распорядились, такъ пусть и хоронятъ какъ собаку!

Это «какъ собаку» свидѣтельствуетъ что отецъ стоялъ за какойнибудь обрядъ, соблюденіе коего свѣтской барынѣ казалось излишнимъ. Такимъ образомъ это «какъ собаку», при всей рѣзкости и оскорбительности, было точнымъ опредѣленіемъ стремленія уклониться отъ соблюденія уставнаго церковнаго обряда. Отецъ мой вообще былъ прямъ до нельзя. Онъ былъ поистинѣ тѣмъ Израильтяниномъ, въ которомъ не

было «лести». Ни предъ какимъ виѣшнимъ авторитетомъ не преклонялъ онъ головы, было ли это аристократическое имя или милліоны.

Слово отца ожгло гордую аристократку, хотя, безъ сомнѣнія, намѣренія оскорбить у отца не могло быть. Апр—на тотчасъ же бросилась къ митрополиту съ жалобою на отца, и отецъ по этой жалобѣ былъ переведенъ къ Воздвиженью на Овражки со внесеніемъ въ его послужной списокъ, что онъ «по дѣлу о допущенныхъ 29 Октября 1853 г. безпорядкахъ въ служеніи (?) удаленъ изъ Новодѣвичьяго монастыря и опредѣленъ къ Крестовоздвиженской на Пометномъ Вражѣ церкви».

Этотъ, едва ли заслуженный, ударъ подѣйствовалъ удручающимъ образомъ на моего отца: дотолѣ сравнительно трезвой жизни, онъ дѣйствительно сталъ пить... Резолюція митрополита не столько соотвѣтствовала прошлому поведенію отца, сколько обратилась въ пророчество для него. Такова бываетъ иногда вѣщая сила слова! Но онъ ни минуты не чувствовалъ злобы на митрополита. Попрежнему продолжалъ онъ питать къ нему тоже, что и прежде, благоговѣйное почтеніе. Мало этого: онъ даже приписывалъ ему святость. Болѣя водянкою, уже въ безнадежномъ состояніи, онъ видѣлъ сонъ, будто бы митрополитъ Филаретъ благословилъ его (не помню, при жизни митрополита было это сновидѣніе у отца или же вскорѣ послѣ его смерти). Послѣ этого у отца обильно пошла вода изъ ногъ; животъ опалъ, и онъ, хотя и съ тою же болязнию, прожилъ еще лѣтъ 5—6.

Оставаясь жить подъ Дѣвичьимъ, отецъ два раза въ день ходилъ, къ заутрени и обѣднѣ, а потомъ къ вечернѣ долженъ былъ ходить пѣшкомъ въ церковь своего прихода, т. е. считая конецъ по 2 версты, дѣлать ежедневно 8 верстъ. Для удобства онъ нанялъ для себя помѣщеніе у своего приходскаго дьякона и большую часть времени проводить тамъ; но въ томъ и другомъ случаѣ онъ не имѣлъ времени заниматься со мной, и я 13 лѣтъ отъ роду предоставленъ былъ самоучецію. Сверхъ того отецъ поручилъ мнѣ учить моего младшаго 10-лѣтняго брата; удобнѣе было бы возложить это на 23 лѣтняго брата Петра, тогда уже окончившаго семинарскій курсъ; но Петръ былъ любимецъ матери и далекъ съ отцомъ. Любопытно, что мнѣ только сейчасъ пришло въ голову, что эту училищную должность приличнѣе было бы возложить на 23 лѣтняго молодого человѣка, хорошо окончившаго курсъ, а не на 13 л. мальчишку, который самъ ничего не зналъ; но тогда это и въ помыслахъ не было, а потомъ и не вспоминалось. Какъ бы то ни было, я принужденъ былъ и самъ учиться и другого учить. Вотъ картинка поясняющая наши успѣхи. Полагалось мнѣ между прочимъ учить брата Латинскому синтаксису. Ученіе конечно въ цѣлые мѣсяцы ни на пядень не подвинулось ни у меня, ни у него. Раскрытые листы Латинскаго синтаксиса, при продол-

жающемъ сидѣніи, засалились, поистрепались, углы книги обратились въ завитушки. Мы, нисколько конечно не двигаясь впередъ, перевертываемъ листы далѣе и далѣе. Наконецъ останавливаемся на *ablativus absolutus*. Этотъ *ablativus absolutus* остается открытымъ тоже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ свою очередь пріобрѣтаетъ завитушки. Приходитъ какъ-то отецъ, смотритъ книгу, *ablativus absolutus*. Протекаетъ мѣсяць-другой, снова смотритъ, тотъ же *ablativus absolutus*! Послѣдовало наказаніе, но отецъ и не предполагалъ, что эта глава никоимъ образомъ не была мѣстомъ остановки ученія: оно находилось много-много еще назади, а до этой главы перелистованъ былъ учебникъ только для прилику. Эти-то времена, кажется, и были наиболѣе горячею порою нашихъ пѣтушиныхъ боевъ.

Одно обстоятельство, важнѣйшее въ это время въ нашей жизни, заставляетъ меня задуматься теперь. Новое отцовское мѣсто, повидимому, было богаче прежняго, а между тѣмъ отецъ переведенъ былъ сюда ради наказанія. Чтò это значитъ? Не знаю, сколько именно получалъ отецъ на священническомъ мѣстѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; но онъ говорилъ, что ежегодный его тамъ доходъ былъ 1000 р. с. Такъ вѣроятно и было, судя по дешевизнѣ тогдашней жизни и по нашему сравнительному тамъ достатку. У Воздвиженія сталъ онъ получать въ одинъ годъ 898 р. 39½ коп., какъ значится въ его приходной книгѣ.

У покойнаго священника Воздвиженской церкви остался домъ на церковной землѣ. Тогда у большинства духовенства были свои дома на церковной землѣ; церковными домами пользовались очень немногіе. Вновь опредѣляющійся священникъ обязанъ былъ купить, а его предмѣстникъ продать ему свой домъ, ибо земля подъ домомъ была церковная. Домъ покойнаго Воздвиженскаго священника Терновскаго стоилъ около 20 тысячъ р. с. Отецъ мой, не имѣвшій тогда ни копѣйки залежной, никоимъ образомъ не могъ пріобрѣсть этого дома. Митрополитъ не могъ не знать ни бѣдности моего отца, ни дороговизны дома у Воздвиженія. Зачѣмъ же онъ перевелъ его туда?.. Предоставляю читателю рѣшеніе этого вопроса, отнести ли это къ невѣдѣнію митрополита, или къ нѣкоторой утонченной его жестокости.

Въ бумагахъ отца сохранилось слѣдующее его донесеніе благочинному Троицкой, чтò на Арбатѣ, церкви, протоіерею Платонову: «На объявленный вами мнѣ указъ Московской Духовной Консисторіи отъ 30 Апрѣля 1854 года за № 2992 съ резолюціею его высокопреосвященства о немедленномъ побужденіи меня приступить къ покупкѣ дома, оставшагося послѣ предмѣстника моего, умершаго священника Алексѣя Терновскаго, честь имѣю покорнѣйше донести вамъ, что я, при благо-расположеніи, какимъ пользуюсь отъ прихожанъ и при получаемыхъ отъ нихъ доходахъ, довольныхъ къ содержанію меня и моего семейства,

очень желать бы приступить къ покупкѣ означеннаго дома, но никакъ не въ силахъ былъ сдѣлать сего до настоящаго времени. Ибо недавно, и именно въ 1848 году священникъ Терновскій приобрѣлъ сей домъ покупкою за очень дорогую цѣну, и сверхъ того послѣ дѣлалъ разныя пристройки и улучшенія въ ономъ; а суммы, какую я могу получить за свой, состоящій на землѣ, принадлежащей Московскому Новодевичью монастырю, домъ, недостаточно. Другихъ же средствъ къ покупкѣ дома я теперь не имѣю по многочисленности своего семейства. Хотя изъ осьми человекъ дѣтей моихъ и выбылъ старшій сынъ мой на гражданскую службу, и выдана въ настоящемъ мѣсяцѣ въ замужество старшая дочь моя; при всемъ томъ немалыхъ требовалось отъ меня издержекъ на содержаніе сына до окончанія имъ полнаго семинарскаго курса на моемъ иждивеніи, и по его болѣзненному сложенію на лѣченіе его, а на выдачу дочери въ замужество наконецъ я истощилъ все, со многими собственными лишеніями приобретенное мною. Впрочемъ, сколько затруднительно для меня купить домъ, оставшійся послѣ предѣстника моего, я обязуюсь приступить къ покупкѣ онаго, когда приищу къ тому средства, о чемъ я теперь всѣми силами стараюсь, и въ семъ затруднительномъ положеніи совершенно предаюсь въ новое распоряженіе его высокопреосвященства, милосердаго владыки и рукоположителя моего».

До или же послѣ этой докладной записи отецъ пытался проситься на священническое мѣсто Девяти Мучениковъ близъ Прѣсни, ссылаясь на свое безсиліе купить у Воздвиженія «дорогой цѣны домъ», но получилъ отказъ. На черновомъ прошеніи написано рукою отца: «Сіе было въ ракъ преподобнаго Сергія».

Если бы не серьезность докладной записки и не дѣтское прямотушеніе отца, можно было бы назвать горькою ироніею его обязательство «приступить къ покупкѣ дома, когда приищу къ тому средства, о чемъ я теперь всѣми силами стараюсь». Отъ старшаго сына Петра, бывшаго тогда столоначальникомъ 2-го департамента Московскаго магистрата, получавшаго жалованья съ «доходомъ», вѣроятно, больше отца, отецъ не видалъ никакой помощи: уже позднѣе мать выпросила у своего старшаго сына ежемѣсячную субсидію въ 10 р., а потомъ, когда онъ сталъ секретаремъ въ томъ же магистратѣ, въ 15 р. И какихъ трудовъ стоило имъ каждый разъ выпрашивать у него эти деньги на помощь чуть не голодающей семьѣ, когда тотъ кидалъ на кутежи сотни рублей!.. Бывало, за этими несчастными рублями ходишь по нѣскольку разъ къ нему, выжидаешь его хорошаго расположенія духа... На замужество сестры обобраны были изъ сберегательной кассы книжки всѣхъ остальныхъ сестеръ. Наличныхъ денегъ у отца не осталось ни гроша. Была, правда, богатая родня со стороны матери, но тамъ была своя большая семья. Вѣроятно, они и не оказали бы помощи, да и въ голову не входило просить ихъ. Оставался только дожъ пока непроданный подъ Дѣвичьимъ, но за эту избушку можно было получить нѣсколько сотъ рублей, а домъ у Воздвиженья стоилъ около 20,000 р. с.

Въ то время какъ шло давленіе съ одной стороны на покупку Воздвиженскаго дома, съ другой оказалось давленіе на продажу Поддѣвиченскихъ гнилушекъ. Подъ Дѣвичье на мѣсто отца поступилъ священникъ Семень Вишняковъ. У меня въ рукахъ нѣсколько его писемъ къ отцу о скорѣйшей продажѣ ему нашего дома.

Продолжительныя пререканія отца моего съ своимъ замѣстителемъ о продажѣ нашего дома остается любопытнымъ образчикомъ тогдашнихъ отношеній, возникающихъ при обязанности одного продать, другого купить домъ. Вѣроятно эти пререканія были обычными, потому что практика выработала для рѣшенія такихъ дѣлъ форму третейскаго суда, въ видѣ оцѣнщиковъ, избираемыхъ обѣими сторонами.

15 Января 1854 года священникъ Вишняковъ пишетъ къ отцу: «Я былъ нынѣ у васъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома. Нужда, по которой я былъ у васъ, есть нужда прежняя, съ которою я неоднократно уже обращался къ вамъ, именно окончательно переговорить о домѣ вашемъ».

27 Января того же года новое письмо О. Вишнякова: «Еще разъ, послѣ неоднократныхъ, но несчастныхъ моихъ приходовъ къ вашему дому, я письменно прошу васъ покорнѣйше назначить мнѣ время, въ которое я могу застать васъ у себя въ домѣ и лично переговорить по взаимному нашему дѣлу. Завтрашній день весь я буду свободенъ, не думаю, чтобы и вы были чѣмъ-нибудь заняты такъ, чтобы не могли мнѣ удѣлить $\frac{1}{4}$ часа времени. Ежели же вамъ, почему либо, негодно будетъ видѣться со мною; то, по крайней мѣрѣ, прошу васъ откровенно передать мнѣ (хотя съ симъ посланнымъ), что послѣдняя наша бесѣда съ вами касательно продажи дома вашего мнѣ есть окончательная совершенно и что вы въ дальнѣйшія разсужденія со мною касательно этого дѣла вступать уже не намѣрены».

1-е Марта снова требованіе свиданія «для окончательныхъ и рѣшительныхъ переговоровъ». Письмо оканчивается угрозою: «Думаю, что тянуть долго это дѣло неблагоприятно, и для васъ не полезно, и для меня неудобно. Прошу васъ покрѣпче объ этомъ подумать, такъ, чтобы дѣло кончить совѣстливо, къ взаимному удобству и удовольствію, и не тревожить высшее начальство наше просьбою о посредничествѣ между нами».

8 Марта снова письмо: «Срокъ, вами назначенный для окончательнаго рѣшенія съ вашей стороны общаго нашего дѣла, кончился. Прошу васъ *откровенно* сказать мнѣ: намѣрены ли вы продавать мнѣ домъ или нѣтъ? Ежели намѣрены, то прошу васъ сказать *рѣшительную цѣну*, чего

«стоитъ вашъ домъ. Думаю, что времени для васъ достаточно было обдумать все дѣло это и опредѣлить себя къ исполненію этого дѣла. Свое рѣшеніе вы можете выразить хоть на этомъ же клочкѣ бумаги, или, ежели вамъ это будетъ неудобно, не почтите въ трудъ пожаловать ко мнѣ на квартиру и хоть однимъ визитомъ отплатить мнѣ за множество моихъ визитовъ вамъ. *Совѣстливое* рѣшеніе дѣла я готовъ, какъ и всегда былъ, принять хоть сейчасъ. И мы будемъ взаимно довольны, и наше начальство тоже; потому что избѣгнемъ случая беспокоить начальство высшее о посредствѣ между нами».

Добровольнаго соглашенія не состоялось. Очевидно о. Вишняковъ прижималъ опальнаго отца. А между тѣмъ домишко этотъ былъ единственнымъ достояніемъ огромной семьи. Взаимному раздраженію содѣйствовала, можетъ быть, и разница типовъ продавца и покупателя: одинъ уже пожилой опальный священникъ, хотя не магистръ, но твердый весьма въ грамматикѣ, стилистикѣ и логикѣ; другой молодой магистръ, блестяще начинающій свою карьеру, но перомъ плохо владѣющій. Помню, напр., еще одну краткую записку о. Вишнякова: «300 р. сереб. вотъ мой послѣдній ультиматумъ». Надъ этимъ «*последнимъ* ультиматумомъ» отецъ, да и я, 13-лѣтній мальчикъ, много смѣялись.

Въ нерѣшенномъ дѣлѣ пришлось обратиться къ оцѣнщикамъ. Здѣсь пошли новыя пререканія. 11 Мая о. Вишняковъ извѣщаетъ отца: «Завтрашній день я намѣренъ обратиться къ высокопреосвященнѣйшему владыкѣ нашему съ просьбою о позволеніи купить вашъ домъ съ оцѣнки... Думаю впрочемъ, что не безвременно еще разъ объявить вамъ своего рода *ultimatum*, а именно: угодно ли вамъ взять съ меня за домъ вашъ 1,500 рубл. ассигнаціями?... Ежели вы не согласитесь взять назначенную мною цѣну теперь; то, когда будетъ состоятъ оцѣнка и когда домъ вашъ, по крайней ветхости его, можетъ быть, оцѣнится дешевле того, что я даю теперь, то заплачу только цѣну имѣющую быть, ян копѣйки не прибавлю по причинамъ, которыя вы сами хорошо знаете, ежели помните, какъ поступали и поступаете со мною».

Оцѣнка состоялась только въ концѣ 1854 года. 7 Декабря о. Вишняковъ писалъ отцу: «Во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться непріятностей (чему уже подали вы жалкій примѣръ), я покорнѣйше прошу васъ отвѣтить мнѣ непременно, почему съ вашей стороны посредники для оцѣнки дома вашего, уже такъ давно получившіе указъ М. Д. Консистеріи, не приступаютъ доселѣ къ дѣлу оцѣнки? Мои посредники весьма давно уже готовы приступить къ дѣлу, ждутъ и скучаютъ».

На это письмо сохранился черновой казуистическій отвѣтъ отца отъ 8 Декабря: «Я получилъ ваше письмо отъ 7 Декабря и могъ бы

вамъ гораздо справедливѣе сказать: почему съ вашей стороны посредники для оцѣнки дома моего доселѣ не приступали къ дѣлу объ оцѣнкѣ, ибо и мои посредники весьма давно уже готовы къ дѣлу, и ждутъ и скучаютъ, какъ и ваши, по вашимъ словамъ. Разсудительные люди и говорятъ, что причины медленности отъ васъ, какъ отъ покупателя и притомъ начавшаго дѣло объ оцѣнкѣ, который обязанъ собирать и приглашать всѣхъ цѣновщиковъ». Въ заключеніе отецъ общаетъ, что его цѣновщики придутъ въ домъ 10 Декабря въ 11 часовъ утра, къ каковому времени просить и о. Вишнякова прислать своихъ цѣновщиковъ.

Въ концѣ концовъ отецъ, кажется, сталъ уже находить удовольствіе дразнить своего замѣстителя за всѣ его дерзости. «Ястребъ» уже, помятый въ житейской борьбѣ, и оскорбленною аристократическою гордостью и кулачествомъ своего собрата, уклоняется отъ этой борьбы. 18 Декабря о. Вишняковъ пишетъ: «Давши слово посредникамъ быть 13 числа настоящаго мѣсяца въ своемъ домѣ для дѣла оцѣнки, вы, неизвѣстно почему, не явились и даже не предупѣдомили своихъ посредниковъ о томъ, что вы не будете, и не уполномочили ихъ приступать къ самому дѣлу оцѣнки, то-есть къ описи дома. Потому посредники, собравшись 13-го числа, съ обѣихъ сторонъ ни къ чему не хотѣли приступить, даже къ описи дома; потому что для этого дѣла необходимо было ваше присутствіе... Теперь и я и посредники наши просимъ васъ покорнѣйше, не уклоняясь отъ дѣла, назначить день, въ который вы непременно будете въ домѣ вашемъ и въ который хоть что нибудь можно будетъ сдѣлать, а не дѣлать время къ моему отягощенію».

Наконецъ домъ былъ оцѣненъ, при участіи со стороны отца оцѣнщиками, священниковъ Неопалимовской, что близъ Дѣвичьяго поля, церкви Василія Мовинина и Дмитрія Селунскаго, что у Тверскихъ воротъ, церкви Ивана Дмитревскаго, и проданъ не помню за сколько, но очень дешево. Среди этихъ передрагъ по продажѣ дома отецъ окончательно бросилъ заниматься мною. Не являясь на чередные и годовые экзамены, я долженъ былъ быть по крайней мѣрѣ представленъ къ выпускному изъ IV класса весною 1854 года; но я совсѣмъ не былъ къ тому подготовленъ, почему и послѣдовало отъ отца «покорнѣйшее донесеніе» «господину ректору Московскихъ духовныхъ Донскихъ училищъ Софійскому отцу протоіерею, магистру Александру Евѣиміевичу Нечаеву». «Сынъ мой, ученикъ Донскаго уѣзднаго училища высшаго отдѣленія, Ѳеодоръ Гиларовъ, по причинѣ болѣзни своей, не можетъ быть представленъ въ училище на испытанія».

И остался въ училищѣ на второе двухлѣтіе, ибо классы были тогда двухгодовые.

Е. Х. Оппель.

Поддѣвичье, настроенное по монастырскому камертону, вообще отличалось нѣсколько приподнятымъ нравственнымъ настроеніемъ, ска- залъ бы, идеализмомъ. Идея «наживы» нигдѣ еще тамъ не выпячивала впередъ своего толстаго брюха, ибо Россія не была еще тогда возбу- ражена экономическими реформами, породившими стаю всевозможныхъ хищниковъ, даже въ интеллигентныхъ, руководящихъ сферахъ. Удаление отца къ Воздвиженію на Овражки оторвало его отъ монастырской сре- ды, сравнительно образованной, а по самому положенію своему прав- ственно чистой; разлучило его съ такими его друзьями, какъ казначей монастыря монахиня Елена Христофоровна Оппель.

Особа образованная, но истинно религіозная, даже аскетка: она носила постоянно власяницу подъ рубашкою. Е. Х. Оппель была также скромною благотворительницею: она раздала все свое состояніе и сконча- лась въ бѣдности. Благотворительность ея простиралась и на мона- стырское духовенство, которое, напр., за гонораръ, платимый ею, лѣчилося у К. И. Сокологорскаго, насколько искуснаго врача, на столько же и чело- вѣка высокой нравственности. Это былъ медикъ еще старой школы, не имѣвшій ничего общаго съ современными врачующими козолупами. Рассказывали, что Сокологорскій не только лѣчилъ своихъ паціентовъ но и какъ челоуѣкъ глубокоуважающій, *молился* объ ихъ выздоровленіи. Отношеніе моего отца съ Оппель, его духовною дочерью, начались, ко- нечно, на почвѣ ея спеціальныхъ молитвенныхъ «требъ».

«Батюшка! пишетъ она, всенощныя я отложила до третьей недѣли пр. Кассіану, пр. Арсенію, Алексѣю Челоуѣку Божію, всѣ одну за дру- гой отправлю на одной недѣлѣ. Сегодня не могу, потому, что ожидаю своихъ вечеромъ, а завтра также неудобно... Завтра прошу васъ отслу- жить обѣдню за упокой покойной моей матушки».

Оппель постоянно заказывала молебны съ акаѣистомъ Божіей Ма- тери Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Для этого она избирала очередную недѣлю служенія отца. При этомъ возникали разныя мелкія непріятности со стороны и монашествующихъ и остального причта.

«Батюшка! пишетъ она. При всемъ моемъ желаніи облегчить мою скорбь молитвою къ Богородицѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости, я не могу сего сдѣлать до вашей очереди, во избѣжаніе разныхъ непріятностей, которыми и безъ того преисполнена жизнь моя».

Другое письмо о томъ же съ деликатностью не обидитъ ни «сестеръ», ни отца моего: «Батюшка! Я хотѣла сдѣлать такъ: сегодня будетъ вмѣ-

сто заутрення всенощная въ соборной церкви для всѣхъ съ клиросными (т.-е. съ участіемъ хора монахинь), потому что всѣ усердствуютъ слушать службу Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, которую и будетъ отправлять, разумѣется, очередной (священникъ); а ваша чередѣ наступитъ, я васъ попрошу отслужить для себя собственно по вашей книжкѣ, и будетъ безобидно».

Вотъ письменный слѣдъ всегдашней заботы Оппель о здоровьѣ не только членовъ причта, и семействъ ихъ:

«Батюшка Александръ Петровичъ!

И сейчасъ посылаю за докторомъ, который къ вамъ сегодня явится. Прошу васъ покорно предоставить мнѣ благодарить его за пользованіе вашего семейства, которому отъ всего сердца желаю скорѣйшаго исцѣленія; а между прочимъ прошу васъ принять отъ моего усердія прилагаемую бездѣлицу для лѣкарствъ. Молю Господа о подкрѣпленіи силъ вашихъ къ благодушному несенію посѣщенія Божія: его же любитъ Господь, наказуетъ! М. Елена».

«Сейчасъ только», пишетъ «Христофоровна» или «Оппельна» (какъ называлась она у причта), «возвратилась отъ игуменьи и не успѣла отвѣтить на письмо ваше, потому что уже 8 часовъ. Я очень поняла смыслъ вашего письма и отвѣчала вамъ, батюшка, кажется довольно ясно, что тяжкія искушенія Богъ посылаетъ душамъ твердымъ; а о деньгахъ и о потерѣ оныхъ я и не думала, а только упомянула о томъ, потому что вы говорите объ аптекѣ; но это дѣло постороннее. Всѣми силами желала бы вамъ помочь, но, кромѣ молитвы о васъ, не знаю, какъ сдѣлать. Только я удивляюсь, что вы такъ скорбите о томъ, что вы не сдѣлались духовникомъ нѣсколькихъ незначительныхъ людей. Право, не бѣда. Впрочемъ онѣ желали быть вашими дѣтьми; но если имъ воспретила это сдѣлать какая-то личная ненависть начальницы, онѣ не виноваты, а вамъ не слѣдуетъ на это обращать вниманія. Вотъ если бѣ, по моему мнѣнію, все общество единогласно воспротивилось избрать васъ своимъ духовникомъ, тогда, конечно, было бы обидно и обратило бы вниманіе начальства. А теперь это обстоятельство можно объяснить совсѣмъ другимъ образомъ, для васъ вовсе не обиднымъ. Ради Бога не предавайтесь печали, уповайте на Господа и вѣрьте твердо, что кто кому роетъ яму, самъ скорѣе въ нее попадетъ. Васъ всѣ знаютъ за хорошаго человѣка; я съ своей стороны, сколько возможно будетъ, буду стараться при каждомъ вопросѣ пр(еосвященнаго?) говорить о васъ въ вашу пользу. Намѣреніе мое доброе, и надѣюсь, Богъ мнѣ поможетъ, и все устроится хорошо съ Его святою помощію; только не давайте за-

мѣчать о вашей скорби вашимъ товарищамъ. Умоляю васъ пощадить себя для вашего семейства».

Въ письмѣ говорится о потерѣ денегъ, но чьихъ? Отецъ любилъ отдавать займы свою единственную тысячу рублей не ради высокихъ процентовъ, а «такъ» изъ великодушія и жалости своего характера. Отдалъ онъ эту тысячу и монахинѣ Оппель, а потомъ долго получалъ съ нея по частямъ мелкими суммами и не обижался на это: Вѣдь деньги были ею взяты на какое-то доброе дѣло. Неаккуратный ихъ позвать казался какъ-то безразличнымъ.

Слѣдующія два письма Оппель относятся, повидимому, къ тому времени, когда отецъ вслѣдствіе столкновешя съ Апр—ною попалъ у митрополита въ опалу.

«Батюшка! Очень понимаю вашу справедливую скорбь. Что могу только, если угодно Господу, скажу въ вашу пользу. Завтра пойду (къ митрополиту?). Помолитесь».

«Батюшка! Съ горестію прочитала ваше письмо. Вы унываете! Вы конечно, сами знаете, что Богъ посылаетъ сильныя искушенія только душамъ твердымъ, которыя могутъ понести крестъ, и Тотъ, Который, по неизреченному Своему смотрѣнію, избралъ васъ его понести, силенъ и помочь вамъ. Ради Самого Бога успокойтесь; возверзьте печаль вашу на Господа. Я надѣюсь завтра видѣть васъ у обѣдни; конечно вамъ прискорбно, но пусть прочіе не утѣшаются вашимъ горемъ. Не давайте замѣчать этого. Книги, по прочтеніи, доставлю. Я бы съ радостію прислала (денегъ?), но все какъ-то издержала. Надѣюсь скоро получить и тогда съ удовольствіемъ подѣлюсь. «Если моя молитва доступна ко Всевышнему, буду умолять Его благодать претворить вашу скорбь на радость. Еще разъ прошу васъ побережь себя для вашего семейства: здоровье не долго разстроить. Послушайтесь меня, грѣшной, желающей вамъ отъ всего сердца добра и придите завтра помолиться вмѣстѣ съ нами, а въ Воскресенье скажите намъ поученіе, тѣмъ много утѣшите уважающую васъ м. Елену».

Переписчица проповѣдей.

Не меньшимъ, чѣмъ Оппель, другомъ отца была еще монахиня Репнинская, великая почитательница его проповѣдей и тщательная и ревностная переписчица оныхъ. Образованная особа, она была изъ хорошей дворянской семьи и сохранила нѣкоторыя отношенія съ вліятельными лицами въ обществѣ.

Тяготясь службою въ монастырѣ, помимо небольшого дохода, еще и по тому, что намъ, мальчикамъ, слишкомъ далеко было ходить въ Семинарію, отецъ вздумалъ было проситься въ какой-то приходъ. Крайній оптимистъ, онъ безъ достаточнаго основанія, должно быть, увѣренъ былъ, что перейдетъ на новое мѣсто и даже извѣстилъ объ этомъ Репнинскую.

Глубокая скорбь отъ этой вѣсти отразилась въ слѣдующемъ письмѣ Репнинской:

«Въ то время, какъ сынокъ вашъ былъ у меня, г-жа игуменья присылала за мной и дала мнѣ дѣло, которое заняло у меня все утро, такъ что я и у обѣдни поздней не была». А потому только теперь отъѣзжаетъ она на письмо отца, «которое взволновало» ее до крайности. Тысячи разныхъ чувствъ, толпятся въ умѣ моемъ, и не умѣю вамъ изъяснить ни десятой доли того, что чувствую и что хотѣла бы сказать... И скорбь, и радость, и досада тѣснятся во мнѣ; которое изъ этихъ трехъ чувствъ сильнѣе, сама не знаю; кажется, чувство скорби владычествуеть надъ прочими. Не могу не радоваться, что наконецъ желаніе ваше скоро исполнится и что вы освободитесь отъ всѣхъ безчисленныхъ неприятностей, которыя вамъ здѣсь безпрестанно приходилось выносить; но не могу также не скорбѣть... Конечно, это эгоизмъ: надобно бы было только радоваться чужой радости, а о себѣ забыть; а я грущу и плачу, и скорблю, что лишаюсь того, чѣмъ утѣшалась. Служеніе ваше я предпочитала всѣмъ прочимъ, и голосъ вашъ мнѣ особенно нравился. Скорблю, не могу не скорбѣть, что не услышу васъ болѣе! Не знаю, кто поступитъ на ваше мѣсто; ну (помилуй Богъ!), ежели Серг. Пет.; ужъ хуже этого я и придумать ничего не умѣю. За Великій канонъ, признаюсь, и я посѣтовала. Я думала, что вы нездоровы и не въ силахъ были читать, такъ лучше бы діакона заставили или хотя кого другого. Посудите, каково было намъ ни единого словечка не слышать. Я, ваша всегдашняя защитница, но при семъ случаѣ не могла не замѣтить, что лучше было бы, ежели бы не вы читали. А какъ рассчитавши заранѣе, и напередъ радовалась, что вы будете читать канонъ, и какъ меня дразнила моя сосѣдка Евпраксія, очень я жалѣла объ этой неудачѣ, и потомъ пошли толки. Праздникъ мнѣ былъ не въ праздникъ; я и безъ того до праздниковъ не охотница, а нынче была, точно какъ рыба на пескѣ, не въ своей стихіи. Потомъ услышала я о вашемъ намѣреніи оставить насъ: скорбь къ скорби! Вы пѣли всенощную заупокойную; я всю всенощную плакала, не о покойникахъ, а о живыхъ. Никто, конечно, не понялъ настоящей причины моихъ слезъ, да и надобности нѣтъ кому-нибудь знать о ней. Наконецъ сами вы извѣщаете и подтверждаете дошедшую до меня молву. И вотъ васъ тутъ уже не будетъ: вамъ

радость, а мнѣ скорбь! Дай Богъ, чтобъ на новомъ мѣстѣ вамъ было хорошо, такъ чтобы всѣ прошедшія непріятности совершенно изгладились изъ памяти вашей. Симфонію (т. е. указатель къ текстамъ св. писанія) отдаю вамъ въ вѣчное владѣніе. Пускай она будетъ напоминать вамъ о душѣ, которая васъ цѣнитъ умѣла и которая желаетъ быть въ памяти вашей въ то время, когда вы будете священнодѣйствовать. Простите и не поминайте лихомъ преданную вамъ Е. послуш(ницу)».

Точно письмо 16 лѣтней институтки къ «обожаемому» учителю или къ такой же «обожаемой» классной дамѣ. Такъ одинаковыми условіями жизни порождаются сходныя настроенія души. «Сосѣдка» Евпраксія (сама постоянно ѣздившая къ Анастасію, монаху Троицкой Лавры, лѣкарю якобы), «дразнить» Репнинскую неудачнымъ на сей разъ чтеніемъ великаго канона ея «обожаемымъ» священникомъ; развѣ и она тоже не институтка? А это чисто художественное отношеніе къ читаемому канону, безъ сомнѣнія, давнымъ давно извѣстному наизусть!

Три обширныхъ ея посланія содержатъ подробный отчетъ о посѣщеніи ею какой-то барыни Екатерины Сергѣевны, престарѣлой и больной*). Эта особа, по просьбѣ Репнинской, должна была ходатайствовать за отца предъ митрополитомъ Филаретомъ, по поводу желанія его перейти на другое мѣсто. Письма эти очень характерно изображаютъ монахиню, напрягающую свои силы, чтобы оказать протекцію своему «батюшкѣ».

Первая попытка самоотверженной монахини была неудачна. Принявши благословеніе отца, она пошла къ обѣднѣ, «помолилась, какъ умѣла, объ успѣхѣхъ предпріятія, потомъ благословилась у матушки (игуменьи), собралась въ путь, положивши по совѣту вашему, три земныхъ поклона. Извощика не случилось, но это меня не остановило: рѣшилась идти пѣшкомъ. Желаніе быть вамъ на пользу заставило меня забыть о томъ, что я не мастерица ходить пѣшкомъ, зимой особенно, въ моемъ теперешнемъ одѣяніи, очень неудобномъ для ходьбы». Вдругъ за церковью Іоанна Предтечи на встрѣчу ей ѣдетъ ея сестра, съ которою она не видалась цѣлый мѣсяцъ. — Мнѣ, говоритъ ей Репнинская, необходимо нужно видѣться нынче же съ Екатериною Сергѣевною. Нынче Субота, и, вѣроятно, она поѣдетъ къ митрополиту; а у меня просьба до него. —Воротитесь, прервала ее сестра: Екатерина Сергѣевна нездорова и навѣрно не поѣдетъ ко владыкѣ. «У меня, продолжаетъ Репнинская, такъ

*) Это—госпожа Герардъ, цѣлующая митрополитомъ Филаретомъ по близости ея къ книгынѣ Софѣ Сергѣевнѣ Мещерской, которая имѣла большое значеніе у князя А. Н. Голицына и нѣкогда пользовалась милостями императора Александра Павловича. П. Б.

руки и упал. Ну, подумала я, начало не ручается за успѣхъ дѣла. И такъ мнѣ грустно было, что и не рада была свиданію съ сестрой послѣ довольно долгой съ ней разлуки. Сестра просидѣла у меня до сумерокъ, помѣшала мнѣ идти къ повечерію; не удалось мнѣ правило прочесть, не удалось вамъ лично передать мою неудачу; все это произвело во мнѣ очень непріятное чувство».

Въ заключеніе она общается отправиться къ Екатеринѣ Сергѣевнѣ завтра послѣ обѣдни. Она благодарить отца за присланную покушку: «Ужъ сдачи то, замѣчаетъ она, никакъ не ожидала».

Хотя Репнинская и побывала у Екатерины Сергѣевны, «но немного тѣмъ, пишетъ она, подвинулось дѣло наше». Она отъ нея узнала, что какой то Сергѣй Петровичъ «нашъ» (можетъ быть, дьяконъ Гжельскій?) также былъ у нея и просилъ ходатайства ея; она и ему, и мнѣ сказала, что прежде всего надо знать, что скажетъ наша матушка игуменя. Если это согласно съ ея желаніемъ, то и Екатерина Сергѣевна не отказывается быть ходатайницей. Впрочемъ «посольство» было не совѣтъ безплодно. «Сначала, по словамъ Репнинской, Екатерина Сергѣевна повторила извѣстный вамъ давнишній вашъ разговоръ и при семъ примѣчаніе, которое она обыкновенно на него дѣлаетъ. Я дала ей договорить, а тамъ и пошла васъ выхвалять, стояла за васъ, какъ говорится, горой и успѣла склонить Екатерину Сергѣевну на вашу сторону. Она мнѣ обѣщала быть ходатайницею въ вашемъ дѣлѣ, только сказала, что вы непременно должны прежде игуменью просить, чтобы она слово молвила (что слово ея много значить)».

Горячая душа не удовольствовалась этимъ: «пріѣхавши домой, я, продолжаетъ она, написала Екатеринѣ Сергѣевнѣ и въ письмѣ почти повторила то, что говорила ей на вашъ счетъ. Это лучше у ней въ памяти вѣрнется и, можетъ быть, при случаѣ пригодится. Завтра pošлю ей это письмо».

Съ Екатериною Сергѣевною, больною старухою, повидимому, выживавшею пзъ ума, было трудно объясняться, нужно было для этого много Репнинская вполне владела имъ, какъ видно изъ ея слѣдующаго письма, объясняющаго неудобство черезъ чуръ ужъ откровеннаго общанія отца поминать Екатерину Сергѣевну за здравіе, а когда умереть, то и за упокой. Препорученіе моего отца она исполнила лишь отчасти: «сказала только Екатеринѣ Сергѣевнѣ, что вы съ тѣхъ поръ, что она ходатайствовала о васъ, молитесь за каждой обѣдней о ней, наравнѣ съ ближайшими своими родными. Она съ чувствомъ благодарности перекрестилась и сказала: «Спасибо, спасибо ему!» По-

томъ прибавила: «прошу его продолжать молиться обо мнѣ, не о продолженіи жизни моей, но объ избавленіи отъ страданій и о томъ, чтобъ Господь далъ мнѣ терпѣнія». Тутъ вошла гостя и прервала нашъ разговоръ. И такъ я съ Екатериною Сергѣевною разсталась, не договоривъ всего того, что вы требовали отъ меня; и признаюсь, ежели бъ и никто не помѣшалъ, я бы и тогда не рѣшилась остальное договорить. Вы не знаете Екатерины Сергѣевны и не знаете меня. Я съ ней очень не смѣла, и еще болѣе тогда, когда она больна, боюсь сказать ей что-нибудь непріятное. Сама она говоритъ о смерти своей, но ежели кто другой скажетъ, что точно болѣзнь ея опасна,—бѣда! Также нельзя сказать ей о смерти чьейнибудь: она разсердится на васъ за вашу неосторожность и неумѣнье обходиться съ больными: какъ можно больной о смерти говорить! Это сужденіе, хотя весьма безразсудно, потому что по настоящему больнымъ-то приличнѣе всего о смерти напоминать, но ужъ такъ водится на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ все идетъ вверхъ дномъ. И Екатерина Сергѣевна строже, чѣмъ кто другой, держится этого правила, чтобъ отъ больныхъ всячески отстранять мысль о смерти: такъ какъ же осмѣлится сказать ей то, что вы желаете? Однако въ первый разъ что буду у нея, скажу ей, что я просила васъ отъ нея продолжать молиться о ней и что вы общали не только теперь о ней молиться, пока она больна, или тогда, когда выздоровѣетъ, но даже ежели вы переживете ее, то станетъ въ продолженіе 40 дней.... и такъ далѣе. Скажу ей и прочее, что должно остаться между нами. Не понимаю, почему вы потребовали отъ меня обратно то, что писали ко мнѣ. Сколько ни думала, не понимаю».

Восторженная Репнинская обращается за тѣмъ къ очаровавшимъ ее проповѣдямъ отца. «За вчерашнюю проповѣдь, говоритъ она, ежелибъ можно было не смотрѣть на приличія свѣта и поступать по влеченію сердца, я бы, по окончаніи проповѣди, побѣжала бы къ вамъ и расцѣловала бы ручки ваши. Мы послушали васъ въ сладость. Я говорю о себѣ и о Клавдіи Мих., которая также очень хвалитъ вашу проповѣдь. При семъ прилагаемая 4 проповѣди я переписала и прошу васъ немедля доставить мнѣ еще, побольше, чтобъ было работы на нѣсколько дней. Бумаги у меня осталось не болѣе, какъ на три проповѣди. Моя бумага не годится: страницы будутъ и короче, и уже вашихъ. Простите! Прошу васъ батюшка, помолиться обо мнѣ, чтобъ Господь очистилъ меня отъ смраднаго фарисейскаго тщеславія и чтобъ далъ мнѣ мытарево смиреніе».

Какая же была дальнѣйшая судьба хлопотъ Елены и ходатайства Екатерины Сергѣевны? Въ бумагахъ отца моего нашлось письмо како-

го-то П. Кирѣвскаго, быть можетъ, не изъ тѣхъ ли Кирѣвскихъ, у которыхъ отецъ еще по окончаніи семинарскаго курса жилъ учителемъ. Письмо это сообщаетъ о плодахъ ходатайства Екатерины Сергѣевны. «Вчерашній день, пишетъ Кирѣвскій, была Екатерина Сергѣевна у вашего начальника и просила объ васъ, но при произношеніи вашего имени онъ сдѣлалъ странную фигуру, какъ она мнѣ сказала; но впрочемъ онъ ей объяснилъ, что на это мѣсто онъ не можетъ васъ помѣстить, но очень радъ, что за васъ хлопочутъ *добрые люди* и онъ начинаетъ имѣть объ васъ доброе мнѣніе и что вы можете скоро надѣяться на перемѣну мѣста. Первый шагъ сдѣланъ; но не знаю, что будетъ впередъ. Вы можете быть увѣрены, что я съ своей стороны употреблю всѣ средства. Но мнѣ кажется, вамъ бы не мѣшало повидаться съ секретаремъ и переговорить съ нимъ наединѣ, и, можетъ быть, прилагательное подѣйствовало бы лучше всѣхъ протекцій. Вездѣ люди».

Репнинская была не только прилежнѣйшею переписчицею отцовскихъ проповѣдей, но и ихъ распространительницею.

Вотъ какъ шутливо пишетъ она о томъ отцу, усердно занимавшемуся въ то время приготовленіемъ чернилъ разныхъ цвѣтовъ:

«Въ промѣнъ зелія, которое получите отъ подательницы, пришлите мнѣ вашего издѣлія чернилъ, для чего и стѣляночку посылаю. Я вамъ говорила батюшка, и теперь еще повторяю, что изъ монастырской нашей аристокраціи три особы желаютъ прочесть проповѣдь, говоренную вами на постриженіи, а кромѣ ихъ и мірскія есть, желающія также прочитать эту самую проповѣдь, именно Ровинская и ея дочери. Ежели можно, пришлите ее мнѣ теперь».

Въ заключеніе, упрекая отца, что онъ взятая у нея письма покойнаго Макарія вмѣсто трехъ дней продержалъ шесть недѣль, Репнинская замѣчаетъ: «Это не іерейски вы дѣлаете. Это водится только между монахинями, и вы, видно у нихъ переняли; но вѣдь перенимать дурное не годится. «По дѣломъ ихъ не творите», сами вы говорили это».

Тѣмъ страннѣе, что при выходѣ отца изъ монастыря, Репнинская, вѣроятно вслѣдствіе какихъ либо монастырскихъ сплетенъ, прервала съ нимъ отношенія слѣдующимъ письмомъ: «Съ душевнымъ прискорбіемъ объявляю вамъ, чтобъ ужъ вы не рассчитывали болѣе на мои труды; имѣйте мя отреченну. Не даромъ говорила я вамъ не однажды: «куйте желѣзо, пока горячо»; придетъ время, откажусь переписывать. Вотъ эго время и настало: я должна отказаться. А причины объявить вамъ не могу... не спрашивайте о ней. Бумагу вашу при семъ посылаю вамъ

обратно. Очень сожалею, что вы слишкомъ часто оставляли меня безъ дѣла; если бы не такъ, можетъ быть, въ это время я бы успѣла переписать все, что теперь осталось не списано. Простите и меня не вините. Прошу вашихъ молитвъ и благословенія».

Но, какъ женщина, Репнинская не могла удержаться отъ намека на причину своего отказа: «Какъ бы я желала, говорить она, онѣмѣть и еще бы желала, чтобъ многіе «положили храненіе устамъ своимъ и дверь огражденія о устнѣхъ своихъ». Языкъ малъ удъ, а сколь много дѣлаетъ зла! Желаю вамъ всякаго благополучія, благоденственнаго и мирнаго житія и во всемъ благаго поспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія».

Памятникомъ этихъ идеально-чистыхъ отношеній хранится у меня толстый томъ отцовскихъ проповѣдей, переписанныхъ четкимъ и изящнымъ почеркомъ Репнинской.

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ГИЛЯРОВА *).

Изъ Поддѣвичья въ Князю-Владимиру.

Приходъ имѣеть опредѣленный извѣстный составъ прихожанъ, которые могутъ нѣсколько мѣняться: дома переходятъ изъ рукъ въ руки; одни жильцы съѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ. Но все это сравнительно рѣдкіе случаи, какъ бы цѣлое событіе въ приходѣ, особенно если новый прихожанинъ сколько нибудь состоятеленъ или ревностенъ къ храму. А у монастыря совсѣмъ нѣтъ прихода. Монашенки по ограниченному своему числу, притомъ почти поголовной бѣднотѣ, никоимъ образомъ не замѣняютъ прихода со всѣмъ разнообразіемъ его населенія. Но въ монастырѣ и большее благочиніе въ служеніи, и больше святыни; наконецъ тамъ кладбище. Все это привлекаетъ богомольцевъ, особенно, конечно богомольцевъ въ монастырь со всего города. Бѣдные трудящіеся классы не посѣщаютъ монастырей, кромѣ храмовыхъ тамъ праздниковъ съ крестными ходами и гостепріимно раскинутыми при этомъ парусинными «колоколами». Въ монастырь пріѣзжаютъ изъ «города» люди состоятельные, «барыни» преимущественно. Таково было положеніе и Новодѣвичьяго монастыря. А потому-то у моего отца, помимо монашествующихъ, должны были завязаться разныя знакомства съ барами.

Въ бумагахъ отца нахожу письмо одной изъ такихъ барынь, Елисаветы Ступиной, отъ 3 Августа 1852 года. Ступины жили на Дѣвичьемъ полѣ, принадлежали къ своему приходу, но должно быть, предпочитали ему монастырь, между прочимъ вслѣдствіе проповѣдей отца. «Священно-іерей Александръ Петровичъ! пишетъ Ступина. Я сегодня была у обѣдни и слышала вашу прекраснѣйшую проповѣдь, которая очень схожа съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. И скажу вамъ откровенно, какъ служителю престола Божьяго: часто въ нашей бѣдственной жизни теряемъ силу души, чтобъ выносить безъ ропота все испытаніе судьбы; но ваша проповѣдь, въ которой такъ высказана вся святая истина, пролила цѣлительный балзамъ на разбитое горемъ мое

*) См. въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2—4.

сердце. Пришедши домой, я пересказывала, какъ умѣла, сестрѣ моей и маменькѣ. Сестра по болѣзни не была въ церкви. Но я не могла сохранить всего краснорѣчія высказанной вами проповѣди». Въ заключеніе Ступина просить одолжить имъ «эту тетрадку». «Мы, говоритъ она, перепишемъ ее для себя, чтобъ хранить и въ горькія минуты, почерпать вѣру и твердость, переносить съ терпѣніемъ посланіе Божіе» и т. д.

Монастырь доставлялъ священнику знакомство и даже дружескія отношенія и въ высшемъ обществѣ. Такою представительницею аристократіи была княгиня Елена Друцкая, судя по двумъ ея письмамъ. Отецъ просилъ княгиню за Пересвѣтова, офицера, родственника Поддѣвиченскихъ Троицкихъ, обучавшихъ моихъ сестеръ музыкѣ, и вотъ какое милое письмо отъ 20 Марта 1851 г. получилъ онъ отъ этой аристократки, свидѣтельствующее, что услуга была уже не первую.

«Очень рада, почтенный Александръ Петровичъ, что могу еще вамъ доставить довольно пріятную вѣсть: братъ князь Крапоткинъ пріѣхалъ вчера, и я на него тотчасъ же напала съ вашимъ дѣломъ. Онъ проситъ дать знать г-ну Пересвѣтову къ нему пріѣхать завтра утромъ, и онъ все ему объяснить, общается во многомъ помочь, какъ напр. попросить нынче же Витовтова, котораго утромъ увидить; потомъ, повидавшись съ Пересвѣтовымъ, напишетъ къ старшему адъютанту генерала Гурко, съ которымъ очень въ хорошихъ сношеніяхъ, чтобъ постарался, дабы не задержали бумагъ; и здѣсь также попросить. Кажется, онъ можетъ и помочь намъ у полковника Дуси. Но то бѣда, что нельзя обойтись, не адресуясь къ Гуркѣ и, не получа его отвѣта, нельзя посылать представленіе о переводѣ».

Болѣе чѣмъ черезъ два года, именно 28 Іюля 1853 года, княгиня Друцкая, благодаря отца за письмо и за обѣщаніе не забывать ея въ молитвахъ, пишетъ изъ села Рахманова: Очень рада, что понравились вамъ наши персики; жалко только, что они доставлены были къ вамъ не въ цвѣтущемъ состояніи, а отъ насъ были посланы въ прекрасномъ видѣ. Впрочемъ цѣль моя, посылая вамъ персики,—доказать, что всегда объ васъ помню, даже и за сто верстъ, а не увѣрена была, что сохранятся совершенно дорогой; въ этомъ прошу извиненія. А ежели бъ вы сами къ намъ пріѣхали, то бы покушали прямо съ дерева, свѣженькіе. Чтò сказать вамъ о себѣ? Мы очень пріятно проводимъ въ деревнѣ время; ѣздили между тѣмъ на богомолье въ Новый Іерусалимъ и Саввинъ монастырь; здѣсь же пользуемся прекрасной службою въ Спасо-Бородинской пустыни. Но часто сожалѣю, что не могу быть въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ; не хочу вамъ льстить, не потому что у васъ служба отличная, но вы знаете, могила матери для меня священна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, любезный Александръ Петровичъ успокоиваетъ меня отчетливымъ поминовеніемъ». Въ припискѣ: «Къ Декабрю возвращусь съ деревенскимъ гостинцемъ, вареньемъ, которое для васъ приготовили».

Съ поступленіемъ отца моего на новое мѣсто подобныя отношенія оборвались. Что же взамѣнъ ихъ дало новое мѣсто? Разно-

калиберщину прихожанъ, сѣрыхъ, неинтеллигентныхъ. Во всемъ приходѣ отецъ никому не «прижился», какъ немолодое уже растеніе (отцу было въ то время около 50 лѣтъ), вырванное съ мѣста, гдѣ оно совсѣмъ «окоренилось» и кое-какъ ткнутое въ новую чуждую ему почву. Изъ всѣхъ новыхъ прихожанъ отецъ сблизился только съ нѣкимъ Тарусинымъ. Это былъ «дѣдушка», старѣе его, совсѣмъ сѣрый купецъ, можно сказать мужикъ, только разбогатѣвшій своимъ пивоварнымъ заводомъ. Утромъ рано Тарусинъ ходилъ съ палкою между своими рабочими и расталкивалъ сонныхъ, пользуясь палкою съ особенно заспавшимися. Религіозность его выражалась въ еженедѣльномъ заказываніи молебна съ акаѣистомъ, при чемъ по наивности своей онъ полагалъ, будто бы отецъ нарочно для него приладилъ текстъ акаѣиста. По вечерамъ Тарусинъ любилъ пить пуншъ, при чемъ приглашалъ отца дѣлать съ нимъ компанію. Какъ все это было далеко отъ восторженного «обожанія» монахини Репнинской или изящной привѣтливости княгини Друцкой!

Къ этому же времени относится сближеніе отца съ нѣкимъ Петромъ Алексѣевичемъ Ил—скимъ. У Воздвиженъа былъ вдовый дьяконъ-замухрышка. Небольшаго роста, плюгавенькій, вмѣсто чтенія только бормотавшій ектеніи, что дало намъ поводъ къ сочиненію про него басни. Дьяконъ былъ вдовъ; у него жила какая-то Палагея Ивановна, какъ будто его родственница, а какъ будто и нѣтъ. Это была средних лѣтъ дебелая женщина. Она вела все немудрое хозяйство дьякона. Кромѣ Палагеи Ивановны у дьякона была еще собака «Полкашка» и болѣе никого. Эти три существа въ нашихъ глазахъ составляли нераздѣльное цѣлое. Вотъ и сочинили мы, будто бы дьяконъ молится такъ: «Помяни, Господи, діакона Василя, Пелагею Ивановну, Полкашку!» при чемъ слово «Полкашку» для большаго сходства съ мнимою дѣйствительностію требовалось произносить на распѣвъ. Такой скудный матеріалъ для нашей драматургіи свидѣтельствуетъ, что въ квартирѣ у дьякона ничему болѣе интересному научиться мы не могли. А между тѣмъ провели мы, мальчики, тамъ цѣлый годъ въ тѣсной коморкѣ безъ всякихъ книгъ, ибо самъ дьяконъ ничего не читалъ.

Упомянутый выше П. А. Ил—скій былъ племянникъ дьякона, а можетъ быть и Палагеи Ивановны, въ дѣйствительности же заслуживалъ быть ближайшимъ родственникомъ только «Полкашки». Этотъ приказный такой былъ ругатель, какого ни прежде, ни послѣ я не встрѣчалъ. Онъ былъ изъ духовнаго званія, зналъ очень многихъ изъ Московскаго духовенства, а если и не зналъ, то лгалъ, что хорошо знаетъ. О знаемыхъ и незнаемыхъ попахъ и дьяконахъ онъ рассказывалъ

всевозможныя скандальныя исторіи, вѣроятно 99/100 клеветническія. (Особенно ненавидилъ онъ митрополита Филарета, придумывая для него всевозможныя бранныя нарицательныя имена, заимствованныя изъ Апokalипсиса. Ту же брань распространялъ онъ на викарныхъ архіереевъ и архимандритовъ; однимъ словомъ, онъ все Московское духовенство красилъ одною черною краскою, не дѣлая ни для кого исключенія. Отецъ поилъ его водкою благодушно, не подозрѣвая, что этотъ негодяй шлялся и по другимъ попамъ, которыхъ такъ отчаянно оклеветывалъ, при чемъ конечно не дѣлалъ исключенія и для отца. О, это былъ такой ругатель, который ругалъ не только лицо, но и все до него относящееся. Въ немъ было что-то эпическое. Въ былинѣ напр. не только Плья Муромецъ называетъ Калина-царя «собака сударь Калинъ-царь», но и самъ Калинъ-царь не иначе именуетъ себя, какъ «собака сударь Калинъ-царь». Такъ и Петръ Алексѣевичъ. Называетъ, напр. онъ какого-нибудь старика попа, «старый чортъ», а потому и во всей его клеветнической исторіи этотъ попъ иначе уже ни именуется, какъ «старый чортъ», къ нему ли кто обращается, самъ ли онъ о себѣ говоритъ. Такъ напр. «Заветъ къ себѣ старый чертъ дьячка. Приходить дьячекъ и спрашиваетъ: что тебѣ нужно, старый чортъ? А старый чортъ отвѣчаетъ: «Я, старый чортъ, прислалъ за тобою» и т. д. Иногда уже самъ языкъ, помимо его сознанія, клеветалъ у него: «Ѣдетъ старая собака въ каретѣ, а въ карету запряжены четыре старыя собаки» и т. д. Любопытно, что этотъ клеветникъ и ругатель умеръ отъ рака на языкѣ!

Наконецъ отецъ какъ-то отмотался отъ покупки богатаго недвижимаго для него дома у Воздвиженья и въ Сентябрѣ 1854 года переведенъ былъ въ приходъ Князе-Владимирской, что въ Старыхъ Садѣхъ, церкви, близъ Солянки, противъ Ивановскаго монастыря. Здѣсь домъ былъ церковный.

Первое впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ было непріятно. Тяжело было изъ Поддѣвиченскаго почти сельскаго приволья попасть въ самое пекло Москвы. Камень домовъ и мостовыхъ, съ ихъ непрестаннымъ грохотомъ, какъ-то давилъ на мозгъ. Отъ духоты, пыли, жара, грохота голова шла кругомъ, привыкшая къ свѣжему воздуху, прохладѣ сада, раздолью огородовъ и луговъ. Утѣшеніемъ былъ только превосходный, едва ли не единственный въ Москвѣ видъ изъ нашихъ оконъ. Князе-Владимирскій приходъ стоитъ на значительномъ подъемѣ сравнительно съ Варварскими воротами, а храмъ еще на горкѣ. Мы жили во второмъ этажѣ церковнаго дома, стоящаго на этой же горкѣ. Предъ нашими глазами изъ семи оконъ, выходящихъ на Западъ и изъ трехъ на Югъ, видна была половина Москвы. Правда, взоръ упирался въ Кремлевскія твердыни, и

въ разстояніи версты полуторы отъ насъ онѣ немного заслоняли остальную Москву, хотя нашъ дальнзоркій зять Соколовъ и легко усматривалъ простыми глазами, какой часъ и сколько минутъ на Спасской башнѣ. Лѣвѣе Кремля видна была вся часть Москвы до самыхъ Воробьевыхъ горъ, гдѣ тонкою гребенкою рисовалась роца и едва замѣтными двумя иголками выдѣлялись колоколья и церковь села Воробьева. Родное Поддѣвичье, какъ лежащее въ низинѣ, не было видно; но за то на Югѣ обширное зданіе Воспитательнаго Дома мало скрадывало мѣстность, оставляя выдающіяся за собою верхушки церквей и колоколенъ Замоскворѣчья; а лѣвѣе Воспитательнаго Дома виденъ былъ Симоновъ монастырь и тоже какая-то роца за Москвою. Даже церкви за Яузю, напр. Симеона Столпника, хорошо были видны изъ нашего «кабинета» на южной сторонѣ. Этотъ превосходный видъ даже соблазнилъ академика Мокрицкаго, который цѣлое лѣто на нашей «горкѣ» переносилъ его на полотно. При этомъ я въ первый разъ познакомился съ тѣмъ, какъ пишутся картины, узнавъ палитру и т. п. приспособленія рисованія.

Въ нашемъ приходѣ близъ Хохловки В. А. Кокоревъ приобрѣлъ домъ*), обратилъ его въ истинный дворецъ и для украшенія его пригласилъ какого-то художника, болѣе извѣстнаго, чѣмъ нашъ Мокрицкій, написать видъ Москвы изъ его дома, стоящаго еще выше нашего. Видъ этотъ ужъ навѣрно былъ наилучшій видъ на Москву. Видъ съ Воробьевыхъ горъ ему уступалъ, ибо оттуда зданія Московскія слишкомъ сливаются въ однообразную массу, тогда какъ на видѣнной мною Кокоревской картинѣ, по болѣе близкому разстоянію, все раздѣльно.

Но важнѣе всякихъ видовъ былъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, и прежде всего о квартирѣ; ибо хотя сестра старшая и вышла замужъ, но первые годы она съ мужемъ оставалась жить у насъ, занимая почти совсѣмъ темную комнату: квартира состояла всего навсе изъ пяти комнатъ, считая и эту полутемную съ окномъ въ галерею, соединяющую «парадный» ходъ съ «чернымъ». А насъ, не смотря на то, что старшій братъ сталъ жить отдѣльно, все-таки съ зятемъ попрежнему оставалось восемь человѣкъ, съ отцомъ и матерью 10, а съ прислугою 12 человѣкъ, при чемъ самой младшей сестрѣ было шесть лѣтъ.

Квартира въ церковномъ домѣ была сыра: обои отъ стѣнъ отстаивали цѣлыми полотнищами; потолки были почти шоколаднаго цвѣта, печки совсѣмъ не грѣли, а полутемная комнатка была даже совсѣмъ

*) Нынѣ Марія Θεодоровна Морозовой. Въ этомъ домѣ (съ золотою тогда крышкою) В. А. Кокоревъ давалъ многолюдный обѣдъ съ рѣчами по поводу первыхъ правительственныхъ извѣстій о представшемъ раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ. П. Б.

безъ печи. Не имѣя возможности по крайней бѣдности церкви передѣлать печи на церковный счетъ, отецъ вздумалъ поставить на свой счетъ двѣ чугунныхъ печи какого-то новаго тогда изобрѣтателя Реутовскаго. Каждая печь стоила, кажется, рублей 30 серебромъ, деньги по тогдашнему для насъ великія. Одну печь помѣстили въ дверяхъ между «кабинетомъ» (гдѣ жили я и братъ) и спальней матери и сестеръ, а другую въ «залѣ» близъ выпятившагося брюха голландки. Печи Реутовскаго были болѣе аршина въ діаметрѣ, а высотой аршина въ три. Онѣ совершенно стѣснили наше и безъ того маленькое помѣщеніе. Но это еще бы не бѣда. Насыпались онѣ до верху древеснымъ углемъ и слабо день и ночь топились. Первая печь около нашего «кабинета» сначала распространяла пріятную, день и ночь, теплоту; но когда отецъ, увлекшись удачею, поставилъ другую такую же печь и въ «залѣ», между обѣими печами началась усобица, не прекращавшаяся ни днемъ ни ночью: каждая печь тянула воздухъ къ себѣ; какая топилась жарче, та одерживала верхъ и вмѣстѣ съ комнатнымъ воздухомъ тянула къ себѣ дымъ и угаръ изъ другой. Съ этими печами бились мы нѣсколько лѣтъ, чтобы прекратить ихъ непримиримую вражду; ничто не помогало. А отецъ, жившій въ «столовой» около кухни, внѣ района военныхъ дѣйствій обѣихъ печей, ни за что не соглашался убрать ихъ, хотя прежнему сырости можно было бы предпочесть постоянному угаранію. Пробовали мы переставать топить ту и другую печь, въ квартирѣ распространялся холодъ; и это бы еще ничего, но проклятыя печи измѣняли свою тактику: онѣ начинали безпощадно вонять Русскимъ черносливомъ, запахомъ отъ охлаждающихся какихъ-то кислотъ въ трубахъ, какой-то жидкой копоты. Эти печи сдѣлались для меня истиннымъ мученіемъ, особенно когда я сталъ готовиться въ Университетъ и по необходимости большую часть времени проводилъ дома.

Долго печи оставались *in statu quo*, тогда намъ казалось, будто по «упрямству» отца, но теперь вижу, что по недостатку у него средствъ на замѣну ихъ иными. А средства были очень не велики. Правда, онъ получалъ и у Воздвиженъ, и у Князя-Владимира почти одну и ту же сумму, около 1000 р. с. въ годъ; но за то семья все подрастала и требовала большихъ средствъ на свое содержаніе, а жизнь именно около этого времени Севастопольской кампаніи и коронаціи императора Александра Николаевича подорожала, мало сказать, вдвое. Такимъ образомъ во второй половинѣ 50 годовъ мы стали жить чуть не вчетверо бѣднѣе, чѣмъ жили подъ Дѣвичьимъ. Напрасно отецъ напрягалъ всѣ силы, служилъ, напимѣръ, ежедневно, не пропуская ни одной обѣдни по шѣлымъ годамъ, но больше того, что получалъ, получить не могъ, хотя его знакомый дьяконъ отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ и утверждалъ

будто бы Князе-Владимирской приходъ можно очень хорошо «разработать».

Но что можно было тутъ «разрабатывать? Къ приходу этому принадлежало только домовъ десять небольшихъ, но и изъ тѣхъ значительная часть недоступна была никакой «разработкѣ». Таковъ былъ домъ старообрядца Расторгуева, торговца рыбою, занимаемый весь самимъ домовладѣльцемъ. Какою киркою можно было бы «разработать» Лютеранскую кирку Петра и Павла, съ квартирою пастора и Нѣмецкою при церкви школою? Какіе плоды могъ приносить и ночлежный домъ Фигнера, весь населенный одними нищими, или тотъ же домъ Кокорева, сначала дававшій ежемѣсячное причту пособіе въ 10 р., но скоро потомъ перепроданный старообрядцу Морозову... или домъ Шнауберта, занятой Нѣмцами, естественно стремившимися жить поближе къ своей киркѣ?.. Такимъ образомъ весь приходъ ограничивался 4—5 семьями: домовладѣльца Пырялова, скоро потомъ перепродавшего свой домъ купцамъ Соватюгинымъ, купца Лукичева, купца Челнокова, а еще, право, и не припомню кого. Отецъ тщательно записывалъ всѣ свои доходы до копѣйки. До меня дошли не только его повседневныя записи за все время его служенія у Князя-Владимира съ 1854 по 1871 г., но и сравнительная таблица такихъ полученій помѣсячно и погодно. Въ 1855 году отецъ получилъ 859 р. 50 коп., въ 1856 г. 971 р. 95 к., въ 1857 г. 1068 р. 14 к. Наивысшая сумма дохода была 1204 р. 75 коп. именно въ 1862 году. Любопытно, изъ какихъ грошей ежедневнаго служенія составлялись эти суммы. Для этого беру нѣкоторыя на выдержку цифры изъ толстой книжки записей доходовъ, такъ неукоснительно веденной отцомъ.

Возьмемъ напр. Февраль 1856 года.

	Р.	К.
2. Отъ причастницы	—	50
— Кажденіе.....	—	25
— Кокоревскихъ.....	6	—
— За сороков. молитву.....	—	5
4. Кружечныхъ.....	4	29
— Кажденіе отъ Кондратьева.....	—	30
— За молитву родильницы.....	—	10
11. Кружечныхъ.....	5	61
— Въмѣсто платка на крестинахъ.....	—	5
— Кажденіе отъ Пырялова.....	—	20
12. За благословеніе Пырялова Н. И.....	4	—
14. Отъ Пырялова предъ свадьбою...	10	—
18. Кружечныхъ.....	15	84
— Кажденіе отъ Пырялова.....	—	15
19. За свадьбу отъ Пырялова.....	6	—
21. За сороков. молитву.....	—	10
25. Кружечныхъ.....	2	4
27. Молитвы постной.....	10	64
	66	12

Продолжать подобныя помѣсячныя выписки было бы утомительно и безцѣльно для читателя, но разобратъся нѣсколько въ подобныхъ статьяхъ прихода нѣсколько-поучительно.

Главная статья дохода—это деньги положенныя въ Опекунскій Совѣтъ на вѣчное поминовеніе разными лицами; такихъ процентовъ на долю священника приходилось въ годъ 258 р. с. За тѣмъ отъ молебновъ въ Ивановъ день, 29 Августа. Доходъ отъ молебновъ вращался около 70 р., спустившись одинъ разъ (1857 г.) до 28 р. 80 к. и поднявшись разъ (1870 г.) до 102 р. Вообще онъ шелъ у отца вслѣдствіе его рачительности и неутомимости прогрессивно. Къ доходу отъ молебновъ при-совокупилась съ 1860 г. плата за сдачу земли церковной подъ палатки торговцевъ, начиная съ 1860 г., при чемъ низшею цифрою этого сбора было 13 р. 80 к., а высшею 75 р. Къ Иванову дню я еще возвращусь, а теперь прослѣдимъ прочіе доходы. Они состояли преимущественно изъ проскомидійныхъ денегъ, платы за молебны, панихиды, свадьбы, похороны, крестины и т. д. Были и другіе всевозможные разнокалиберные доходы, изъ которыхъ нѣкоторые выпишу, напр. «за молебенъ надъ рыбою 50 к.», «сборъ съ куличей» 2 р. 11 к.», «отъ Молдован. монаха 1 р.», «за освященіе иконы 10 к.», «подарокъ отъ Нѣмки 2 р.», «отъ г-жи Шоръ предъ выходомъ ея изъ директриссъ (вѣроятно Лютеранской школы) 3 р.», «за молитву надъ оскверненнымъ кладеземъ 70 к.», «отъ старосты за ходатайство медали 10 р.»; «отъ В. В. Болотина за проповѣдь о Володѣ 2 р.», «за выписку изъ метрическихъ книгъ 10 к.», «за обыскъ 40 к.», «вмѣсто платка на крестинахъ 10 к.», подарокъ отъ жениха 10 р.», «за свадебныя хлопоты 3 р.», «на закладѣ у Нѣмца Шоле 3 р.», «отъ Тим. Аѣиног. Сидорова 10 р., потомъ 25 р.», «въ Пасху изъ христосованья 2 р. 66 к.».

Нѣкоторыя статьи поражаютъ своею ничтожностью. Такъ за молитву родильницъ въ 40 день платилось не разъ по 10, по 5 коп., а разъ 3 к., такъ что записъ «молитва родильницъ въ будѣ 20 к.» еще очень великолѣпна. Еще: «за благословеніе невѣсты 40 к.», «за 40 дней поминовенія Пелагеи 1 р.» Въ нѣкоторыхъ записяхъ замѣтно стараніе помолиться побольше, а заплатить поменьше. Такъ «за три заздравныя обѣдни 3 р.», «за причащеніе, молебенъ съ акаѣистомъ и водоосвященіе отъ Соватюгиной (очень богатой купчихи) 2 р.». Изъ иныхъ доходовъ приходилось дѣлать вычеты, напр. въ 1861 г. «славленныхъ за исключеніемъ 6 р. 50 к., отданныхъ извощику и въ Консисторію, 15 р. 50 к.». Иногда получались суммы некруглыя, напр. «за погребеніе младенца Николая 21 к.», «за панихиду 13 к.», за свадьбу 2 р. 28 к.».

По сознанію долга отецъ служилъ ежедневно, какъ видно изъ его записи доходовъ за 1854—1871 гг. кромѣ пяти дней по болѣзни за всѣ

16 лѣтъ! Отецъ умеръ отъ водянки 18 Февраля 1871 года, а послѣдняя запись 14 Февраля 1871 г. «молитва сороковая 15 к.», и ради этой требы умпрающій 67-лѣтній старецъ шелъ къ роженицѣ въ ночлежный домъ.

Ивановъ день важнѣйшій для насъ день въ году. Къ этому сроку откладывались всѣ чрезвычайные расходы. Нужно ли кому купить сапоги (ибо подошва давно отстала, а смѣнившая ее подметка подтерлась, синяя же сахарная бумага, подкладываемая подъ ступню, такъ быстро изнашивается о камни мостовой), «погоди, говорятъ родители, развѣ не знаешь? Вотъ придетъ Ивановъ день!». Не только цѣлые сапоги, но да-даже и «головки» тоже дожидаются Иванова дня, хотя при наличности старыхъ голенищъ онѣ на цѣлый рубль дешевле цѣлыхъ сапоговъ.

— Яковъ Карпычъ! говоришь, бывало, сапожнику съ Солянки, нельзя ли какъ починить вотъ здѣсь сбоку, да вотъ и на этой сторонѣ, потомъ носокъ тоже протерся, пальцы видно на томъ сапогѣ тоже; да и подметки другія нельзя ли поставить? Смотритъ Я. К. Жуковъ на изрѣшетившіеся сапоги, это большое мѣсто бѣдныхъ мальчишекъ, и рѣшительно заявляетъ: нѣтъ, тутъ ничего не подѣлаешь; надо вамъ головки новыя приставить. И приставка новыхъ головокъ отлагается до Иванова дня.

Сколько разъ потомъ вспоминался мнѣ этотъ сапожникъ Жуковъ при встрѣчѣ съ людьми, а особенно на частныхъ урокахъ! Учишь-учишь, бывало, какогонибудь богатаго купчика или барича, готовя его прямо ко вступительному въ Университетъ экзамену, и все безуспѣшно, и вспоминается Яковъ Карпычъ Жуковъ и думается «нѣтъ, тутъ ничего не подѣлать: надо головки новыя приставить!». «Ивановъ день» начинался еще 28 Августа наканунѣ настоящаго Иванова дня. А погода тревожно наблюдалась еще съ 27 числа, ибо отъ погоды зависитъ все пойдетъ столь обычный въ концѣ лѣта проливной дождь, испортить весь Ивановъ день. Если онъ пойдетъ во вторую половину 29 Августа, это ничего; но бѣда, если ненастье начнется съ утра: подгородныя и болѣе отдаленныя богомолки останутся дома, а тогда, пожалуй, прощай новое свиданье съ Яковомъ Карповичемъ Жуковымъ, какъ называли мы этого вершителя нашихъ судебъ.

При чемъ однако Князе-Владимирская церковь въ праздникъ Иванова дня? Праздникъ этотъ собственно есть праздникъ Ивановаго монастыря. Но Ивановскій монастырь во время нашего переѣзда къ Князю-Владимиру продолжалъ оставаться закрытымъ, «бывшимъ». Это былъ только приходскій храмъ, который потомъ былъ сломанъ для постройки вновь монастыря по завѣщанію подполковницы Макаровой-Зубачевой. Монастырь долго строился, и въ Ивановъ день богомольцы ютились тамъ.

около часовеньки. Князе-Владимирскій храмъ, раздѣленный только участіемъ шаговъ въ 20, естественно подбиралъ богомольцевъ, не помѣщавшихся въ Ивановской церкви, а тѣмъ паче въ часовнѣ.

Помню сломку старой церкви и колокольни прежняго Ивановскаго монастыря, бесполезное варварство, даже вредное, ибо стариною на-капливается благочестіе, а новизна и святость слишкомъ разнородныя понятія. Милліоны, завѣщанные какою то Мазуриною на это дѣло, были сильнѣе подобныхъ соображеній, а Яковъ Карпычъ къ тому времени ужъ умеръ, такъ что и «головки новыя» нельзя уже было приставить. Изъ окна нашего кабинета хорошо было видно, какъ тараномъ подбивали основаніе главнаго храма и колокольни и какъ вдругъ на мѣстѣ стараго зданія образовалась бѣлая облака мелкой извести; а когда вѣтеръ разнесъ этотъ столбъ пыли, гдѣ были старинныя зданія, лежала только куча кирпичу.

Реставрація Ивановскаго монастыря по завѣщанію какой-то Мазуриной подновила въ памяти нашей мрачныя преданія этого дома. Припоминали, какъ какой-то Мазуринъ зарѣзалъ какого-то художника или ювелира Калмыкова, какъ скрыли трупъ его въ кладовой, какъ ежедневно ходили туда и разлагающійся, смердящій трупъ поливали какою-то уничтожающею зловоніе жидкостью; припоминали еще какія то преступленія; увѣряли, будто бы покойная храмоздательница изъ-за денегъ отравила своего мужа; рассказывали легенду, какъ родоначальникъ Мазуриныхъ «забожилъ» какой-то долгъ при колокольномъ звонѣ, ибо въ старину спорныя денежныя дѣла рѣшались клятвенными утвержденіями тяжущихся при колокольномъ звонѣ. Дѣйствительно, что-то роковое висѣло надъ этимъ родомъ. По крайней мѣрѣ тѣже воспоминанія пришли въ голову потомъ, при чтеніи дѣла несчастной дѣвочки Мазуриной, систематически доведенной до умопомѣшательства своею гувернанткою Булахъ, и другія подобныя дѣла.

Кажется, съ этого времени стало у меня складываться одно изъ основныхъ моихъ убѣжденій, что деньги, неправдою пріобрѣтенныя, всегда прожгутъ карманъ ихъ обладателя и если не отъ него самого, то отъ его наслѣдниковъ, уйдутъ безвозвратно; что тайное злое дѣло всегда выйдетъ на свѣтъ. Этотъ нравственный законъ возмездія формулировался потомъ для меня въ прекрасныхъ словахъ Гамлета:

Злодѣйство встанетъ на бѣду себя,
И если ты его землею закроешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и явится на свѣтъ!

Итакъ въ хорошую погоду молебны Іоанну Крестителю начинались около полудня на канунъ Иванова дня и шли съ малымъ ночью переры-

вомъ до вечера 29 Августа. Молебны служились самые сокращенные, съ расходоуаніемъ минуты 2—3 на каждый. Молебенъ слушался сразу нѣсколькими богомольцами и богомолками, при чемъ одна кучка ихъ смѣняла другую. А въ самый разгаръ молебновъ, утромъ 29 Августа, лѣтній храмъ во имя Князя-Владимира такъ наполнялся народомъ, что протискаться изъ алтаря наружу стоило большого труда. Съ соеи, гдѣ иногда приходилось стоять мнѣ, видна была плотная мозаика человѣческихъ головъ, и никакъ нельзя было различить, кто отслушалъ молебенъ и кто еще нѣтъ. А стоялъ я на соеѣ вотъ почему. Тамъ на аналоѣ лежалъ образъ Іоанна Крестителя, голова на блюдѣ съ красною полосою якобы крови на отрѣзѣ шеи. Голова была украшена вѣнчикомъ. Богомольцы послѣ молебна прикладывались къ этому образу. Но кто-то кажется, дьяконъ отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, мечтавшій о возможности «разработать» Князе-Владимирскій приходъ, научилъ отца купить красныхъ нитокъ, разрѣзать ихъ на концы четверти въ три аршина и этимъ пучкомъ нитокъ обвить главу Предтечи подъ вѣнчикомъ. Нитки эти очень ловко придерживались вѣнчикомъ. Богомолка, приложившись къ иконѣ, брала себѣ красную ниточку, при чемъ клала иногда мѣдный грошъ, копѣйку и даже 2 копѣйки. Большинство, конечно, брало даромъ, считая это даровою премією къ молебну. Помню: отъ частаго выдергиванія довольно лохматыхъ красныхъ нитокъ, около этой пряди нитокъ, какъ разъ на обрѣзѣ главы Предтечи и на блюдѣ, образовывался налетъ красной пыли, очень похожій на кровавые пятна. Это естественное послѣдствіе пшмурыганья нитокъ одной о другую казалось мнѣ тогда весьма неизялишнимъ....

Пытаюсь теперь сдѣлать нравственную оцѣнку этого изображенія о. дьякона и, право, не нахожу ничего предосудительнаго въ этихъ ниточкахъ. Простая крестьянская душа, сдѣлавъ пѣшкомъ съ какою-нибудь корочкою чернаго хлѣба десятки верстъ въ Москву къ Иванову дню, отслушавъ общій молебенъ и заплативъ за него копѣйку или двѣ, должна была бы возвращаться домой, хотя и съ полною душою, но съ пустыми руками. Вещественная бездѣлка, въ родѣ *красной* ниточки, снятой съ изображенія окровавленной, отрубленной головы, должна будетъ еще долго питать ея восторженное, праздничное, молитвенное настроеніе духа, такъ привыкшаго вращаться только въ мірѣ наглядныхъ представленій, а никакъ не отвлеченныхъ понятій, непосильныхъ для нея. Неужели вслѣдствіе недоступнаго для нея раціонализма отказать ей въ этомъ утѣшеніи?..

Темнѣло; зажигали въ церкви свѣчи, а отецъ съ тою же неутомимостью, совсѣмъ не отлучаясь домой, продолжалъ нанизывать одинъ молебенъ на другой. Не знаю, сколько десятковъ или сотенъ приходи-

лось ему ихъ отслужить. Но если на его долю приходилось за два дня иногда около ста рублей и если отцовская доля была 60% изъ общаго дохода около 165 р.; то, считая каждый общій молебенъ копѣекъ въ 20 кругло, приходилось за два дня отслужить болѣе 800 молебновъ.

Наконецъ наступала ночь съ 28 на 29 Августа. Часть богомольцевъ отправлялась восвояси; часть, не успѣвшая еще отслушать молебенъ, располагалась на двухъ церковныхъ папертяхъ, также около сторожки трапезника, у насъ на крыльцѣ и на лѣстницѣ, а большинство на землѣ, на горкѣ подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ за ночь приходили новыя толпы богомольцевъ. А потому 29 числа съ ранняго утра одновременно съ началомъ заутрени въ придѣлѣ начинались молебны, въ главномъ болѣе просторномъ храмѣ. Къ полудню натискъ благочестивой толпы достигалъ высшаго напряженія. Ни объ обѣдѣ, ни о чаѣ ни отцу, ни причетнику и думать было нечего; только развѣ около вечера онъ могъ уйти изъ церкви, предоставивъ «раннему» священнику, нарочно на этотъ день приглашаемому, удовлетворять остающіяся толпы богомольцевъ. Въ эти часы онъ могъ добраться до рядовъ стоящаго съ церковью нашего церковнаго дома; а утромъ, особенно же около полуденъ, наша горка такъ была набита народомъ, что буквально нельзя было отворить дверь передняго крыльца, раскрывающуюся наружу. Она была притиснута толпою, которую, конечно, никоимъ образомъ нельзя было отодвинуть попытками извнутри отворить эту дверь; тогда приходилось сообщаться съ внѣшнимъ міромъ черезъ черный ходъ со двора, ибо дворъ не очень густо наполнялся богомольцами, понимавшими, что это уже не общественное мѣсто, и только противъ своей воли вдавливаемыми туда донельзя стѣснившееся наружи толпою.

Толпа не ограничивалась одною «горкою»: она тѣсно запруживала весь проѣздъ между Ивановскимъ монастыремъ и Князе-Владимирскою церковью, спускаясь плотною массою по Ивановскому переулку къ Варварскимъ воротамъ до того поворота, который дѣлаетъ Солянка отъ Варварскихъ воротъ къ Опекунскому Совѣту, и частію занимая Кузьмодемьяновскій и Подкопаевскій переулки, гдѣ, равно какъ и на самой нашей «горкѣ», раскинуты были ярмарочныя палатки.

Еще съ вечерень 29 Авг. черная полоса, испещренная цвѣтными головными платками молодыхъ богомолокъ, спускающаяся къ Варварскимъ воротамъ, начинаетъ укорачиваться, суживаться; вотъ конецъ переулка уже совсѣмъ обнажился отъ богомольцевъ; начинаетъ рѣдѣть переулокъ и около горки, наконецъ и самая горка все болѣе и болѣе плѣшивѣетъ. Съ наступленіемъ темноты она принимаетъ прежній видъ. А утромъ оказывается, что она, еще два дня тому назадъ вся покрытая зеленою травою, истоптана такъ, что не только зелени нѣтъ и въ

поминѣ, но даже и корни травы выбиты, точно послѣ продолжительнаго кавалерійскаго ученія.

На другой или на третій день послѣ праздника всѣ деньги сосчитаны и раздѣлены: отецъ получаетъ изъ рубля 60%; дьяконскіе 20%, какъ и панамаря тоже 20%. Отцовская доля отъ 50 до 100 р. высыпается въ большую жестяную кружку и трапезникомъ Еёимычемъ приносится къ намъ. Серебра въ ней нѣтъ: его совсѣмъ не было, или если была малость, то отобрана въ другое помѣщеніе. Въ кружкѣ одни только мѣдяки, и все разноразной. Современной мѣдной монеты мало, все больше старая, хотя и не старинная. Николаевскія «2 коп. серебромъ» сороковыхъ годовъ занимаютъ выдающееся мѣсто, рядомъ съ своими младшими родственницами такими же копѣйками, но 3 коп. этого же выпуска встрѣчаются рѣже. Вотъ «5 копѣекъ» ассигнаціонныхъ 30-хъ годовъ съ орломъ, распластавшимъ свои крылья подъ прямымъ угломъ съ туловищемъ, такія же 2. Рѣдко встрѣтится 1 копейка ассигнаціонная Павловская, но часто 2 коп. ассигнаціями или мѣдный грошъ. Попадаются и «деньги», т. е. $\frac{1}{2}$ коп. ассигнаціями Александра 1-го. Старыя монеты откладываются въ собраніе, образовавшееся давно еще подъ Дѣвичьимъ черезъ обмѣнъ денегъ у нищихъ и между прочими у старухи грыбницы «Суравухи». Долго «ведется» эта кружка, мѣсяца три. Наблюдалось, какъ постепенно она пустѣетъ; ибо смотришь, когда родители отпираютъ ее; а то и по собственному почину подойдешь да и подымеешь ее и чувствуешь, какъ со дня на день она становится все легче и легче. Все это принимаешь къ сердцу.

Кружка наконецъ опустѣла; вся надежда семьи покоится на «прихожанахъ». А гдѣ они?—Пыряловъ, бывшій церковнымъ старостою, почти одинъ питавшій весь причтъ, какъ видно было изъ выше приведенной записи доходовъ за Февраль 1856 г., продалъ свой домъ купцамъ братьямъ Соватюгинымъ, торгующимъ фруктами въ деревянныхъ балаганахъ на косогорѣ Лубянской площади, гдѣ теперь раскинутъ скверъ съ Плевненскимъ памятникомъ. Каковы-то будутъ Соватюгины? Фамилія напоминаетъ что-то толстокожее, допотопное. Рассказывается преданіе, что Соватюгины были простые разношники, разжились въ Севастопольскую войну; громадный ростъ обоихъ братьевъ обратилъ на себя въ толпѣ вниманіе императора Николая Павловича. Наконецъ удастся видѣть и Соватюгиныхъ. Это толстые великаны, изъ которыхъ однако скоро младшій умираетъ. Семья эта отчасти замѣнила привѣтливаго Пырялова, Максимъ Кирилловичъ Соватюгинъ даже долгое время былъ церковнымъ старостою.

При вступленіи его въ эту должность естественно явился вопросъ о нѣкоторомъ упорядоченіи бѣднаго Князе-Владимирскаго храма.

Любопытно, что эта бѣдная церковь была тогда единственною въ Москвѣ, а можетъ быть, за исключеніемъ Кіева, единственною и въ Россіи, посвященною основателю христіанства Россіи. Помимо того, храмъ этотъ былъ однимъ изъ древнихъ, ибо построенъ былъ в. кн. Василиемъ Іоанновичемъ, отцомъ Івана Грознаго, близъ своего загороднаго дворца «въ старыхъ садѣхъ». Почему же онъ такъ обѣднѣлъ и обвѣтшалъ? Такое его положеніе едва ли дѣлало честь національному нашему сознанію, предпочитающему часто малоизвѣстныхъ, до Россіи не имѣвшихъ никакого отношенія Греческихъ святыхъ и забывшему о своемъ равноапостольномъ князѣ.

Какъ бы то ни было, М. К. Соватюгинъ рѣшился нѣсколько помочь церкви, вслѣдствіе чего у него произошло нѣкоторое дружеское пререканіе съ отцомъ. Соватюгинъ рѣшилъ прежде всего пожертвовать въ церковь колоколъ пудовъ въ 100 съ чѣмъ-то.

— Колоколъ первое дѣло, утверждалъ староста церковный.

— Колоколъ послѣднее дѣло, возражалъ настоятель церкви.

Колоколъ былъ купленъ и повѣшенъ на колокольнѣ, но этимъ «первымъ дѣломъ» и ограничился староста.

Разсказывали у насъ по поводу этого о какомъ-то тоже церковномъ старостѣ, пожертвовавшемъ колоколъ. Бывало ко времени благовѣста въ свой колоколъ отойдетъ онъ отъ колокольни подальше, но на столько, что благовѣстъ будетъ оттуда слышанъ. Вотъ онъ и стоитъ и слушаетъ звуки своего колокола, да еще остановить того или другого прохожаго и спросить: — Не знаете ли, гдѣ это благовѣстятъ? — Не знаю, скажетъ одинъ, но иной дастъ и утвердительный отвѣтъ. — А какъ кажется вамъ, колоколъ хорошъ, а? спросить храмоздатель.

Скоро отецъ сдѣлался большимъ пріятелемъ съ М. К. Соватюгинымъ, чтѣ однако не мѣшало и ихъ разногласіямъ по разнымъ церковнымъ вопросамъ. У меня сохранилось одно весьма дѣльное письмо Соватюгина, которое привожу съ соблюденіемъ правописанія, дабы этимъ и ограничиться для характеристики и образовація, и воспитанія этого главнѣйшаго столпа Князе-Владимирскаго прихода. Письмо писалъ Соватюгинъ еще не бывши старостою. Оно касается сдачи церковной земли внаемъ «Ваше благословеніе отецъ Александра Петровичи.

Я наслышенъ что староста церковной по своей торговой операциіи согласился отъдать своему пріятелю кладбищенскому Ѳедору Степанову землю за безценокъ за 30 ру. сер. въ годъ, когда она можетъ вѣсгда приносить более 50 ру. теперь она огорожена и уже приготовлено черновое условіе на 12 летъ и въ претъ потаму то какъ вы позволяети допустить а если послѣ его 3 лѣтія выберется доброй староста, каторой пожелаеть выстроить для церкви домъ то зачѣмъ же упускать изъ виду 30 ру. денехъ немного и церква а токаго не будетъ бедна а когда зделаютъ такое условіе то уже ее нечево ис читать церковною она

можетъ вывановъ день по кашней годъ принесть хорошею полау да и подъ яблонию кладку на зиму вѣсегда дадутъ 50 или 60 ру. то по моему замечанію нѣтъ резона допустыть до такой низости если вы ни васпритивитесь то я не вытерплю донесу вѣладыки прашу васъ не допускать до неприятностей вашъ пакорниши слуга Максимъ Соватюгинъ».

По смерти Соватюгина, церковнымъ старостою, былъ купецъ Лукичевъ. Это былъ очень самолюбивый старикъ. Сдѣлавъ что-то для церкви, онъ очень насѣдалъ на отца, чтобы тотъ выхлопоталъ для него золотую медаль, и былъ недоволенъ, когда вмѣсто медали получилъ только благословеніе Св. Синода. Но кромѣ этого Лукичева рѣшительно некого было выбрать въ старосты, ибо старостою полагается быть только домовладѣльцу, но не жильцу.

А домовладѣльцы, какъ ни ограничено было ихъ число, не прибывали, но еще убывали. Я уже говорилъ, что В. А. Кокоревъ ежемѣсячно платилъ причту жалованье 10 р., но въ Декабрѣ 1863 года одинъ изъ управляющихъ В. А. Кокорева присылаетъ къ отцу письмо: «Вамъ уже, конечно, не безъизвѣстно о продажѣ дома Тимофѣю Саввичу Морозову, извѣстному фабриканту. Присовокупляю отъ себя, что купчая крѣпость уже совершена». По этому управляющій проситъ «о будущихъ нуждахъ причта обращаться къ г. Морозову, душевно желая, чтобы со стороны новаго домовладѣльца было бы оказано то къ нуждамъ причта вниманіе, которое оказываемо было ему В. А. Кокоревымъ».

Кокоревскій дворецъ перешелъ въ руки представителя богатѣйшей купеческой старообрядческой фирмы; желаніе управляющаго Кокорева ни на копѣку не оправдалось. Впрочемъ нѣтъ: разъ за все время съ 1864 по 1871 гг. отъ М. О. Морозовой было прислано «за именины 10 р.».

Отказъ Кокорева отъ 6 р. ежемѣсячнаго жалованья отцу лишилъ насъ 10% годоваго содержанія; но ни единого слова ропота я не слышалъ отъ отца.

Потомъ ушелъ еще домовладѣлецъ, П. Д. Часовниковъ, продавъ свой домъ А. И. Груздеву.

Въ бумагахъ отца сохранилось его письмо къ этому Груздеву, написанное особенно ясно, притомъ почеркомъ вдвое крупнѣе обычнаго отцовскаго: очевидно, составитель письма предполагалъ и особенно тупое пониманіе, и малую привычку читать «по письменному». Вотъ это письмо:

«По совѣту Максима Кириловича Соватюгина, Князе-Владимирской церкви старосты церковнаго, и по собственному разсужденію, я сегодня утромъ приходилъ было къ вамъ въ вашу квартиру; но къ сожалѣнію моему не засталъ васъ дома. А вотъ зачѣмъ я приходилъ къ вамъ. Бывшій прихожанинъ нашъ П. Д. Часовниковъ, мѣсто котораго вы теперь заступили, до сего времени подписывалъ на прилагаемомъ при

семъ листѣ, отъ своего усердія, теперь отказался и намъ и церкви, потому что вышелъ изъ моего прихода». За симъ была изложена просьба не отказать «въ вашемъ къ намъ и церкви благорасположеніи» и т. д.

Письмо не особенно вѣжливо было возвращено съ припискою $\frac{1}{2}$ дюймовыми литерами, вполнѣ разобрать которыя затрудняюсь (хотя не одинъ годъ просидѣлъ я надъ чтеніемъ Русскихъ рукописей XVI и XVII вѣковъ, да и многіе годы имѣлъ дѣло съ тетрадами учениковъ и Министерства Просвѣщенія, и Военнаго Министерства, и IV Отдѣленія собственной ея величества канцеляріи). А потому воспроизвожу только начало этого маравья: «Я не съ на ю очемъ вы п расите домъ въ вашемъ приходе я самъ не принадлежу къ вашей церкви А нахожусь у Всехъ Свѣтыхъ сътарасуя».

Но и при отпаденіи этого домовладѣльца я не слыхалъ ропота отъ отца. Задаю теперь себѣ вопросъ: почему я не пошелъ въ духовное званіе, а предпочелъ Университетъ? Видѣть меня духовнымъ было желаніе отца. Самъ я никогда до полнаго невѣрія не доходилъ и не былъ честолюбивъ; къ философскимъ наукамъ всегда имѣлъ особенную охоту. Кажется, были всѣ данныя идти по праѣдовской дорогѣ. Но вотъ это-то именно унизительное положеніе священника передъ разными Груздевыми прежде всего и оттолкнуло отъ этого пути; а дальше пришлось наблюдать и религіозное лицемѣріе, котораго не могла выносить душа моя.

Остается сказать еще объ одной домовладѣлицѣ Варварѣ Николаевнѣ Шнаубертъ, не потому чтобы она особенно помогала отцу, но потому, что она оказала величайшую услугу моему развитію и образованію. Царство небесное умной и доброй этой старушкѣ!

В. Н. Шнаубертъ, Русская по происхожденію, была вдова Нѣмца доктора Шнауберта*). Мы застали ее уже вдовою, старушкою лѣтъ за шестьдесятъ. Съ чувствомъ глубокой пренагельности воспроизвожу теперь въ своей памяти ея образъ. Она была небольшого роста съ волосами совсѣмъ бѣлыми, которые мало бы отличались отъ бѣдности ея безкровнаго лица, если бы не черная бархатная полоска, которая окаймляла верхнюю часть ея лица, напоминая «вѣнчикъ» покойника. Шнаубертъ не по годамъ держалась очень прямо и ежедневно, какая бы ни была погода, совершала пѣшкомъ прогулку по улицѣ. Варвара Николаевна говорила очень мало, очень отрывисто и очень кратко. Это была олицетворенная математическая точность. Но, видно, подъ этою строгою суровою наружностью было очень доброе сердце.

У Шнаубертъ была очень большая библіотека, большихъ шкаповъ шесть, оставшаяся послѣ ея покойнаго мужа, при чемъ значительная

*) Не смѣю ли это Шнауберта, который былъ домашнимъ врачомъ у графа О. В. Растопчина въ его Вороновѣ? См. 2-ю книгу нашего сборника: «Девятнадцатый Вѣкъ». П. Б.

часть книгъ была по Русской литературѣ. Не знаю, какъ отецъ провѣдалъ объ этой библіотекѣ, что говорено было у него съ Варварою Николаевною, но только я получилъ приглашеніе пользоваться этими книгами. Это было для меня величайшее счастье, какое потомъ уже не повторялось въ жизни. Ужъ и пользовался же я этими книгами! Приблизительно разъ въ недѣлю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ являлся я къ Шнаубертъ съ столовою салфеткою. Молча встрѣчала меня Варвара Николаевна, молча отпирала по моему указанію тотъ или другой шкафъ, а сама молча садилась у окна къ своему рабочему столику. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 6—7, когда я былъ уже студентомъ Университета и въ теченіе лѣтъ трехъ готовилъ по-латыни къ вступительному въ Университетъ экзамену одного изъ внуковъ Варвары Николаевны, воспитывавшихся у бабушки по смерти ихъ отца (а ея сына), мальчика превосходныхъ способностей, прилежанія и поведенія, неизмѣнная Варвара Николаевна все попрежнему сидѣла у окна у того же своего рабочего столика, съ тѣмъ же блѣднымъ лицомъ, съ тою же черною бархатною на лбу повязкою, съ тою же лаконическою рѣчью... Я развязывалъ свою салфетку съ пудовою тяжестью, разставлялъ по прежнимъ мѣстамъ возвращаемыя книги и набиралъ новыхъ. Количество забираемыхъ книгъ никогда не ограничивалось какимъ-либо замѣчаніемъ Варвары Николаевны, хотя бы въ родѣ того, что живемъ мы рядомъ на той же «горкѣ», что можно и въ другой разъ придти. Одни только развѣ несходящіеся углы салфетки ограничивали мою жадность, заставляя отложить двѣ-три изъ намѣченныхъ книгъ и съ грустью поставить ихъ на полку до слѣдующаго своего прихода. Варвара Николаевна никогда не провѣряла и не записывала книгъ, а молча, кивнувъ мнѣ головою, запирала шкафъ и опять садилась къ своему столику.

Къ Шнаубертъ приходилъ я обыкновенно часу въ 4-мъ вечера, какъ было, должно быть, условлено. Подымаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ ея квартиры, я, проходя мимо кухни, всегда обонялъ специфическій запахъ кушанья, приготовляемаго на плитѣ. Когда, много лѣтъ спустя, и у меня самого стали «готовить на плитѣ» и изъ кухни въ прихожую (а то и подальше) сталъ распространяться запахъ жаркого, я никогда не могъ сердиться на виновниковъ этого запаха. Этотъ «Шнаубертовскій запахъ» напоминалъ мнѣ лучшія минуты въ моей жизни, когда я съ узломъ книгъ взбирался по Шнаубертовской лѣстницѣ или спускался съ нея.

Чего только не перечиталъ я изъ библіотечныхъ шкаповъ этой моей, по истинѣ, благодѣтельницы! Отъ Ломоносова до Пушкина я перечиталъ все, что было у Шнаубертъ. Ломоносовъ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Екатерина II, Аблесимовъ, Капнистъ, Херасковъ, Богдановичъ

Петровъ, Костровъ, Карамзинъ (кромя Исторіи, извѣстной мнѣ гораздо раньше), Дмитріевъ, Измаиловъ, Мерзляковъ, Жуковскій, Озеровъ, Нахимовъ, Муравьевъ-Апостолъ, Гнѣдичъ, Капнистъ, Батюшковъ, Загоскинъ, Лажечниковъ, Кукольникъ, Погодинъ, Марлинскій читались отъ доски до доски, быстро, съ упоеніемъ; кое-что залегало въ душу, многое скользило только по ней, еще болыне совсѣмъ не понималось и хотя считалось мною прочитаннымъ, но оставалось совсѣмъ внѣ сознанія.

Это ли только читалось? У Варвары Николаевны между прочимъ было полное собраніе журнала «Библіотека для чтенія», когда она выходила подъ редакцію Сеньковского. Она была прочитана мною вся за исключеніемъ отдѣла «Сельское хозяйство» и «Науки и художества»; кажется, тамъ можно бы было и это прочитать, но при невѣроятномъ количествѣ книгъ у Шнауберть, я съ «Библіотекою для чтенія» поступалъ какъ пресыщенный гастрономъ съ вареными раками: онъ очищаетъ клешни, облупливаетъ «шепталце», но остальные части бросаетъ. Такъ и я въ «Библіотекѣ для чтенія» прежде всего накидывался на Русскія и иностранныя повѣсти, потомъ читалъ знаменитую «Литературную лѣтопись», гдѣ ядовитый и необыкновенно остроумный баронъ Брамбеусъ часто двумя-тремя словами поражалъ на смерть какую либо бездарность, а иногда наносилъ чувствительный ударъ и истинному дарованію. Потомъ просматривалъ я отдѣлъ критики и другіе, но уже кое-какъ. Вредная, осмѣивающая все Русское злость покойнаго Поляка Сеньковского, тѣмъ болѣе опасная, что онъ былъ человѣкъ громадной эрудиціи и основательный оріенталистъ, къ счастью, не подѣйствовала на меня: должно быть, потому что Сеньковского читалъ я не исключительно а рядомъ съ перечисленными авторами. «Кромѣ Библіотеки для чтенія», я перебралъ «Современникъ» Пушкина, «Отечественныя Записки» Свиньина, и много другихъ менѣе извѣстныхъ повременныхъ изданій того времени.

Но не однимъ только этимъ легкимъ чтеніемъ снабжала меня вѣчно памятная мнѣ В. Н. Шнауберть. Историческія познанія мои ограничивались дотолѣ одною только «Исторіею Государства Россійскаго» Карамзина. Теперь изъ библіотеки Шнауберть познакомился я со «Словомъ о полку Игоревѣ» по изданію Граматина, съ былинами по сборнику Кириши Данилова, со словаремъ Бантышъ-Каменскаго, съ «Письмами Русскаго офицера» Глинки, съ біографіею Карамзина, написанною Старчевскимъ, съ «Записками о Россіи» Манштейна, со всѣми сочиненіями Вейдемейера («Обзоръ важнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго», «Царствованіе Елисаветы Петровны», «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи»), съ различными военными исторіями,

включая конечно Михайловскаго-Данилевскаго. Карты сраженій я особенно прилежно разсматривалъ и за разноцвѣтными продолговатыми прямоугольниками, изображавшими наши и непріятельскія войска, очень еще живое тогда воображеніе представляло колонны нашихъ и непріятельскихъ солдатъ.

Говорить ли о жильцахъ въ Князе-Владимирскомъ приходѣ? Ихъ было такъ немного: Счастневы, Де-бошъ, Кондратьевы, Мойсеевы... больше не припомню. Былъ еще торговецъ въ мелочной москательной лавочкѣ Иванъ Аванасьевичъ. Отъ него было дохода больше, чѣмъ отъ иныхъ богатыхъ людей. Вотъ и все, если не считать домовъ Фигнера, населеннаго нищими, Кучуминой, занятаго домовладѣлицею-старообрядкою, и будки, гдѣ однако очень часто рождались какіе-то младенцы, съ платою по 20 коп. за каждый при семь церковный обрядъ.

Остается сказать о Князе-Владимирскомъ причтѣ. Причтъ, кромѣ отца, состоялъ изъ дьякона Ивана Христофоровича и панамаря Уралова. Сверхъ того былъ трапезникъ старикъ Ефимычъ.

Старый старикъ Иванъ Христофоровичъ былъ на «дьячковской навансіи». Это значитъ, что онъ былъ изъ неокончившихъ семинарскій курсъ, служилъ дьякомъ, но по какому-нибудь особенному ходатайству посвященъ въ дьяконы, съ оставленіемъ прежняго содержанія, т. е. 20% изъ общаго дохода, наравнѣ съ панамаремъ, не возведеннымъ въ такой санъ. Иванъ Христофоровичъ имѣлъ густой бась, не смотря на свои лѣта. Это былъ крѣпкій тѣломъ и окоченѣлый духомъ старикъ. (Онъ, напримѣръ, привыкъ басить на большомъ выходѣ: «Благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора...» Сколько отецъ ни училъ его потомъ, что надо произносить не «императора», а «императора», Иванъ Христофоровичъ до самой своей кончины не могъ отстать отъ «императора». Повидимому, онъ былъ недоволенъ, что отцу, а не ему, досталось у Князя-Владимира священническое мѣсто, хотя по образовательному цензу «бывшій» дьячекъ, онъ не имѣлъ на то права; а потому онъ и его семья встрѣтили насъ недружелюбно, и эта холодность продолжалась болѣе 10 лѣтъ до самой смерти этого дьякона, когда мѣсто его занялъ тоже старикъ Василій Борисычъ, сдѣлавшійся тотчасъ же добрымъ пріятелемъ отца и всего нашего семейства. Семья Ивана Христофоровича тоже чуждалась насъ болѣе чѣмъ позволительно. Крыльцо дьяконской квартиры было надъ нашею стеклянною галлереею. Бывало, если кто-либо изъ семьи дьяконской отворитъ свою дверь, чтобы выйти во дворъ, непременно взглянетъ вверхъ, не смотритъ ли кто изъ насъ внизъ съ галлерей. Если случайно кто-либо изъ нашихъ сидитъ у окна у него надъ головою, дверь дьяконская тотчасъ же затворяется, и намѣревавшійся выдти прячется на-

задъ. У дьякона было двѣ дочери, старыя дѣвицы; ихъ я еще видалъ нѣсколько разъ, неожиданно выходя изъ передняго крыльца на горку, когда тѣ, не имѣя никакой возможности сдѣлать предварительную рекогносцировку, возвращались домой. Но у дьякона было два сына взрослыхъ, гораздо старше меня. Учили ли гдѣ они, служили ли или такъ жили недорослями, не знаю; но я ихъ даже въ лицо никогда не могъ усмотрѣть вслѣдствіе особой ихъ, можно сказать, чисто-«звѣриной» хитрости. Въ церкви они никогда не бывали, а утромъ выходили изъ дому и возвращались домой къ ночи, не какъ всѣ прочіе жильцы церковнаго дома по горкѣ до лѣстницы, спускающейся отъ церкви на мостовую, а вплотную мимо домовою стѣны по проложенной ими по крутизнѣ дорожкѣ, словно волчьей тропинкѣ, за что мы и прозвали ихъ «волками».

Молодой панамаръ Ураловъ былъ очень милый человѣкъ и находился въ наилучшемъ отношеніи съ отцомъ. По развитію, держанью себя и даже одѣянью онъ ужъ очень далеко ушелъ отъ стариннаго типа дьячка въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Довольно сказать, что онъ весьма удовлетворительно исполнилъ въ послѣдствіи мое очень спѣшное ему порученіе: переписать мое кандидатское сочиненіе.

Но старикъ-трапезникъ Еѣимычъ остался еще отъ добраго стараго времени. Кромѣ сторожевой службы онъ замѣнялъ второго пѣвца на клиросѣ. (Одною изъ особенностей его чтенія было то, что послѣдній читаемый въ литургіи псаломъ начиналъ онъ всегда такъ: «Хранить Господь вся кости ихъ, и не едина отъ нихъ сокрушится», черезъ что псаломъ и кончался очень скоро. Церковныя пѣсни, особенно рѣдко воспѣваемые, Еѣимычъ измѣнялъ согласно собственнымъ возрѣніямъ. Такъ въ Пасху онъ пѣлъ: Богоотецъ Царь Давидъ предъ *стѣнами* ковчега скакаше играя» и т. д. Разъ какъ-то боленъ былъ панамаръ, и Еѣимычу, который былъ въ тоже время звонаремъ, нельзя было отлучиться съ клироса, чтобы ударить въ колоколъ къ «Достойно». Онъ поручилъ исполнить это мнѣ, тѣмъ болѣе, что это было очень легко: колоколъ былъ такъ малъ, что Еѣимычъ не трудился для благовѣста подыматься на колокольную, а прикрѣпилъ веревку къ языку большого колокола, а противоположный конецъ ея спустилъ на землю, такъ что, оставаясь на землѣ, очень легко было нѣсколько разъ дернуть веревку, чтобы «ударить къ Достойно». Вотъ и просить онъ меня замѣнить его въ исполненіи этой обязанности и точно объясняетъ время благовѣста, рекомендуя слѣдить что онъ будетъ пѣть: «неровно, говоритъ онъ, стану я «Единъ святъ, единъ Господь» (т. е. запою эту пѣснь), вы и ступайте ударять». Время Еѣимычъ рассчиталъ очень точно, чтобы «ударить къ Достойно» въ самый разъ, но нелѣпой обоюдности рѣчи по простотѣ своей не могъ замѣтить. Между тѣмъ этотъ старикъ, невѣжественный искони, окончательно

но придавленный гнетомъ бѣдности, безропотно еще лѣтъ 25 несъ тяжкій крестъ: въ его сторожкѣ лежала все время безъ движенія его разбитая параличемъ жена, за которою ухаживалъ самъ мужъ, не имѣя средствъ держать какую либо прислугу. Вотъ она гдѣ нравственная-то высота!

Отецъ окончательно осмотрѣлся и устроился на новомъ мѣстѣ. Теперь вниманіе его необходимо должно было обратиться на меня, только сидѣвшаго надъ учебниками, но ничему не учившагося послѣ злосчастной исторіи у отца съ Апраксиной въ концѣ Октября 1853 года. Отецъ снова принялся меня учить.

Предварительно повелѣлъ онъ меня въ церковь, гдѣ, въ присутствіи одного только панамаря, отслужилъ молебенъ и что-то читалъ надо мною, прикрывъ меня эпитрахилью. Мнѣ казалось, что готовится нѣчто въ родѣ жертвоприношенія Исаака. Послѣ молебна началось ученіе, при чемъ, конечно, обнаружилось, что новаго я ничего не узналъ, а изъ стараго много позабылъ. Все это возмѣщено было и возмѣщалось обильными тѣлесными наказаніями. Тѣмъ не менѣе пришлось начинать чуть не съ самого начала. Оттого-то и сохранился у меня второй экземпляръ Латинскихъ упражненій, написанный болѣе мелкимъ, чѣмъ первый, почеркомъ. Опять пошли эти: «*Terrae figura est rotunda, Corpus est animae domicilium aut instrumentum*». Опять пошли переводы съ Греческаго «повѣстей Гіеракла» съ аляповатыми анекдотами о какомъ-то схоластикѣ. Въ одномъ разсказѣ «схоластикъ», желая плавать, едва не «задохнулся, и такъ клялся, что онъ не коснется воды, пока не выучится плавать». Въ другомъ этотъ нелѣпый «схоластикъ» сѣлъ на лошадь на паромѣ, объясняя, что онъ «спѣшить». Въ третьемъ глупый «схоластикъ», встрѣтивъ одного изъ двухъ братьевъ-близнецовъ, спросилъ его: «ты умеръ или братъ твой?» Эта непробудная глупость «схолатика» для перваго, раза едва ли въ благопріятномъ свѣтѣ представляла ученыхъ и ученость. За повѣстями изъ Гіеракла попрежнему переводились басни Эзопа.

Болѣе пріятнымъ дѣломъ было заучиваніе наизусть молитвъ «Отче нашъ» и «Богородица» по-латыни и по-гречески, а по-гречески сверхъ того «Символа вѣры», кондаковъ, тропарей и икосовъ на Воскресеніе Христово, на Рождество и на другіе двенадцатые праздники, а также сложенныхъ въ честь разныхъ святыхъ, Іоанна Предтечи, Николая Чудотворца и т. д. Снова явилась на сцену и Русская грамматика Востокова, при чемъ помню, что даже и въ это время я съ очень большимъ трудомъ, и то съ постоянными ошибками, могъ отличать ударяемый слогъ отъ неударяемаго, хотя, конечно въ говорѣ и не уподоблялся дьякону Ивану Христофоровичу.

Отецъ ежедневно приносилъ домой *Московскія Вѣдомости*. Въ монастырѣ онъ бралъ эту газету у Оппеля, въ приходѣхъ тоже у кого-то.

И еще подъ Дѣвичимъ исправно читалъ *Московскія Вѣдомости*. Особенно занимали меня рассказы объ охотѣ на Львовъ какого-то Жирара, вѣроятно Француза въ Алжирѣ. Съ переездомъ къ Князю-Владимиру или (какъ принято было называть у насъ) «на Солянку», я сдѣлался еще болѣе прилежнымъ читателемъ этой газеты, хотя изъ политическаго ея отдѣла ничего не помню. Едва ли тогда я интересовался этимъ, ибо политическихъ разговоровъ пока никакихъ не слыхивалъ. Но вотъ въ Февралѣ 1855 года встрѣчаю я въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстіе, что государь Николай Павловичъ заболѣлъ гриппомъ. Очень хорошо вспоминаю теперь это извѣстіе, а равно и то, что ни я, ни кто другой въ домѣ не могъ тогда завѣсить всей страшной тревожности этого извѣстія. Мы, повторяю, такъ далеки были въ то время отъ всякой политики, что намъ и въ голову не могло придти, что о болѣзни Царя печатаются бюллетени только при очень серьезной опасности, если только не при полной безнадежности. Слово «гриппъ» даже показалось мнѣ забавнымъ, напоминая Воробьевскіе грибы. Тѣмъ съ болѣшимъ ужасомъ и отчаяніемъ, по крайней мѣрѣ мною, была принята вѣсть о кончинѣ Государя.

Возвращается какъ-то отецъ домой отъ всенощной, на которой мы не присутствовали, и говоритъ: «Государь умеръ!» Увѣренный тонъ его взволнованнаго голоса не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Откуда это онъ узналъ? Вѣроятно, будучи въ церкви, онъ получилъ о томъ официальное извѣщеніе отъ своего благочиннаго черезъ «десяткаго», т. е. дьячка, состоящаго рассыльнымъ при благочинномъ. Безъ сомнѣнія, было прислано отъ Консисторіи и распоряженіе привести утромъ всѣхъ къ присягѣ. Чрезвычайно ясно помню, какъ потрясла, какъ подавила меня 14 лѣтнаго мальчика эта страшная вѣсть. Я, какъ вѣроятно и болѣе взрослые мои современники, не привыкли мыслить Россію безъ Николая Павловича. Это представлялось чѣмъ-то единымъ. «Николай Павловичъ» казалось какимъ-то нарицательнымъ именемъ царя. Позднѣйшій аналогичный хотя далеко не такъ важный случай можетъ пояснить это смѣшеніе понятій. Когда умеръ Филаретъ, съ 1821 по 1867 годъ бывшій митрополитомъ Московскимъ, имя «Филаретъ» уже давно утратило собственное значеніе и обратилось въ нарицательное; а потому иные простоудушно и спрашивали: а кто теперь будетъ у насъ *Филаретомъ*? Императоръ Николай царствовалъ 29 лѣтъ. Большинство не помнило его предшественника, знало, какъ современника, только *одного* царя, а о *царяхъ* могло только читать въ книгахъ.

Сверхъ того всѣ, и я въ томъ числѣ, знали, что у насъ война, тяжелая, страшная, опасная война. «Что будетъ съ Россіею безъ царя?» Этотъ вопросъ ужаснулъ меня, какъ вѣроятно и многихъ, повторяю,

знавшихъ только *одного* Николая I. Голова пошла кругомъ, мысли, помутились, и я, затворивъ дверь кабинета, въ темнотѣ долго и горячо молился, хотя теперь и никакъ не могу припомнить, о чемъ именно могъ я просить Бога. Съ тѣхъ поръ пришлось мнѣ пережить кончины Александра II и Александра III; но, въ силу указанныхъ соображеній, впечатлѣніе было далеко не такъ сильно, не смотря ни на ужасъ 1-го Марта, ни на безвременность кончины Александра III-го. Во время смерти Александра Николаевича я былъ уже редакторомъ большой политической газеты *Современныя Извѣстія*, былъ въ курсѣ политическихъ событій въ Россіи и въ Европѣ; по поводу многократныхъ покушеній на Царя-освободителя постоянно составлялъ статьи, изучалъ политическіе процессы и очень много писалъ по поводу ихъ; почва къ воспріятію ужасной вѣсти была отчасти уже приготовлена. Неудалось это покушеніе; Богъ избавилъ и въ другой разъ, и въ третій и т. д. Но вѣдь опасность была такъ велика, такъ неминуема. Но возьми пуля нѣсколько ближе, не запоздай нѣсколькими минутами взрывъ и, страшное преступленіе совершилось бы. Боюсь, что не доведу своихъ настоящихъ воспоминаній до этой роковой минуты, а потому позвольте ужъ докончить эти воспоминанія.

Приходитъ часу въ 11 вечера къ намъ въ редакцію извѣстная первая телеграмма за подписью Лорисъ-Меликова о новомъ покушеніи. Государь раненъ весьма опасно. Это нельзя не понять послѣ знакомства со всѣми прежними въ подобныхъ случаяхъ оповѣщеніями. Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, издатель *Современныхъ Извѣстій*, игралъ въ эту минуту съ кѣмъ-то въ шахматы. Я прошу его бросить игру и ѣхать къ генералъ-губернатору за дальнѣйшими свѣдѣніями; ибо помимо всего, завтрашній № уже сверстанъ, а въ виду этого страшнаго извѣстія нельзя подписать къ печатанію. Онъ быстро переодѣвается, уѣзжаетъ, но очень долго не возвращается. Проходитъ страшно-томительный часъ, другой... Но вѣдь надежда еще не потеряна. Можетъ-быть, и на этотъ разъ Богъ помилуетъ. Государь можетъ еще выздороветь отъ опасной раны. Но есть время и приготовиться къ окончательно-ужасной вѣсти... Слабый звонокъ... Это изъ типографіи принесли мнѣ корректуру первой телеграммы министра внутреннихъ дѣлъ. Писать ли что-либо по поводу новаго злодѣйства?... Но какъ писать? Можетъ быть, даже навѣрное, ночью придетъ еще телеграмма. Написанное можетъ оказаться неполнымъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ негоднымъ. Что же это не возвращается Н. П-чъ?... Какъ долго! Вотъ опять звонокъ, но уже очень рѣзкій. Вздрагиваю. Это онъ. Дѣйствительно, входитъ Н. П-чъ и молча отдаетъ мнѣ копію со второй телеграммы. Смотрю: «Государь въ Бозѣ почилъ!» Напишите что нибудь: я не могу, говорятъ мнѣ Н. П-чъ.

И отправляюсь въ типографію, отдаю въ наборъ послѣднюю телеграмму, приказываю поставить траурную кайму. (Это такъ не трудно: только типографскія линейки перевернуть, наставивъ ихъ вмѣсто остраго края тупымъ). Въ сильномъ волненіи отъ ужаса и горя могу написать только строчки полторы, простое указаніе на помѣщенные ниже набранныя mitttel-емъ (оч. крупнымъ шрифтомъ) телеграммы министра. Посылаю эти полторы строчки, какъ подлежащія строжайшей оцѣнкѣ, на просмотръ Н. П-ча. Посланный возвращается. «Они ужъ спать легли», говоритъ глупый посыльный, не понимая, что Н. П-чъ, глубоко потрясенный, просто заперся у себя въ кабинетѣ. Читаю корректуру второй телеграммы, смотрю оригиналъ,—онъ на простой бумагѣ, безъ подписи «кн. В. Долгорукій», даже не на бланкѣ. Припоминаю единственные слова Н. П-ча при возвращеніи отъ генераль-губернатора: «Народу такъ много долго дожидался, ужъ въ канцеляріи мнѣ списали». Видно, первые мои были сильно потрясены, когда напало на меня нелѣпое сомнѣніе въ подлинности этой второй телеграммы. Не ошибся ли какъ Н. П-чъ? Но и онъ не о двухъ головахъ. Но онъ уже спитъ. Не разбудить ли? Но вѣдь это нелѣпо—сомнѣваться въ телеграммѣ, привезенной изъ канцеляріи генераль-губернатора. Да и о чемъ могу спросить Никиту П-ча? Вы ли привезли эту телеграмму? Но вѣдь онъ передалъ ее мнѣ изъ рукъ въ руки, но вѣдь я ее прочелъ, вѣдь самъ отдалъ въ наборъ, вѣдь вотъ она самая теперь у меня передъ глазами; а наборъ съ нея я нѣсколько разъ сличилъ съ оригиналомъ, провѣрилъ каждое слово, букву. А все таки рука не подымается подписать № къ печатанью. Наконецъ пересидѣлъ я себя, подписалъ и уѣхалъ домой, но не раздѣвался и не ложился спать, ожидая утра и выхода прочихъ газетъ. «Ну, какъ у насъ только однихъ?!» мерещится въ помутившейся отъ впечатлѣній и отъ безсонницы головѣ. Разсвѣтаетъ. Часовъ ужъ около 6. Еще до полнаго разсвѣта посылаю прислугу купить № какой-нибудь газеты, но только кромѣ *Современныхъ Извѣстій*. Возвращается прислуга, но безъ газеты. Чтоже газеты?—«Да только одинъ *Современный* всѣ и читаютъ на Арбатѣ, народъ собирается кучками; одинъ читаетъ, другіе слушаютъ». Такъ, такъ, конечно, чудовищная вѣсть напечатана только у насъ; оттого-то только наша газета и собираетъ толпы народа! И я того тогда не сообразилъ, что по аккуратности моей *Современныя Извѣстія* выходили при моемъ редакторствѣ раньше прочихъ. Посылаю вторично и наконецъ получаю какую-то газету; смотрю—тамъ *тоже!*

Не стану распространяться о кончинѣ императора Александра III. У всѣхъ свѣжо еще въ памяти, какъ долго, изо дня въ день получались бюллетени, послѣдовательно одинъ печальнѣе другого, какъ еще за нѣсколько дней всякая надежда на выздоровленіе была уже потеряна, какъ

почти навѣрное можно было, взвѣсивая значеніе продолжительнаго перерыва послѣ предпослѣдней телеграммы, предсказать, что слѣдующая будетъ уже роковая.

*

Лѣтъ до 13 я не зналъ ни одного товарища, и даже мысли о товариществѣ совсѣмъ не возникало у меня, ибо я не видалъ примѣровъ этихъ отношеній. Для разговоровъ, для игръ были братья и сестры, но чужихъ никого не было. Познакомился было я съ двумя сыновьями попа Данилы. Это, должно быть, были очень хорошіе мальчики, потому что одинъ изъ нихъ сдѣлался потомъ извѣстнымъ археологомъ и недавно скончался; но съ дѣтьми попа Данилы лежали мы раза два около монастырской стѣны, поглазѣли на нее, и такъ какъ никакихъ точекъ сближенія между нами не оказалось, то этимъ дѣло и ограничилось. Разъ какъ-то тоже ѣлъ я свербяку съ двумя огородничьими мальчишками, слышалъ отъ нихъ о какихъ-то пакостяхъ, какъ только теперь догадываюсь, но тогда ничего не понялъ изъ ихъ преподаванія и тотчасъ же забылъ ихъ лекцію, потому что и знакомство-то все ограничилось встрѣчею одинъ только разъ. Раза два видался я съ двоюродными братьями Смирновыми, дѣтьми Ивана Васильевича, моего двоюроднаго дяди, бывшаго священникомъ у Воздвиженья на Овражкахъ. Припоминаю, со старшимъ изъ нихъ было у насъ пререканіе по поводу какого-то жестяного стаканчика, тотчасъ же между нами поселившее нѣкоторую холодность. Родители Смирновы умерли въ 1848 году отъ холеры, сироты эти были разобраны добрыми людьми, и такимъ образомъ я очень рано потерялъ ихъ изъ виду. Вотъ и все, что оказалось при самомъ тщательномъ обшариваніи хранилища моей памяти: случайныя встрѣчи, далекія знакомства.

Первымъ по времени товарищемъ явился Володя, сынъ Сергія Петровича Гилярова. Около 1850 года «Черкизовскіе» привезли Владимира въ Москву. Онъ былъ въ тулупѣ, что, какъ рѣдкость, поразило меня, конечно потому, что мальчиковъ почти совсѣмъ я не видалъ, а мальчика въ тулупѣ увидалъ впервые. Мы познакомились очень скоро; по крайней мѣрѣ прежде чѣмъ успѣлъ поспѣть самоваръ для продрыхшихъ на морозѣ родныхъ, проѣхавшихъ сто верстъ, Владимиръ, не снимая тулупа, уже игралъ со мною въ карты, обучая меня какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ играмъ. Эту страсть къ игрѣ онъ сохранилъ всю жизнь, тогда какъ я совсѣмъ до картъ не охотникъ. Володя прогостилъ у насъ дня два - три и потомъ возвратился домой въ Черкизово. Во второй разъ увидалъ я его, но когда уже онъ окончательно привезенъ былъ въ Москву въ 1854 году для поступленія въ Семинарію. Ему тогда шелъ 16-й годъ, а мнѣ было 14 лѣтъ. Съ этихъ поръ и возникла

между нами самая тѣсная дружба, не прерывавшаяся до недавней его кончины, ибо помимо всего моя и его судьба была одинакова. Только мы двое изъ Гиляровыхъ, Александровичей и Сергѣевичей, и окончили въ Университетѣ курсъ, и каждый изъ насъ съ молодыхъ лѣтъ, прежде чѣмъ самъ началъ «жить», долженъ былъ получить одинаковое наслѣдство: семьи нашихъ родителей, оставшіяся безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Владимиръ неукоснительно и самоотверженно донесъ это тяжелое бремя до самой гробовой доски, обеспечивъ и дальнѣйшее существованіе своихъ ближайшихъ родственниковъ.... Но къ «Володѣ» я еще не разъ возвращусь.

И такъ до 14 лѣтняго возраста я совсѣмъ не зналъ товарищества, не имѣлъ даже представленія о немъ. А другія мои раннія чувства? До 16 лѣтняго возраста воображеніе мое ни разу не посѣщалось не только какимъ либо нечистымъ, но даже и идеальнымъ образомъ. Было совершенно пустое мѣсто. Очень любопытно припомнить: откуда, черезъ что пробудилась эта потребность въ 16 лѣтъ отъ роду облечь своимъ недостигаемо-высокимъ идеаломъ первую попавшуюся на глаза земную плоть! Откуда возникъ и самый этотъ идеалъ? Пока были игры, даже шалости, Латинская и Греческая грамматики, книги въ родѣ Исторіи Карамзина и т. п.; изъ этого матеріала не могло возникнуть какой-либо искры. Отвѣчать затрудняюсь на этотъ вопросъ, но догадку, основанную на документахъ, представить могу.

Съ 22 Марта 1856 года я началъ вести дневникъ, который доселѣ уцѣлѣлъ у меня. Дневникъ этотъ мѣстами написанъ изобрѣтеннымъ мною шифромъ, который теперь самому приходится разбирать не безъ труда. (Вотъ какъ не легко даются инныя историческія разысканія!) А зашифрованныя-то именно мѣста и касаются той любви, которую въ заголовкѣ опредѣлилъ я какъ «глухонѣмую».

Дневникъ начинается замѣткою, что относилъ книги къ В. Н. Шнаубертъ и взялъ новыхъ: Библіотеку для чтенія 1845—1846 гг.

Итакъ глухонѣмой любви предшествовало продолжительное чтеніе книгъ Шнаубертъ. «Библіотека для чтенія» начала выходить, кажется, съ 1834 года; читалась она въ порядкѣ, притомъ въ перемежку съ другими книгами. Итакъ глухонѣмой любви предшествовало продолжительное пожираніе книгъ преимущественно, конечно, беллетристики; и такъ начало этой любви найдено: она вычитана изъ книгъ. Далѣе подъ 25 Мартомъ, Воскресеньемъ, записано: «Послѣ обѣда два раза ходилъ къ Сухаревой башнѣ за исторіей Аббата Миллота. За 13 томовъ я заплатилъ 3 р. с.; очень радъ, что приобрѣлъ такую полезную книгу. Когда я шелъ къ Сухаревой башнѣ, встрѣтила меня какая-то дѣвченка и просила передать сестрѣ куклу. Я отказался. Не знаю, какъ развязаться

съ школьницами: онѣ присылають мнѣ старыя деньги; отказаться не хочется и брать не хочется. Еще если бы онѣ хоть недурны были, а то рожа на рождѣ. Я и забылъ написать, что видѣлъ за ранней обѣдней двухъ дѣвушекъ дочерей (да позволить читатель умолчать фамилію, не на что ему не нужно). Старшей изъ нихъ, какъ кажется, лѣтъ 18, а младшей лѣтъ 14. У младшей глаза очень мнѣ нравятся. Только три раза я видѣлъ этихъ дѣвицъ и, кажется, влюбленъ, но до сихъ поръ не могу сказать, въ которую только».

Внизу этого зашифрованного признанія самому себѣ моею же рукою черезъ годъ поставлено примѣчаніе: «Глупо же я писалъ. Можно было написать: «Мнѣ обѣ онѣ нравятся», а не «влюбленъ, да не знаю въ какую». Это точно у Гоголя Агаѣя Тихоновна говорить, когда думаетъ, кого выбрать изъ жениховъ: «такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной».

Позвольте остановиться на этомъ переходѣ отъ отрочества къ юности. У мальчика полны руки чужихъ книгъ, но ему вынь да положь «свои» книги. Для этого можно даже два раза съ Солянки сбѣгать подъ Сухареву, первый разъ вѣроятно безъ денегъ, а второй, когда давно желанная книга «сего ужаснаго носа» оказалась въ продажѣ, уже съ деньгами. По дорогѣ пристають не въ первый уже разъ «дѣвченки» изъ начальнаго пріюта, «рожа на рождѣ». А о главномъ-то предметѣ и «забылъ» написать. Воображеніе ищетъ, куда бы помѣстить свой идеалъ и сразу находитъ *два* оба равно удобныя помѣщенія». Отнынѣ вся эта семья возводится на Олимпъ и по тонкимъ извивамъ чертъ своего лица получаетъ отнынѣ наименованіе «179».

Это хранимое во глубинѣ души «179» изображается чернилами на учебномъ столѣ, принимаетъ другую форму, и на томъ же столѣ пишется чернилами исправленная закорючка, которой дается наименованіе «179». Культъ избранныхъ божествъ состоитъ въ ежедневномъ подмазываніи этой загогулины чернилами, дабы была она какъ можно жирнѣе, въковѣчнѣе!

Далѣе въ дневникѣ значится, что совсѣмъ «не имѣлъ свободнаго времени отъ Варвары Николаевниныхъ книгъ», что однако не помѣшало 26 Марта и 1 Апрѣля съ Владимиромъ «проиграть въ карты до 5-го часа утра».

3 Апрѣля было рѣшительнымъ днемъ для «глухонѣмой любви». Въ нашемъ приходѣ было необычайное зрѣлище: «спускали съ нашей колокольни большой колоколъ, чтобы перелить его въ новый бѣльшій. Передъ тѣмъ какъ ему упасть, показались *онѣ* на лѣстницѣ къ церкви.

«— А. И—на! пожайуйте сюда, скорѣй, скорѣй! такъ кричалъ староста Соватюгинъ, и А. И—на и три дочери ея побѣжали къ нашему

крыльцу. Я стоялъ на крыльцѣ, и онѣ стали здѣсь же. Я вблизи разсмотрѣлъ младшую: совсѣмъ не такъ хороша она въ сравненіи со старшей». Изъ собирательнаго «179» окончательно выдѣляется «Черкешенка».

Идеаль пристроенъ. Остается самому принять болѣе благообразный видъ, ибо семейное прозвище мое было «дикообразъ».

Уже 5 Апрѣля оказывается, что «теперь у меня есть приличное платье: нынче портной принесъ сюртукъ и черныя панталоны, Петя на дняхъ подарилъ. Съ нынѣшняго вечера я сталъ читать историка А. Миллота. Въ Субботу придетъ Владимиръ. Съ нимъ надо переговорить объ пзвѣстномъ дѣлѣ и кстати показать ее.»

Въ это время вся семья «179» говѣла, и я изъ свидѣтельства объ псповѣди узналъ ея имя. Въ Субботу всѣ «179» причащались. «Она была восхитительно одѣта: бѣлое платье, рука у кисти закрыта, а потомъ вплоть до плеча покрыта тонкою матеріей... Маменька говоритъ, что когда она причащалась, то заплакала. Это мнѣ очень нравится. Я молился за нее».

9 Апрѣля, «послѣ заутрени, обѣдни съ проповѣдью и благодарственного молебствія, при чемъ была и она, почти весь народъ остался на горѣхъ, и она тутъ же. Немного спустя привезли новый колоколъ. Въ началѣ молебна она стояла у нашего крыльца, а къ концу, на крыльцѣ. На ней была голубая шляпка и сѣрый бурнусъ. У нея черные волосы и въ родѣ черныхъ глаза. Мнѣ кажется, она походитъ на Анну Арестовну, которая жила у Марьи Сергѣевны Наумовой».

Подъ 13 Апрѣля уже цѣлая драма. «Вотъ и Великая Пятница, а ея не видно нигдѣ. Я страшно измучился въ ожиданіи увидѣть ее. Нынче и заутрени отошла, и часы прочитали, а ея не видалъ. Наконецъ стою у вечерни и какъ будто чувствую, что она идетъ. Оглянулся и вижу ее опять въ той же голубой шляпкѣ. Брату Петру она понравилась. Онъ все спрашиваетъ: сколько за ней денегъ? А хорошо бы было, если бы онъ женился на ней; по крайней мѣрѣ можно чаще бы видѣть ее, да и родственныя отношенія гораздо короче прочихъ. Воображаю, какъ она сидѣла бы со мной, въ ожиданіи Петра, который конечно не лучше прежняго сталъ бы жить... Зачѣмъ я не на мѣстѣ Петра?...»

18 Апрѣля въ Свѣтлое Воскресенье у заутрени опять удалось видѣть ее, равно какъ у вечерни, послѣ которой «пошелъ съ Владимиромъ на Солянку купить конфектъ», послѣ чего «все открылъ» Владимиру, «потому что недавно какъ-то особенно сдружился съ нимъ».

Послѣ различныхъ замѣтокъ о хожденіи въ «гости» къ зятю Соколову, объ игрѣ тамъ и дома съ Владимиромъ въ карты, 24 Апрѣля значится: «Ея почти вовсе не вижу». 27 Апрѣля, при такомъ высоко-

идеальномъ настроеніи, моя юношеская чистота два раза обрызнулась грязью: «по случаю крещенія перваго моего родного племянника я выпилъ почти два бокала полшампанскаго, три рюмки простого, рюмку травнику и рюмку хереса». Потомъ младшій братъ моего зятя Валеріанъ, неучъ и забуддыга, лѣтъ 26, далъ мнѣ книжку подъ заглавіемъ *Родственниковъ Магомета*, которая «вскорѣ по выходѣ своемъ была запрещена, какъ неблагопристойная. Въ ней описываются похождения одного Француза въ Турціи. Вчера, ложась спать, я началъ ее читать, а нынче кончилъ». Но вслѣдъ за этимъ Дневникъ отмѣчаетъ рѣшимость: «теперь хочу заниматься дѣломъ хорошенько. Не хочу читать пустыхъ повѣстей Библіотеки для чтенія»; буду читать книги полезныя, какъ напри- мѣръ Исторію А. Миллота, котораго я сейчасъ читалъ 13-й томъ о пребываніи Французовъ въ Россіи. Мнѣ понравилось описаніе одежды Французовъ въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Москвѣ: «Иной стоялъ на часахъ въ священничей ризѣ съ ружьемъ, въ воинской треугольной шляпѣ съ перомъ и босикомъ; другой въ женской мантильѣ, подпоясавшись гусарскою перевязью, въ мужицкой рыжей шляпѣ, въ панталонахъ и лаптяхъ; третій въ рясѣ и гренадерской каскѣ; тотъ въ старинномъ Русскихъ бояръ кафтанѣ, въ мужицкомъ треухѣ и котахъ; тотъ въ лакейской ливрѣ съ галунами и солдатскомъ киверѣ...»

Съ этихъ поръ надо отмѣтить начало только что возникавшаго моего политическаго направленія. Съ моимъ отцомъ хорошо былъ знакомъ О. Н. Морозовъ, управляющій домомъ В. А. Кокорева. Не знаю, какого образованія былъ симпатичный Морозовъ, но онъ любилъ книги и имѣлъ маленькую свою библіотеку. Съ Пушкинымъ познакомился я по его экземпляру и вторично по его же экземпляру перечиталъ Гоголя, знакомаго мнѣ еще подъ Дѣвичьимъ. Какъ близкій человѣкъ Кокорева, одного изъ тогдашнихъ руководителей общественнаго движенія, Морозовъ долженъ былъ быть человѣкомъ передовымъ, съ направленіемъ новаго царствованія. Онъ меня ласкалъ и даже приглашалъ поступить къ «нимъ», общая сдѣлать изъ меня богатаго человѣка, отъ чего я имѣлъ благоразуміе отказаться. При бесѣдахъ Морозова съ отцомъ и присутствовалъ, внимательно прислушивался къ нимъ и даже записывалъ наиболѣе выдающееся.

29 Апрѣля записываю: «Въ 11 часовъ вечера послѣ всенощной у насъ былъ О. Н. Морозовъ и говорилъ съ папенькой между прочимъ про секту раскольниковъ «Христова Странника». Раскольники эти не признаютъ надъ собой никакой власти кромѣ Христовой. Потомъ разговаривали о заключеніи мира: слышно, что всѣ недовольны, что можетъ быть бунтъ. Между прочимъ папенька говорилъ о доходахъ въ министерствѣ путей сообщенія. Въ Коломнѣ по тракту изъ Москвы въ

Астрахань нужно было построить мостъ черезъ рѣку Коломенку. Сдѣлали смѣгу, чтобы построить каменный мостъ, въ 150,000 р. асс., и онъ сталъ бы на 150 лѣтъ. Такъ нѣтъ же! Министерство вздумало выстроить деревянный Американскій въ 25,000 р. с. Конечно, это дешевле; но какъ построили, такъ поставили по солдату на томъ и на другомъ концѣ моста; какъ кто идетъ, солдатъ и говоритъ, чтобъ тише ѣхалъ: мостъ-доскаты можетъ сломаться; также если обозъ шелъ, должно было провести одну повозку, потомъ другую, такъ что бы никоимъ образомъ двумъ повозкамъ не быть одновременно на мосту. Какъ-то Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, проѣзжалъ черезъ Коломну. Ему, конечно не смѣли сказать: «поѣзжай тише!» Какъ только онъ проѣхалъ, такъ и не досчитались винтовъ десятка полтора. Наконецъ и совсѣмъ сломали этотъ мостъ, чтобы снова построить Американскій же и опять нажитья.

Въ городѣ Владимирѣ нѣсколько лѣтъ объясняли министру, что надо починить мостъ, и все не чинили, пока крестный ходъ не провалился и не погибло, какъ говорятъ, 700 человѣкъ.

На Ярославской дорогѣ выклали шоссе такъ узко, что двумъ повозкамъ трудно разъѣхаться. Впрочемъ скоро отдали строителей подъ судъ и лишили ихъ чиновъ».

Эти длинныя выписки привелъ я, какъ обращеніе съ чего начиналась тогда критическая работа общественной мысли. Злоупотребленія министерства путей сообщенія, обнаружившіяся предъ обществомъ, кажется, были однимъ изъ главныхъ исходныхъ пунктовъ такой критики.

И у меня тоже начинается критика. «Часто у насъ, отмѣчаю я надъ 3 Маемъ, пишутъ въ новостяхъ, что двѣ какія-нибудь дѣвушки поклянутся другъ другу въ томъ, что если у нихъ будутъ дѣти, сочетать ихъ бракомъ. Противъ такихъ глупыхъ обѣщаній мнѣ пришло въ голову написать со временемъ повѣсть, въ которой двѣ дѣвушки обѣщали бы другъ другу женить своихъ дѣтей. У той и другой рождается по двое дѣтей: сыновья первенцы и двѣ дочери. Сынъ одной матери влюбляется въ дочь другой, а сынъ этой другой матери въ дочь первой. Вотъ тутъ извольте расхлебывать эту кашу».

Читаю *Русскій Вѣстникъ*, журналъ, уже новаго направленія. Повѣсть «Гертруда-де-Бельмонсъ» кажется «хотя и занимательною, но невѣроятною»; читаю «Пикиліо Альвіага» Скриба.

Глухо-нѣмая любовь питается рѣдкими встрѣчами. 6 Мая. въ Воскресенье, у насъ служили обѣдню уже въ «холодной». «Я взошелъ въ церковь и былъ у самыхъ дверей. Смотрю, гдѣ у насъ два мѣста для тѣхъ, кто почище одѣты,—они ужъ тутъ, и какъ только кто ни взойдетъ, она сейчасъ оглянется и поневолѣ встрѣтится глазами... Она еще

лучше прежняго мнѣ показалась. Когда кончилась служба, она прошла мимо меня такъ близко, что чуть не задѣла платьемъ».

На помощь моему развитію выступаетъ новый сплывшій двигатель, подъ воздѣйствіемъ, но и подъ сильнѣйшимъ нравственнымъ гнетомъ котораго будетъ оно отнынѣ совершаться. Это мой родной дядя Н. П. Гиларовъ-Платоновъ, доселѣ только разъ въ жизни, да еще въ дѣтствѣ, видѣнный мною.

7 Мая приходитъ Владимиръ и рассказываетъ, что онъ былъ у этого дяди. Сообщаетъ бесѣду съ нимъ. «Говорили о мирѣ, о войнѣ, о правленіи; о томъ, что скоро цензура будетъ пропускать все кромѣ того, что написано 1) противъ Государя, 2) противъ вѣроисповѣданія, 3) слишкомъ неблагопристойно, такъ что каждый можетъ писать почти все, что хочетъ». Тутъ же унасъ обоихъ впервые зарождается мысль о возможности крутого поворота съ нашего, завѣщаннаго прадедами пути. Владимиръ пошелъ въ Семинарію, гдѣ онъ былъ казеннокоштнымъ; я отправился провожать его. «Дорогой разговаривали о томъ, какъ хорошо было бы поступить въ Университетъ по медицинскому факультету. И такъ нашъ разговоръ былъ занимателенъ, что я не могъ съ Володей разстаться до самой Семинаріи».

Легко сказать «поступить!» Прежде всего что скажутъ наши отцы? Положимъ, Сергій Петровичъ можетъ согласиться по своей «безпечности», а мой отецъ?... Не пришло тогда мнѣ въ голову, что и самъ мой отецъ во время оно пробовалъ поступить въ Университетъ, ходилъ даже туда, вѣроятно на медицинскій факультетъ, но что-то ему тамъ не понравилось, и онъ оставилъ Университетъ.

— Какъ же, спрашивалъ я его при его рассказѣ, держали вы экзаменъ что-ли для поступленія туда?—Никакого не было экзамена тогда, отвѣчалъ отецъ.— Такъ какъ же поступали туда?—Очень просто. Придетъ семинаристъ къ ректору Университета, заявитъ о своемъ желаніи слушать лекціи. Тотъ поговоритъ съ нимъ по латыни. Тѣмъ дѣло и кончалось.

Дѣйствительно, чего же было тогда и требовать отъ вступающаго въ Университетъ, какъ не латыни только, на которой тамъ читались лекціи, а кто изъ семинаристовъ не говорилъ бѣгло по латыни?.. И какъ трудно было отыскать эту латынь гдѣ-нибудь помимо Семинаріи! Ограниченіе, а потомъ и окончательное воспрещеніе принимать въ университеты по семинарскому аттестату, всегда казались мнѣ историческою неправдою. Университеты разжирѣли плотью и кровью семинарскою и потомъ съ презрѣньемъ отвернулись отъ почвы, на которой сами выросли.

Дневникъ отмѣчаетъ проѣздъ 7 Мая Царя черезъ Москву, «кто говорить въ Крымъ, а кто говорить, Богъ знаетъ, куда».

Изъ всѣхъ членовъ семьи я отличался особенною хозяйственностью. Когда въ это время сталъ сѣзжать отъ насъ зять съ сестрою, «жившіе у насъ болѣе двухъ лѣтъ», «я былъ занятъ перевозкою ихъ вещей». Когда заблагоувѣстили ко всенощной, «я отдалъ сапоги чистить», случай исключительный, заслуженный мною вѣроятно немалыми трудами по перевозкѣ вещей зятя, «а самъ сѣлъ съ зятемъ у окна; вдругъ вижу идутъ «179». Я тотчасъ же бросился одѣваться и пришелъ въ церковь до «Свѣте-Тихій». Во время шестопсалмія я приходилъ домой и только успѣлъ выкурить полпапироски (куренью обучилъ меня Владимиръ), какъ пошелъ крупный, но рѣдкій дождь. Я бѣгомъ въ церковь. Къ концу всенощной такая поднялась суматоха. «179» то того, то другого посылаютъ къ себѣ домой. Наконецъ принесли имъ платки головы повязать, калоши, зонты. Какъ народъ прошелъ, я сталъ дожидаться «179». Наконецъ вышла и она, голова повязана носовымъ платкомъ, и говорить: «Я пойду съ Вѣрочкой, а вы (т. е. тетка) съ Сонечкой».

Услыхавъ впервые ея голосъ, я счелъ себя какъ бы знакомымъ уже съ «179». Разобравъ послѣ всенощной разбитыя книги Шнауберта, я рѣшился идти на другой день отъ обѣдни, не заходя домой, къ зятю, «такъ чтобы пройти мимо «179» и, если можно, поклониться ей или всѣмъ имъ».

9 Мая былъ у Шнаубертъ; не заставъ дома Барвару Николаевну, сдалъ книги горничной «молоденькой и довольно хорошенькой; но, конечно, она не можетъ сравниться съ «179». Это все равно что сличать небо съ землей».

Ни книги Шнаубертъ, ни даже «179» не могли однако заслонить грознаго призрака предстоящихъ выпускныхъ экзаменовъ изъ училища. 10 Мая «всталъ часовъ около 6 утра и сталъ читать Греческую грамматику вмѣсто другого урока; послѣ обѣда въ свободное отъ ученья время и въ несвободное читалъ Священную Исторію Богданова 2-ю часть». Это, конечно, потому что самъ я лучше чѣмъ отецъ мой, могъ чувствовать, гдѣ у меня особенные пробѣлы.

Во время говѣнья и на Пасхѣ моя глухонѣмая любовь питалась частымъ лицеизрѣніемъ; но теперь стала угрожать ей и слѣпота. 10 Мая отмѣчаю: «Теперь я очень часто прохожу вечеромъ мимо ихъ оконъ, и никогда ея не вижу. А каждый день часовъ до 12 виденъ у нихъ огонь, и двѣ лампы постоянно горятъ предъ образами. Видно, что народъ благочестивый». Огонь этотъ могъ я усмотрѣть только съ противоположнаго тротуара, ибо «179» жили во 2-мъ этажѣ.

Мой образъ мыслей скоро получилъ наклонность къ славянофильству, ибо иду къ О. Н. Морозову «попросить у него 1 книжку *Русской Бесѣды*», уклоняясь уже отъ Шнаубертовскихъ книгъ, хотя добрая Варвара Николаевна «на дняхъ прислала за мной, т. е. не за мной, а прислала мою салфетку (оставленную съ книгами въ ея отсутствіе) и велѣла сказать, что она ждала, что я приду за книгами. А я не хочу брать ихъ до самой вакаціи».

16 Мая читаю 2-ю Мартовскую и 1-ю Апрельскую книжки *Русскаго Вѣстника* и 1 книгу *Русской Бесѣды*. Тамъ есть критическая статья Никиты Петровича о «Семейной Хроникѣ» Аксакова». Но эта умственная пища была пока мнѣ еще не по силамъ. «Я нѣсколько разъ принимался читать эту статью, и никакъ не могу долго заниматься ею: она такъ мудрено написана; могу сказать о себѣ словами Репетилова «Горе отъ ума»: «Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ».

«Кстати о «Горе отъ ума». Папенька взялъ у Морозова отрывки изъ «Горе отъ ума», которые не напечатаны. Я уже успѣлъ ихъ списать». «Да, продолжаетъ Дневникъ: еще есть у насъ комедія «Князь Луповицкій», приложенная къ *Бесѣдѣ*. Это насмѣшка надъ барамъ, которые хотятъ своихъ мужиковъ преобразовать на западный ладъ, а между тѣмъ у самихъ ума нѣтъ: не имѣютъ понятія о томъ, что хотятъ дѣлать, и съ кѣмъ имѣютъ дѣло».

Начинаю обращать вниманіе на серьезныя семейныя дѣла. Отмѣчаю, что на дняхъ отрѣшили одного секретаря въ Магистратѣ, что брату Петру хотѣлось бы опредѣлиться на его мѣсто. «Петръ пріѣзжалъ нынче просить папеньку, чтобы тотъ попросилъ объ немъ. Папенька не согласился». Мнимый отказъ отца былъ, конечно, слѣдствіемъ неудовлетворительныхъ отношеній Петра къ нашему семейству. Опредѣленный на мѣсто отцомъ, двадцати съ небольшимъ лѣтъ, молодой эгоистъ зажилъ своею отдѣльною жизнью, съ виномъ и женщинами, одинокій; получая гораздо больше многосемейнаго нашего отца, онъ не только не помогать намъ деньгами, но даже и самъ рѣдко показывался къ намъ.

«Я все исправляю и переписываю Латинскіе переводы». Отецъ уѣхалъ на Дѣвичье Поле къ М. П. Погодину, отъѣзжающему за границу. Вѣроятно отецъ воспользовался предлогомъ прощанья съ Погодинымъ, чтобы попросить его за Петра. Соскучившись я вздумалъ идти къ зятю. «А такъ какъ не хотѣлось явиться безъ всякаго предлога, то я и вздумалъ опять взять у В. Н. Шнаубертъ «Ревизора» Гоголя, о которомъ мнѣ давно не даетъ отдыху А. М. Соколовъ» (сельскій священникъ, зять моего зятя, гостившій у него). Любопытно описаніе одѣванья моего въ гости. «Тутъ пошло одѣванье: то не чищены сапоги; то завязка у панталоновъ оборвана, то завязка у манишки оторвалась, то пуговицы у ма-

нишки же; а какъ пришивать захотѣлъ, то нѣтъ иголки, то нѣтъ нитокъ; мученье, да и только». Однако я жилъ съ матерью и тремя сестрами, да было еще двѣ женскихъ прислуги! Одѣвшись, отправляюсь къ В. Н. Шнауберть. — Дома Варвара Николаевна? спрашиваю горничную. — Дома, пожалуйста. — Никого у нихъ нѣтъ? — Никого.

Варвары Николаевны однако на сей разъ я не видалъ. Меня приняла ея дочь Вѣра Карловна, особа, достойная какъ и ея мать, того же уваженія. Она иногда замѣняла свою мать при отпускѣ мнѣ книгъ.

Я спросилъ томъ Гоголя. Вѣра Карловна отвѣчала, что этой книги сейчасъ нѣтъ, а будетъ завтра. Эти добрые и просвѣщенные люди, значить, не меня одного снабжали своими книгами. «Я сталъ откланиваться». — «Что же вы не хотите взять другихъ какихъ-нибудь?» — «Мнѣ совѣстно все васъ беспокоить». — «Извольте, берите сами».

И взявъ 12 книгъ и, позабывъ о зятѣ, читалъ эти книги до 3-хъ часовъ утра.

12 Мая. «Папенька старается опредѣлить Петра въ секретари Магистрата. Онъ былъ нынче у генеральши Анны Борисовны Нейдгартъ, но та была нездорова и не могла его принять. Папенька завтра хочетъ ѣхать къ кн. Черкасскому (близкому родственнику Нейдгартъ, урожденной Черкасской), если не возмется Михаилъ Ѳеодоровичъ (управляющій Черкасского) попросить князя». И Анна Борисовна, и кн. Черкасскій, и Михаилъ Ѳеодоровичъ были знакомы отцу чрезъ Сергѣя Петровича Гилярова, ибо князь Черкасскій былъ помѣщикъ села Черкизова.

Московская Семинарія.

Послѣдній поѣздъ уже уходилъ отъ платформы, а одинъ юный пассажиръ еще не успѣлъ сѣсть въ вагонъ. По собственному незнакомію, по безопасности другихъ, онъ опоздалъ къ отходу поѣзда; а между тѣмъ вся его будущность, вся будущность семьи зависить отъ того, попадетъ ли нѣтъ онъ на этотъ поѣздъ. Вотъ и бѣжитъ онъ запыхавшись вслѣдъ за удаляющимся поѣздомъ, напрягаетъ всѣ силы; удается наконецъ ему схватиться однимъ пальцемъ за чугунную балясинку входной въ вагонъ платформы, занести носокъ ступни на ступеньку вагона, а у него при этомъ спрашиваютъ билетъ, а оберъ-кондукторъ даже пытается спихнуть его.

Въ такомъ точно положеніи былъ я, когда чуть не пропустилъ переводные изъ училища въ семинарію экзамены. Мнѣ шелъ 16-й годъ; я уже второе двухлѣтіе сидѣлъ въ «синтаксисѣ», т. е. послѣднемъ классѣ училища. Оставаться въ этомъ классѣ еще на два года было нельзя ни по годамъ, ни по уставу. Удалось наконецъ мнѣ по-

пасть на экзамены, прицѣпиться къ прочимъ помощію не программы, исполненной отчетливо, а знаній отъ случайнаго чтенія и достигнутаго чрезъ то «развитія». А инспекторъ А. Е. Свѣтовидовъ за что-то пытается въ разрѣзъ съ прочими, особенно депутатомъ Е. Н. Шавровымъ, спихнуть меня въ разверзающуюся подъ моими ногами бездну.....

Въ началѣ Сентября 1856 г. начались въ Московской семинаріи классы. И радостно, и дико было первое мое впечатлѣніе. Въ училищѣ я былъ только на экзаменахъ, цѣликомъ погруженный въ себя, какъ вѣроятно и прочіе ученики, а потому я оставался совсѣмъ незнакомымъ со школьною жизнью. Только съ двумя учениками пришлось таки познакомиться: съ однимъ нужно было подѣлиться завтракомъ, другой обмолвничалъ меня, кажется, на 1 коп. с. Во 2-й реторикѣ посадили меня на самой задней лавкѣ послѣднимъ, но я могъ сидѣть и предпослѣднимъ: это какъ-то не было точно опредѣлено. Въ классѣ было четыре длинныхъ лавки со столиками, четыре ряда «партъ». На 1-й лавкѣ сидѣли лучшіе казеннокоштные ученики, на 2-й лучшіе своекоштные, на 3-й худшіе казеннокоштные, на 4-й худшіе своекоштные. У казеннокоштныхъ были столы съ открывающимися крышками, гдѣ помѣщалось все ученическое хозяйство: книги, тетради, бумага; у своекоштныхъ, хозяйство которыхъ было ограничено, только отверстіе между верхнею и нижнею досками стола.

Итакъ я, какъ переведенный изъ училища очень низко, попалъ въ «камчатку», хотя тогда этого слова мы и не знали. Изъ моего угла не видно было лицъ ученическихъ, а только ихъ затылки. Я очутился въ положеніи того черепа въ Эивайдской пустыни, который сообщилъ аввѣ Макарію, что они, грѣшники, видятъ въ аду только затылки другъ у друга. Ближайшіе сосѣди мои рядомъ на скамейкѣ и ближайшіе затылки казеннокоштныхъ были и великовозрастные, и тупоголовые ребята. Рядомъ со мною сидѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ В-нъ, жившій гдѣ-то за Даниловской заставой. Это былъ совсѣмъ уже сложившійся мужчина, бастый, съ бритою бородою, совсѣмъ уже созрѣвшій для званія дьячка или консисторскаго чиновника. Иванъ Ѳедоровичъ преимущественно занимался даваніемъ мнѣ щелчковъ по головѣ, необыкновенно сильныхъ, такъ что отъ каждаго щелчка темнѣло у меня въ глазахъ. Но въ силѣ и въ искусствѣ наносить мнѣ щелчки онъ далеко уступалъ казеннокоштному Архангельскому, сидѣвшему на 3-ей лавкѣ далеко отъ меня, но почему-то облюбовавшему меня для нанесенія мнѣ щелчковъ своими по истинѣ чугунными пальцами. Большинство остальныхъ камчадаловъ было смирно, но за то непроходимо - глупо. Въ такомъ безпомощномъ положеніи находился я въ камчаткѣ, не имѣя ни силы, ни смѣлости противостоять этимъ ударамъ великовозрастныхъ болвановъ. Жаловаться

начальству и въ голову не приходило: начальство, т.-е. ректоръ, инспекторъ и субъинспекторъ, стояли надъ нами недосыгаемо высоко. Видали вы картины страшнаго суда и адскихъ мукъ? На самомъ днѣ адовомъ грѣшники: это мы, послѣдніе ученики. Надъ нами въ небесномъ сіяніи праведники: это первые ученики. Еще выше въ лучахъ вѣчнаго свѣта едва замѣтны лики силъ небесныхъ: это субъ-инспектора, не принимавшіе никогда и ни въ чемъ никакого участія. Мы видали, и то изрѣдка, только одного изъ нихъ, когда онъ откуда-то возвращался на свою квартиру, входъ въ которую былъ изъ нижняго коридора, недалеко отъ нашей «шинельной», т.-е. раздѣвальной комнаты. Но инспекторъ, но о. ректоръ... это для насъ риторовъ представлялось уже выше нашего разумѣнія. Классы были двухъ-часовые по назначенію, но преподаватели приходили на 25—35 минутъ, а самые исправные, инспекторъ и ректоръ, на часъ безъ малаго. Около 1½ ч. между классами мы гуляли по коридорамъ, риторы по нижнему (гдѣ была шинельная и «ватеръ»), философы и богословы по верхнему коридору мимо классовъ. Такъ вотъ, когда въ философіи предстояла лекція инспектора и тоже въ богословіи лекція ректора, наши прогулки междуклассные сокращались, и мы должны были обратиться въ классы до ихъ прохода по верхнему коридору. Въ верхнемъ коридорѣ оставались только «богословы» и какъ народъ и взрослый, и ученый тихо вели между собою бесѣду. Изъ нашего класса не было видно, какъ пройдетъ ректоръ или инспекторъ въ свой классъ. Мы это только чуяли по внезапно водворявшейся въ верхнемъ коридорѣ тишинѣ... Такъ робкія газели скрываются при появленіи царя пустыни, шествующаго въ одинокомъ безмолвіи. Въ два года пребыванія моего въ риторикѣ о. ректоръ ни разу не вошелъ къ намъ въ классъ, а инспекторъ, кажется, только одинъ разъ по поводу пріѣзда какого-то посѣтителя изъ Синода. Итакъ ни о какой жалобѣ не могло и представленія въ головѣ возникнуть, и должно было покоряться своей участи.

Но была, и даже постоянно, въ самомъ классѣ власть. Это цензоръ и подцензоръ. Ихъ обязанность заключалась въ линеваніи класснаго журнала, въ проставленіи тамъ фамилій учениковъ, въ сохраненіи у себя этого журнала въ междуклассное время, въ наблюденіи за поведеніемъ учениковъ и въ случаѣ ихъ вины въ записываніи ихъ въ другой классный штрафной журналъ. О, это была великая единственная даже власть, дававшая разумѣть всю силу пословицы: «До Бога высоко, до Царя далеко». Была и другая власть—авдиторы. Нѣсколько лучшихъ учениковъ обязаны были прослушивать уроки у прочихъ и выставлять имъ отмѣтки. Моимъ авдиторомъ къ счастью былъ И. Розановъ 1-й, симпатичный, кудрявый юноша, умный, непритязательный.

Много лѣтъ спустя онъ былъ дьякономъ въ Москвѣ, отлпчался высоко-нравственною жизнью. Но аудиторство продолжалось недолго, едва ли даже годъ. Подъ напоромъ новыхъ идей 1856—1857 года оно окончательно рухнуло; власть цензорская держалась гораздо дольше.

Но возвращаюсь къ Ивану Ѳедоровичу. Чтò мнѣ оставалось дѣлать съ своимъ сосѣдомъ, къ которому я, какъ каторжникъ въ Тулонѣ, былъ прикованъ необходимостью сидѣть съ нимъ рядомъ? У гр. Л. Н. Толстого какой-то мужикъ утѣшаетъ барина: «Все образуется». Въ жизни, дѣйствительно, всегда все уладится, «образуется». Уладились и мои отношенія съ моимъ тираномъ. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ вполне развитой мужчина, былъ бонвиванъ. Долгое совмѣстное наше сидѣнье не могло ограничиваться одними его щелчками. «Человѣкъ созданъ для общества», говоритъ Жадова своему мужу въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго. Такъ и Иванъ Ѳедоровичъ былъ «созданъ для общества». А ближайшее его общество составляли я и Ванька Виноградовъ. Но Ванька Виноградовъ былъ непроходимо глупъ. Поневолѣ Ивану Ѳедоровичу пришлось сблизиться со мною. Онъ началъ рассказывать мнѣ о разныхъ своихъ подвигахъ трактирныхъ и иныхъ. Я, спасая свою шкуру, долженъ былъ не только сочувствовать ему, но, кажется, и прилыгать на себя, дабы верстаться съ нимъ. Къ моему счастью Иванъ Ѳедоровичъ сошелся съ цензоромъ Павловскимъ, столь же великовозрастнымъ, такимъ же бонвиваномъ, но, какъ начальство, нисколько не озорникомъ. Цензоръ Павловскій иногда сталъ прихаживать къ намъ въ камчатку для бесѣдъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Здѣсь-то я и познакомился съ начальствомъ. Наши умственные и нравственные интересы нѣсколько объединились. Щелчки Ивана Ѳедоровича окончательно прекратились, а скоро не только для Ивана Ѳедоровича, но и для самого цензора я сталъ авторитетомъ. Я быстро выдвинулся въ письменныхъ упражненіяхъ, которые въ реторикѣ составляли у насъ все. Въ этомъ насущномъ дѣлѣ обратились къ моей помощи сначала Иванъ Ѳедоровичъ, а потомъ и цензоръ. Помощь моя оказалась очень благотворною. Мое положеніе среди учениковъ окончательно обезопасилось и утвердилось.

Пока я налаживалъ свои отношенія съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, цѣликомъ поглощенный спасеніемъ своего бытія, незамѣтно начались «лекціи». Ежедневно полагалось три двухъ-часовыхъ урока, съ 8 до 2 часовъ; въ дѣйствительности же, какъ я уже говорилъ, во весь день насчитывалось сидѣнья въ классѣ при «профессорахъ» не болѣе 1½—2 часовъ; остальное время мы гуляли по коридорамъ. Въ реторическомъ классѣ преподавались слѣдующіе предметы: катихизисъ Петра Могилы, реторика, Латинскій языкъ, Греческій языкъ, математика, Всеобщая Исторія. Недѣльные уроки распредѣлялись такъ: 6 уроковъ реторики, по 3.

урока Латинскаго и Греческаго языка и по 2 урока прочихъ предметовъ. Преподавателемъ катихизиса былъ священникъ Семенъ Сергѣевичъ Владимірскій, реторики и Латинскаго языка Алексѣй Васильевичъ Кедрскій, Греческаго языка лекторъ, ученикъ высшаго отдѣленія «богословія» Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій, математики Егоръ Николаевичъ Шавровъ, «депутатъ», мой защитникъ на выпускномъ экзаменѣ пзъ училища; всеобщей Исторіи священникъ Павелъ Ивановичъ Казанскій. Сверхъ того необязательно послѣ двухъ часовъ преподавали Французскій языкъ Александръ Ѳеодоровичъ Кирьяковъ и Нѣмецкій Сергѣй Дмитріевичъ Писаревъ.

Сколь ни странно это, но на первомъ мѣстѣ въ *духовной* семинаріи никакъ не стоялъ единственный духовный предметъ преподаванія въ низшемъ отдѣленіи, катихизисъ Петра Могилы. Первое мѣсто занимала реторика или словесность. Мало сказать «первое». Реторика, и именно «сочиненія», заключала все: общій списокъ составлялся только на основаніи успѣховъ по сочиненіямъ; пятерки или нули по прочимъ предметамъ почти не производили никакой перемѣны въ списокѣ, представляемомъ по словесности. Александръ Васильевичъ Кедрскій для насъ былъ все. Дурные ученики ненавидѣли его, отличные обоготворяли, называя его не иначе, за глаза, какъ «Ленечкой». Это потому, что онъ выдвигалъ только дарованіе и казнилъ неспособность. Онъ не требовалъ ни знаній, ни прилежанія, а только способностей. Разъ составилъ онъ хорошее мнѣніе объ ученикѣ, тотъ можетъ уже ничего не дѣлать по прочимъ предметамъ, подавай только ему попрежнему хорошія сочиненія. Составилъ онъ дурное мнѣніе объ ученикѣ по его сочиненіямъ, отвѣчая онъ ему изъ «лекцій» хотя буква въ букву, онъ не поставитъ ему болѣе 2-3. Это нисколько не было съ его стороны несправедливостью: онъ цѣнилъ только дарованіе; опредѣлялъ онъ его вѣрно, а способности учениковъ измѣняться уже не могли.

Мнѣ, ученику Кедрскаго, всегда казалось ошибкою, что свѣтскія школы, какія бы ни были онѣ, цѣнили и цѣняютъ не столько способности, сколько прилежаніе: наиспособнѣйшій лѣнтяй исключается за неуспѣшность, трудолюбивый тупица оканчиваетъ курсъ иногда даже изъ первыхъ, даже первымъ; знаю тому примѣры. Это величайшая ошибка. Обществу и государству нужны люди способные, а небездарные. Что толку, если родители, учителя, профессора напрягаютъ всѣ силы, чтобы тупицу вытащить въ люди и наконецъ создать дурака-медика, осла-прокурора, болвана-учителя? А истинное дарованіе гибнетъ гдѣ-нибудь въ желѣзнодорожныхъ кондукторахъ, телеграфистахъ, канцелярскихъ писаряхъ, а то и прямо въ почтовыхъ домахъ. Изъ дурака кромѣ глупости ничего не извлечете; а дарованіе и при недостаточности зна-

ній принесеть пользу или вѣриѣ: оно-то только и принесеть пользу, а весь вредъ получается не отъ кого иного, какъ отъ этихъ тепличнымъ способомъ выращенныхъ дураковъ.

Семинарская наука съ двухгодичнымъ реторическимъ, двухгодичнымъ философскимъ, двухгодичнымъ богословскимъ курсомъ, все съ науками отвлеченными, требующими способности къ самостоятельному мышленію, была гибельна для бездарностей. Бездарность, при всемъ своемъ прилежаніи, не могла выносить этой науки, ибо не въ силахъ была даже уразумѣть ее; а дарованіе крѣпло, закалялось, оттачивалось и отшлифовывалось сначала на грубомъ реторическомъ брусѣ, потомъ на болѣе тонкомъ философскомъ оселкѣ.

Цѣликимъ подхваченный новою для меня волною семинарской жизни, я, къ сожалѣнію, при самомъ началѣ семинарскихъ «лекцій», прекратилъ веденіе своего дневника. Теперь ищу опоры для своей памяти въ сохранившихся у меня семинарскихъ «лекціяхъ» и собственныхъ риторическихъ «сочиненіяхъ». Лекцій по риторикѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Это была рукописная тетрадка, неизвѣстно кѣмъ составленная. Будь она у меня подъ рукою я, кажется, напечаталъ бы ее, какъ превосходный учебникъ «теоріи прозы и поэзіи». Началась она опредѣленіемъ простаго періода, съ примѣромъ на него; потомъ шли опредѣленія синонимовъ и эпитетовъ также съ примѣрами періодовъ, распространенныхъ при помощи того и другого. Далѣе излагалось опредѣленіе всѣхъ періодовъ съ примѣрами на нихъ: винословнаго, условнаго, уступительнаго, изъяснительнаго, послѣдовательнаго, постепеннаго, сравнительнаго отъ подобія, сравненія, примѣра, свидѣтельства и т. д. За періодами слѣдовало ученіе о хріи съ примѣромъ на тему «праздность вредна». Далѣе излагалось ученіе о силлогизмѣ, отъ котораго былъ переходъ къ «хріи превращенной» съ примѣромъ же. Все это мы прошли къ первымъ полугодовымъ предъ Рождествомъ экзаменамъ. Во второе полугодіе мы учили о качествахъ рѣчи, объ описаніяхъ, повѣствованіяхъ, разсужденіяхъ, и наконецъ о «силлогизмѣ ораторскомъ». Во второй годъ реторическаго класса проходили мы пѣитику. Весь этотъ двухгодичный курсъ умѣщался листахъ на 15-ти средняго письма. Это очень немного, но мы знали это «на зубокъ»; ибо Кедрскій требовалъ отвѣта слова въ слово. Впрочемъ учебникъ, какъ эпическое произведеніе не одного, а вѣроятно нѣсколькихъ учителей и нѣсколькихъ десятилѣтій, отличался точностью уголовного кодекса.

За то сочиненія задавались еженедѣльно по два: одно домашнее, другое экспромптъ. Только къ концу двухгодичнаго реторическаго курса, когда наши «разсужденія», особенно у отличныхъ учениковъ, стали достигать размѣра листовъ двухъ, домашнія сочиненія стали даваться рѣже,

недѣли на двѣ одно. Но экспромпты попрежнему шли еженедѣльно. Экспромпты служили не только для провѣрки домашнихъ работъ, но и прямо для практики пріучаться писать скоро. Какъ экспромпты, такъ и домашнія сочиненія шли всегда параллельно съ изученіемъ «лекцій». Такимъ образомъ мы писали все: періоды, хриі, эпихиремы, описанія, повѣствованія, разсужденія. Только для піитики не было практическихъ работъ, ибо къ стихотворству не всякій былъ способенъ. Впрочемъ наши «поэты» подавали и тутъ изрѣдка Кедрскому свои стихотворенія. Это рука объ руку преподаваніе теоретическое и практическое, съ одной стороны, донельзя уясняло теорію; съ другой, вносило полную сознательность въ собственную письменную работу.

Теперь послѣ того, какъ я прошелъ филологическій факультетъ Московскаго университета и занимался потомъ научно и Русскимъ языкомъ и исторіею Русской литературы, самъ много разъ былъ преподавателемъ и отечественнаго языка и литературы, если бы кто меня спросилъ, какую по существу школу Русскаго языка предпочесть: я, не обинуясь, сказалъ бы: прежнюю, свою, семинарскую, съ А. В. Кедрскимъ, хотя, можетъ быть, пожелалъ бы покойному Кедрскому побольше знаній, поменьше чисто-формальнаго, холоднаго, безучастнаго отношенія къ дѣлу. Впослѣдствіи я понялъ эту холодность Кедрскаго. Едва ли онъ могъ сочувствовать этому преподаванію по старинному методу, «отжившему», при томъ съ постоянными примѣрами церковнаго краснорѣчія. Года черезъ два-три послѣ этого перваго со мною знакомства, несчастный въ продолжительной бесѣдѣ со мною излагалъ мнѣ атеистическіе взгляды.

Первая «лекція» Александра Васильевича Кедрскаго состояла въ томъ, что онъ задалъ урокъ изъ «лекцій», т. е. изъ той тетрадки, которая должна была по наслѣдству достаться нѣкоторымъ ученикамъ отъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ, перешедшихъ въ «философію, а прочими должна была быть списана у нихъ. У меня былъ уже экземпляръ, подаренный мнѣ *Владимиромъ*, о періодахъ и о хріяхъ. Затѣмъ Кедрскій прочиталъ стихотвореніе Пушкина:

„Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга“ п т. д.

и приказалъ эти стихи тутъ же переложить въ прозу. Едва ли при этомъ онъ далъ какое-либо объясненіе, какъ дѣлать эту перекладку, чему притомъ въ училищахъ едва ли учили. Кедрскій, обобравъ у всѣхъ насъ 70-ти человѣкъ эти сочиненія, въ слѣдующій классъ сдалъ ихъ намъ. Тѣ дни, когда онъ «сдавалъ» сочиненія, стали потомъ для меня и другихъ, столь же какъ и я успѣвавшихъ въ этомъ, чистымъ праздникомъ.

Такъ, бывало, и смотришь, съ сочиненіями ли или же нѣтъ входитъ «Ленечка» въ классъ.

Всѣ семинарскія сочиненія, сданныя мнѣ профессорами, живы у меня. На первой перекладкѣ, состоящей изъ 10 строкъ, Кедрскій поправилъ одну ореографическую ошибку и слово «являютъ» замѣнилъ словомъ «образуютъ». Подъ сочиненіемъ красовалась жирная цифра 5. Я было возпиковалъ сначала, но потомъ увидалъ кое у кого 6 и даже 7 балловъ. Оказалось, что при господствовавшей въ семинаріи 5-ти балльной системѣ Кедрскій почему-то предпочиталъ сочиненія оцѣнивать по 10-ти балльной системѣ, хотя устные отвѣты онъ же оцѣнивалъ по 5-ти балльной. Долго недоумѣвалъ я, почему за «сочиненіе» получилъ собственно только 2½ бала. Только при дальнѣйшемъ повышеніи моихъ балловъ уразумѣлъ я, что Кедрскій на первыхъ порахъ не могъ поставить мнѣ лучшаго бала, какъ переведенному изъ училища очень низко, и, стало-быть, мало способному. Увидѣлъ также я, что у прочихъ камчадаловъ балы за это сочиненіе были еще хуже, двойки и тройки. Истинную натуру этихъ камчадаловъ Кедрскій сразу узналъ. Иванъ Федоровичъ тоже едва ли получилъ болѣе двойки, добавивъ недостающее ему число балловъ щелчками по моей головѣ.

Второе сочиненіе было тоже классное, періодъ винословный на тему: «христіанинъ не долженъ страшиться смерти». Ореографической ошибки уже ни одной, а слово христіанинъ, написанное по ореографіи митрополита Филарета и моего отца черезъ і десятиричное, не подчеркнuto. Зачеркнуто двѣ запятыхъ, и нѣтъ ни одной стилистической поправки. Внизу 6 балловъ.

Въ слѣдующемъ экспромтѣ періодъ сравнительный на тему «Богъ прощаетъ кающагося грѣшника», ни одной уже поправки, а періодъ безукоризненъ, какъ вижу сейчасъ, и тѣмъ страннѣе пониженіе бала, 5. Должно быть, почтенный «профессоръ» усумнился въ подлинности моего сочиненія: изъ послѣднихъ учениковъ, и вдругъ безъ малѣйшей ошибки! Потомъ при дальнѣйшихъ тоже все экспромптахъ, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненныхъ, на прочіе виды періодовъ, неизмѣнно стоитъ балъ 6+. Кедрскій очевидно все еще не рѣшается вызволить меня изъ «тѣмы и сѣни смертной». Наконецъ на одну и ту же тему я подаю два періода и получаю 8 балловъ. Послѣ всѣхъ колебаній ученической моей судьбы я ощутилъ наконецъ подъ собою прочную незыблемую почву. Отнынѣ я спасенъ. Продержалъ меня еще нѣсколько времени Кедрскій на 8 и отчасти 9, а потомъ пошли все десятки до самаго окончанія реторическаго курса. Послѣднія сочиненія украшались даже прибавкою къ 10 плюса (10+). Послѣ Рождественскихъ экзаменовъ я занялъ пѣть 70-ти человекъ 14 мѣсто, къ вакаціи 9-е, къ слѣдующему Рождеству 6-е, потомъ, кажется,

5-е. Высшія мѣста неизмѣнно принадлежали ближайшимъ профессорскимъ родственникамъ.

Но не Кедрскій выучилъ меня писать, а отецъ мой.

Для преподаванія древнихъ языковъ отецъ не могъ назваться удовлетворительнымъ учителемъ. Начальнымъ моимъ обученіемъ онъ руководилъ по необходимости, безъ всякой охоты, а потому и забрасывалъ мое ученіе на цѣлые мѣсяцы, даже болѣе, чѣмъ на годъ. Но когда я поступилъ въ реторику и началъ учиться сочинять, притомъ на темы все религіозныя, о, тогда отецъ почувствовалъ себя совсѣмъ въ своей любимой стихіи. А любовь учителя къ своему предмету есть все въ дѣлѣ преподаванія. Чего не хватало въ бездушномъ преподаваніи Кедрскаго, чего онъ не могъ дѣлать даже вслѣдствіе одной уже многочисленности своихъ учениковъ, все то съ избыткомъ было дополнено дома отцомъ. Конечно для экспромтовъ я былъ предоставленъ самому себѣ, но каждое сочиненіе заданное на домъ «промывалось» отцомъ «въ семи водахъ». Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ художникомъ, страстно любящимъ свое занятіе; это былъ виртуозъ, съ увлеченіемъ играющій перомъ, но только не стальнымъ, которое, по его мнѣнію, «портитъ руку». Этотъ артистъ обучалъ и моего старшаго брата, достигшаго потомъ чисто-литературнаго искусства. Онъ же муштровалъ въ «хріяхъ» и «разсужденіяхъ» и своего младшаго брата Никиту Петровича. Много преданій сообщалось у насъ, какъ онъ училъ моихъ дядю и брата. Кажется, занимаясь со мною, онъ съ годами уже нѣсколько утратилъ въ этомъ дѣлѣ свою живость и энергію. Однако уже въ вакацію передъ семинарскимъ курсомъ онъ пытался учить меня писать.

Во все время семинарскаго курса я обязанъ былъ тотчасъ какъ задано на домъ сочиненіе, сообщать о томъ отцу. Услыхавъ отъ меня тему, онъ ничего, бывало, не разъяснить, а только скажетъ:—Подумай. А къ какому времени задано?

Думаешь нѣсколько часовъ или дней, глядя на тему, какъ близокъ срокъ подачи. Выдумалъ наконецъ что либо, идешь къ отцу, говоришь ему.—Нѣтъ такъ негодится, отвѣтитъ онъ, подумай еще. Иногда при этомъ броситъ какое-нибудь замѣчаніе. Воспользуешься этимъ замѣчаніемъ, скроишь кое-что въ головѣ, идешь снова къ нему.—Думаю вотъ какъ писать.—А ты разъяснилъ ли себѣ каждое тутъ понятіе? спроситъ онъ. — Какая тема?—«Любы мира сего вражда Богу есть». Чтò такое «любы»? — Любовь, привязанность.... — Да; а ты уяснилъ ли себѣ, чтò такое любовь: любовь и привязанность не одно и то же. Потому: «міръ». Чтò тутъ разумѣется подъ словомъ «міръ»? Вселенная что ли? Нѣтъ. Опять «вражда»... чтò ты называешь «враждою»? Какъ можетъ человѣкъ «враждовать» съ Богомъ. Поди-ка подумай обо всемъ объ этомъ.

Снова думаешь, снова бесѣдуешь съ нимъ. Понятія въ темѣ всѣ уяснились, просвѣтлѣли, точно видны насквозь. Но до сочиненія еще далеко.—Какое же будетъ у тебя винословіе для хріи? Почему любовь въ міру есть вражда противъ Бога? Указываешь по своему разумѣнію причину.—Нѣтъ ты обрати вниманіе, не вытекаетъ ли эта вражда изъ самыхъ понятій «міръ» и «Богъ». А какое будетъ у тебя «противное»? Придумалъ ли «примѣръ»? А для «свидѣтельства», поди-ка возьми у меня Симфонію, приищи-ка слова... «Богъ» не нужно: оно слишкомъ часто встрѣчается въ Св. Писаніи. А приищи-ка слово «міръ» да и «вражда» кстати. Придумываешь «противное», т. е. возраженіе противъ основной мысли; берешь для «примѣра» какого нибудь знаменитаго грѣшника, но опять таки не иначе, какъ съ одобренія отца; находишь въ Симфоніи цѣлыя десятки текстовъ, не только уясняющихъ понятія «міра» и «вражды», но и прямо сопоставляющихъ эти понятія. Въ головѣ сами собою родятся, если не мысли, то комбинаціи текстовъ.

Наконецъ матеріалъ собранъ и расположенъ въ головѣ. — Теперь пиши! говоритъ отецъ. Пишешь, «сочиняешь», переписываешь на-бѣло; подаешь ему. Рѣдко прочтетъ онъ все сочиненіе. Всего чаще мысль его зацѣпитъ на первыхъ же моихъ строкахъ. — Такъ негодится, потому то и потому то. Передѣлай!

Передѣлываешь сообразно съ его указаніями; улучшаешь по возможности и не дочитанную имъ часть. Переписываешь, снова подаешь ему. А у него самого во время этихъ моихъ страданій, конечно, совершается свой процессъ въ головѣ. А потому и новая моя передѣлка или въ моихъ мысляхъ или даже въ его собственныхъ оказывается неудовлетворительною, негодною. — Поди, передѣлай!

Передѣлываешь, переписываешь, ибо съ помарками тотъ экземпляръ нельзя ему подать.—Теперь можно поправить. А когда срокъ? До срока еще три или четыре дня. Они всѣ уйдутъ на исправленіе.

Становится отецъ у конторки; я около него гляжу, какъ гусиное перо крестить и направо и налѣво по моему произведенію, пробирается между моими строками, испещряетъ мои чистыя широкія поля, крестить снова и мои, и свои слова; свои избиваетъ, кажется даже больше, чѣмъ мои, ибо на листѣ моихъ осталось лишь нѣсколько строкъ или кусочковъ строкъ, тамъ и сямъ раскиданныхъ. Но отецъ знай себѣ перомъ рубить и рубить, и нѣтъ ему никакого удержу.

Есть въ лѣтописи Нестора испорченное въ древнихъ спискахъ мѣсто, гдѣ рассказывается, какъ къ великому князю Ярославу I въ войнѣ его съ братомъ Мстиславомъ пришелъ на помощь «Якунъ Варягъ»; «и бѣ, говорится далѣе, Якунъ слѣпъ». Позднѣе это чтеніе возстановлено «Якунъ съ лѣпъ», т. е. былъ Якунъ сей красивъ. Но поэтъ нашъ

графъ Ал. К. Толстой принялъ первое чтеніе и въ превосходномъ стихотвореніи своемъ «Гаконъ Слѣпой» изобразилъ, какъ этотъ Варяжскій витязь (въ дѣйствительности зрячій) по слѣпотѣ своей избивалъ и чужихъ и своихъ. Ярославъ удерживаетъ своего «слѣпого» свояка Гакона отъ избіенія своихъ же.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садить,
Молотить по Русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробить и съчетъ шишаки пополамъ;
Никто съ разъяреннымъ не сладить.
Насилу опомнился старый боецъ,
Усталъ наконецъ
И бороду гладить.

Такимъ же «слѣпымъ», но въ дѣйствительности зрячимъ Гаконѣмъ являлся и мой отецъ, когда крестилъ направо и налѣво и мои, и свои строки. А я слѣдилъ за прогрессомъ мысли у него въ головѣ при всѣхъ этихъ исправленіяхъ и моихъ и своихъ мыслей, и моей и своей логики, и моей и своей стилистики. Эта была для меня драгоцѣннѣйшая литературная школа.

Позднѣе, уже учителемъ пытался было я въ весьма слабой степени, въ растворѣ какихъ-нибудь 10%, дать кому нибудь изъ лучшихъ своихъ частныхъ учениковъ отвѣдать этой же системы; но нѣтъ, и отъ самаго слабаго подобнаго къ нимъ прикосновенія они ежились, отфыркивались. Другія времена, другія нравы, другая духовная сущность, сказали бы.

— Поди, перепиши! говорилъ отецъ, когда все поле брани было усыяно трупами своихъ и чужихъ. Вы думаете—переписать для подачи профессору. Нѣтъ, вы еще не были въ такой школѣ. Переписывается не для профессора, а для того же отца.

Едва разбираюсь въ испещренныхъ перемаранныхъ листочкахъ уже не своего, а отцовскаго сочиненія. Переписалъ, подаль.

Опять стоитъ отецъ у конторки, опять я около него слѣжу, какъ его гусиное перо скрипитъ и между строкъ и на поляхъ «сочиненія». Гаконъ снова «дробить и съчетъ» и «молотить» на сей разъ уже однихъ своихъ. По прежнему слѣжу за критическимъ процессомъ его мысли. Окончилъ онъ исправленія. Сочиненіе стало куда лучше предыдущей редакціи: складно, ясно, точно, литературно. — Поди, перепиши!

Переписываешь большею частію окончательно, но иногда могутъ послѣдовать опять поправки, ибо послѣ переписки до подачи профессору послѣдняя редакція все-таки непременно просматривается отцомъ. Если поправка ограничивается однимъ или двумя словами, тогда, изъ снисхожденія къ слабости человѣческой, дозволяется мнѣ поправить эти мѣста собственноручно и въ такомъ видѣ подать профессору.

При такихъ отцовскихъ поправкахъ, свои ли выѣхлассныя сочиненія подавалъ я профессору? Думаю: болѣе, чѣмъ свои, ибо, въ смыслѣ упражненія въ словесности, сочиненія такого рода были безконечно полезнѣе собственнаго быстрого безпорядочнаго писанія. Они и труда требовали въ нѣсколько разъ большаго. Когда потомъ я самъ былъ учителемъ при громадномъ количествѣ прочитанныхъ ученическихъ сочиненій я тщетно черезъ разспросы искалъ сочиненій, испытавшихъ хотя бы сколько нибудь подобный моему процессъ. Приходилось встрѣчать сочиненія совсѣмъ чужія, узнавалъ даже и особенности стиля замѣстителя, говоря прямо: «это писалъ университетскій студентъ, а не вы»; но сочиненій съ серьезными домашними поправками почти не встрѣчалось: подавались же совсѣмъ свои или совсѣмъ чужія. Тщетно убѣждалъ я нѣкоторыхъ сознательно пользоваться поправками дома, объяснялъ всю пользу для ученика такого замѣстительства меня самого; указывалъ, что при всемъ желаніи я, по недостатку класснаго времени, по многочисленности учениковъ, не могу исправлять сочиненія, какъ желалъ бы: всѣ оставались глухи къ моимъ убѣжденіямъ. Не было, значить, ни у нихъ, ни въ ихъ средѣ ни самаго представленія о такомъ идеалѣ; можетъ быть былъ, недостатокъ и въ самихъ учителяхъ особенно притомъ годныхъ. Позднѣе, какъ редакторъ періодическихъ изданій, прилагалъ я этотъ приѣмъ къ способнымъ, но неумѣлымъ авторамъ. Даже при слабомъ приложеніи этого приѣма не оставлять у автора камня на камнѣ, черезъ 5—6 опытовъ получались блестящіе результаты. Поправки могли ограничиваться только корректурами.

Помимо сочиненій, съ поступленія моего въ Семинарію, всякая опека моего ученія, всякій надъ нимъ контроль были отцомъ прекращены. Отнынѣ я уже навсегда предоставленъ былъ самому себѣ. Помочи были бы и излишни, ибо главнымъ предметомъ, отвлеченными темами сочиненій духъ учащагося подымался къ той степени зрѣлости, которую часто такъ тщетно ищутъ теперь на экзаменахъ «зрѣлости», гдѣ однако требуется засвидѣтельствовать вовсе не «зрѣлость» свою, а лишь то, что прошелъ указанный программю путь къ достиженію зрѣлости; но достигъ ли этой зрѣлости, неизвѣстно.

Читатель, особенно педагогъ или учащійся, не посѣтуетъ, если я приведу здѣсь нѣкоторыя темы, на которыя писали мы въ Реторикѣ экспромты и домашнія сочиненія. Дикими покажутся онѣ тѣмъ, кто получилъ образованіе въ свѣтскихъ школахъ; но въ ихъ отвлеченности, а чрезъ то и трудности, отказать имъ нельзя. Да и гдѣ для 15—17-ти лѣтнихъ юношей можно найти отвлеченныя темы, кромѣ области религіозно-нравственной?

Вотъ эти темы для періодовъ: «Всегда говори правду», «Не должно мстить за обиду», «Спокойствіе совѣсти есть истинное благо», «За все должно благодарить Бога», «Благихъ трудовъ плодъ благословенъ». Темы для хрій: «Молитва утѣшаетъ несчастнаго», «Зло не можетъ остаться безъ наказанія», «Въ несчастіи должно обращаться къ Богу», «Хорошо все дѣлать въ свое время», «Помани, яко смерть не замедлитъ», «Побѣждай благимъ злое», «Береги время», «Блаженъ мужъ бояйся Господа», «Истинный христіанинъ не страшится смерти» и т. д.

Опускаю темы для описаній, повѣствованій, а равно изъ пѣтиги, какъ близкія къ тѣмъ темамъ, которыя даются и въ свѣтскихъ школахъ. Но вотъ темы для «хрій превращенныхъ» или начальныхъ обратныхъ разсужденій: «Въ церкви должно стоять съ благоговѣшемъ», «Любите враги ваша», и т. д. Темы для прямыхъ разсужденій: «Помни всегда, что Богъ Всевѣдущъ», «Oga et labora», «Что требуется съ нашей стороны, чтобы Богъ даровалъ намъ просимое?» «Не любите міра, ни яже въ мірѣ», «Мерзость законопреступному правоведущій путь», «О необходимости молитвы». Упомяну наконецъ «разговоръ о необходимости постовъ», гдѣ требовалось уже творчество; ибо нужно было создать бесѣдующихъ лицъ, дать имъ плоть и кровь и снабдить различными образами мыслей по данному вопросу.

Теперь скажите, какой классъ гимназіи могъ совладать съ экспромтами на такія темы? Орѳографія и знаки препинанія устранены совсѣмъ. Объ нихъ не могло и быть рѣчи: отъ непрестанныхъ письменныхъ упражненій сами собою погибали всѣ эти орѳографическія насѣкомыя. Обращалось вниманіе на мысль, на ея развитіе, на стиль. А вѣдь это было только еще младшій классъ Семинаріи 3-хъ класснаго или шестилѣтняго учебнаго заведенія.

Кедрскій же преподавалъ Латинскій языкъ. Но Владимиръ оказался правъ: Латинскій языкъ почти не существовалъ въ Московской Семинаріи. Часы Латинскаго урока сливались съ часами «лекцій» по словесности и уходили на экспромты. Когда не было экспромпта, мы переводили рѣчи Цицерона, кое какъ безъ всякихъ объясненій. За два года перевелъ, кажется, 2—3 рѣчи, да сдѣлали три перекладки съ Русскаго на Латинскій языкъ. Оцѣнка знаній по Латинскому языку производилась Кедрскимъ сообразно успѣхамъ по словесности. Латынь тутъ была не при чемъ. Не одинъ Кедрскій давалъ такія темы; подобныя же темы предлагались и въ остальныхъ двухъ «реторикахъ», т. е. параллельныхъ классахъ низшаго отдѣленія. Темы эти отвлеченностью своею способны были воспитывать учащагося къ мысленію; но аскетическою своею моралью не могли удовлетворять запросамъ юнаго ума, не давали ни малѣйшей пищи ни воображенію, ни чувству. Это была соленая вода,

непрестанно подносямая къ жаждущимъ устамъ. Не находя въ преподаваніи никакого реального содержанія, умъ по необходимости обращался на самого себя, отыскивалъ это содержаніе въ себѣ и въ окружающемъ себя и отточеннымъ, но отсающимся безъ работы инструментомъ рѣзалъ и кололъ себя и окружающихъ. Отсюда прежде всего критика своей школы, конечно отрицательная, отрицательное отношеніе къ своему званію, къ церкви, къ религіи. Вѣдь не случайно же законоположители нигилизма Добролюбовъ, Чернышевскій и другіе вышли изъ духовныхъ семинарій....

Но вѣдь кромѣ «словесности» были и другія науки? Были, но почти только на бумагѣ. И какія науки, и какое преподаваніе!

Послѣ «словесности», предметомъ имѣвшимъ, какъ казалось тогда, хотя какое-либо значеніе, былъ катихизисъ Петра Могилы. Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій (1590—1646 гг.) написалъ по-гречески «Православное исповѣданіе вѣры». Этотъ катихизисъ XVII ст. былъ переведенъ по-русски весьма тяжелымъ слогомъ и внесенъ при императорѣ Николаѣ въ Духовныя Семинаріи, какъ самая православная изъ православныхъ книгъ. Зачѣмъ понадобился этотъ катихизисъ Кіевского митрополита XVII ст., когда передъ тѣмъ только что покончили съ катихизисомъ Московскаго митрополита XIX ст.? И если первый былъ такъ преимущественно православенъ, зачѣмъ не отмѣненъ былъ второй? Вопросы эти рѣшать не берусь, но педагогическая нелѣпость двухъ послѣдовательно изучаемыхъ учебниковъ по одному и тому же предмету была очевидна. Можно еще понять преподаваніе одновременно по двумъ учебникамъ, съ исправленіемъ и пополненіемъ одного другимъ; но учить сначала одинъ отъ доски до доски, потомъ другой отъ доски до доски, это было болѣе чѣмъ скучно, прямо ненавистно.

Преподаватель этого предмета С. С. Владимірскій (нынѣ уже скончавшійся) вполне соотвѣтствовалъ своему учебнику. Я засталъ его еще очень молодымъ священникомъ съ едва отроставшими волосами, но онъ былъ молчаливъ и мраченъ какъ могила: могила являлась въ классы въ 2-хъ экземплярахъ. Владимірскій только задавалъ урокъ изъ ненавистой книги и только спрашивалъ уроки слово въ слово, буква въ букву. Зачѣмъ существовалъ почтенный профессоръ, котораго такъ легко было бы замѣнить ученикомъ-авдиторомъ? Въ каждый классъ Владимірскій спрашивалъ очень немногихъ, человѣка четыре и ставилъ отмѣтки или четверки или двойки и единицы. Въ первое полугодіе я рѣшительно не могъ учить наизусть эту ужасную книгу Могилы и очень трепеталъ за свою участь. Подымаемый вверхъ Кедрскимъ, я, казалось мнѣ, долженъ буду неминуемо низвергнуться внизъ при первомъ же отвѣтѣ Владимірскому.

Уже большинство учениковъ было по одному разу спрошено Владимирскимъ; неспрошенныхъ осталось очень мало, и я въ ихъ числѣ. Въ слѣдующій классъ я почти неминуемо долженъ былъ быть спрошенъ. Какъ ни напрягался я, но никакъ не могъ отзубрить заданный урокъ. Конецъ мнѣ, думалъ я, не вѣря еще тогда въ то, что «все образуется» съ теченіемъ времени. Вдругъ къ роковому уроку или «лекціи» Владимирскій почему-то не можетъ явиться; замѣстителемъ его приходитъ лекторъ Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій. Лекторами назначались у насъ первые ученики высшаго класса, на обязанности которыхъ лежало преподаваніе Греческаго языка въ младшихъ классахъ; ибо на этотъ, казалось бы, столь важный въ духовной школѣ предметъ почему-то «профессора» не полагалось. Лекторъ могъ быть посланъ, какъ замѣститель и другого профессора. Такъ было и на этотъ разъ, и притомъ такой случай замѣстительства, сколько помню, былъ при мнѣ единственный. На мое счастье Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій былъ сынъ священника у Воздвиженія на Овражкахъ, который былъ предшественникомъ моего отца. Филиппа Алексѣевича я не разъ видалъ въ алтарѣ у Воздвиженія на Овражкахъ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Это былъ очень милый, скромный, богомольный молодой человекъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался извѣстенъ своими церковно-историческими и историко-литературными изслѣдованіями, былъ профессоромъ въ Кіевской Духовной Академіи, написалъ диссертацию, въ которой нашлись признаки якобы иноисповѣдныхъ ученій. Талантливаго и трудолюбиваго ученаго послѣ этого и свели въ гробъ...

Приходитъ Терновскій въ классъ, беретъ журналъ и спрашиваетъ меня. Не знаю, чтò со мною сдѣлалось; но я ни слова, ни звука не отвѣтилъ ему. Я горѣлъ со стыда, желалъ провалиться сквозь землю, но все-таки ни звука не сошло съ моихъ губъ. Рѣшительно не понимаю теперь этого своего психическаго состоянія. Не понять урока я не могъ. Я могъ не знать его буквально, но почему же не отвѣчалъ своими словами? Вѣроятно это былъ глубочайшій конфузъ, заморозившій и языкъ, и гортанныя связки. Я и вообще былъ очень конфузливъ, въ школѣ еще совсѣмъ новичекъ. Терновскій сконфузился не менѣе моего, а его конфузъ только усиливалъ мое смятеніе. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «садитесь!» а послѣ его ухода въ классномъ журналѣ стояло противъ моей фамиліи 4. Единицы гуманный юноша не рѣшился бы поставить; но почему не оставилъ онъ меня совсѣмъ безъ отмѣтки? За что поставилъ 4 бала, избавившіе меня отъ необходимости предстать въ это полугодіе предъ мрачнымъ, молчаливымъ, какъ могила, профессоромъ? Быть можетъ, встрѣчи въ алтарѣ у Воздвиженія за два года передъ тѣмъ, замѣстительство его покойнаго отца моимъ, печальная невозможность

купить ихъ дорогой домъ, все это побудило Терновскаго, скромнаго какъ красная дѣвица, оказать мнѣ это поистинѣ благодѣяніе. Въ это полугодіе я не былъ уже спрошенъ Владимірскимъ, а къ слѣдующему привыкъ уже учить наизусть неудобоваримый учебникъ Петра Могилы. На слѣдующій годъ вмѣсто катихизиса Владимірскій преподавалъ, т.-е. задавалъ и спрашивалъ, уроки по другому предмету «Ученіе о церковно-богослужебныхъ книгахъ».

Что это была за наука, рѣшительно не помню, хотя «лекціи» или отъ поколѣнія къ поколѣнію переходящія тетради, я исправно училъ наизусть. Кажется, тутъ объяснялось, что такое «Миней Цвѣтная», Миней Постная», «Требникъ», «служебникъ», или по крайней мѣрѣ должно было объясняться. Но новому церковно-славянскому языку (о древнемъ языкѣ тогда и помину не было) мы не учились. Онъ только числился въ 3-мъ классѣ училища; богослужебныхъ книгъ намъ тоже никто ни разу не показалъ. При чемъ же была и самая эта наука?.. Самъ Владимірскій никогда ни слова не объяснялъ, или нѣтъ: разъ по какому-то случаю онъ что-то объяснилъ и даже привелъ по этому случаю Еврейское слово «яшагъ». Запомнилъ я это слово потому, что самому ему далъ эту кличку «яшагъ».

«Яшагъ», какъ явствуетъ изъ всего, или былъ совершенно не свѣдущъ въ своихъ предметахъ, или крайне бездаренъ. Иначе откуда это гробовое молчаніе? Но онъ былъ особенно важенъ. Въ подобной же, хотя и болѣе слабой степени, были важны и другіе «профессора». Достаточно указать, что за два года обученія моего въ низшемъ отдѣленіи ни разу ни одинъ ученикъ ни въ классѣ, ни послѣ класса ни къ одному изъ «профессоровъ» не обратился ни съ какимъ вопросомъ. Кедрскаго, напримѣръ, мы любили пламенно до обожанія, но и къ Кедрскому даже самый близкій его любимецъ никогда не помыслилъ бы обратиться хотя бы съ такимъ невиннымъ и насущнымъ вопросомъ: Александръ Васильевичъ, что вы бы посоветывали мнѣ читать? Прочихъ же «профессоровъ» не о чемъ было бы и спрашивать. Поступивъ въ Университетъ, я былъ изумленъ, видя, какъ вслѣдъ за уходящимъ профессоромъ, особенно такимъ глубокоуважаемымъ и горячо любимымъ, какъ О. П. Буслаевъ, устремлялись всегда нѣсколько студентовъ со своими вопросами и просьбами. Студенты обращались постоянно и къ другимъ профессорамъ Университета, не столь для нихъ близкимъ, какъ Буслаевъ, и всегда почти получали благотворные отвѣты. Позднѣе, будучи учителемъ Гимназіи, я, какъ и нѣкоторые другіе, никогда не выходилъ изъ класса иначе, какъ окруженный толпою учениковъ, пристававшихъ ко мнѣ не только съ вопросами и просьбами, но даже съ предложеніемъ

принести въ слѣдующій разъ для чтенія въ классъ какую-либо книгу, облюбованную этимъ гимназистомъ, но товарищамъ его неизвѣстную.

Въ чрезмѣрно важномъ держаніи семинарскихъ «профессоровъ» вижу поэтому бесполезную, даже вредную надутость и напыщенность. Откуда взялась она? Чѣмъ воспитывалась? Не унаслѣдована ли она отъ того стараго времени, когда эти учителя были дѣйствительно профессорами? На это указываетъ и утратившее свой смыслъ наименованіе въ Семинаріи уроковъ «лекціями». Потому-то въ низшемъ и среднемъ отдѣленіи Семинаріи не было никакихъ печатныхъ учебниковъ, кромѣ Петра Могилы и «Церковно-библейской исторіи» митрополита Филарета, а были все только «лекціи», т.-е. тетрадки, неизвѣстно кѣмъ и когда преподанныя въ смыслѣ дѣйствительно лекцій.

Всеобщую исторію преподавалъ священникъ П. И. Казанскій. Это былъ одинъ изъ экземпляровъ іереевъ, которыхъ назвалъ бы я великолѣпными, а пожалуй и кокетками. Лучшимъ представителемъ такого типа былъ покойный Н. А. Сергіевскій, профессоръ богословія въ Московскомъ Университетѣ. Въ мое время онъ былъ красавецъ собой; ходилъ въ превосходномъ бѣлѣ, въ изящныхъ сапогахъ; ряса его изъ тяжелаго шумящаго шелка оканчивалась такимъ раструбомъ, который наводилъ на подозрѣніе въ существованіи субстрата въ видѣ крахмальной юбки. Въ его лекціяхъ каждое слово было отдѣлено, какъ и интонація каждого слова, какъ каждое его движеніе. Оканчивалась его лекція одновременно эффектно - заостреннымъ выраженіемъ, паденіемъ у каеэдры дощечки, скрипомъ отодвигаемаго кресла и свистомъ и шуршаніемъ дорогого шелка его рясы....

Подобенъ ему былъ и Казанскій, но въ слабѣйшей степени. Тоже великолѣпіе во внѣшности, тоже шуршаніе дорогихъ шелковъ. Казанскій, какъ и «яшагъ», говорилъ ученикамъ ты, тогда какъ Кедрскій— «вы», а Шавровъ смѣшанно «ты» и «вы». Изъ всѣхъ «профессоровъ» одинъ только Казанскій позволялъ себѣ звать учениковъ «столбами» за незнаніе урока или, точнѣе, за дурную отмѣтку, поставленную аудиторомъ. Казанскій не ограничивался задаваніемъ «лекцій», но иногда рассказывалъ, хотя впечатлѣнія своими рассказами не производилъ. Первый годъ онъ все возился съ исторіею Востока для своихъ рассказовъ, не ходи дальше какого-нибудь учебника средней руки. Странная вещь: прочитавъ Аббата-Миллота и нѣкоторые спеціальныя послѣдованія, я, вѣроятно, зналъ Всеобщую исторію (не говоря уже о Русской) не хуже его, а онъ не только ставилъ мнѣ плохіе балы, но и самого меня ставилъ столбомъ на основаніи аудиторскихъ мѣтокъ. На второй годъ Казанскій, пропустивъ почему-то Грецію и Римъ, поучилъ насъ немного пзъ среднихъ вѣковъ. Словомъ, Всеобщая исторія вся ограничи-

лась общеизвѣстными разсказами о царяхъ Востока и какими-то отрывками изъ среднихъ вѣковъ.

Математику, именно алгебру, геометрію и пасхалию, преподавалъ Егоръ Николаевичъ Шавровъ. Это былъ учитель, знавшій и любившій свой предметъ. Его преподаваніе имѣло бы успѣхъ, если бы онъ не встрѣчалъ въ ученикахъ почти поголовное отвращеніе отъ математики. Потому у несчастнаго Шаврова не было даже и обычая ставить балъ выше тройки, но и этою отмѣткою удостоивалъ онъ очень немногихъ, и меня въ томъ числѣ, которымъ за ихъ успѣхи говорилъ «вы», обращаясь къ остальнымъ на «ты». Онъ старательно объяснялъ и алгебру, и геометрію въ самомъ притомъ, кажется, элементарномъ видѣ, писалъ на доскѣ выкладки и фигуры; но къ ученикамъ ничего не прилипало по какому-то исконному въ семинаріяхъ нерасположенію къ математикѣ. Положеніе Шаврова заслуживало полнаго и участія и сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что и человѣкъ-то онъ былъ добрый и вообще хорошій. Его заступничество за меня на переходномъ въ Семинаріи экзаменѣ достаточно свидѣтельствуетъ о доброй его душѣ и о развитомъ умѣ. Но онъ былъ чистый мученикъ съ болванами, не умѣвшими отличить точку отъ линіи, не могшими составить представленія о возможности замѣны цифръ буквами.

— Какъ же ты, братецъ, не занимаешься математикой? распекаетъ онъ, бывало, кого-нибудь изъ камчатки. Представь себѣ—тебѣ придется мѣрить свою или церковную землю. Окончишь ты курсъ, поступишь на мѣсто, возьмешь себѣ жену....

При словѣ «жену» камчадалъ ухмыляется во весь ротъ, видя въ ней нѣчто болѣе существенное, чѣмъ въ геометрическомъ тѣлѣ.

— Чемужъ ты, братецъ, смѣешься? обрываетъ его Шавровъ: ты очевидно, болванъ. Садись, дерево на дерево. А «дерево» это годно даже на семирину или осмерину.

Греческій языкъ преподавалъ лекторъ Терновскій. Предметъ этотъ окончательно не шелъ. Причиною того были, общій взглядъ что кромѣ «словесности», ничего не нужно; самое преподаваніе не «профессоромъ» а такимъ же ученикомъ, только высшаго отдѣленія; наконецъ самый характеръ «Филипчика», донельзя мягкій, деликатный, женственно-стыдливый.

Съ экзаменами не соединялось для насъ представленія объ испытаніяхъ, рѣшающихъ нашу судьбу. На экзаменѣ ученика спрашивали не по всѣмъ предметамъ. По главному, пожалуй, еще спросятъ всѣхъ, а по остальнымъ—по какому спросятъ десятокъ человѣкъ, а по какому ограничатся и пяткомъ. Экзамены не измѣняли списка учениковъ, составленнаго по главному предмету. Нужно было по главному предмету

обнаружить какое-нибудь чудовищное невѣжество, чтобы тебя понизили на нѣсколько человѣкъ. А откуда возьмется оно, когда оцѣнка дѣлалась на основаніи многочисленныхъ сочиненій и сочиненіе же и на экзаменѣ служило главнымъ основаніемъ оцѣнки? Къ экзаменамъ все-таки нѣсколько готовились не ради повышения по списку или сохраненія своего мѣста, а изъ нѣкоторой боязни того величія, предъ коимъ надлежало стать лицомъ къ лицу: на экзаменѣ предсѣдательствовалъ самъ о. ректоръ, присутствовалъ инспекторъ... Явившійся неподготовленнымъ предъ этимъ величествомъ чувствовалъ бы себя евангельскимъ брачнымъ гостемъ, не имѣющимъ одѣянія брачнаго. Только, и все.

Экзамены были полугодичные (передъ Рождествомъ) и годичные (передъ вакаціею). Тѣ и другіе не различались по своимъ для экзаменующаго послѣдствіямъ. Даже двухгодичные переходные оставались все тою же великолѣпною формальностью. Послѣ годичныхъ экзаменовъ былъ экзаменъ публичный. Казалось, этотъ публичный экзаменъ долженъ былъ бы представляться торжественнымъ только представленіемъ для публики, какъ вотъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а на самомъ дѣлѣ ученики его боялись, и преподаватели, не исключая и величественнаго ректора, трепетали какъ осиновые листья. И было чего бояться. На экзаменѣ этомъ присутствовалъ самъ митрополитъ Филаретъ, стоявшій въ глазахъ современнаго ему духовенства неизмѣримо выше по своему личному авторитету, чѣмъ какой-либо изъ его преемниковъ.

Экзаменъ публичный происходилъ въ семинарской церкви, для чего алтарь завѣшивался во всю ширину. Въ сторонѣ, противоположной алтарю, ставился очень большой столъ, окруженный креслами, достаточными для всего профессорскаго состава съ ректоромъ и инспекторомъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ ставилось кресло съ особенно высокою спинкою. Полъ усыпался цвѣтами.

Лучшимъ ученикамъ всѣхъ отдѣленій назначалось что отвѣчать. Билетовъ, какъ на экзаменахъ частныхъ, тутъ не было. Вы чувствуете, что билеты не соответствовали бы этому серьезному, почти религіозно-торжественному представленію. Это было бы не идейно, а мелкотравчато-вещественно. Группѣ лучшихъ учениковъ, человѣкъ въ 5—6, назначался цѣлый отдѣлъ изъ учебнаго предмета. А тамъ кому что достанется изъ этого отдѣла: долженъ каждый отлично приготовить все. Ученики всѣ въ сборѣ, профессора и начальство тоже; являлась и публика, большею частію въ священнослужительскихъ рясахъ. Московскіе іереи, иные весьма извѣстные и авторитетные, затерты въ толпѣ учениковъ, составляющихъ два крыла, простирающихся отъ экзаменаціоннаго стола почти до самаго алтаря. Долго ждутъ въ томительномъ тоскливомъ мол-

чаніи. Наконецъ съ параднаго входа даютъ знать: «пріѣхалъ!» Все замерло, оцѣпенѣло; жизнь обнаруживается только въ учащенномъ біеніи пульса и колыханьи непослушнаго сердца. «Идетъ!» пронеслось шопотомъ по всей залѣ, и, какъ сухой осенній листъ при легкомъ дуновеніи вѣтерка навстрѣчу восходящему дневному свѣтилу, зашелестѣли шелковые рясы ожидающихъ. Раздалось торжественное стройное пѣніе семинарскаго хора, и точно вѣтеръ пробѣжалъ по спѣлымъ колосьямъ ржи: склонились головы всѣхъ присутствующихъ. Низенькая, крайне-худая фигура въ бѣломъ клобукѣ съ блестящими алмазами едва видна изъ заднихъ рядовъ плотной толпы. Садится митрополитъ; садится по его приглашенію и всѣ педагоги; но ученики и публика остаются на ногахъ. Не садится и ректоръ: экзаменъ начнется изъ догматическаго богословія, преподаваемаго ректоромъ. Что это?—Важный, величественный, недоступный для насъ, простыхъ смертныхъ, ректоръ склоняетъ колѣни и кладетъ предъ митрополитомъ земной поклонъ, не фальсифицированный какой-либо, а истовый, стоя на обѣихъ колѣняхъ и приложившись клобукомъ къ самому полу, вплотную. Подымается ректоръ и остается на ногахъ во все время экзамена по его предмету. Твердо, четко, безъ поправки, безъ запинки, льется рѣчь отвѣчающаго. Но вотъ вѣтеръ пробѣгаетъ по всей человѣческой нивѣ; стоящіе одесную и ошуюю стола скашиваютъ головы и тѣла свои по направленію къ столу. Что это значитъ?—Митрополитъ едва слышнымъ голосомъ дѣлаетъ «возраженіе» отвѣчающему. Но не слышнѣ этого возраженія затерявшійся въ толпѣ учениковъ попъ-магистръ, ради такого «возраженія» и явившійся среди публики. Жаль его, потому что такія возраженія Филарета по богословской наукѣ считались перлами. Незаписанныя, они устно разносились по всей учено-богословской средѣ Московскаго духовенства. Экзаменующійся «богословъ» отвѣчаетъ по своему разумѣнію на «возраженіе» митрополита. Снова вѣтеръ пробѣгаетъ по зрѣлой нивѣ, и наливные и пустые колосья снова склоняются наискось къ столу; но большинству удается при гробовомъ молчаніи разслышать только слова:

— А какъ же апостолъ Павелъ говоритъ?... Ученикъ пытается отвѣтить, иногда удачно, иногда нѣтъ. Тутъ наступаетъ страшная минута для ректора.

— Ты что скажешь?.... доносится слабый голосъ до вновь заколыхавшейся нивы.

Ректоръ отвѣчаетъ, конечно, большею частію удовлетворительно, ибо и самъ онъ, думаю, еще больше, чѣмъ назначенные къ экзамену ученики, готовился къ такой страшной минутѣ. Но иногда въ отвѣтъ на неудочное объясненіе ректора до волнующейся нивы доносится слабый, но металлически-холодный голосъ владыки:—Дуракъ!

Въ отвѣтъ на такую краткую, но сильную характеристику, ректоръ колѣнопреклонится, какъ бы прося прощенія.

Мнѣ не удалось самому быть свидѣтелемъ такой сцены, быть можетъ, по кратковременности моего пребыванія въ Семинаріи: я присутствовалъ только на двухъ публичныхъ экзаменахъ. Но близкія мнѣ лица увѣряли меня въ томъ, какъ послухи - очевидцы.

Митрополитъ на экзаменахъ говорилъ ученикамъ «вы», равно и преподавателямъ духовнаго вѣдомства, которые были въ вицмундирахъ. «Ты» относилось только къ бѣлому и черному духовенству.

Ректоръ не былъ застрахованъ при отвѣтахъ учениковъ и по другимъ духовнымъ предметамъ, хотя бы и не его преподаванія. Ученикъ не отвѣтилъ на «возраженіе». Ты что скажешь? обращается митрополитъ къ его «профессору». Если тотъ удовлетворительно разрѣшитъ возраженіе, тѣмъ дѣло и кончается; но если нѣтъ, митрополитъ скажетъ: Не такъ. Ты что скажешь? обращается тогда онъ уже и къ высшей инстанціи, къ ректору. И здѣсь при неудовлетворительномъ рѣшеніи раздается: Дуракъ!

Экзаменъ изъ догматическаго богословія оконченъ. Снова ректоръ дѣлаетъ земной поклонъ. Очередь за нравственнымъ богословіемъ, преподавателемъ коего былъ при мнѣ инспекторъ архимандритъ Игнатій. Снова колѣнопреклоненіе. Экзаменъ продолжается тѣмъ же порядкомъ, но «дурака» не услышите. И вотъ почему: Игнатій былъ болѣе чѣмъ недалекъ (хотя потомъ достигъ и архіерейскаго сана, сначала викарія Московскаго, а потомъ епископа, кажется Костромскаго). Какъ-то разъ, будучи при мнѣ ректоромъ, на частномъ экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи, которую онъ самъ раньше, будучи инспекторомъ, преподавалъ, онъ рѣшилъ, должно быть по образцу Филарета, сдѣлать возраженіе отвѣчающему и, дѣйствительно возразилъ: Хорошо ли сдѣлалъ Каинъ, что убилъ брата своего Авеля? Такимъ образомъ рѣзкая характеристика Игнатія на публичномъ экзаменѣ была бы излишнимъ пустословіемъ и не дала бы присутствующимъ никакой новой идеи. Сверхъ того архимандритъ Игнатій былъ близкимъ родственникомъ митрополиту Филарету.

За богословскимъ отдѣленіемъ экзаменовалось философское и накопецъ риторическое. Чѣмъ ниже, тѣмъ экзаменъ становился легче, по меньшей сравнительно важности предметовъ. Но экзаменовали по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, конечно, опять таки избранныхъ, назначенныхъ заранее.

На переходномъ экзаменѣ въ среднее отдѣленіе назначено было отвѣчать мнѣ изъ геометріи. Можетъ быть, отвѣчалъ я и по другому какому-либо предмету: но, помнится, изъ геометріи отвѣчалъ я одинъ

только. Математику я любилъ, посильно занимался ею и радъ былъ, что хотя этимъ могъ отблагодарить Е. Н. Шаврова, заступившагося за меня на училищныхъ экзаменахъ.

Какъ теперь помню, я отвѣтилъ предъ митрополитомъ опредѣленія геометрическихъ тѣлъ: паралесипеда, куба, призмы, конуса, цилиндра, шара. Какъ сейчасъ вижу холодные, словно два небольшихъ острыхъ изумруда, устремленные на меня глаза престарѣлаго Филарета. «Возраженія», конечно, не послѣдовало, да и не могло послѣдовать: Егоръ Николаевичъ и его ученикъ чувствовали подъ собою незыблемую почву, недоступную острію даже Филаретовскаго ума....

Попытаюсь теперь подвести итоги тому, что дала мнѣ Семинарія за два года пребыванія въ реторикѣ. Я очень основательно познакомился съ теоріею прозы и поэзіи, и только, если не считать знакомства съ первыми стриницами алгебры и геометріи. Уравненіями первой степени съ однимъ и со многими неизвѣстными ограничились мои знанія въ алгебрѣ. Нѣсколькими теоремами изъ планиметріи да опредѣленіями изъ стереометріи ограничились мои знанія въ геометріи. По всѣмъ прочимъ предметамъ, катихизису, богослужебнымъ книгамъ, всеобщей исторіи и обоимъ древнимъ языкамъ я приобрѣлъ познаній на 0, хотя училъ наизусть тетрадки. Самое главное, навыкъ владѣть перомъ, я получилъ только отъ отца.

Но эти два года пребыванія въ Семинаріи не остались безслѣдными для моего развитія, выведя меня изъ тѣсной сферы только семейныхъ отношеній въ болѣе широкія и многообразныя условія жизни общественной, въ ея пока еще ограниченномъ и миниатюрномъ видѣ жизни школьной.

Товарищество.... Какой это важный вопросъ воспитанія! Только тотъ по достоинству можетъ оцѣнить значеніе товарищества въ дѣлѣ воспитанія, кто долго совсѣмъ не зналъ товарищества, кому уже на зарѣ пробуждающагося сознанія пришлось сразу окунуться въ эту совсѣмъ новую для него сферу. Мальчикъ, съ 9—10 лѣтняго возраста начавшій ходить въ школу, едва ли въ зрѣломъ возрастѣ можетъ взвѣсить всю силу товарищества въ его воспитаніи. Оно представляется ему не вновь вторгнувшимся въ его жизнь началомъ, а вполне естественнымъ, чуть не природнымъ условіемъ его существованія.

До Семинаріи я не зналъ ни одного товарища; единственнымъ былъ Владимиръ. Но какой же это товарищъ? Это двоюродный братъ, постоянно пребывавшій у насъ, совсѣмъ почти членъ нашего семейства. Это участіе Владимира въ общей нашей семейной жизни всего лучше формулировалось отцомъ моимъ въ церкви съ амвона, когда я и Владимиръ опаздывали къ церковной службѣ: Володька тоже безъ чаю!

Въ первый же годъ реторическаго класса меня съ конца списка (человѣкъ въ 70) подняли на 14-е мѣсто и сообразно съ этимъ пересадили почти на средину 2-й лавки между своекоштными перваго разряда, въ число коихъ (человѣкъ 20) былъ внесенъ и я. Направо и налево отъ меня народъ порядочный, способный и дѣловой, во всякомъ случаѣ не даромъ «перворазрядные». Фланги мои были защищены отъ нападенія непріятелей, если не союзниками, то нейтральными, но тылъ оставался открытымъ непріятелю. А непріятель сосредоточивался именно въ тылу у меня: тамъ была третья скамейка, казенные второразрядники. Какъ разъ прямо за мною сидѣли «старые», т.-е. оставленные на второе двухлѣтіе. Уже по самому этому они были великовозрастные. Первое полугодіе, какъ аборигены, они помѣщались на 1-й лавкѣ, но при первой же пересадкѣ должны были въ большинствѣ уступить мѣсто новымъ пришельцамъ, нашему поколѣнію. Съ ними и нами повторился извѣстный историческій законъ: позднѣйшее племя, насѣвшее на обитаемую землю, отгѣсняетъ аборигеновъ въ горы и ущелья. Тоже потерпѣли и коренные туземцы отъ насъ, пришельцевъ. Но не скоро примиряются съ своею печальною участію древнѣйшіе насельники, отброшенные въ дебри, загнанные на скалы; разбои и грабежи чинятъ они оттуда среди мирныхъ обитателей плодородныхъ равнинъ. Къ старымъ казеннокоштнымъ въ тылу у меня примкнули и два старыхъ своекоштныхъ: Покровскій и Воздвиженскій, оба уже вполне созрѣвшіе до степени дьячковъ и панамарей. Есть видъ млекопитающаго; называется оно, кажется, тапиръ. Одна изъ особенностей тапира—весьма длинная, широкая ступня. Это вполне цѣлесообразно, ибо тяжелый и массивный тапиръ живетъ по болотистымъ берегамъ рѣкъ южной Америки, Малайки и Суматры. Подобная же ступня была и у Покровскаго и даже у прочихъ его двухъ братьевъ, и весьма цѣлесообразно: несчастные Покровскіе жили за Рогожской заставой въ селѣ Карачаровѣ, верстахъ въ 3 отъ заставы, откуда ежедневно и путешествовали въ Семинарію, въ Каретный рядъ. Но тапиръ Покровскій, какъ и его травоядный прототипъ, былъ весьма скромнень. Другое дѣло Воздвиженскій, сынъ какого-то Московскаго дьячка, а потому одушевленный родою завистью и ненавистью къ поповичамъ. Я долго испытывалъ ужасные его щелчки, всегда неожиданные, когда откидывался спиною къ столу, за которымъ помѣщался этотъ «старикъ». Не будь Воздвиженскаго, мѣсто новаго моего поселенія было бы вполне безопасно, ибо травоядный тапиръ былъ смиренъ, а прочимъ было уже далеко тянуться къ моему затылку. Мой же затылокъ Воздвиженскій предпочиталъ, можетъ быть, потому, что замѣнить его было нечѣмъ: рядомъ со мною сидѣлъ близкій родственникъ страшнаго «Яшага» Хрисанъ, хотя мальчикъ очень скромный,

куда даже скромнѣ меня, но за то прикрытый родствомъ съ «Яшагомъ». Пришлось заключить миръ съ этимъ врагомъ, кажется, тоже помощью, оказанною ему въ его сочинительствѣ.

Въ ближайшемъ со мною сосѣдствѣ по лавкѣ не оказалось подходящаго товарищества. Хрисанѣ хотя учился хорошо, а по списку значился даже и выше своихъ заслугъ, но былъ черезчуръ ребячески невиненъ, монашливъ, даже божествененъ. Это былъ болѣе чѣмъ «мальчикъ въ штанахъ» Щедрина и не представлялъ для меня ни малѣйшаго интереса. Другіе ближайшіе сосѣди были чванливы протопопствомъ своихъ отцовъ и родствомъ съ митрополитомъ Филаретомъ. А впереди спины и затылки «первыхъ учениковъ», между которыми два близкихъ родственника того же «Яшага». Я нѣкоторое время смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ не ради только ихъ «аристократическаго» одѣянія съ полотнянымъ бѣльемъ (когда самъ я вмѣсто манишки носилъ полутерновый нагрудникъ), но главнымъ образомъ за ихъ высшее надо мною помѣщеніе по списку. Да и какое сближеніе могло послѣдовать съ затылками? Впрочемъ я уже и тогда составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о «первакахъ». Первый ученикъ, родственникъ «Яшага», неглупый, весьма старательный, но очень сдержанный, можетъ быть, излишне самолюбивый вслѣдствіе своего очень малаго роста. Физическіе недостатки всегда искажаютъ нравственную природу человѣка. Какой горбунъ не золь! А можетъ быть и наоборотъ: физическое уродство является послѣдствіемъ уродства нравственнаго. Печальна была послѣдующая участь этого, все-таки мнѣ симпатичнаго, юноши. Окончивъ курсъ въ Московской Духовной Академіи, онъ долго не поступалъ на мѣсто во священники. Между тѣмъ старшій братъ его, популярный Московскій священникъ, постригся въ монахи и скоро достигъ архіерейскаго сана. Авторитетный во всемъ своемъ родствѣ, старшій братъ сталъ, какъ слышалъ я отъ одного изъ ихъ родственниковъ, нудить младшаго поступить во священники. А тотъ между тѣмъ уже успѣлъ обзавестись семьей. Безсильный противостоять насѣданіямъ авторитетнаго брата, не имѣя возможности разорвать отношенія съ любимой женщиною и своими дѣтьми (что конечно требовалось при вступленіи во іерейство) несчастный перерѣзалъ себѣ горло бритвою. Могъ ли я тогда представить, что милый Александръ Осиповичъ, всегда кроткій, съ поэтическими задатками, приличный «мальчикъ въ штанахъ» окончить такъ ужасно?...

Вторымъ ученикомъ былъ Василій Ивановичъ. Фамилію опускаю. Онъ былъ очень способенъ, но почти ничего не дѣлалъ и даже насмѣшливо относился ко всякому труду. Тѣмъ не менѣе, занявъ второе мѣсто, онъ даже оттѣснилъ профессорскую родню: такъ онъ былъ даровитъ. Но въ тоже время онъ былъ циникъ и развратникъ; виномъ также не

брезговать. По окончаніи реторическаго курса онъ быстро приготовился въ Университетъ, раньше всѣхъ насъ, студентовъ Университета изъ семинаристовъ, поступилъ въ Университетъ, именно на медицинскій факультетъ. Черезъ него-то именно я и былъ на нѣкоторое время вовлеченъ въ пьяную компанію, изъ которой впрочемъ очень скоро съ величайшимъ омерзениемъ отшатнулся. 22 Августа 1859 года, уже много спустя послѣ охлажденія нашихъ отношеній, я видѣлъ его въ студенческомъ мундирѣ, въ треуголкѣ со шпагою, важно, хотя и косолапо (онъ былъ толстобрюхъ) прогуливающагося въ освѣщенныхъ аллеяхъ Александровскаго сада. При видѣ его острое жало зависти впилося мнѣ въ сердцѣ: я тогда только еще приступалъ къ приготовленію въ Университетъ, а онъ уже былъ студентъ!

Порядокъ списка забыть, да онъ же и измѣнялся по полугодіямъ. Однимъ изъ первыхъ былъ профессорскій братъ Павелъ Сергѣевичъ. Его я весьма полюбилъ. Должно быть, меня особенно подкупила его изящная внѣшность: онъ былъ сынъ богатаго священника. Въ нравственномъ отношеніи онъ былъ очень чистъ, прямая противоположность Василю Ивановичу. Онъ не лишенъ былъ и любознательности за предѣлами «главныхъ» предметовъ: учился по-нѣмецки, интересовался физикою; послѣднее вѣроятно потому, что другой старшій его братъ былъ учителемъ физики въ какомъ-то свѣтскомъ учебномъ заведеніи. Нѣкоторое время я съ «Пашею» состоялъ даже въ дружески-нѣжной перепискѣ. Но я разошелся съ нимъ, когда меня потянуло въ Университетъ, онъ же продолжалъ идти по прежней дорогѣ къ Духовной Академіи и, конечно, сдѣлалъ большую ошибку, не внявъ моимъ увѣщаніямъ готовиться въ Университетъ; ибо впослѣдствіи, окончивъ курсъ въ Духовной Академіи, все-таки вышелъ изъ духовнаго званія.

Прочіе «перваки» были малосообщительны, а нѣкоторые казенно-коштные (что естественно сближало ихъ съ такими же, какъ и сами они, казеннокоштными) не оставляли мѣста для дружбы съ «приходящими».

Но во всякомъ случаѣ я и самъ, пока не достигъ степени «превака», не обнаруживалъ наклонности къ сближенію съ этимъ избраннымъ обществомъ. Этому мѣшала гордость. Пришлось довольствоваться чѣмъ-либо болѣе подходящимъ, подручнымъ. Такимъ оказался Василій Максимовичъ Лебедевъ, ближайшій мой сосѣдъ по списку и притомъ, что всего важнѣе, постоянный мой попутчикъ по дорогѣ изъ Семинаріи. Лебедевъ былъ сынъ причетника отъ церкви Симеона Столпника за Язукою. Мы были попутчиками чуть ли не до самаго нашего дома, откуда Лебедевъ уже одинъ продолжалъ путь за Язу.

Самъ Лебедевъ весьма любилъ прилагать къ себѣ стихи Грибоедова:

„Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простать“.

Эта характеристика была совершенно вѣрная: онъ не былъ глупъ, но не былъ и уменъ; былъ ограниченъ и какъ-то лишенъ способности поступавія впередъ; былъ очень простъ и весьма добръ. Болѣе этого ничего Репетиловскаго въ немъ не было, если не считать его страсти къ театру. Онъ скорѣе напоминалъ Горацио изъ Гамлета, съ каковымъ тоже любилъ себя сравнивать по своей безкорыстной дружбѣ ко мнѣ.

Какъ ученикъ, Лебедевъ посильно — добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, за чтѣ и помѣщенъ былъ въ 1-мъ разрядѣ. Помимо школьнаго дѣла, онъ былъ страстнымъ любителемъ Французскихъ переводныхъ романовъ Дюма, Сю и т. п. Кажется, онъ все перечиталъ, чтѣ могъ найти въ библіотекахъ по этой части. По его указанію перечиталъ и я большую часть этихъ романовъ, которыми онъ снабжалъ меня, но все-таки въ этомъ отношеніи я оставался далеко назади его. Лебедевъ познакомилъ меня и съ Малымъ театромъ; до Большого онъ не былъ охотникъ.

Хотѣлось бы изобразить семинарскій день, но затрудняюсь: отдѣльнаго дня не могу, конечно, припомнить, а возсоздать—я не художникъ; да и какъ помѣстить въ одинъ день множество полузабытыхъ подробностей? Какимъ отдать предпочтеніе? Какія опустить?

7-й часъ утра; одинъ пьешь чай съ половиною «розанчика»; хотя «розанчикъ» и составлялъ одну четвертую часть Французскаго хлѣба, но по тогдашнимъ размѣрамъ былъ довольно великъ. Если осень или весна, то въ одномъ сюртукѣ, а если зима, то въ «своей» шинели въ собачьимъ воротникомъ отправляешься въ Семинарію. Калошъ не полагается, но въ обуви уже прогрессъ: сапоги не личные, а вырѣзковые. Спустившись съ горки, выходишь черезъ Козьмодемьяновской и Петровверигскій переулки на Маросейку, подходишь къ дому Человѣколюбиваго Общества, гдѣ на стѣнѣ помѣщенъ образъ. Какой-то старикъ почтительно снимаетъ картузъ при моемъ приближеніи; я отвѣчаю ему еще болѣе почтительнымъ поклономъ.

— Я, милостивый государь, обрываетъ меня почтительный старецъ, Господу Богу хотѣлъ помолиться; а васъ, сударь, не имѣю чести знать.

Досадуешь на свою близорукость, по неопытности удивляешься сочетанію ханжливости и злости въ этомъ старцѣ; а ноги сами собою уже сворачиваютъ въ Златоустовскій переулокъ. Здѣсь или я уже нагоняю Василія Лебедева, или онъ меня; но чаще всего разница въ минуть или двухъ нашего выхода не допускаетъ такой встрѣчи. Пролетаешь мимо Златоустовскаго монастыря и, если предстоитъ «лекція» Яшага, крестишься. Пересѣкаешь Мясницкую и чрезъ Фуркасовскій переулокъ

выходишь на Кузнецкій мостъ съ его магазинами, сонно закрывшими еще свои двери и окна. Обгоняешь нѣсколькихъ «философовъ». Вонъ и философъ Митрофанъ Скворцовъ въ своихъ свѣтло-голубыхъ панталонахъ. Съ ними ни съ кѣмъ не кланяешься: ибо ты риторъ, а они философы. Вонъ медленно шествуетъ и богословъ Воиновъ; тутъ еще меньше можетъ быть рѣчи о знакомствѣ. Только въ послѣдствіи жизнь уравниваетъ насъ. Голубые панталоны поведутъ въ кондитерскую, потомъ въ трактиры; его Митрофана Скворцова я встрѣчу потомъ на филологическомъ факультетѣ, куда поступитъ онъ безъ экзамена по окончаніи семинарскаго курса, опередивъ меня въ Университетѣ только на одинъ курсъ. Тамъ будетъ онъ прилежно записывать лекціи, всегда стоя. Никто такъ хорошо, какъ онъ, не сумѣетъ передразнить профессоровъ: П. М. Леонтьева, латиниста, и А. И. Менщикова, профессора Греческаго языка. Скворцовъ отлично занимается по гречески, несмотря на юродство Пыховскаго, Поляка, профессора Греческаго языка, и полнѣйшую невмѣняемость Менщикова. По окончаніи Университета, опять жизнь столкнетъ насъ: мы оба учителями въ одной гимназій: онъ Греческаго, я Русскаго языка. Проходитъ года три. П. А. Лавровскій, ректоръ Варшавскаго Университета, пріѣзжаетъ въ Москву вербовать Русскихъ преподавателей въ Польскій Университетъ. Онъ знакомится со мною, приглашаетъ меня на весьма льготныхъ условіяхъ принять катедру Русской литературы въ Варшавскомъ Университетѣ. При мысли о разрывѣ съ Москвою, сердце мое болѣзненно сжимается. Я отказываюсь. Лавровскій проситъ указать на знатока въ Греческомъ языкѣ. Трудолюбивый Скворцовъ успѣлъ уже напечатать въ Ж. М. Н. Пр. свой переводъ какой-то Греческой трагедіи. Указываю на Скворцова. Быстро сдѣлалось у него дѣло съ Лавровскимъ. Уѣзжаетъ Скворцовъ профессоромъ въ Варшаву, а года черезъ три возвращается оттуда неисправимымъ алкоголикомъ. Несчастный ходитъ по товарищамъ, занимается у нихъ серебряную мелочь безъ отдачи, конечно, и скоро умираетъ гдѣ-то въ больницѣ.

Но все это будетъ потомъ, впереди, а пока по дорогѣ къ Семинаріи только голубыя ноги Скворцова остаются назади меня. Свернулъ я на Петровку. У иконы Петровскаго монастыря при мысли о «Яшагѣ» вспоминаешь снова «о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ» и достигаешь Каретнаго ряда; съ обоихъ боковъ Петровки изъ переулковъ набралось уже порядочно семинаристовъ, сливающихся теперь въ небольшія кучки знакомцевъ. Ускореннымъ ходомъ слѣдуемъ по семинарскому двору между двумя корпусами, грозными формами: палѣво живетъ ректоръ, направо, инспекторъ надъ семинарскимъ правленіемъ. Чѣмъ скорѣе минуешь дворъ, тѣмъ меньше опасности встрѣ-

тяться съ каимъ-либо изъ «чернокожихъ». Впереди парадный ходъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ парадный ходъ открытъ для учащихся, ибо учебное заведеніе и существуетъ-то только для нихъ; но въ Семинаріи ни одинъ ученикъ не входилъ въ главный корпусъ по парадному ходу, и никогда не выходилъ по оному. Парадный ходъ былъ открытъ только для начальствующихъ и «профессовъ». Ненормальность эта тогда и въ голову не приходила; скорѣе казался страннымъ порядокъ свѣтскихъ школъ. Проходишь подъ аркою мимо правленія, и если видишь издали изъ профессорскаго корпуса шествующихъ профессоровъ, не безпокоишься, зная, что они будутъ еще долго сидѣть въ профессорской комнатѣ при главномъ входѣ. Самъ пробираешься къ угловому боковому крыльцу, глядя на громадный семинарскій садъ, въ которомъ, если весна или осень, тамъ и сямъ видѣются фигуры казеннокоштныхъ, зубрящихъ свои тетрадки. Еще казеннокоштные не убрались, значитъ не было еще звонка для сбора въ классъ. Раздѣвшись въ «шинельной», противъ чайной комнаты, иногда полуотворенной (гдѣ видишь, какъ нѣкоторые казеннокоштные допиваютъ свой чай, передавая другъ другу мѣдные чайники съ горячею водою) отправляешься въ «ватеръ». «Ватеръ» это чисто клубъ. Онъ состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ: въ первой лежатъ дрова и какое-то низенькое, малорослое искривленное человѣкообразное существо, слуга «ватера»; въ другой, не менѣе обширной, ярко пылаетъ въ каминѣ огонь; а передъ каминомъ на деревянныхъ плахахъ, помѣщенныхъ стоймя, возсѣдаетъ человѣкъ 5—6 главныхъ завсегдатаевъ «ватера». Они курятъ папиросы. Вокругъ нихъ кучка человѣкъ въ 20, тоже съ папиросами. Невѣроятные клубы табачнаго дыма быстро втягиваются пылающимъ каминомъ. Дымъ тянется въ каминъ и отъ курильщиковъ, сидящихъ на окнахъ и другихъ мѣстахъ, а равно и изъ первой комнаты, куда забѣгалъ кто-либо на минуту курнуть. Ватеръ пользовался въ Семинаріи правомъ неприкосновеннаго убѣжища. Нѣкоторые лѣнтяи проводили въ этомъ клубѣ большую часть учебнаго времени, просто проживали тамъ. Вѣчно молчаливый «ватерщикъ» никогда не сказалъ никому ни слова; на чай тоже никогда ни отъ кого не получалъ. Большею частію онъ спалъ при своихъ дровахъ, ибо утромъ отъ 8 до 2-хъ часовъ огонь въ ватерѣ поддерживался завсегдатаями, которыхъ число къ вечеру только уменьшалось, ибо и между казеннокоштными были завсегдатаи. Начальство никогда не посѣщало «ватера» хотя бы для изловленія лѣнтяевъ. Ректоръ, архимандритъ или инспекторъ, архимандритъ, и вдругъ «ватеръ»! Это по меньшей мѣрѣ невозможное смѣшеніе двухъ стилей, высокаго и низкаго. О субинспекторахъ нечего и думать: это были два въ полномъ смыслѣ слова «дармоѣда». Кто же нарушить установившійся бытъ «ватера»? Разъ

только, ко времени выхода моего изъ Семинаріи, инспекторъ Никодимъ, ражій, красноволосый мущина, по какому-то случаю посѣтилъ «ватерь». И это всѣмъ показалось чудовищнымъ нарушеніемъ habeas-corpus. Но вѣдь то Никодимъ, самъ прошедшій огни и воды, котораго и поступленіе-то изъ Духовной Академіи въ монахи объясняли только необходимостью выбора послѣ одной исторіи: или въ монахи, или... А вѣдь раньше Никодима инспекторомъ былъ Игнатій, столь невинный, что сомнѣвался даже, могутъ ли «философы» оцѣнить по достоинству поступокъ Каина съ Авелемъ.

Накурившись вдоволь и узнавъ скудныя новости дня, въ классъ еще не идемъ, а пріятельскими группами расхаживаемъ по нижнему коридору; направо не ходимъ: это мимо швейцарской, всегда для насъ страшной, коридоръ, ведущій къ «архи-инспекторамъ»: часть семинарскаго корпуса занимали квартиры учениковъ какого-то архитектурнаго училища, помѣщавшагося въ Кремль. Этихъ архитекторовъ мы никогда не видали, ибо во время нашего присутствія въ Семинаріи они находились въ своемъ училищѣ и возвращались въ Семинарію только по нашемъ уходѣ домой. Итакъ, къ архитекторамъ не ходимъ, но можно мимо двери «суба» повернуть налево къ столовой. Тотъ коридоръ очень свѣтелъ, тогда какъ около «шинельной», при двухъ окнахъ, темень, мраченъ и сыръ. Да еще одно окно заставилъ своими корзинами кривой Илюшка-хлѣбникъ. По свѣтлому коридору будемъ ходить только на второй годъ, когда обживемся въ Семинаріи. О прогулкахъ по верхнему свѣтлому коридору съ коврами, разостланными по выложенному полу, и думать пока нечего: тамъ гуляютъ только «богословы» и отчасти «философы», знакомые съ «богословами».

Звонокъ. Устремляемся въ свои «отдѣленія». — Кто у насъ нынче? — Кедрскій и Филипчигъ.

— Хорошо, ка-бы Ленечка сдалъ послѣдній экспромтъ!

Сидимъ, ждемъ Кедрскаго. Чѣмъ занимаемся, трудно сказать. Иной учить «лекціи»; другой списываетъ съ тетрадки тѣже лекціи дальше; кто читаетъ взятый съ собою изъ дому романъ; кто проставляетъ въ разграфленной съ фамиліями учениковъ и названіями предметовъ тетрадки балы своихъ товарищей.

— Сколько у Ивана Розанова за послѣднее домашнее сочиненіе, не знаете? — Кажется, 10, отвѣчаетъ казеннокоштный сосѣдъ. — А у Геликонскаго? — У Геликонскаго 9.

Розановъ и Геликонскій казеннокоштные, потому и про ихъ балы надо справляться у казеннокоштныхъ же.

Цензоръ или подцензоръ, а къ концу курса, когда дисциплина уже ослабла, и любой изъ сидящихъ у двери смотритъ въ дверное окошечко. — Г-да, съ сочиненіями!

Это онъ усмотрѣлъ, что Кедрскій, прогуливаясь по коридору отъ нашего угла до церкви, держитъ пачку бѣлой бумаги въ размѣрѣ четверти листа. Кедрскій о чемъ-то разсуждаетъ съ товарищами по преподаванію, а пачка нашихъ сочиненій, прихваченная его рукою только сбоку, при его движеніяхъ то распускается вѣеромъ, то снова смыкается.—Идетъ!

Водворяется порядокъ, читается молитва. Послѣ молитвы, начинается раздача сочиненій съ краткими замѣчаніями «надо писать лучше», «порядочно», «хорошо-съ». Сочиненія раздаются въ порядкѣ списка. Кедрскій отдаетъ каждое сочиненіе кому-либо изъ сидящихъ на первой лавкѣ, а оттуда по рукамъ оно переходитъ уже и къ автору. Иногда на пути кто-нибудь задержитъ его; значитъ, интересуется, сколько баловъ поставлено этому автору. Видишь по дорогѣ двойки и тройки, утѣшительныя въ камчатку. Мое сочиненіе задерживается иногда на первой лавкѣ, гдѣ ревниво слѣдятъ за возвышеніемъ баловъ у недавняго еще жителя камчатки. Во всемъ первомъ разрядѣ какъ-то вдругъ всѣ знаютъ балы каждаго; сосѣдъ передаетъ объ этомъ сосѣду, да и самъ авторъ не скрываетъ, ибо колебаніе въ оцѣнкѣ не идетъ дальше одного бала: десятка можетъ замѣниться девяткою и то очень рѣдко, восьмерка девяткою.

Пока шла раздача сочиненій, протекло уже минутъ 10; а Кедрскій пришелъ только на полчаса вмѣсто уставныхъ 2-хъ часовъ. Остальные 20 минутъ уйдутъ на спрашиваніе лекцій, а если слѣдующій классъ Латинскій, и Кедрскій намѣренъ на все свое время задать экспромптъ, тогда же дается тема, и ужъ Алексѣй Васильевичъ досиживаетъ не выходя до 12 часовъ. Если же слѣдующій урокъ онъ намѣренъ посвятить Латинскому языку, остатокъ перваго урока обращается на спрашиваніе лекцій. Но этимъ, если вы въ первомъ разрядѣ, вы мало интересуетесь: по ограниченному размѣру «лекцій», Кедрскій все возится съ повтореніемъ того, что вами давнымъ давно уже вызубрено. А главное: хорошаго ученика онъ спроситъ не болѣе двухъ разъ въ полугодіе, и зараньше уже замѣчаешь, какъ онъ мало-по-малу подымается по списку къ первому разряду. Но пока онъ застрялъ гдѣ-то въ пятомъ или шестомъ десяткѣ по списку, не обращаешь вниманія на его вопросы и ученическіе отвѣты: все это давно хорошо извѣстно. Занимаешься какимъ-нибудь своимъ дѣломъ или бесѣдуешь съ пріятелемъ.

— Симоновъ Иванъ! вызываетъ Кедрскій изъ шестого или седьмого десятка. Скажите, что вы называете метафорою? — «Метафорою, отъ Греческаго слова (μετά и φέρω), отвѣчаетъ бойко житель камчатки, называется перенесеніе свойствъ міра внѣшняго на міръ внутренній, или наоборотъ, напр., «умъ острый, душа волнуется». Кам-

чадалъ отвѣчаетъ твердо, но Кедрскій хорошо знаетъ, что камчадалъ ничего этого не понимаетъ. Это какой-нибудь вихрастый съ клинообразною головою, переведенный изъ Перервинскаго училища дьячковъ сынъ. Гдѣ ему понять эти мудренныя слова «свойство», «міръ внѣшній», «міръ внутренній»... Кедрскій пытается разъяснить ему, но отъ частаго изъ года въ годъ, изо дня въ день толкованія самое его объясненіе отливается въ стереотипныя фразы.

— Чему приписываете вы остроту?

Камчадалъ молчитъ. — Ну, острымъ можетъ быть ножъ, иглока. Въ нашемъ примѣрѣ «умъ острый» откуда заимствовано это свойство остроты? Камчадалъ тоскуетъ и молчитъ.

— Вотъ вы говорите «душа волнуется». Чему вы приписываете волненіе? Камчадалу становится несносно. Съ какимъ удовольствіемъ сталъ бы онъ барабанить дальше: «Метанимія означаетъ....» Но Кедрскій продолжаетъ.—Можетъ ли волненіе быть въ стаканѣ воды или въ маленькой рюмкѣ?

И не былъ въ головѣ этого камчадала и не могу судить, какая каша тамъ шевелится, если только шевелится. Можетъ быть, «стаканъ» возбудилъ въ его воображеніи картины употребленія стакана и рюмки. Зачѣмъ тутъ «маленькая» рюмка? (быть можетъ, соображаетъ камчадалъ, забывъ о «свойствахъ» «міра внѣшняго» и «міра внутренняго» и устремивъ все свое вниманіе, а, можетъ-быть и сожалѣніе на то, что «рюмка мала»). Но въ головѣ у него совсѣмъ темно, какъ въ глиняной банкѣ съ ваксою Кочеткова, и камчадалъ продолжаетъ упорно молчать.

— Садитесь! говоритъ Кедрскій, а въ классномъ журналѣ къ двойкамъ и единицамъ у этого камчадала прибавилась 2...

— Верещагинъ Иванъ! вызываетъ Кедрскій слѣдующаго камчадала. Скажите, чтò называете вы литонимією?

Съ литонимією повторяется исторія подобная исторіи съ метафорой.

Но вотъ и звонокъ. Послѣ него почти полуторачасовое гулянье по коридорамъ. Завтракать еще рано, хотя какой-нибудь Хрисанъ изъ богатаго прихода и уписываетъ съ собою принесенный бѣлый хлѣбъ съ паюсною икрою. Самъ припасовъ такихъ не имѣешь, получая прямо наличными. Можно пойти въ ученическую библіотеку обмѣнять книги, какуюнибудь Всеобщую Исторію Лоренца на какое-нибудь путешествіе. Если нѣтъ такого чрезвычайнаго дѣла, въ мѣстномъ клубѣ всегда найдешь компанію, какъ Осипъ Гоголевскаго ревизора: «Компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку». Можно пойти и въ свое «отдѣленіе», посмотрѣть, какъ казеннокоштные играютъ въ трынку, вмѣсто денегъ платя листами казенной бумаги, выданной каждому для сочиненій и тетрадей. Но это скучно. Если весна или осень, непременно съ пріа-

телями уйдешь въ семинарскій садъ. Какой большой и старинный! Широкия и длинныя дорожки, громадныя липы. Вонъ и островокъ. Тамъ цѣлая компанія «богослововъ» затѣяла какую-то игру. Они все спихиваютъ съ острова въ ровъ своего товарища, величаемаго ими «княземъ», но мы риторы и философы не чувствовали въ себѣ достаточно смѣлости для такой вольности. Долго, больше часу ходишь по саду. По саду раздается звонокъ. Надо собираться въ «отдѣленіе». Идешь туда съ вольнымъ духомъ. Кедрскій по латыни не спроситъ: вѣдь только недѣли три тому назадъ спрашивалъ. Онъ и по латыни все возится со второразрядными. Занимаешься чѣмъ-нибудь или смотришь на уродливый рисунокъ изображаемый твоимъ сосѣдомъ, или вспоминаешь съ Василиемъ Лебедевымъ вчерашнюю игру Шумскаго въ Розовомъ Павильонѣ, Полтавцева въ Гамлетѣ; соглашаешься, что актеръ Ольгинъ непременно дуракъ, потому что всегда дураковъ и играетъ, приписываешь этому Ольгину небывалую, но однако будто бы имъ произнесенную, фразу въ Гамлетѣ въ роляхъ короля: «Голова на небѣ, ноги на землѣ. Уходитъ поспѣшно», тогда какъ оба мы очень хорошо знаемъ, что ремарки «уходитъ поспѣшно» Ольгинъ и не думалъ произносить, да и монологъ закончилъ правильно:

„Слова на небѣ—мысли на землѣ.

Безъ мысли слово недоступно Богу!“

Думы витають гдѣ-то далеко; мечтаешь о чемъ-то, строишь какіе-то планы, а тутъ въ какомъ-то полузабытѣ доносятся до тебя басовыя ноты какого нибудь камчадала *Quem ad finem se externata jactabit audacia?* Къ какому концу бросится разнузданная ярость?

Звонокъ даетъ отдыхъ и намъ, и Кедрскому, и камчадалу, и Цицерону. Теперь нужно и завтракать. Кривой Илюшка-хлѣбникъ отчасти знакомый человѣкъ: нѣкогда онъ былъ перевозчикомъ черезъ Москву рѣку у Воробьевыхъ горъ. Но гдѣжъ ему меня помнить? Насъ такъ много. У него не только всякіе хлѣбы, но и сдобныя плюшки, а главное колбаса. Ахъ, какая это была колбаса! Нигдѣ уже не встрѣчалъ я потомъ такой, вареная, а потомъ изжаренная въ маслѣ. Илюшка былъ гений и ухитрялся отрѣзать этой самой дивной колбасы даже на копѣйку. Но рѣдко приходилось мнѣ ея отвѣдывать. На завтракъ мнѣ давалось 10 коп. сер. на учебную недѣлю. Этого хватало только на розанчикъ ежедневно; дробь оставалась столь ничтожная, что даже и при искусствѣ Илюшки рѣзать очень тонкіе ломтики колбасы, дробь эту трудно было обращать въ колбасу. А вѣдь иные одной колбасы сразу съѣдали на цѣлый гривенникъ! Но зависти не было, ибо и самая наклонность къ обжорству при постоянныхъ дома щахъ и гречневой кашѣ не возникала. Сухой розанчикъ запиваешь водою изъ тутъ же стоящаго ре-

зервуара. Послѣ завтрака опять безконечное хожденіе по коридорамъ или саду.—А то, господа, говорить кто-нибудь: не удрать ли развѣ отъ Филипчика?

Вмѣсто скучнаго перевода съ Греческаго словъ Василія Великаго можно зимою и прямо отправиться домой, гдѣ и объяснить, что сегодня на послѣднихъ часахъ Греческій языкъ. (Весною можно отправиться купаться въ прудъ, гдѣ-то около Семинаріи, съ платою, кажется, 2 коп. съ человѣка).

Уходили не только отъ Филипчика, но и отъ Шаврова, у котораго особенно скучали не умѣвшіе въ геометріи отличить точку отъ линіи. И зачѣмъ сидѣть? Одна единица и такъ уже есть въ классномъ журналѣ у Шаврова. На что нужна другая да еще съ предисловіемъ отъ Шаврова: — Какой же, братецъ, написалъ ты уголь? Развѣ такіе углы бываютъ? Ты, очевидно, дуракъ...

А то, у кого есть деньги, всего лучше тому отправиться въ «Катышевъ», т. е. трактиръ Катышева, помѣщавшійся близъ Семинаріи только черезъ переулокъ. Но Катышевъ не всякому доступенъ: тамъ на троихъ подадутъ 4 пары чаю за 20 коп., а если съ молокомъ, что особенно пріятно постомъ, то еще надо 5 коп., а если съ хлѣбомъ, то еще 5 коп. Въ Катышевъ ходили преимущественно пѣвчіе изъ семинаристовъ, у которыхъ отъ «халтуръ» всегда водились порядочныя деньги. Мнѣ приходилось тамъ угощаться не иначе, какъ въ видѣ гонорара за написанное сочиненіе. Гонораръ этотъ не шелъ далѣе чая съ молокомъ и хлѣбомъ.

Но всѣ подобныя уходы отъ классовъ начались только со втораго года пребыванія въ реторикѣ, когда власть цензоровъ, обязанныхъ отмѣчать отсутствующихъ, поизносилась. Паденію этой власти особенно содѣйствовало пониженіе самихъ цензоровъ по списку: цензоръ послѣ первой же пересадки оказался въ началѣ третьяго десятка, а подцензоръ даже въ четвертомъ десяткѣ. А такъ какъ между нами авторитетъ хорошаго ученика былъ выше всего, то наша администрація, понизившись по списку, лишилась даже въ собственныхъ глазахъ навязаннаго ей авторитета. Цензоръ и подцензоръ, а подають чужія сочиненія!

Побѣги изъ классовъ особенно усилились съ нашимъ переходомъ въ «Философію», гдѣ къ «Степану», напр., человѣкъ изъ 60 ходило человѣка 2—3. «Степанъ» читалъ физику и естественную исторію. Онъ дѣйствительно читалъ скороговоркой изъ толстой какой-то тетради. Никто его не слушалъ, съ тетради его никто не списывалъ, даже не просилъ ея у него; разъ, кажется, въ годъ Степанъ спросилъ человѣка 5, поставилъ всѣмъ по единицѣ. На экзаменѣ частномъ «изъ Степана» сошлись не спрашивали. Для публичнаго экзамена, вѣроятно, Степанъ

умаслилъ кого-нибудь отвѣчать. Но это ужъ ихъ дѣло. А между тѣмъ одинъ только Степанъ и имѣлъ свою, а не унаслѣдованную отъ предковъ тетрадь. Помимо общаго нехожденія къ Степану, на половину не ходили къ С. Д. Писареву, преподававшему Священное Писаніе Ветхаго Завѣта въ среднемъ отдѣленіи. Писаревъ непрестанно теръ рукою свою бритую щеку, толковалъ книгу Іова и все объяснялъ, какъ какое мѣсто у Іова «точнѣе съ Еврейскаго». Помню одно: отъ «точнѣе съ Еврейскаго» получался часто переводъ, не имѣющій ничего общаго съ Греческимъ переводомъ. Кто былъ тутъ причиненъ: 70 толковниковъ или одинъ толковникъ Писаревъ?

Когда въ эти времена побѣги участились, начальство обратило на это вниманіе и распорядилось было шинельную запереть, запереть и боковую выходную дверь. Уйти не въ чемъ и некуда, ибо по главному входу не пойдешь. Но догадливые ученики ухитрились спастись черезъ архитекторскія квартиры, а другіе догадались выставить обѣ рамы лѣтнюю и зимнюю въ «ватеръ» и преспокойно уходили чрезъ это отверстіе, а дабы не идти мимо ректорской и инспекторской квартиръ, перелѣзали черезъ заборъ семинарскаго сада. Лѣтомъ и весною приходили безъ верхняго платья, а фуражку помѣщали въ карманъ сюртука. Просто и удобно!

Странное дѣло: изъ учениковъ, такъ неукоснительно спасавшихся отъ физики «Степана», нѣкоторые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приготовляясь къ Университету, садились за ту же физику.

Неукоснительно подымаясь по списку, я, послѣ третьяго семестра записанъ пятымъ. Выше меня стояла большею частью профессорская родня. Не рѣшаюсь утверждать, чтобы она была того недостойна, но во всякомъ случаѣ у меня-то не было никакой протекціи. Школьное самолюбіе пока удовлетворялось, школьная карьера складывалась прочно. И товарищами и мною самимъ ожидалось дальнѣйшее повышеніе. И какая разница съ тѣмъ, что было только полтора года тому назадъ! Едва тогда перетащенный въ Семинарію, теперь я въ числѣ избранныхъ, рѣдкостный экземпляръ, способный отвѣчать предъ митрополитомъ Филаретомъ изъ невѣдомой никому (даже и профессорамъ) математики. А между тѣмъ я или не учился или ученіе оставалось для меня безплоднымъ. Духовному моему росту содѣйствовалъ только отецъ, производя съ перомъ въ рукѣ безконечный анализъ моихъ письменныхъ работъ. Пищею для меня служило внѣклассное чтеніе «Русскаго Вѣстника» съ украшавшими тогда его Губернскими Очерками Щедрина и «Русской Бесѣды» съ такими основательно усвоенными мною статьями, какъ «О положительномъ и отрицательномъ направленіи въ Русской литературѣ» Иванцова - Платонова (будущаго моего сослуживца по Во-

енному Александровскому училищу). Этими книгами снабжалъ меня Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Кромѣ журналовъ, читалъ я въ это время образцовыхъ представителей церковнаго краснорѣчія, Филарета, митрополита Московскаго, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, котораго предпочиталъ по его теплотѣ холодному разсудочному только Филарету, Тихона Воронежскаго краткія хріи, Путятина всегда краткое и живое слово, наконецъ католическихъ проповѣдниковъ Массильона, Боссюэта, Бурдалу. Купилъ «Чтенія о словесности» И. И. Давидова и удивлялся, насколько эта книга полнѣе и интереснѣе семинарскихъ тетрадокъ о томъ же предметѣ. Читалъ «Записки на книгу Бытія» митрополита Филарета. Прочихъ книгъ не припомню. Перечиталъ также множество Французскихъ переводныхъ романовъ подъ руководствомъ Василя Лебедева, всегда умѣвшаго объяснить: ты сперва читай «Три Мушкетера», а потомъ я тебѣ дамъ «20 лѣтъ спустя». Но все это нисколько не удовлетворяло, а впереди предстояла лишь сомнительная надежда на «философію», преподаваемую въ среднемъ отдѣленіи, такъ и называемомъ «философіею».

Между тѣмъ школьная дисциплина со дня на день падала. Двухчасовые уроки съежились въ получасовые, но и на тѣ могли мы не ходить, не представляя каждый разъ, какъ прежде, отъ отца свидѣтельства съ церковною печатью о болѣзни. Умъ тосковалъ въ праздности, и не было между «профессорами» человѣка съ талантомъ или съ знаніемъ. Съ какою жадностью бросились бы мы его слушать! Былъ впрочемъ талантливый профессоръ Алексинскій, но онъ училъ въ богословскомъ классѣ и читалъ гомилетику, т.-е. науку о церковномъ краснорѣчіи.

Куда же дѣться? Куда уйти? Нѣтъ нормальнаго исхода молодымъ силамъ, нѣтъ удовлетворенія голодающему духу. Остается броситься въ сторону, забыться въ чемъ-нибудь внѣшнемъ, постороннемъ. Двое сбѣжали въ Университетъ въ медики; Василій Лебедевъ цѣликомъ отдался театру. У него и деньги на это были: онъ ежедневно читалъ вслухъ Псалтырь какому-то старцу Шепелеву и получалъ за то ежемѣсячно по 10 руб. Но не всѣмъ же читать Псалтырь, да и гдѣ наберешь охотниковъ слушать эту книгу?... Куда же дѣться? Чѣмъ наполнить праздный умъ? Одинъ изъ насъ Воскресенскій все сидѣлъ и читалъ разныя божественныя книги. Онъ, можетъ быть, уйдетъ въ монахи, онъ нашелъ себѣ призваніе; но это серьезное настроеніе дано не каждому. Что же остается еще? Карты! И дѣйствительно, казеннокоштные всѣ почти поголовно предались картамъ, за неимѣніемъ денегъ расплачиваясь чистою писчею бумагою. Иные счастливые игроки накапливали у себя выигранной бумаги стопы 2-3. У своекоштныхъ тоже заводилась игра. Цензоръ Пав-

ловскій познакомилъ меня съ ученикомъ другого отдѣленія «старымъ», нѣкимъ Иваномъ Ивановичемъ, по прозвищу Шишкинымъ (ибо онъ имѣлъ на лбу огромный желвакъ). Шишкинъ былъ сынъ важнаго Московскаго протоіерея. Разъ я былъ у него, игралъ въ карты съ нимъ и Павловскимъ; было, кажется, и угощеніе отъ родителей. Но мое всегдашнее отвращеніе отъ картъ, да и царившая въ семьѣ важная протопопская пошлость не допустили меня къ дальнѣйшему участію въ этой компаніи. Куда же дѣться? Гдѣ забыться?

Въ это время я сидѣлъ уже въ началѣ первой лавки рядомъ съ В. И. Гр—мъ, который, не принадлежа къ профессорской роднѣ, былъ выше меня по списку. Чувствуя къ нему за то нѣкоторое уваженіе, я естественно сталъ сближаться съ нимъ; думается, что и онъ не могъ отказать въ уваженіи мнѣ, все подымавшемуся по списку безъ всякой внѣшней опоры. Мы сблизились. Но В. И. Гр—въ былъ не по лѣтамъ развращенъ. Гр—въ былъ близокъ съ нѣкимъ второряряднымъ, если не третьеразряднымъ, богословомъ Василиемъ Михайловичемъ. Этотъ послѣдній былъ и пьяница и развратникъ, способный на всякую пакость. Довольно сказать, что, числясь въ богословскомъ классѣ, онъ былъ вольнонаемнымъ писцомъ въ кварталъ и дружился съ полицейскими унтерами. Не понимаю, какъ Гр—въ, способный и талантливый, могъ сближаться съ такою гадinou. Неужели самолюбіе ритора Гр—ва подкупалось тѣмъ, что пріятель его богословъ? Но риторъ Гр—въ писалъ проповѣди для этого богослова изъ квартала. Какъ бы то ни было, черезъ Гр—ва къ концу реторическаго курса познакомился и я съ богословомъ Василиемъ Михайловичемъ. Сначала меня, дѣйствительно, обольстила мысль, что новый мой пріятель—богословъ; но скоро, раскусивъ этого негодая, я разорвалъ съ нимъ всѣ отношенія, да и съ Гр—мъ кстати ужъ. Наше забуддыжничество ограничивалось пьянствомъ и хвастливыми разказами Василій Михайловича о своихъ скотскихъ похожденіяхъ въ различныхъ прачечныхъ.

Изъ этого непродолжительнаго періода своей жизни помню только слѣдующіе эпизоды, чѣмъ, кажется, и ограничилось мое участіе въ этой пьяной компаніи.

Разъ пріятели привели меня въ какую-то прачечную, гдѣ и напоили до-пьяна водкою, которую пили чайными стаканами. Мертвецы пьянаго уложили меня въ кухню Василя Михайловича, жившаго у брата, кажется, весьма порядочнаго человѣка, медика, служившаго гдѣ-то въ казенномъ мѣстѣ. Хорошаго онъ долженъ былъ быть мнѣнія о пріятелѣ своего братца! Другой разъ, часу въ 4-мъ утра, затащили меня пріятели въ питейный домъ; стоя у «стойки», мы пили отвратительную «ратафію» съ запахомъ апельсинной корки. Жена кабатчика стала что-то нашеп-

тивать своему мужу.—Что ты врешь! Развѣ можетъ это быть?.. отвѣчалъ ей супругъ. — Нѣтъ, ужъ я тебѣ говорю вѣрно...

Чуя что-то неладное, я спросилъ кабатчика, въ чемъ это она его увѣряетъ.—Да вотъ дура баба говоритъ, будто бы вы сынъ батюшки отъ Ивановскаго монастыря. А я говорю: развѣ сынъ батюшки пойдетъ въ такое мѣсто? Горько мнѣ сдѣлалось отъ такого изобличенія, и я пораспѣшилъ убраться вонъ.

Наконецъ въ третій разъ совсѣмъ пьянаго затащили меня, гдѣ-то на Патріаршихъ прудахъ въ какой-то вертепъ, хуже прачечной.... Я съ содроганіемъ омерзѣнія и ужаса..., не простившись съ пріятелями, бѣгомъ сбѣжалъ по темной лѣстницѣ и отправился домой, освѣжая свою голову водою чуть не у каждаго фонтана, попадавшагося мнѣ по дорогѣ домой. Не понимаю, какой интересъ находили мои пріятели спаивать и развращать меня. Я даже не могъ участвовать въ ихъ денежныхъ расходахъ.

Наконецъ духовные мои глаза прозрѣли бездну, куда влекли меня пріятели, куда за ними слѣдовалъ я, хотя не вслѣдствіе наклонности съ оскотѣнію, а по одному лишь невѣдѣнію, слѣдуя прежде всего авторитету Гр—ва, какъ «самаго умнаго» между товарищами, и Василя Михайловича, какъ «богослова». Послѣ этого кратковременнаго пьянаго періода, я былъ какъ слѣдуетъ пьянъ только однажды, при началѣ лекцій на второмъ курсѣ Университета. Не ради похвалы дѣлаю эту оговорку, ибо трезвость не есть еще добродѣтель, а только отсутствіе порока, но ради возраженія, будто бы молодыхъ людей приучаютъ къ пьянству товарищи, а не сами они привыкаютъ.

Ко времени этой реакціи относится возобновленіе мною дневника послѣ 1-го года и 8-ми мѣсячнаго перерыва. Первая статья Дневника озаглавлена: «Наша послѣдняя оргія и ея послѣдствія». Воспользуюсь ею для изображенія этой «оргіи», хотя это слово и слишкомъ громко для глупой исторіи.

5 Мая 1858 г. Василій Михайловичъ пригласилъ Гр—ва и меня «вспрыснуть» какую-то его предполагаемую побѣду. Послѣ классовъ Гр—въ повелѣлъ меня къ себѣ, гдѣ мы и пообедали, а вечеромъ отправились къ Василю Михайловичу, гдѣ выпили «очищенной», анисовой и меду. Потомъ вчетверомъ, съ участіемъ полицейскаго унтера Проскурина, пошли шляться по Патріаршему пруду и смежнымъ съ нимъ переулкамъ, послѣ чего часу въ 1-мъ отправились ночевать къ Василю Михайловичу, кромѣ унтера, «который ушелъ въ будку». Мы втроемъ улеглись на сѣнникѣ на перинѣ. Василій Михайловичъ сталъ какъ-то «подозрительно храпѣть». Мы тоже рѣшились притвориться спящими. Храпѣли мы съ Гр—мъ съ четверть часа и хотѣли уже прекратить

эту комедію», какъ Василій Михайловичъ сталъ насъ пощупывать, подергивать за волосы и стаскивать наши шинель и пальто, которыми, вмѣсто одѣяль, мы были одѣты. Пьяница этотъ хотѣлъ обобрать наше верхнее платье и заложить «тещѣ». Наконецъ эти штуки надоѣли мнѣ, и я со всего размаха ударилъ Василія Михайловича ладонью по спинѣ. Онъ какъ будто бы проснулся и началъ всячески привязываться къ намъ, кричать, драться. Во избѣжаніе непріятностей, я и Гр—въ поспѣшили одѣваться, чтобы бѣжать. Но не тутъ-то было: Василій Михайловичъ схватить то сапогъ, то картузъ, то скюртукъ да и вышвырнуть за окно. Поди, слѣзай ночью съ сѣнника да ищи ихъ. Наконецъ мы собрали всю свою одежду; недоставало только моего скюртука. Я сталъ требовать его у Василія Михайловича.

— Пойдемъ, пойдемъ къ Овчаренко, къ Ильѣ Герасимовичу! приглашалъ меня въ кварталъ Василій Михайловичъ.

Я какъ-то вырвался съ сѣнника да бѣжать; Василій Михайловичъ за мною съ палкою. Потаскавши другъ друга, мы разстались на Патріаршихъ прудахъ. Скюртукъ мой отыскала потомъ кухарка Василія Михайловича. Былъ уже въ исходѣ 3-й часъ утра. Куда дѣться? Мы съ Гр—мъ проходили и просидѣли на бульварѣ до 7 часовъ утра, при чемъ для сокращенія времени заходили къ заутренѣ въ Страстной и Петровский монастыри. Пришли въ классъ и заснули на своей первой лавкѣ, положивъ головы на столъ. 1-й классъ былъ Кедрскаго по словесности. Только при его входѣ успѣлъ я протереть глаза, какъ Кедрскій возгласилъ: — Гиляровъ! отвѣчайте съ мѣста.

Я началъ: «Описаніе есть такое произведеніе, въ которомъ»... прочиталъ урокъ какъ-то очень вяло и даже не на всѣ «возраженія» отвѣтилъ, за что и получилъ 5, «хотя простыхъ пятерокъ у меня давно уже не было, а были все 5+».

Послѣ класса встрѣчается со мною Василій Михайловичъ, извиняется въ утренней исторіи и говоритъ: — Чтò, батенька, пренепріятнѣйшая исторія! Вѣдь какъ мы съ вами дрались на Патріаршихъ прудахъ, въ будѣ былъ частный приставъ, все видѣлъ и поручилъ Проскурину разыскать къ 8 часамъ, кто это дрался.

Я, по неопытности, испугался полицейскаго подвоха отъ «богослова изъ квартала», не сообразивъ, что и оскорбленіе наше было обоюдно, и унтеръ Проскуринъ нашъ пріятель, и частный не станетъ по ночамъ сидѣть въ будкѣ, да и едва ли ему интересна наша прошлая драка.

— Чтò, батенька, продолжалъ пугать меня Василій Михайловичъ, гордый своими знаніями практики квартала: вѣдь въ 12 часовъ квартальный будетъ рапортовать частному приставу, а въ 4 часа вечера частный приставъ будетъ рапортовать оберъ-полицеймейстеру. Плохо!

Меня увольятъ съ худымъ поведеніемъ, васъ также, если Проскуринъ назоветъ насъ по имени.

Я, не догадываясь о шантажѣ, посоветовался съ Гр-мъ, и мы рѣшили: если Проскуринъ назоветъ наши фамиліи, я и Василій Михайловичъ дадимъ частному приставу 5 р. с., чтобы потушить это дѣло. Но шантажъ скоро обнаружился. Я сообщилъ всю эту исторію цензору Павловскому. Тотъ, должно-быть, былъ опытниѣ насъ.

— Почему же, спросилъ онъ меня, вздумалъ онъ требовать, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заплатились только вы, Гр-ва оставивъ въ покоѣ? Вѣдь вы всѣ трое одинаково причастны этой исторіи.

— Не потому ли, замѣтилъ я, онъ не требуетъ съ Гр-ва денегъ, что ужъ разъ надулъ его на 8 р., когда взялся представить повѣсть Гр-ва въ Цензурный Комитетъ, а потомъ еще надулъ его на 2 рубля? Это была бы съ Гр-ва третья шкура, а съ меня только вторая.

Почему Василій Михайловичъ, продолжали размышлять мы съ милымъ и добрымъ Павловскимъ, не захотѣлъ прекратить это дѣло до 12 часовъ утра? Развѣ въ кварталъ не могъ онъ по знакомству обработать все это дѣло даромъ? Неужели его задержала необходимость быть на первомъ урокъ, по которому у него въ журналѣ такъ много отмѣтокъ abs.? Чтѣ важнѣ лишній abs. или рискъ исключенія изъ Семинаріи? Почему онъ сбивается, утверждая, что дѣло наше поступить къ оберъ-полиціймейстеру не въ 4 часа, но въ 6? Ясно, онъ хочетъ содрать съ меня два съ половиной р. с.

Сообразивши это, дипломатъ Павловскій сталъ влѣзать въ душу Василя Михайловича, говоря: — У Ѳ. А-ча много денегъ; вотъ мы съ вами повыжали бы изъ него сокъ этой полиціей.

Не ограничиваясь этимъ, Павловскій и пугнулъ Василя Михайловича.—Прежній частный приставъ Тверской части Ильинъ, сталъ онъ увѣрять недалекаго шантажиста, близкій родня Ивану Ивановичу Шишкину. Я поѣду съ Шишкинымъ къ Ильину и посоветуюсь съ нимъ.

Все это сбило Василя Михайловича съ толку, и онъ признался Павловскому, что вся опасность для насъ есть его вымыселъ, что ему хотѣлось только надуть меня на 2 р. 50 коп. Тогда я, «чтобы совершенно «искоренить эту исторію» далъ Павловскому 20 копѣекъ, на которыя онъ долженъ былъ подпоить Василя Михайловича, а тотъ, выпивши, признается окончательно во всемъ. Въ концѣ концовъ самъ Воздвиженскій признался мнѣ въ своемъ неудачномъ шантажѣ, послѣ чего я и прекратилъ съ нимъ всякія отношенія. Но онъ не унимался и грозился мнѣ сдѣлать какую-то полицейскую гадость.

— Чтѣ, Иванъ Дмитріевичъ говоритъ онъ прп этомъ нашему цензору: я ужъ совсѣмъ совѣсть потерялъ.

Безсовѣстнаго пантажиста-богослова-полиціанта удалось укротить угрозою пожаловаться на него «Яшагу» чрезъ родственниковъ послѣдняго, съ которыми я сталъ сближаться по разрывѣ съ этою пьяною компаніею. Поведеніе Гр-ва въ этой исторіи тоже оказалось двусмысленнымъ, а потому я и отъ него сталъ удаляться, особенно послѣ его насмѣшекъ надъ моимъ бѣгствомъ изъ веселаго дома.

Мнѣ сильно хотѣлось послѣ этого сблизиться съ «порядочными» товарищами. Такимъ представлялась, да и въ дѣйствительности была, «профессорская родня»: два брата «Яшага» Павелъ, мой однокурсникъ, и Николай - философъ, потомъ Александръ Осиповичъ, 1-й ученикъ нашего отдѣленія, и Хрисанъ. Почвою для такого сближенія оказалось сезонное удовольствіе—гулянье въ Александровскомъ саду и на бульварахъ въ тѣ дни, когда тамъ играла полковая музыка. Гулянья эти повели къ знакомству съ какими-то, какъ казалось намъ, «цвѣточницами», довольно приличными по костюму и держанью себя. Для меня это было первое чужое женское общество. Одна изъ этихъ цвѣточницъ, самая юная и скромная, Юлія, весьма понравилась обоимъ моимъ друзьямъ Павлу и Николаю, и она такъ меня упрекала въ равнодушіи къ ней, что вынудила меня даже на оправдательное письмо къ Павлу. Въ письмѣ этомъ сообщаю весьма подробно о послѣдней своей съ Николаемъ прогулкѣ съ «цвѣточницами». На этой прогулкѣ я узналъ, будто бы Юлія пріѣхала изъ города Данилова, Ярославской губерніи, не надолго къ «сестрамъ» гостить, послѣ чего скоро и возвращается «назадъ». Послѣ нашихъ долгихъ бесѣдъ и приставанія различныхъ кавалеровъ къ нашимъ дамамъ, сестры «цвѣточницы» начали намъ очень прозрачно намекать на кондитерскія, на питье чая, на то, что у каждой изъ нихъ есть свой номеръ въ гостиницѣ и когда мы пошли провожать ихъ на Софійку, гдѣ, по ихъ словамъ, онѣ жили въ мастерской искусственныхъ цвѣтовъ, онѣ повели насъ по Срѣтенкѣ. Тогда мы рѣшительно воспротивились за ними слѣдовать.

Провожая оттуда Николая въ Семинарію, мы дорогою вспоминали несчастнаго Гоголевскаго художника Пискарева.

Черезъ нѣсколько дней я увѣдомилъ Николая, что, гуляя въ Александровскомъ саду, нѣсколько разъ встрѣчалъ нашихъ «цвѣточницъ», раза три пытался поклониться имъ, но онѣ «какъ будто не замѣчаютъ этого». Наконецъ вижу: сидятъ онѣ и любезничаютъ съ какими-то купчиками. «Я съ сожалѣніемъ и почти съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ; онѣ въ отвѣтъ презрительно улыбнулись». Казалось бы послѣ такого обоюднo-выраженнаго презрѣнія, должно было бы кончиться наше знакомство; но мы еще раза два гуляли въ Александровскомъ саду, при чемъ одна изъ сестеръ увѣряла меня, что она воспитывалась въ пан-

сіонѣ и училась по-французски и по-нѣмецки, но что одну изъ ея «сестеръ» «вся Москва знаетъ: спросите кого хотите».

Наконецъ надвигавшіеся экзамены заставили прекратить это бульварное знакомство, объ истинномъ характерѣ котораго, не смотря на самыя ясныя улики, я, 18-ти лѣтній юноша, все еще не догадывался.

Отношенія съ Павломъ и Николаемъ продолжались. Съ Павломъ мы сошлись даже на «ты», хотя и побывали другъ у друга только по одному разу. Я былъ у него на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ (вотъ какъ богато они жили!), время тамъ провелъ необычайно весело, гулялъ, купался, катался на лодкѣ. «Павелъ писалъ мнѣ такія вещи, которыя знаютъ только онъ, Богъ да его дневникъ. Николай, показалось мнѣ, довольно гордо обошелся со мною». Онъ старше меня курсомъ, хотя учится очень посредственно. Потому-то, должно быть, при слѣдующей встрѣчѣ съ Николаемъ на Тверскомъ бульварѣ, я нарочно завелъ разговоръ о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ (которые Николай, какъ «философъ» уже изучалъ въ Семинаріи, а я еще нѣтъ): о Спинозѣ и его ученіи, объ Эпикурѣ и его ученіи, объ опроверженіи ихъ системъ. Вѣроятно, эти преждевременныя философскія свѣдѣнія почерпнулъ я изъ исторіи философіи Зедергольма. Впрочемъ я тогда читалъ также «Философскій Лексиконъ» и даже Платоновъ переводъ Карпова. Не довольствуясь обнаруженіемъ свѣдѣній по предстоящему еще только мнѣ классу философіи, я залѣзъ и въ богословскій классъ, куда Николай только еще поступалъ: говорилъ о духовномъ образованіи и объ образованіи свѣтскомъ, о патристикѣ и о проповѣдяхъ и т. д. Я нарочно старался истощить донельзя свои свѣдѣнія по философіи и богословіи и успѣлъ. Самъ не знаю откуда явились у меня и такія мысли, и такой даръ слова.

Успѣхъ мой у профессорской родни превзошелъ мои ожиданія. Товарищи эти признались мнѣ, что они намѣрены издавать рукописный журналъ. «Они и меня приглашали въ сотрудники и даже, пожалуй, въ редакторы этого журнала». Я колебался, принять это предложеніе или нѣтъ: принять, значить отрываться отъ своего учебнаго дѣла; не принять, уронить себя во мнѣніи «профессорской родни». Мальчишеское самолюбіе одержало верхъ, и я даже пошелъ дальнѣе: рѣшилъ, что если я полажу съ своими издателями, то буду издавать самъ свой журналъ. Въ силу этого рѣшенія я тотчасъ же принялся заготовлять матеріалъ: началъ писать уличныя сцены, гдѣ изобразилъ въ весьма отвратительномъ видѣ себя, Гр-ва и Василія Михайловича (сцены и сейчасъ у меня цѣлы). Была у меня начатая статья «Семейныя сцены»; ее рѣшилъ я окончить. «Кромѣ того (замѣчаетъ Дневникъ) у меня бродитъ въ головѣ множество темъ, напр., нѣчто въ родѣ обличительной рѣчи про-

тивъ хамова отродья (т. е. тѣхъ семинаристовъ, которые занимають мѣста въ спискѣ не по способностямъ и прилежанію, а по протекціи родственниковъ). Сверхъ такой статьи, мѣтившей не въ бровь, а прямо въ глазъ своимъ друзьямъ - журналистамъ, у меня были темы и общаго характера, напр., «почему не такъ смотрятъ на семинаристовъ, какъ должно?» «Что такое семинаристы въ настоящее время?».

Сколь ни дѣтски были всѣ эти мечты, сближеніе съ профессорскою роднею было безконечно благотворнѣе для меня общества Гр—ва, хотя тотъ былъ и гораздо умнѣ этихъ «среднихъ людей», внѣшне и внутренне весьма приличныхъ. Но положительную пользу я получилъ отъ нихъ одну: прочелъ данную мнѣ Павломъ и весьма расхваленную имъ «Макробіотику» Гуфеланда, изъ которой къ инстинктивному своему отвращенію отъ подругъ В. Гр—ва и религіозному убѣжденію въ «грѣхѣ» получилъ на помощь вѣскія фізіологическія доказательства.

Кедрскій поручилъ мнѣ составить билеты изъ словесности къ экзамену. Такое чрезвычайное порученіе давало надежду на мое повышение. Къ устному экзамену изъ словесности я былъ готовъ, но по остальнымъ предметамъ въ началѣ Іюня еще «ничего не зналъ». По словесности вновь получилъ 5+, а по геометріи небывалое у другихъ 7.

Во второй половинѣ Іюня мы прощались съ своими преподавателями. Филипчику на прощанье подарили книгу «Училище Благочестія». «Училище Благочестія», сборникъ церковно-историческихъ разсказовъ, я облюбовалъ еще въ дѣтствѣ. Когда рѣшался вопросъ, какую книгу поднести нашему ректору, я предложилъ эту довольно дѣтскую книгу. Выборъ мой былъ одобренъ товарищами. А потому мнѣ, какъ рѣшившему трудную задачу при выборѣ книги, и поручено было поднести Филипчику этотъ экземпляръ, при чемъ я, помня, какъ выручилъ меня Филипчикъ полтора года тому назадъ, когда мы оба отъ конфуза сыграли «столбовъ», сказалъ ему съ чувствомъ:

— «Филиппъ Алексѣевичъ, признательные ученики просятъ васъ принять эту книгу на память». — Г—да! отвѣчалъ почти со слезами милый «Филипчикъ»: я этого никогда не забуду!

Кромѣ Филипчика, купили мы подарокъ еще Кедрскому, письменный приборъ. Прочіе «профессора» ничего не получили. При поднесеніи подарка Кедрскому, Гр—въ сказалъ рѣчь, а на другой день отнесъ къ нему письменный экземпляръ этой рѣчи.

ВОСПОМИНАНІЯ Ф. А. ГИЛЯРОВА*).

Въ Московской Духовной Семинаріи.

Отзывъ Кедрскаго, котораго я считалъ до сихъ поръ человѣкомъ благороднѣйшимъ, больно уязвилъ мое школьное честолюбіе. «Можетъ быть (отмѣтилъ я въ Дневникѣ) не одинъ Кедрскій поступаетъ такъ; можетъ быть и другіе профессора въ другихъ отдѣленіяхъ также будутъ говорить, что я стою быть выше, а представленъ низко. Такъ не лучше ли послѣдовать совѣтамъ Кедрскаго и поступить въ Университетъ?»

Робкая мечта объ Университетѣ, впервые появившаяся около двухъ лѣтъ тому назадъ въ бесѣдѣ съ Владимиромъ, повторена была въ видѣ рѣшительнаго совѣта, и къмъ же? Кедрскимъ, глубоко любимымъ и уважаемымъ мною, хотя и жестоко оскорбившимъ меня своею несправедливостью.

Гр—въ тотчасъ же и послѣдовалъ совѣту Кедрскаго. Для медика не нужно было предварительной подготовки; но мнѣ, питавшему отвращеніе къ медицинѣ, предстоялъ еще долгій и тяжелый трудъ самообразованія.

Несправедливость Кедрскаго сознавалась не однимъ мною. «Почти всѣ наши хорошіе ученики (значится въ Дневникѣ) остались недовольны несправедливостью Кедрскаго; даже тѣ, съ кѣмъ я въ худыхъ отношеніяхъ, говорили, что меня слѣдовало бы по крайней мѣрѣ записать четвертымъ». Тѣмъ не менѣе я началъ усиленно готовиться къ экзаменамъ вмѣстѣ съ Василиемъ Лебедевымъ.

На экзаменѣ изъ «второстепенныхъ» предметовъ меня спросили только изъ геометріи. На экзаменѣ изъ словесности мое школьное честолюбіе снова было уязвлено. На билетъ я отвѣтилъ очень хорошо. Когда я сталъ уходить, Кедрскій сказалъ громко: «Вотъ Гиляровъ славно пишетъ сочиненія, лучше всѣхъ». Въ отвѣтъ на это ректоръ посмотрѣлъ, какимъ значусь я по списку и—зѣвнулъ. Повидимому, Кедрскому

*) См. выше, стр. 60.

хотѣлось, чтобы повысилъ меня ректоръ, черезъ что онъ снялъ бы съ себя отвѣтственность въ пониженіи профессорской родни.

*

А что же наша семейная домашняя жизнь на горѣ у Князя-Владимира? Она за эти два года какъ-то замерла, и память моя ничего о ней не сохранила: половину дня я проводилъ въ Семинаріи, другую половину дня возился съ сочиненіями или что-либо читалъ. Центръ тяжести моей жизни перешелъ въ школу. Но къ веснѣ 1858 года кое-что накопилось и въ нашихъ семейныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; явились также и новыя знакомства.

Прежде всего отмѣчу свое сближеніе со старшимъ братомъ. Онъ почти у насъ не бывалъ, но я ежемѣсячно долженъ былъ ходить къ нему за полученіемъ отъ него субсидіи нашей семьѣ, сначала въ 10, а потомъ, когда онъ сдѣлался секретаремъ въ Магистратъ, 15 р. въ мѣсяцъ. Юноша по 18-му году, серьезный и степенный, я могъ представляться 28-ми лѣтнему брату настолько взрослымъ, что онъ счелъ возможнымъ познакомить меня съ своею семейною жизнью. «Домина», съ которою онъ жилъ, оказалась очень скромною и совершенно безличною особою, старавшеюся однако нѣсколько удерживать его отъ кутежей. Съ его Надеждою Михайловною я провелъ не одинъ вечеръ, дожидаясь возвращенія брата, большею частью ночью, черезъ что мнѣ оставалось у него ночевать. Должность кухарки исправляла, повидимому, мать Надежды Михайловны. На столъ братъ давалъ ежедневно 50 коп., да за квартиру у Іоанна Богослова на Бронной платилъ 15 рублей, за четыре комнатки съ кухней. Плохое домашнее питаніе я поправлялъ здѣсь чаемъ съ сахаромъ, молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, а иногда и очень наварными скоромными щами. Петръ ввелъ меня даже въ общество своихъ пріятелей, къ сожалѣнію, кутилъ (Никитскаго, своего сослуживца, изъ университетскихъ студентовъ, но пропившаго все свое образованіе). Подробности семейной жизни брата и вообще его поведенія нигуда черезъ меня не выходили. Въ Дневникѣ моемъ даже зашифрованы всѣ подробности моихъ посѣщеній брата. Надежда Михайловна, повидимому, цѣнила меня, общалась даже, но не исполнила, рекомендовать мнѣ урокъ у какихъ-то ея знакомыхъ, что заставило меня съ увлеченіемъ мечтать: «Въ такомъ случаѣ я сталъ бы одѣваться на свой счетъ и избавилъ бы отъ нужды и родителей своихъ, и кромѣ того у меня водились бы денежки. А то плохо жить безъ денегъ».

У брата познакомился я съ какимъ-то гусаромъ Любимовымъ и по усиленной его просьбѣ собрался наконецъ къ нему. Составилась компанія: братъ и Надежда Михайловна, Любимовъ и его сожительница

Александра Васильевна и я, вчерашній «риторъ», завтрашній «философъ». Братъ полѣзъ въ подвалъ помочь въ чемъ-то Александрѣ Васильевнѣ по части угощенія; тотчасъ же гусаръ «наливаетъ мнѣ рюмку водки и съ словами и выраженіемъ на лицѣ не допускающими никакихъ возраженій, заставляетъ меня, противъ моей воли, выпить». Вскорѣ потомъ возвратилась и Александра Васильевна. — Какъ вамъ правится наша квартира? спрашиваетъ она меня.

Я, разумѣется сталъ расхваливать дѣйствительно миленькую ихъ квартиру. — Да вы еще не видѣли ее хорошо-то, говоритъ Александра Васильевна. Пойдемте-ка, я вамъ покажу всю ее.

Осмотрѣлъ я всѣ комнаты; приходимъ наконецъ въ самую отделенную. Александра Васильевна точно такъ же, какъ раньше ее сожитель, «подноситъ мнѣ рюмку водки и, рѣшительно не принимая никакихъ ни просьбъ, ни возраженій, заставляетъ меня выпить». Возвратились мы оттуда какъ ни въ чемъ не бывало.

За ужиномъ братъ и гусаръ долго говорили о предстоящей мнѣ карьерѣ, совѣтывали идти въ Духовную Академію и, окончивши курсъ магистромъ, идти въ духовное званіе. Я возражалъ имъ, указывая на преимущество свѣтскаго званія, хотя и по окончаніи академическаго курса. Мою сторону приняли Надежда Михайловна и Александра Васильевна и принялись смѣяться надъ братомъ и гусаромъ.

— Ишь! сами-то до сихъ поръ неженаты, а молодому человѣку совѣтуютъ тотчасъ по окончаніи курса жениться. Пора спать послѣ сытнаго ужина. Я нѣкоторое время мечталъ о прелестяхъ жизни Московскаго попа-магистра, но мечталъ одинъ только этотъ вечеръ.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ изъ Костромы дядя Павелъ Ѳедоровичъ Островскій съ своимъ племянникомъ Павломъ Ивановичемъ Андрониковымъ, котораго бездѣтный дядя, любя какъ сына, весьма желалъ сосватать съ одною изъ моихъ сестеръ (о чемъ сообщила мнѣ мать, вообще весьма сдержанная). Пріѣзжіе гости были и у брата со мною и маменькою, которая на сей разъ, кажется, впервые была у Петра, при чемъ «прелестница», по строгости тогдашнихъ правилъ, куда-то скрылась.

Съ Андрониковымъ я скоро подружился, и онъ потомъ даже велъ со мною частную и обширную переписку, послѣ того какъ сестра погостила въ Костромѣ, пока рѣшительный отказъ сестры отъ несимпатичной ей партіи не разстроилъ нашихъ отношеній.

Вѣроятно, за эти два я видался и съ дядею Никитою Петровичемъ, но память ничего не сохранила объ этихъ свиданіяхъ. Изъ записей по возобновленіи Дневника оказывается, что отношенія наши упрочились, что дядя началъ уже не стѣсняться въ сообщеніи мнѣ вещей нецензур-

ныхъ, хотя самъ оставался цензоромъ, умиѣйшимъ и либеральнѣйшимъ между своими товарищами.

Вотъ что, напримѣръ, сообщилъ мнѣ Н. П-чъ 13 Мая 1858 года, когда я провелъ у него цѣлый вечеръ. Петръ I-й устраивалъ свои ассамблеи съ тою, главнымъ образомъ, цѣлю, чтобы вывѣдывать у своихъ подданныхъ мысли о его преобразованіяхъ. Во время этихъ собраний всѣ пачивались до-пьяна по принужденію Петра, который самъ, какъ человекъ очень крѣпкій и сильный, оставался въ здоровомъ разсудѣѣ, хотя и пилъ наравнѣ съ прочими. Тутъ-то Петръ и выспрашивалъ у гостей ихъ тайныя мысли о его преобразованіяхъ. Пьяные гости проговаривались, а на утро, по увѣренію дяди, Петръ ихъ обыкновенно будто бы казнилъ.

Сообщая исторію камергера Монса, Н. П-чъ передавалъ подробности, что Монса Петръ повѣсилъ «передъ самыми окнами комнатъ Екатерины и оставилъ трупъ гнить на виселицѣ около шести недѣль, при чемъ ежедневно водилъ Екатерину подъ виселицу и спрашивалъ: «а что, Катя, хорошо пахнетъ?»

О кончинѣ царевича Алексѣя Петровича Н. П-чъ рассказывалъ. Въ ту самую ночь, какъ «умеръ отъ болѣзни» царевичъ Алексѣй Петровичъ, Петръ, какъ выражается въ своихъ мемуарахъ деньщикъ Петровъ, Брюсъ (не тотъ, чей извѣстный календарь) «рычалъ», т. е. громко и отрывисто говорилъ съ самимъ собою, скоро ходилъ по своей спальнѣ, наконецъ, какъ бы рѣшившись на что-то особенное, бросился къ своему письменному столу, написалъ что-то, запечаталъ и кликнулъ: «Брюсъ!» Тотъ явился. «Ступай сейчасъ къ аптекарю, отдай этотъ пакетъ и исполни то, что онъ тебѣ скажетъ». Брюсъ является къ аптекарю, отдаетъ ему пакетъ; тотъ читаетъ, блѣднѣетъ, трясется отъ ужаса. Подождите отвѣта. Черезъ минуту аптекарь возвращается и подаетъ Брюсу другой пакетъ съ адресомъ генерала, у котораго подъ арестомъ находился царевичъ. Какъ только этотъ генералъ прочиталъ записку аптекаря, точно такъ же, какъ и аптекарь, пришелъ въ ужасъ и тотчасъ же ушелъ къ царевичу, пробылъ тамъ нѣсколько времени и бѣжитъ къ Брюсу со словами: «Спѣшите увѣдомить Государя, царевичъ при смерти!» Не успѣлъ выйти Брюсъ, какъ генералъ возвращаетъ его и печально объявляетъ: «волею Божею царевичъ преставился; увѣдомьте Государя».

Этотъ рассказъ впослѣдствіи слышалъ я при чтеніи статьи о смерти царевича Алексѣя Петровича М. П. Погодинымъ въ Обществѣ Любителей Россійской словесности. Не отъ Погодина ли и Н. П-чъ предвѣтельно слышалъ этотъ рассказъ?

За этимъ слѣдовалъ анекдотъ. Петербургъ основанъ на болотѣ, а потому при его постройкѣ потеряно много денегъ и погибло много народа. Въ это время одинъ Русскій мужичекъ подаетъ такую просьбу Петру: «Батюшка царь, слышалъ я, что твое царское величество строишь городъ, и много мретъ каменщиковъ и плотниковъ, которые строятъ его. Ужъ если ты хочешь морить народъ, такъ я знаю мѣсто еще хуже этого». Прочіе рассказы Н. П.—ча изъ скандальной хроники императорскаго періода были не совсѣмъ неудобны для печати. Хорошо ли дѣлалъ «умный дядя», будоража такими рассказами голову 18-ти лѣтняго племянника?... Впрочемъ это былъ конецъ 50-хъ годовъ.

*

Вакація не принесла мнѣ ничего кромѣ тоски. Какъ хотѣлось поскорѣе убраться изъ душной и пыльной Москвы въ Черкизово*), куда отпускали меня родители! Но ни у нихъ, ни у меня не было денегъ на поѣздку туда. Оставалось просить денегъ у брата, первый разъ послѣ его подарка, два года тому назадъ, одного рубля на покупку Иліады.

Весьма хорошее знакомство пришлось сдѣлать черезъ отца съ четырьмя купцами, недавно по убѣжденію обратившимся изъ раскола въ православіе. Это были типы лучшихъ Русскихъ людей. Большіе между собою друзья, всѣ они безъ школьнаго обученія достаточно образовали себя самостоятельнымъ чтеніемъ, взаимною бесѣдою и размышленіями. Бесѣда ихъ со мною была весьма для меня поучительна. Чрезъ нихъ я, между прочимъ, составилъ себѣ понятіе о современномъ расколѣ старообрядства. Имена этихъ хорошихъ людей: Т. А. Сидоровъ, самый авторитетный между ними, П. В. Медвѣдевъ, послужившій Мельникову-Печерскому въ его романахъ «За Волгой» «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» къ созданію типа Потапа Чапурина; Василій Васильевичъ Борисовъ, цѣликомъ воплощенный у того же Мельникова въ лицѣ Василя Борисовича: онъ, точно такъ же какъ въ романѣ, любилъ говорить: «охъ, искушеніе!», и пріятели подсмѣивались надъ его поѣздкою за Австрійскимъ священникомъ, надъ его любовными похождениями. Послѣдній самый юный изъ нихъ, Ст. Ал. Шведовъ, торговалъ тюфяками и матрацами, по годамъ ближе прочихъ подходилъ ко мнѣ, хотя все-таки былъ лѣтъ на шесть старше меня.

Помню одинъ изъ рассказовъ Т. А. Сидорова, какъ послѣдній старообрядческій попъ Петръ Ермильчъ, до Австрійскаго священства, при отсутствіи конкурентовъ, позволялъ себѣ съ своею паствою невозможныя вещи. Рассказъ этотъ потомъ вошелъ въ книжку «На ночлегѣ и въ пути», изданную анонимно въ 1860 году.

Въ Ноябрь 1854 г., рассказывалъ Сидоровъ, въ послѣдній день передъ постомъ, пріѣхало на Рогожское кладбище вѣнчаться двадцать

*) Коломенскаго уѣзда. П. Б.

свадебъ. Десять было изъ Москвы, да десять деревенскихъ, а назначилъ онъ всѣмъ, Петръ Ермилычъ, ровно въ 12 часовъ.... Ровно въ 12 часовъ часовня полна полнехонька и ждущими брака, и смотрѣльщиками. Ждутъ попа часть, ждутъ его два; нѣтъ! Вотъ уже и вечеръ на дворѣ, нѣтъ попа. Пошли сами, кто побогаче, самые, то есть, тузы; кое-какъ добились до священника, добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ какъ снопъ, то есть, мертвецки-размертвецки пьянъ, и какъ, то-есть, они къ нему ни приставали, ни умасливали его. — Не мо...гу, выговариваетъ. Стали пьяного попа отливать водою. Наконецъ часамъ къ 10 вечера ввели пьяного попа въ часовню, разстановили всѣ двадцать свадебъ полукругомъ, и началось вѣнчаніе. Какъ попъ ни силился держаться, пары-то винные его, нѣтъ, нѣтъ, да и пошатнуть. Сталъ читать онъ въ ту пору Евангеліе, дошелъ до слова, знаешь, бысть бракъ въ Канѣ Галилейстѣй и не доставшу вино, обращается вдругъ къ народу да и брякъ: «Все, говорить, выпили!» хохочетъ самъ-то. Не кончилъ да и кричить: «Пойте, молъ, пойте!»

Пришло время вѣнцы надѣвать. Попъ подошелъ къ невѣстину шаферу, богатому купцу, да и кричить на него:—«Не трошь, говорить, Грибзгалинъ (Брызгалинъ?): у тебя руки нечисты. Не трошь!» А потомъ надѣваетъ на другихъ-то вѣнцы, да и говоритъ вмѣсто молитвъ-то: «и ты, говорить, Грибзгалинъ, и ты Грибзгалинъ и ты, и ты».... Хохочать всѣ, да и только....

Одну изъ бесѣдъ со Шведовымъ я записалъ. Онъ жаловался мнѣ на невыносимую роль, которую продавецъ долженъ играть съ покупателями, какъ продавецъ принужденъ противъ своей совѣсти назначать за товаръ цѣну выше настоящей, запрашивать; иначе ему все-таки будутъ давать ниже настоящей, назначенной имъ.

Въ этотъ разъ отъ Шведова отправился я въ лавку къ его пріятелю П. В. Медвѣдеву (Чапуруну). «Вотъ человекъ, такъ ужъ человекъ! восхищался я имъ въ своемъ Дневникѣ: умный, начитанный, добрый. Я, кажется, просто на просто влюбленъ въ него». Медвѣдевъ пригласилъ меня и къ себѣ на домъ.

Эти самоучки изъ раскола казались мнѣ и умнѣе, и образованнѣе моихъ ученыхъ «профессоровъ». Да оно такъ и было. Медвѣдевъ между прочимъ проповѣдывалъ мнѣ противъ соблазняющаго и развращающаго дѣйствія гласности, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ только теперь раздаются голоса противъ нея. А это было въ 1858 году!

Нѣкоторое духовное наслѣдство отъ милаго Шведова доходитъ до меня и сейчасъ. Долго продолжались наши отношенія, потомъ почти прекратились за неимѣніемъ общихъ интересовъ. Когда я сталъ издавать «Вѣстникъ», Шведовъ прислалъ ко мнѣ своего юнаго племянника,

обладавшаго поэтическимъ талантомъ. Успѣлъ я напечатать десятка два стихотвореній юнаго Шведова, какъ симпатичные дядя и племянникъ умерли. Но юный Шведовъ успѣлъ познакомить меня съ подобнымъ ему юношею-поэтомъ А. Θ. Самойловымъ, который дѣтъ восемь сотрудничалъ у меня въ томъ же «Вѣстникѣ», познакомивъ меня съ такимъ же какъ и онъ талантливымъ начинавшимъ авторомъ А. А. Оедоровымъ, который замѣнилъ мнѣ скоро послѣ того скончавшагося Самойлова. •

Такъ незамѣтно для невнимательнаго глаза пробѣгаютъ и передаются отъ поколѣнія въ поколѣніе струйки литературныхъ дарованій. И стоялъ на распутіи, подверженный со всѣхъ сторонъ случайнымъ вихрямъ. Отшатнувшись отъ пьяной и развратной компаніи Гр—ва, я сблизился съ профессорскою роднею, преподавшею мнѣ уроки бульварныхъ знакомствъ. У дяди будоражившія душу цѣлыя лекціи по скандальной хроникѣ императорскаго періода, у брата веселая гусарская компанія. Только дома были прочные нравственные устои. Часто и долго бесѣдовалъ я съ своимъ отцомъ и отмѣтилъ у себя: «разговоры съ отцомъ и принесли и приносятъ мнѣ немало пользы». Черезъ отца же я познакомился и съ этой умной и просвѣщенной компаніею купцовъ, изъ раскола обратившихся по убѣжденію въ православіе.

Отъ этихъ вліяній удалось мнѣ на время уйти, буквально уйти, въ Черкизово; но я попалъ изъ огня въ полымя.

В ъ Ч е р к и з о в ѣ.

Главная опасность была внутри себя самого. Доселѣ мои религіозныя вѣрованія оставались въ моментъ безсознательно положительномъ. Червь сомнѣнія еще не вкрадывался въ душу. Появленіе его было бы тѣмъ опаснѣе, что воздухъ былъ густо насыщенъ парами отрицанія. А передо мною выставилась вилкообразная дилемма: или отдать свою голову для «забиванія патристиками», по выраженію Кедрскаго, или пуститься въ открытое море безъ всякаго компаса. Баластъ моего корабля состоялъ лишь изъ кучи текстовъ Св. Писанія, а вся ловкость лоцмана только въ умѣнїи пока механически комбинировать эти тексты по тѣмъ образцамъ, какъ клеились и переклеивались они въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія и ближе всего подъ перомъ моего отца. «Не знаю, что со мною дѣлается, удивляюсь я въ началѣ Іюля 1858 года. Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ я ни разу не былъ въ церкви у службы. Что за отсутствіе благочестія? Что изъ этого будетъ? Чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже». Анализируя свое состояніе, убѣждаюсь, что теперь, чтобы стать порелигіознѣе, мнѣ надо получить какой-нибудь ударъ, въ родѣ того, какъ было, когда не хотѣли перевести меня въ Семинарію. Несчастіе невольно заставляеть меня прибѣ-

гать къ молитвѣ. Молитва моя въ такихъ случаяхъ всегда бывала услышана».

Но пробудившаяся пытливость не можетъ довольствоваться такими обиходно-опытными подпорками. Я читаю «Размышленіе о важнѣйшихъ истинахъ религіи». Это сочиненіе Іерузалема нахожу отличнымъ. «Какъ убѣдительно доказывается тутъ бытіе Божіе и опровергаются системы Эпикура, Спинозы и другихъ философовъ!».

Занимаетъ меня вопросъ о масонахъ. У отца много масонскихъ книгъ: «Угрозъ Свѣтовостоковъ», толкованія на Св. Писаніе г-жи Гіонъ. Но онѣ такъ скучны, что вываливаются изъ рукъ. Заговаривалъ о масонахъ съ отцомъ; онъ открываетъ объ нихъ то, «что очень немногіе знаютъ», сообщаетъ кстати, что родной дѣдушка моихъ пріятелей Павла и Николая былъ «патріархомъ масоновъ». Но отъ внучатъ этого «патріарха» я ничего не могу узнать.

Рядомъ съ этимъ нравственное мое чувство болѣзненно-чутко. Отрываюсь отъ Іерузалема, иду на бульваръ, встрѣчаю «множество подозрительныхъ женщинъ». «Видъ этихъ женщинъ всегда оставляетъ во мнѣ тягостное впечатлѣніе. Женщина, такое прекрасное твореніе, вѣнецъ созданія, идеалъ всего прекраснаго, падаетъ такъ низко! Можно ли равнодушно смотрѣть на это, а тѣмъ болѣе способствовать еще большому ея паденію? Одна изъ этихъ «дамъ» шла съ очень молоденькой дѣвочкой. Жалко, грустно! Дѣвочка, еще не вполнѣ развившаяся, падаетъ въ бездну разврата!...»

Съ такимъ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ отправился я въ с. Черкизово, къ родному своему дядѣ Сергѣю Петровичу. Попутчикомъ мнѣ былъ Петръ Семеновичъ Соколовъ. Соколовъ былъ сынъ причетника съ погоста, въ верстѣ отъ Черкизова. Погостъ Старково принадлежалъ къ Черкизовскому имѣнію кн. Черкасскихъ. Соколовъ былъ однокурсникъ съ Владимиромъ по Училищу и Семинаріи. Петръ Семеновичъ окончилъ курсъ въ Духовной Академіи, былъ потомъ смотрителемъ Коломенскаго духовнаго училища и всю жизнь оставался самымъ близкимъ другомъ Владимира, хотя послѣдній пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ (былъ медикомъ). Владимиръ съ нами не отправился: оставивъ Семинарію, онъ въ то время держалъ вступительный въ Университетъ экзаменъ и жилъ у насъ. Наши отцы, такимъ образомъ, помѣнялись нами на это лѣто. Владимиръ рѣшился только проводить насъ до заставы.

16-го Іюля мы отправились, конечно, пѣшкомъ, съ чемоданомъ къ Рогожской заставѣ. Желѣзной дороги тогда еще не было. Въ 4 часа вечера принялись мы искать за заставой извозчика. Извозчиковъ не оказалось. Мы сѣли на траву и стали поджидать, не возмется ли кто под-

везти насъ. Ждали, ждали, — нѣтъ никого. Не «раскумекивая» болѣе (пользуюсь словаремъ орѣховаго зятя для обозначенія размышленія), рѣшились отдать свой чемоданъ Владимиру, чтобы онъ доставилъ его въ Черкизово черезъ кого-нибудь изъ дворовыхъ людей кн. Черкасскихъ, а сами идти пѣшкомъ: вѣдь это не такъ далеко, около 100 верстъ. А, можетъ быть, и попутчикъ какой нагонитъ насъ. Идемъ путемъ-дорогою, Іюльское солнце печетъ, а одѣты, въ расчетъ на ѣзду, тепло. Прошли верстъ 10; нагоняетъ насъ какой-то крестьянинъ и берется довезти насъ слѣдующія 10 верстъ до села Жилина за 20 коп. с. обоихъ. Согласились, поѣхали. Въ Жилинѣ остановились у священника, дальняго родственника Соколова. Попъ этотъ принялъ насъ очень радушно. Радужіе его скоро мы разгадали: несчастный страдалъ манією писанія весьма плохихъ проповѣдей, которыми, не давъ намъ вздохнуть съ дороги, и принялся насъ угощать. Угощеніе впрочемъ не ограничилось одними проповѣдями: онъ накормилъ насъ и уложилъ спать на сѣнѣ. Утромъ отправились мы снова пѣшкомъ. Попутчиковъ все нѣтъ; за то дорогою рвали душистую лѣсную малину. Мнѣ занездоровилось. «Очень пріятно занемочь въ дорогѣ безъ денегъ и документа о личности». Но, сдѣлавъ въ этотъ день пѣшкомъ 20 верстъ, я поправился. Дошли до города Бронницъ. Гдѣ бы напиться чаю? У Соколова оказалась тутъ знакомая просвирия. Эта старушка и ея сынъ приняли насъ очень радушно и всячески упрашивали остаться у нихъ ночевать; но мы отправились на постоялый дворъ. Просыпаемся утромъ,—идетъ дождь. «Пошли мы по грязной дорогѣ съ тощимъ желудкомъ. А ноги-то болятъ! Отошли отъ ночлега версты четыре,—нагоняетъ насъ обозъ съ тюками шерсти. Сторговались мы съ этими обозниками доѣхать до Непецина верстъ 17, 40 к. за обоихъ. Насилу влѣзли мы на одинъ изъ этихъ воевъ, точно на каланчу, и тронулись подъ дождемъ шагомъ еле-еле. До Непецина остается верстъ 7; извозчики наши рѣшились остановиться тутъ кормить лошадей, но сами кормились гораздо дольше лошадей.

— Не идти ли ужъ намъ пѣшкомъ? совѣтуемся съ нашими возницами, уставъ смотрѣть на ихъ медленное, безконечное въ три темпа движеніе ложками: сначала ложка отправляется въ чашку, потомъ въ ротъ, далѣе на столъ; затѣмъ снова въ чашку, въ ротъ, на столъ и т. д.

— А то чавожъ? весьма резонно отвѣчаютъ они:—пока мы ѣдаемъ, вы дойдете до «Липечина-то».

Отправились мы въ Непецино. 7 верстъ отплепали по грязи по шоссе. Тутъ проселочный поворотъ на Черкизово, и тутъ-то началось самое наше мученіе. Глинистая почва такъ размыта дождемъ, что ноги вязли почти по щиколку. На каждой ногѣ образовался фунтовъ въ 10 глиняный слѣпокъ ноги. Чистое мученіе!

Вникнувъ въ настоящее положеніе путешественника, осудить ли его читатель, что онъ, такъ страстно и тщетно мечтая объ урокъ, проговорилъ: «У меня бы тогда водились денежки!» «Денежки» однако у него водились. Откуда нибудь добылъ же онъ 30 коп. для уплаты извозщикамъ. Харчи попа-проповѣдника и радушной просвирни были даровые.

Усталые, измученные дошли наконецъ до Черкизова. Намъ дали сухое платье, напоили чаемъ, накормили. Тетка была очень добрая, радужная женщина. Не прошло и трехъ часовъ по прибытіи въ Черкизово, какъ я принялся писать письма отцу и матери. Этими письмами, конечно, я не ограничился.

Отвѣтъ отца на мои письма сохранился у меня.

Любозный Одея!

Письмо твое, въ которомъ ты описывалъ путешествіе свое съ Соколовымъ въ Коломну, мы получили и очень сожалѣли о трудности пути дороги вашей. Всѣ мы здоровы... До пріѣзда своего въ Москву непременно увѣдомь меня, пріѣдетъ ли къ Иванову дню Сергѣй Петровичъ въ Москву, и когда именно пріѣдетъ, или пѣтъ. Ты знаешь, что мнѣ заблаговременно нужно распорядиться касательно пріобрѣтенія къ этому дню благонадежнаго священника.

У Владимира Гилярова дѣла по университету идутъ пока хорошо. Письмо твое къ нему не застало его не болѣе десяти минутъ, потому что онъ ушелъ на экзаменъ по физикѣ и языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Я бы написалъ и побольше, да подателю письма ждать долго не приходится: онъ письма твои подаль намъ не въ пріѣздъ свой въ Москву, а на обратномъ пути изъ нея, по незнанію.

А что чемоданъ твой такъ долго гостилъ въ Москвѣ, тому виновать ты самъ, что пошелъ изъ Москвы, а не поѣхалъ; да еще Владимиръ Гиляровъ, что не доставилъ его въ время на дворъ князя.

Письма посылать, что изъ Коломны, что изъ Москвы въ Кострому или куда бы то ни было въ Россію, все гривенникъ.

А хорошо бы, если бы ты нашелъ случай подбить, напр., Павла Ивановича (родногo по сестрѣ зятя отца) для поѣздки въ Кончаково. Недурно и въ Коломнѣ и за Коломною пообглядѣться. Оедоръ же Васильевичъ (другой зять отца) такой хорошій человекъ.

Чемоданъ, думаю, ты уже получилъ, потому что посланный съ твоими нынѣшними письмами встрѣтился на дорогѣ съ человекомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы изъ княжаго дома въ Черкизово.

Посылаю тебѣ рубль серебряный въ видѣ бумажки.

Мать и всѣ кланяются тебѣ, а писать некогда. Отецъ твой А. Гиляровъ.

9 Августа, память по моему дѣдушкѣ Матееву Оедоровичу. Москва.

Поклонись дядѣ, тетускѣ, сестрамъ и братьямъ двоюроднымъ въ Черкизовѣ, и въ Коломнѣ, и въ Кончаковѣ.

Въ Черкизовѣ, не смотря на всѣ удовольствія чисто-сельской жизни, дотогѣ мнѣ почти невѣдомой, я тосковалъ отъ бездѣлья: въ чемоданѣ, такъ долго застрявшемъ въ дорогѣ, находились между прочимъ книги: «Начальный курсъ философіи» Снелля, какой-то учебникъ логики и

«алгебра» Себржинскаго (хотя официально по семинаріи съ математикою на всегда были покончены всѣ счеты) и еще кое-что.

Отъ матери отвѣтное письмо тоже сохранилось. Въ немъ она между прочимъ высказываетъ надежду, что «все пришло въ порядокъ: и сапоги твои, и ноги»; описываетъ смерть моей племянницы-младенца, горе моей сестры и зятя. «А Люба (моя младшая сестра-дѣвица) такъ плакала, что у нея разболѣлась голова отъ слезъ». Мать освѣдомляется, получилъ ли я свой чемоданъ.

Я отвѣчалъ матери длиннымъ отъ 1-го Августа письмомъ, въ которомъ послѣ искреннихъ увѣреній въ чувствѣ сыновней любви описывалъ свое въ Черкизовѣ препровожденіе времени.

Встаю часовъ около шести утра: куры будятъ. Моя постель въ сараѣ, въ саняхъ, въ сосѣдствѣ съ курами. Тотчасъ, не смотря ни на какую погоду, иду купаться въ купальнѣ; потомъ пью чай всегда со сливками: Московскому гостю дѣлають снисхожденіе. Послѣ чая иду по большей части въ лѣсъ или за грибами, которыхъ однако здѣсь очень мало, или съ книгою. Читаю стоя подъ деревомъ, а кругомъ все сосны черныя, темныя, такъ что легко заблудиться, если бы не зналъ, что Черкизово на Сѣверѣ. Наконецъ становится душно, хотя солнце и не проникаетъ въ лѣсъ. Спѣшишь домой къ обѣду. Послѣ обѣда ложишься въ свои сани спать, но заснуть не удается: Михаилъ Сергѣевичъ (двоюродный братъ) начинаетъ стравливать цѣтуховъ, при чемъ съ курами, какъ съ чувствительными дамами, дѣлается истерика, выражающаяся страшнымъ кудахтаньемъ всего куриного царства. Въ комнатахъ невыносимо жарко. Идешь опять въ купальню. Выкупался, а ужъ чай на столѣ. Послѣ чая приходитъ Соколовъ, или я иду къ нему, и мы болтаемъ до самаго ужина.

Впрочемъ не подумайте, что здѣсь не съ кѣмъ перемолвить слова, кромѣ Соколова: къ намъ часто ходятъ разные «лакайчики», какъ тетка Марья Ивановна называетъ дворовыхъ князя; но я съ ними не имѣю почти никакого общенія. Но здѣсь у князя живетъ домовый докторъ А. Я. Кожевниковъ, только что окончившій курсъ, умный, образованный, а главное, съ нынѣшнимъ направлениемъ. Мы часто разсуждаемъ о гласности, объ эмансипаціи. Онъ бываетъ здѣсь ежедневно, и я у него тоже, хотя и нечасто. Маменька! Что же чемоданъ-то? Въдь о немъ ни слуху, ни духу. Гдѣ онъ? Чтѣ съ нимъ? Пошлите разузнать кого-нибудь. Въдь выйти никуда нельзя. Сколько разъ дядя ѣздилъ въ Коломну, я долженъ былъ оставаться дома изъ-за платья. Пожалуй, и въ Кончаково съѣздить бы; да нужно платье. А гдѣ его взять? Этакъ, пожалуй ни у кого не придется побывать. Въ церкви ни разу не былъ: стыдно; всякій «лакайчикъ» лучше меня будетъ одѣтъ».

Сожалѣя о смерти племянницы, намѣреваюсь написать зятю, чтобы «хотя сколько-нибудь развлечь его». Хочу писать огромное письмо въ Кострому къ сестрѣ и къ Андроникову. «Эти письма прошу я васъ переслать въ Кострому, потому что мои денежные средства значительно пострадали отъ дороги и отъ пребыванія въ Черкизовѣ... Если чемоданъ не будетъ доставленъ мнѣ, я поспѣшу возвратиться въ Москву, потому что мое положеніе безъ чемодана самое плачевное. А ѣхать, знаете, нужно нанять лошадь, надо и въ дорогѣ что-нибудь поѣсть... Мало ли въ дорогѣ тратъ? А здѣсь ихъ еще больше: то сапоги, единственные свои,

починить, то на то, то на другое. Нельзя же иногда не купить ягодъ, чтобы полакомить сестеръ и братьевъ. Деньги растрачиваются точно сухой песокъ, зажатый въ кулакъ. Повтому-то я и прошу васъ переслать мои письма на свой счетъ».

Датѣ письмо сообщаетъ бытовую подробность, не лишенную интереса. «Былъ я у одного мужика въ деревнѣ Губастовѣ. Онъ подымалъ къ себѣ иконы, а послѣ того подымалъ къ себѣ поповъ обѣдать: священника - дядю, дьякона, дьячка, пономаря, сторожа церковнаго, едва отъ старости и вина передвигающаго ноги, но между тѣмъ состоящаго билетнымъ солдатомъ,—хорошъ солдатъ!—двухъ сыновей священника, его племянника, т. е. меня, и брата одного изъ дьячковъ. Приѣхали всѣ мы туда. Тамъ въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ трудно было отличить мужика отъ бабы вслѣдствіе невозможно-огромнаго количества мухъ, приготовили для насъ чай, потомъ обѣдъ. На меня, незваннаго гостя, хозяева смотрѣли какъ на вещь самую обыкновенную: таково Русское гостепріимство! Надо было бы слышать всѣ ихъ потчиванія: «Батюшка, родимый, да покушай, да хышъ опробуй только». Угощенію водкою предшествовали стихи: «Чирикъ ѣдетъ въ каретѣ, можно выпить по третьей; чирикъ пойманъ непомятый, можно выпить и по пятой; чирикъ пойманъ на святой, можно выпить по шестой» и т. д. А сколько было экземпляровъ щей, лапшей, крупениковъ, кашъ,—просто «ума помраченье», какъ говоритъ нашъ сторожъ Ефимычъ... Наѣвшись страшно (иначе было невозможно), мы отправились купаться. Послѣ купанья пошли къ другому крестьянину; тамъ пили чай съ бараниной вмѣсто хлѣба или сухарей. Нынче часа два, ночью, поговорилъ съ здѣшнимъ работникомъ о движеніи земли, о звѣздахъ, кометахъ, лунѣ, странахъ свѣта, грозѣ, дождѣ, снѣгѣ, градѣ, и т. п. Съ величайшею любознательностью онъ слушалъ и все разспрашивалъ меня: «Ну, а это какъ же?» Онъ билетный солдатъ и грамотѣ обученъ въ полку. Теперь, послѣ войны 1853—1855 гг. всѣхъ солдатъ стали обучать грамотѣ. Это очень хорошо. Жалко мнѣ было смотрѣть на этого работника, что такъ мало онъ имѣетъ средствъ удовлетворять своей любознательности. Въ другомъ званіи изъ такой умницы могъ бы выйти ученый. Теперь онъ читаетъ Поученія Путьтина. Книга эта такъ ему нравится, что онъ хочетъ ее купить».

Въ отвѣтномъ отъ 11 Августа письмѣ мать извѣщаетъ меня, что она отошлетъ мои письма въ Кострому, и спрашиваетъ о несчастномъ чемоданѣ. «Человѣкъ, пишетъ она, присланный съ твоимъ письмомъ, увѣрялъ, что, ѣхавши въ Москву, встрѣтился съ садовникомъ, ѣхавшимъ въ Черкизово, который везъ твой чемоданъ. Не знаю, правда ли это. Мнѣ такъ досадно было слышать, что чемоданъ твой пролежалъ недѣли съ три на дворѣ у князя по безопасности холоповъ, тогда какъ казакъ были. Прямые хамы!»

Не могу теперь раздѣлять негодованіе матери на «холоповъ» князя; скорѣе можно бы удивляться, какъ эти три недѣли безпризорнаго лежанья моего чемодана на дворѣ у князя никто его не похитилъ. Такова была тогда неиспорченность нравовъ у «хамовъ», а еще ими были недовольны!

Далѣе сообщаются дознанія новости: «Люба лежитъ уже въ постели съ котенкомъ, а папенька давно уже спитъ. Диванъ въ залѣ обили темно-коричневой клеенкой, да еще поспѣли подсолнечники на нашей плантаціи и цвѣтутъ геліотропы въ нашихъ горшкахъ». Мать съ сестрою и Володею были въ Преображенской больницѣ, навѣщали Аленушку, умалишенную сестру Владимира. «Она была намъ очень рада. Оттуда прошли въ Сокольники и очень весело провели время: пили чай и слушали музыку. Безъ Вѣрочки и тебя какъ-то особенно пустынно у насъ въ домѣ: только шалать и надоедаютъ, а поговорить не съ кѣмъ. Получилъ ли ты папенькино нисымо и въ немъ ассигнацію въ одинъ рубль серебромъ, посланную съ твоимъ писмоподателемъ?.. Пріѣзжай раньше Иванова дня: я безъ тебя соскучилась».

Пребываніе въ деревнѣ вызвало въ моемъ представленіи два образа жизни: первый поповскій, который я, подъ впечатлѣніемъ угощенія въ Губастовѣ, говядиной, солониной, бараниной, свиной, формулировалъ извѣстными стихами:

„Попы наѣлись, напились,
Какъ будто дѣломъ занялись“;

другой образъ жизни, извѣстный мнѣ только изъ книгъ, Гоголевскаго помѣщика Костанджогло. О помѣщичьей трудовой, обеспеченной семейной жизни не разъ принимался мечтать я, межеумокъ реторики и философіи, располагавшій и на прожитокъ въ чужомъ домѣ, и на корреспонденцію съ Костромою, и на 100 верстное путешествіе домой, съ «ассигнаціею въ одинъ рубль серебромъ» по словамъ матери, или «рублемъ серебрянымъ въ видѣ бумажки», по выраженію отца.

Что до дѣйствительной помѣщичьей жизни, то пока доступно мнѣ только ея преддверіе. 24 Іюля былъ именинникъ князь Б. А. Черкасскій. Около барскаго дома водили хороводы. Къ этимъ хороводамъ подошли и мы: я и Соколовъ. Не успѣли мы опомниться, какъ Дарья Николаевна, «милая пожилая особа», заставила насъ почти противъ нашей воли участвовать въ хороводѣ. Потомъ Дарья Николаевна «велѣла» намъ идти за собою, привела въ свою комнату, достала изъ подъ своей кровати бутылку хереса и «заставила» меня и Соколова выпить по цѣлой чайной чашкѣ хереса. Такъ-то я и сталъ причастникомъ княжескихъ именинъ!

У священника съ погоста познакомился я съ нѣкимъ Архангельскимъ, семинаристомъ, окончившимъ курсъ. Архангельскій «довольно-таки мнѣ понравился, можетъ быть потому, что обѣщалъ доставить мнѣ урокъ». По этому поводу Дневникъ снова проговаривается: «То-то зажилъ бы я, когда стали бы у меня водиться свои денежки!» Урока, конечно, никакого не оказалось. Но я размечтался: «А вѣдь не худо получать въ мѣсяцъ рублей 10 серебромъ за какіе-нибудь два часа ежедневнаго занятія. Это не могло бы меня отвлекать отъ моего дѣла».

Притомъ же docendo discimus. На 10 р. с. можно было-бы и самому одѣваться, и еще осталось бы на удовольствія».

Выше я говорилъ, что въ Черкизовѣ «попалъ я изъ огня въ полымя». Разумѣю подъ этимъ знакомство съ А. Я. Кожевниковымъ, нынѣ весьма извѣстнымъ профессоромъ-психіатромъ, тогда домашнимъ врачомъ князя Черкаскаго.

Первая наша съ нимъ бесѣда была о духовномъ и свѣтскомъ образованіи, особенно объ изученіи словесности въ семинаріяхъ. На другой день новая бесѣда съ докторомъ, очевидно скучавшимъ среди Черкизовской дикости и потому почти ежедневно бывавшимъ у дяди. Мы говорили о предметахъ, занимающихъ въ настоящее время общество: о гласности вообще, о гласности въ судопроизводствѣ, объ освобожденіи крестьянъ, а я между прочимъ жаловался своему просвѣщенному и симпатичному собесѣднику, что у насъ въ Семинаріи очень немногіе сочувствуютъ этимъ вопросамъ. Мои слова очень не понравились Соколову и его пріятелю.

— Вамъ не слѣдовало такъ дурно отзываться о семинаристахъ, вразумлялъ меня потомъ, наединѣ, Соколовъ.

Я, какъ умѣлъ, возражалъ на такое затхлое мнѣніе.

2-го Августа отмѣчаю въ Дневникѣ: «Теперь не вижу свободного времени: занимаюсь переписываніемъ сочиненій Искандера и другихъ социалистовъ. И что это за сочиненія?! Откуда берется у нихъ такое краснорѣчіе? Видно, что писано отъ души. Да, Герценъ великій человѣкъ!»

Герценъ, дотогѣ неизвѣстный мнѣ даже по имени, но царившій тогда надъ умами всего образованнаго Русскаго общества, былъ тѣмъ «пламенемъ», куда толкнулъ меня мой просвѣщенный собесѣдникъ.

Вліяніе Герцена на меня продолжалось до конца 1861 года. Въ этомъ убѣждаюсь изъ двухъ помѣтокъ противъ этого мѣста Дневника. Помѣтки относятся къ болѣе позднему времени. Вотъ онѣ: «Сѣмя пало на землю воспріимчивую. Все, что ни попадаетъ мнѣ изъ этихъ статей, особенно изъ статей Герцена, я изучаю. 1860 г. 2 Февраля». Слѣдующая помѣтка: «Теперь я другого мнѣнія. 1861 г. 28 Декабря».

Критика Герценовскаго ученія началась даже одновременно почти съ его воспоминаніями. Уже до Декабря 1858 г. помѣчено на поляхъ Дневника: «Порицанье всего Русскаго казалось мнѣ тогда знакомъ современнаго человѣка... Теперь я думаю болѣе о средствахъ исправленія злоупотребленій и уже такъ горячо не порицаю виновниковъ злоупотребленій, потому что злоупотребленія почти неизбежны».

Такимъ образомъ Катковскій знаменитый походъ противъ Герцена для меня былъ уже заднимъ числомъ. Тотчасъ же, при первомъ знаком-

ствѣ съ Герценомъ, не замедлить представиться случай, подтвердившій въ моихъ глазахъ Герценовскую оцѣнку Русской аристократіи.

Вздумали мы съ Соколовымъ и съ однимъ его товарищемъ отправиться изъ Черкизова за рѣку, въ село Бахтемерово, въ садъ при усадьбѣ князя Д. Б. Черкаскаго, дяди Б. А. Черкаскаго. Прогулка эта казалась мнѣ столь неважною, что даже въ Дневникѣ отмѣтилъ я презрительно: «не писать же, что нынче я, П. С. Соколовъ и В. Т. Шканскій гуляли въ саду кн. Д. Б. Черкаскаго?» Но старикъ кн. Д. Б. Черкасскій поднялъ изъ этого, должно быть отъ праздности, цѣлую исторію. На третій, послѣ прогулки, день прихожу къ А. Я. Кожевникову и слышу отъ него: «князь Д. В. очень недоволенъ, что вы втроемъ были у него въ саду безъ его спроса. Вотъ слова князя: «Сию я у себя въ саду. Проходятъ трое какихъ-то... съ тросточками... этакъ важно проходятъ; поклонились мнѣ такъ важно. Ну, я ничего, не разсердился. Помомъ вижу: сидятъ они въ моемъ цвѣтникѣ. Я ужъ довольно близко подошелъ къ нимъ, какъ они встали. Я сталъ спрашивать, съ кѣмъ имѣю честь кланяться. А они такъ важно, такъ гордо отвѣчаютъ мнѣ: п—такой-то! я—такой-то! я—такой-то!.. Какъ бы ты, племянникъ, поступилъ на моемъ мѣстѣ? Я бы просто попросилъ ихъ выдти, отвѣчалъ племянникъ Борисъ Александровичъ».

Читатель припомнитъ, что этотъ чванный князь Дмитрій Черкасскій былъ родной братъ симпатичной Анны Борисовны Нейгардтъ...

Въ это время шла горячая работа губернскихъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ. Князь Дмитрій чувствовалъ себя осеннею мухою, чего однако я тогда не понималъ, негодуя на него.

Удалось мнѣ видѣть и князя Бориса Черкаскаго, племянника, котораго тетка за что-то прозвала «бурбетомъ».

Былъ какъ-то я у А. Я. Кожевникова съ дядею Сергѣемъ Петровичемъ; играли въ карты. Вдругъ къ дому подъѣзжаетъ князь; и домовый докторъ и священникъ-дядя, какъ какія-нибудь дѣти, бросаютъ карты. Я внутренне былъ очень возмущенъ такимъ раболѣпіемъ.

Другой разъ бесѣдуемъ съ А. Я. о чемъ - то весьма серьезномъ. Вдругъ въ комнату входитъ «бурбетъ».—У меня къ вамъ просьба, говоритъ бурбетъ Кожевникову.—Что угодно вашему сіятельству?—Полѣчите мою кобылу.

Мнѣ сдѣлалось очень обидно за деликатнаго доктора при этой выходкѣ князя-коннозаводчика. При появленіи «бурбета», я, какъ самый младшій, сѣлъ послѣ всѣхъ; но бурбетъ вздумалъ пригласить меня сѣсть, когда я уже безъ его приглашенія сѣлся.

По моемъ уходѣ бурбетъ спросилъ доктора:—Это племянникъ о. Сергія?—Да-съ.—Какой онъ пріятный молодой человекъ! Что онъ уменъ?—

Да, только горячая голова. — Что жъ, либеральнаго что ли направле-
нія?

Думалъ ли я тогда, что придется встрѣтиться еще разъ съ бурбе-
томъ, гдѣ «пріятный молодой человѣкъ» будетъ предпочтенъ ему!.. Это
было въ 70-хъ годахъ. Моя «горячая голова» цѣликомъ была тогда за-
нята Сербско - Турецкою войною. Я очень часто бывалъ у одной
аристократки, не менѣе, чѣмъ я, увлеченной современными политиче-
скими дѣлами. Аристократическая дама писала политическія статьи въ
Русскихъ и Англійскихъ газетахъ. Русскіе оригиналы я исправлялъ у
нея, говоря прямѣе, прямо-профессіонально, а по дружбѣ училъ «сочи-
нить» эту талантливую особу, обучавшуюся Русской словесности, какъ
и большинство великосвѣтскихъ дамъ, на мѣдныхъ деньги. Какъ-то вече-
ромъ занятія наши прерываются появленіемъ «бурбета». Нужно ли го-
ворить, какъ фальшиво-любезно былъ принять эту дамою бурбеть, и
какъ потомъ мы вдвоемъ смѣялись надъ нимъ?.. Даже и ничтожнѣйшіе
наши поступки не остаются безъ возмездія.

9 Августа происходила продолжительная бесѣда между юнымъ се-
минаристомъ и молодымъ медикомъ. «Разсуждали о важнѣйшихъ вопро-
сахъ религіи и нравственности, находили заблужденія въ ученіи право-
славной церкви».

— Человѣкъ не имѣетъ свободной воли, утверждалъ медикъ, по-
видимому материалистъ: всѣ дѣйствія его условливаются какими-либо
посторонними побужденіями. Отрицая возможность откровенія, молодой
врачъ утверждалъ, что «собственнымъ разумомъ нужно отыскивать
истину».

— Нѣтъ, настаивалъ семинаристъ: лучше придерживаться ученія
какой-либо церкви, которая, не смотря на свои заблужденія, все-таки
обладаетъ истиной. Если уклонишься съ пути, проложеннаго Моисеемъ и
другими пророками, и пойдешь при свѣтѣ одного своего разума, легко
можно совсѣмъ сбиться съ истиннаго пути, сдѣлаться атеистомъ, какъ
философы XVIII ст., которые, не смотря на уроки заблужденій дохристи-
анской древности, впадали въ грубѣйшія ошибки, какъ, напр., Спиноза,
смѣшавшій духъ съ матеріею.

Кромѣ этого доктора не было общества по плечу. Былъ по близо-
сти кладбищенскій священникъ, вдовый и кутила. Дневникъ характери-
зуетъ его такъ: «Если придти къ нему въ полночь и сказать: батюшка!
поѣдьте къ чорту на рога, онъ тотчасъ же безъ всякихъ разговоровъ
примется закладывать свою лошадь». Родственники ближайшіе, Черки-
зовскіе и болѣе отдаленные Коломенскіе, Добровы, были со мною очень
любезны и весьма радушно угощали меня, равно какъ и другой Коло-
менскій дядя П. И. Богословскій. Коломенскіе родные возили меня за

городъ на границу между Московскою и Рязанскою губерніями и показывали «величественную» Оку.

Только дядя С. П. Гиляровъ, всегда со мною гораздо болѣе любезный, нежели мой отецъ съ его сыномъ, Владимиромъ, какъ-то навеселѣ, оставивъ всегдашнюю свою политичность, проговорился.

— Жена моя балуетъ его, скромнымъ по постнымъ днямъ кормить. Небось, у брата Александра Владимиръ пикнуть не смѣетъ.

Это совершенно правдивое замѣчаніе разстроило меня. Но я, конечно, не возразилъ ему, что Черкизовскіе испоконъ вѣку раза два въ годъ гостили у насъ по двое, по трое, изъ насъ же очень рѣдко, черезъ нѣсколько лѣтъ, кто-либо одинъ попадалъ въ Черкизово. Москва была для Черкизова несравненно нужнѣе, нежели Черкизово для Москвы.

Еще больше разстраивала фальшивая любезность тетки Добровой. Авдотья Петровна «потчивала меня злословіемъ» общихъ нашихъ родныхъ, и у нея же подвергался я «Азіатскому потчиванію» водкою, а потомъ меня же она пересуживала: въ такіе молодые годы и пьетъ водку! Но водку она почти насильно вливала мнѣ въ горло. Дикіе яравы! Зато, узнавъ отъ дяди, что Владимиръ благополучно сдалъ вступительные въ Университетъ экзамены, «я радовался за него, какъ за самого себя»..

Къ концу Августа, къ Иванову дню и именинамъ отца, 30 Августа, я возвратился изъ Коломны на лошадахъ въ Москву. Дорогою слѣлъ на передкѣ. Вдругъ ямщицкая лошадь стала бить задними ногами. Я едва успѣлъ соскочить съ передка.

Въ Москву привезъ я порядочный пучекъ списанныхъ мною у Кожевникова стихотвореній и прозаическихъ статей «изъ Герцена и другихъ». Собраніе это въ первый же годъ пополнилось произведеніями, списанными мною у Андроникова, у друга моего Павла и у Н. П. Гилярова. Составился цѣлый томъ, который я съ замираніемъ сердца отдалъ въ переплетъ. Книга вышла изъ переплета благополучно и доселѣ цѣла у меня.

Теперь, почти черезъ 40 лѣтъ, просматривая ее, нахожу сходство между тогдашнимъ собою и... фанатиками раскола старообрядства, хотя и съ противоположныхъ концовъ. Какъ для послѣднихъ каждая книга и статья получаетъ непреложность святости только потому, что она воспрещена цензурою патріарха Никона: такъ и для тогдашняго меня все запрещенное получало прелесть Адамова яблока, не смотря на свою разномысленность. Среди статей Герцена, стихотвореній Пушкина, Огарева и др. революціоннаго направленія, въ сборникъ помѣщено, напр., высокопатріотическое стихотвореніе Хомякова къ Россіи:

„Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ“ и т. д.

Мало этого: на томъ же листочкѣ помѣщены два ultra-патріотическихкихъ стихотворенія, служащія возраженіемъ Хомякову. Первое стихотвореніе, Арсеньевой, начинается такъ:

„Самъ Богъ сказалъ: чти мать свою.
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Позоришь бранію неправой
Ты мать родиную свою;
Когда, въ лжеумудрости надменной,
И честь, и совѣсть погуби,
Разишь рукою дерзновенной
Ты грудь вскормившую теби.

Другое подобное же стихотвореніе графини Растопчиной заключало такой же укоръ Хомякову:

„Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорать
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ ранъ еи срывать“.

И вѣдь нисколько не чувствовалось, не замѣчалось прямо противорѣчія между Герценомъ и Хомяковымъ, между Хомяковымъ и патріотками ultra-консерваторками, возражавшими ему. Думается, бѣглый перечень содержанія статей и стихотвореній изъ моего сборника не лишенъ нѣкотораго историко-литературнаго интереса. Беру себя, какъ образецъ юноши 50-хъ годовъ средняго калибра. Мой каталогъ потаенной литературы того времени, вѣроятно, не очень отклоняется отъ ходившихъ тогда рукописныхъ сборниковъ, тѣмъ болѣе, что и списывать-то я преимущественно не съ печатнаго, а съ рукописнаго.

Сборникъ начинается анонимными стихотвореніями: Императору Александру II: «Не жди, чтобы цвѣла страна»; «Внемли, о царь, надежда Руси новой»; «Трудно быть теперь Россіи»; «Я нашелъ, братцы, нашелъ»; «Четыре націи»; «Когда онъ въ вѣчность переселился, нашъ незабвенный Николай». Далѣе шли стихотворенія Севастопольскія, приписываемыя гр. Л. Н. Толстову: «Какъ восьмого Сентября»; «Какъ четвертаго числа»; весьма длинное стихотвореніе: «Русскому народу «Меня поставилъ Богъ надъ Русскою землею», сказалъ нашъ Русскій царь», изображавшее разочарованіе въ Севастопольскую войну отъ прежней самоувѣренности; стихотвореніе «Французамъ», противъ Французскаго легкомыслія, возведшаго Наполеона III на тронъ; «Русскій пѣвецъ». Далѣе шли стихотворенія Некрасова: «Размышленіе у параднаго подѣзда»; стихотвореніе противъ крѣпостниковъ, во время уже крестьянской реформы: «Шарманка». За Некрасовымъ слѣдовали стихи Рылѣва изъ *Полярной*

Звѣзды 1859 г. «Къ временщику»; «Ахъ, гдѣ тѣ острова»; «Ай, ж скучно мнѣ»; стансы Рыльева; большое анонимное стихотвореніе высокопатріотическаго характера, написанное, повидимому, предъ первую Восточную войною, представляющее рѣзкую характеристику Западно-европейскихъ державъ, враждебныхъ намъ:

„Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
И мечъ повсюду обваженъ.
Мы знаемъ клеветы, мы знаемъ оскорбленія,
Измѣны, зависти и страха порожденія...
Друзей у нашей Руси нѣтъ:

Далѣе нѣсколько неизданныхъ стихотвореній Пушкина изъ *Полярной Звѣзды* 1859 г. «Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ», «Свободы гордой вдохновенье», «Кнутъ», «Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ», «Боже, вино, вино!», «Свободное слово» Аксакова, «Искандеру, стихотвореніе Огарева» и т. п.

За стихотвореніями слѣдовали прозаическія статьи: «Письмо Герцена къ императору Александру Николаевичу», излагавшее перечень предстоящихъ реформъ, дѣйствительно осуществленныхъ въ это царствование; хлестко-задорная статья «Права Русскаго народа»; большая статья «о смерти императора Павла Петровича»; предисловіе изъ письма Огарева» по поводу изданія книги барона Корфа; «письмо Герцена къ императрицѣ Маріи Александровнѣ», выдержки изъ *Колокола*, подъ заглавіемъ «Правда ли?»; статья: «Августѣйшіе путешественники», повѣствующая о поѣздѣ вдовствующей императрицы Александры Феодоровны; «Крещеная собственность»; «Русскіе въ Парижѣ въ 1858 г.»; выдержки изъ книги «Съ того берега» съ искаженіями въ текстъ противъ печатнаго экземпляра; «Джонъ Стюартъ Милъ» и его книга, «Герцена; хлесткая статья Искандера» «Составъ Русскаго общества»; извѣстный отвѣтъ Бѣлинскаго Гоголю по поводу книги Гоголя «Переписка съ друзьями»; отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому; очень большая выписка изъ книги Беллюстина «Сельское духовенство»; «Взглядъ на тайное общество въ Россіи» (1816—1826 гг.), Лунина и т. п.

Перебирая эту разнокалиберцину статей и стихотвореній отъ революціонныхъ до узко-патріотическихъ, касавшихся какъ современныхъ, такъ и давно минувшихъ вопросовъ и современной отѣны крѣпостного права и историческаго факта смерти императора Павла Петровича, убѣждаюсь, что юноша 50-хъ годовъ вовсе не искалъ исключительно революціонной литературы, а лишь литературы политической, едва тогда только начинавшейся въ печати, разрѣняемой цензурою. Не моя

была вина, когда я съ одинаковою жадностью набрасывался на Герцена и Хомякова; окружающая среда подсовывала преимущественно Герцена. Когда потомъ попало мнѣ печатное изданіе стихотвореній Хомякова, этотъ Славянофильскій пророкъ сдѣлался настолько любезнымъ мнѣ поэтомъ, что и сейчасъ я знаю наизусть большую часть его стихотвореній позднѣйшаго періода. Вкусъ былъ къ литературѣ вообще политической, а политическая литература была по преимуществу обличительная, отрицательная.

*

Только что возвратился я въ Москву, какъ посѣтили меня мои пріятели: Павелъ Васильевичъ Лебедевъ и Владимиръ. Съ Владимиромъ, который сталъ уже студентомъ, мы дали одинъ другому слово помогать другъ другу во всѣхъ предпріятіяхъ. Но самихъ предпріятій не оказывалось, если не считать знакомство съ сосѣдками, четырьмя дочерьми священника Ивановскаго монастыря. Предпріятіе это было не мое, а Владимирово. Еще въ Іюль, въ самый разгаръ моихъ экзаменовъ, онъ увѣдомлялъ меня съ свойственною всѣмъ Чернышевскимъ таинственностью: «Интереснаго въ Москвѣ много по части.... ну понимаешь? Жаль только, тебя недостаетъ. Поповны каждый вечеръ ходятъ сидѣть къ намъ». Причина скрыта. Съ поповнами этими знакомство у моихъ сестеръ и Владимира началось въ мое отсутствіе изъ Москвы. А такъ какъ одного Владимира на четырехъ поповень было недостаточно, то возвращеніе мое въ Москву для многочисленныхъ, сердечно голодающихъ поповень было подлогомъ съѣстныхъ припасовъ. Одна изъ поповень при первомъ же нашемъ свиданіи выпросила у меня въ подарокъ четки, послѣ чего мы вечера три гуляли у насъ на горѣ. Перезрѣлая поповна, оказалось, уже многіе годы была влюблена въ одного семинариста, съ которымъ вскорѣ и сочеталась бракомъ. Но почти до самой ея свадьбы я служилъ для ея кокетства тѣмъ кожанымъ «чуркою» (динамометромъ), надъ которымъ на праздникахъ предъ балаганами, бывало, силачи пробовали свою силу.

Настало ученіе. Изъ трехъ нижнихъ параллельныхъ отдѣленій постоянно образовалось два параллельныхъ среднихъ отдѣленія. Одна «реторика» изъ трехъ растрчивалась: часть учениковъ исключалась, часть оставалась на второе двухлѣтіе. Меня назначили въ первую «философію», гдѣ преподавателемъ главныхъ предметовъ логики, психологии и патристики былъ священникъ Петръ Алексѣевичъ Преображенскій, ученый и талантливый основатель (вмѣстѣ съ Университетскимъ Н. А. Сергіевскимъ) духовнаго журнала Православное Обозрѣніе; но я имѣлъ глупость перепроситься во вторую философію, гдѣ преподавателемъ главныхъ предметовъ оказался Константинъ Семеновичъ Озеровъ,

тоже священникъ, но и философъ и преподаватель весьма посредственный, да еще лѣnivый и молчаливый, отчасти походившій на «Яшага». По первому впечатлѣнію Озеровъ казался мнѣ симпатичнѣе Преображенскаго. Первая по логикѣ лекція Озерова мнѣ очень понравилась; но этимъ рвеніе Озерова и ограничилось. Послѣ того онъ большую часть времени сталъ посвящать спрашиванію уроковъ или сдачѣ сочиненій безъ всякихъ замѣчаній. Кедрскій отлично рекомендовалъ меня Озерову, и тотъ на одномъ изъ первыхъ уроковъ «поднялъ» меня и долго бесѣдовалъ со мною, но я не почувствовалъ при этомъ въ Озеровѣ ни ума, ни знаній. Разочарованіе было полное. Любознательность моя опять была осуждена на праздность. Чѣмъ заполнить эту пустоту, насытить душевный голодъ? Я возвратился къ своей весенней мысли объ изданіи рукописнаго журнала, и Лебедевъ усердно принялся водить меня въ театръ.

Пора однако познакомить читателя съ нашимъ искусствомъ ходить въ Малый театръ безъ билета и безъ денегъ. Это описано въ Дневникѣ такъ. «Отправляемся мы въ театръ безъ верхняго платья ко второму дѣйствию піесы, и въ антрактъ между первымъ и вторымъ дѣйствіями входимъ въ раекъ. Тамъ почти всегда оказываются свободныя мѣста. Но если всѣ нумерованныя мѣста заняты, мы идемъ на неумерованныя, находящіяся за райкомъ, въ обоихъ углахъ, подъ самымъ потолкомъ. Тамъ въ каждомъ углу можетъ помѣститься около десятка человѣкъ, и туда капельдинеры пускаютъ за деньги въ свой карманъ. За пропускъ берутъ коп. 10 съ человѣка. Конечно, это путешествіе безъ верхней одежды возможно только весною и осенью. Въ это полугодіе видалъ я въ Маломъ театрѣ піесы: «Дѣтскій докторъ», отъ превосходнаго исполненія которой былъ въ восторгѣ, Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, гдѣ игра Полтавцева въ главной роли показала мнѣ очень талантливою; Женихъ изъ Ножевой линіи, піесу «Отецъ и Дочь» въ Большомъ театрѣ. Вообще я очень пристрастился къ театру, такъ что даже мечталъ черезъ одного товарища (сына священника изъ того прихода, гдѣ находятся театры) познакомиться съ артистами. Мечты такъ и остались мечтами. Выблассному чтенію я предался страстно. 19 Сентября, въ день своихъ именинъ записываю: «Какая-то жажда знанія начинается мучить меня. Сажусь тутъ же за Французскій языкъ, но безъ какого либо руководителя дѣло почти не идетъ. Успѣшнѣе шло чтеніе: читалъ исторію философіи Зедергольма, логику Карпова и т. п., увлекался софизмами въ родѣ «Ахиллесъ и черепаха» (доказывалось, что Ахиллесъ не можетъ перегнать черепаху), особенно налегъ на новые журналы: Русскую Бесѣду, Русскій Вѣстникъ, Современникъ, Библиотеку для чтенія, Журналъ Землевладѣльцевъ, Вѣстникъ Естествен-

ныхъ Наукъ и т. п. Оцѣнивая значеніе чтенія этихъ жураловъ, нахожу, что я уже «пріобрѣтаю направленіе, вырабатываю свои убѣжденія», нахожу въ себѣ «нравственную возмужалость». Пора мнѣ уже въ міръ, я уже не ребенокъ. А иногда бываю какъ ребенокъ. Нѣкоторые журнальные статьи оставляли слѣдъ въ моей дунѣ. Каково нынче стали писать въ журналахъ! восклицаетъ Дневникъ. Вотъ какія строки Николая Остафьева пропущены Никитою Петровичемъ, какъ цензоромъ, въ Журналъ Землевладѣльцевъ: «Теперь, навѣрное, ни одинъ порядочный отецъ, естественно дорожащій нравственностью своего сына, ни за что не рѣшится отдать его въ Духовную Академію, а тѣмъ менѣе въ Семинарію. Самое это названіе, по моему мнѣнію, должно быть изгнано изъ Русскаго языка: до того оно опошлилось и омерзѣло. Слово «семинаристъ» стало почти браннымъ словомъ, выражающимъ презрѣніе». На эту рѣзкую характеристику я прямо обидѣлся. «Тутъ много неправды, односторонности», замѣтилъ я, приведя эти слова: еще много хорошаго есть въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Самъ Н. П-чъ немного испугался своего цензорскаго либерализма, пропустивъ это мѣсто. Въ скоромъ времени въ томъ же журналѣ Желтухина была напечатана его замѣтка «Изъ письма въ редакцію», гдѣ за подписью Р. С. Т. пытался онъ сгладить впечатлѣніе отъ пропущенной имъ статьи.

Но я не убоился рѣзкаго порицанія Остафьева и тутъ же записалъ свой учебный планъ: доучиваться эти четыре года въ Семинаріи, а потомъ идти въ Духовную Академію. Такимъ образомъ ни явная, ни потаенная литература пока еще не могли столкнуть меня съ завѣщаннаго прадѣдами пути. Нужно было собственное разочарованіе. Но пока я еще мечталъ (и даже вмѣстѣ съ матерью), какъ хорошо было бы поступить въ Московскую Духовную Академію. Говорятъ, въ Лавру проведутъ желѣзную дорогу: тогда можно было бы часто бывать и въ Москвѣ, да и меня стали бы навѣщать родственники. Славно бы пожили! Дай Господи, чтобы это мое завѣтное мечтаніе исполнилось. А разочарованіе уже начиналось. Появилась въ душѣ едва замѣтная заусеница, она будетъ задираться все больше и больше. Прежде всего школьное ученіе нисколько меня не удовлетворяло. Тѣмъ не менѣе, хорошо помня ту пропасть, изъ которой я два года тому назадъ еле-еле выкарабкался, я страстно налегъ на писаніе сочиненій прежде всего, конечно. Главными пружинами были любознательность и раздраженное обидою Кедрскаго школьное самолюбіе. Мнѣ, во что бы то ни было, хотѣлось настолько выдвинуться надъ «перваками», чтобы никакія внѣшнія соображенія («некого понизить» Кедрскаго) не могли бы помѣшать оказаться первымъ, хотя быть первымъ въ философіи было уже труднѣе, чѣмъ въ реторикѣ: философіей было только двѣ, тогда какъ реторикъ

было три. Совершенно искренно писалъ я въ Дневникъ: «Дайте мнѣ времени лишняго, времени, времени. Дѣла много, а времени мало. Откуда взять его? Меньше спать, постоянно сидѣть за дѣломъ». Первое сочиненіе Озеровъ задалъ на тему: кто хочетъ быть хорошимъ философомъ, тотъ долженъ чрезъ постоянное чтеніе изучать Священное Писаніе. Тема показалась мнѣ очень легкою; тѣмъ не менѣе я тотчасъ же сказалъ объ этомъ отцу, и мы долго бесѣдовали о томъ, какъ писать это первое «философское» сочиненіе. Послѣ того я цѣлый вечеръ проработалъ надъ этимъ сочиненіемъ и отмѣтилъ въ Дневникъ: кажется выйдетъ хорошо; надо написать такъ, чтобы въ носъ бросилось. Но гораздо уже труднѣе показалась мнѣ послѣдовавшая затѣмъ тема: «о значеніи собственнаго размышленія въ дѣлѣ познанія и развитія разума». Начиналась чувствоваться тяжесть отцовской опеки надъ моими сочиненіями. Охъ, восклицалъ я, какъ несносно давать отцу поправлять сочиненія; забудешь всю пользу, получаемую отъ этого. Читатель помнитъ, какъ отецъ истязалъ мои сочиненія въ реторическомъ классѣ. Теперь, занятый урокомъ по Закону Божію у Желтухина, издателя «Журналъ Землевладѣльцевъ» (куда отрекомендовалъ его Н. П—чъ), отецъ мало имѣлъ свободнаго времени, а потому рѣдко томилъ и мучилъ меня съ моими сочиненіями, постоянно откладывая со дня на день ихъ поправку. Я сильно беспокоился, что онъ не успѣетъ къ сроку подачи произвести всѣ исправленія, при необходимости притомъ каждый разъ мнѣ переписывать исправленное. Была и другая причина: два года упражнялся я подъ его руководствомъ; при его системѣ, отъ исправленийъ одного сочиненія получалось пользы больше, чѣмъ отъ десятка обыкновенныхъ школьныхъ поправокъ; а потому-то эти два года я уже твердо стоялъ на ногахъ и, пожалуй, не нуждался болѣе въ опекѣ. Потому-то она, какъ излишняя, но крайне придирчивая, и стала казаться мнѣ несносною. Священникъ Озеровъ, при безталантливости своей, сталъ бить на популярность. Задавая какъ-то сочиненіе, онъ совѣтовалъ писать «повольнѣе, смотрѣть на тему сочиненія не съ казенной православной точки зрѣнія». Этому не нужно было меня учить. Изъ своего рукописнаго сборника я достаточно уже пропитался не-«казенными» взглядами. Но либеральная фальшь Озерова скоро обнаружилась. Въ Ноябрь Озеровъ весьма расхвалилъ меня: и взглядъ-то у меня мѣткій, попадаю прямо въ больное мѣсто, и пишу-то такъ легко, что будто бы мнѣ это никакого труда не стоитъ. Онъ «поднялъ» нашего перваго ученика изъ «профессорской родни», прочиталъ мое сочиненіе и сочиненіе Хрисанѣа, изъ «профессорской родни», записаннаго выше меня, и потребовалъ его мнѣнія, чей изъ насъ двоихъ экспромтъ лучше. Мнѣ оба нравятся, сказалъ уклончиво первый ученикъ. Послѣ этого Озеровъ сдалъ мнѣ всѣ

четыре моихъ сочиненія съ наилучшими противъ всѣхъ моихъ товарищей балами и съ приписками: «очень хорошее сочиненіе», «бойко написано, хороню», «дѣльно», «складно». Торжество мое было полное; мои сочиненія лучше всѣхъ; и такъ я буду первый. У васъ, продолжалъ свои похвалы Озеровъ, глубокой взглядъ; вы, какъ видно изъ вашихъ сочиненій, знаете болѣе другихъ. Смотрите, не возгордитесь, что я поставилъ вамъ отмѣтки лучше другихъ. Вамъ надо больше, какъ можно больше заниматься, чтобы вапа легкость писать не обратилась въ привычку писать поверхностно. Я готовъ трудиться, отвѣчалъ я, конфузясь и искренно жалѣя «перваковъ», затѣненныхъ моимъ авторитетомъ. Вамъ, продолжалъ Озеровъ, можетъ быть велить о. ректоръ читать на актѣ свои сочиненія. Я ему представлю на выборъ между другими и ваши сочиненія. Смотрите, не возгордитесь этимъ. На другой день Озеровъ задаетъ экспромтъ только двоимъ: мнѣ и Некрасову, переведенному изъ первой реторики вторымъ. Вѣроятно сочиненіе Некрасова ближе прочихъ было къ моимъ; Озеровъ, должно быть, хотѣлъ этимъ конкурентнымъ пспытаніемъ окончательно рѣшить, представить или нѣтъ меня первымъ. Некрасову далъ онъ тему: «о причинахъ, побуждающихъ насъ любить и уважать свое званіе». А мнѣ: «о способахъ достигнуть любви и уваженія къ своему званію». Когда экспромты были написаны нами и прочитаны Озеровымъ, хотя «трактація» моего сочиненія не казалась мнѣ слабою, но поповское самоуваженіе Озерова оскорбилосъ слѣдующею фразою моего сочиненія, которой, однако, нельзя было отказать въ рекомендованной имъ вольности: «крестьянинъ, напимѣръ, скажетъ: почему бы, кажется, мнѣ не быть попомъ? Попы только обѣдни служатъ, въ законъ смотрятъ да книжки читаютъ, ничего не дѣлаютъ». Хотя дагѣ и слѣдовало у меня опроверженіе такого возраженія, но Озеровъ замѣтно разсердился. Чтѣ до Некрасова, экспромтъ его оказался совсѣмъ негоднымъ. «Вы ничего не сказали»: такую оцѣнку далъ ему Озеровъ. Послѣ этого дошли до меня слухи, что Озеровъ отозвался обо мнѣ: «На него надо обратить особенное вниманіе». Чтѣ это значило, такъ и осталось мнѣ непонятнымъ. Тѣмъ не менѣе 25 Ноября на актѣ я одинъ изъ нашего отдѣленія читалъ вслухъ свое сочиненіе. Это такъ подѣйствовало на одного ритора, что онъ предложилъ мнѣ подрядъ писать на него цѣлый годъ всѣ сочиненія съ платою 15 рубл. въ годъ. Я обрадовался: «деньги мнѣ, какъ нельзя больше, нужны». Но дѣло не состоялось. Послѣ акта Озеровъ сталъ задавать мнѣ экспромты устные, чтѣ для прочихъ было уже совсѣмъ не по силамъ. Г. Гиляровъ, обращался онъ какъ-то ко мнѣ: какъ согласить то, что І. Христось говоритъ: «Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая и т. д. съ тѣмъ, чтѣ психологія учить, что помышленія исходятъ отъ ума?»—Здѣсь, отвѣчалъ я, надо

обратить вниманіе на то, къ чему Христось сказалъ эти слова. Онъ говорилъ, что не яденіе съ неумытыми руками оскверняетъ человѣка, а исходящее изъ него самого, изъ внутри, оскверняетъ человѣка. Значить, здѣсь внѣшнее противопоставляется внутреннему, а потому подъ словомъ сердце разумѣется не сердце въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вся вообще духовная сторона человѣка. Озеровъ остался доволенъ и задать всѣмъ мысленный экспромптъ на тему: «какъ объяснить, что по мѣрѣ возвышенія внѣшняго благосостоянія человѣка внутреннее его благосостояніе упадаетъ?» Въ надеждѣ, что я уже отдѣлался устнымъ исключительно мнѣ заданнымъ экспромптомъ, я даже я не подумалъ объ этомъ письменномъ экспромптѣ. Но Озеровъ поспѣшилъ потребовать съ меня и этого экспромпта, и я принужденъ былъ сказать его устно. Совершенствованіе въ чемъ либо предполагаетъ любовь къ предмету совершенствованія, отвѣчалъ я. Тамъ и тутъ требуются любовь къ Богу и любовь къ міру, какъ понятія противоположныя, несовмѣстимыя въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ одно и тоже время. А потому и необходимо при возвышеніи внѣшняго благосостоянія упадаетъ внутреннее благосостояніе и наоборотъ и т. д. Озеровъ и на этотъ разъ остался доволенъ.

Какъ же мои прочіе предметы? Латинскій языкъ преподавался Озеровымъ; теперь онъ былъ пристегнуть къ логикѣ съ психологіею такъ какъ же, въ низшемъ отдѣленіи къ словесности. Частію Латинскіе часы уходили на экспромпты по логикѣ и психологіи; частію въ нихъ что-то переводили, но что именно, рѣшительно не припомню. Вѣроятно, какое либо философское сочиненіе Цицерона. Важнѣйшимъ послѣ главнаго предмета была церковная библейская исторія, преподаваемая инспекторомъ архимандритомъ Никодимомъ по учебнику того же имени м. Филарета. И здѣсь неизмѣнное «отсюда и досюда» безъ всякихъ объясненій. Впрочемъ кромѣ этого инспекторъ не разъ читалъ вслухъ въ классѣ Русскій переводъ второй и третьей книги Пятикнижія. Требовалъ онъ изъ учебника Филарета отвѣта буквальнаго, что не особенно было легко въ виду увѣсистаго тома этого учебника. Св. Писаніе и Греческій языкъ преподавалъ С. Д. Писаревъ крайне плохо и безъ всякаго для насъ результата. Только одинъ Илья Васильевичъ Бѣляевъ, симпатичный человѣкъ и основательный ученый, преподаватель Русской Исторіи, могъ бы приносить пользу, если бы Русская Исторія пользовалась какимъ - либо значеніемъ при составленіи списковъ. Въ среднемъ отдѣленіи, а можетъ быть еще и въ низшемъ, записался я на Французскій языкъ, предметъ необязательный. Училъ А. О. Кирьяковъ и должно быть очень плохо, потому что, добровольно взявшись за этотъ предметъ, я и многіе мои товарищи совсѣмъ не учились. За все время моего ученія никто изъ профессоровъ никого изъ насъ и не подумалъ поставить

на колѣни; даже и «столбомъ»-то ставилъ только одинъ «Арбакъ», пощъ Казанскій, учитель Всеобщей Исторіи. А здѣсь насъ «философовъ» Кирьяковъ за незнаніе необязательнаго предмета вадумалъ ставить на колѣни. Очень пріятно было оставаться послѣ двухъ часовъ на Французскій классъ и, послѣ триумфовъ по главному предмету, выслушивать отъ Кирьякова приказанія: Стань, братецъ, къ печкѣ. Возмущались этимъ, ходили на Французскій языкъ, но ни на шагъ въ немъ не подвигались. Да и какъ было подвигаться, постоянно стоя на колѣняхъ у печки?

Преподаваніе и вообще весь строй семинарской жизни пересталъ удовлетворять меня и началъ оскорблять. Я удивлялся на возраженія, даваемые инспекторомъ всему классу въ формѣ: «Кто скажетъ?» на такіе пустѣйшіе вопросы: «Сколько лѣтъ отъ Сотворенія міра до Рождества Христова? О хронологіи вообще, кажется, никто не имѣлъ понятія въ Семинаріи, ни ученики, ни профессора. А надъ семинарской дисциплинарной канцелярщиной даже отецъ вмѣстѣ со мной смѣялся, когда я сообщилъ ему журнальную резолюцію инспектора на основаніи цензорскаго донесенія: «Стыдно ученикамъ средняго отдѣленія вести себя подобно дѣтямъ. Виновные пусть стоятъ столбомъ». Другой разъ подцензоръ Иванъ Спасскій, изъ бездарности оставшійся на второе двухлѣтіе, записалъ и меня въ штрафной классный журналъ: «Все въ классѣ было исправно, кромѣ Гилярова, который сидѣлъ нескромно при наставникѣ (вѣроятно я разговаривалъ съ сосѣдомъ) и на мое замѣчаніе сидѣть лучше, отвѣчалъ: «отстаньте». На другой день инспекторъ призываетъ меня и выговариваетъ мнѣ за мое «неприличное поведеніе»; беретъ съ меня слово, что, если я попадусь въ какойнибудь «шалости», стоять на колѣняхъ; на сей же разъ онъ-де не наказываетъ меня. Глупое замѣчаніе инспектора взбѣсило меня. Я и въ «реторикѣ», когда былъ моложе, не оказывался причастнымъ какимъ-либо «шалостямъ». А между тѣмъ я зналъ, что большинство учениковъ, безъ моего, конечно, участія, при тѣхъ же цензорахъ, передъ приходомъ профессора хоромъ громко распѣвали непристойныя пѣсни, нетерпимыя даже въ то время на улицѣ, какъ: «Вдоль по улицѣ Арбатской» или нецензурные варианты «Дубинушки» и т. п. Такое несправедливое ко мнѣ отношеніе, пробудило во мнѣ озорство; мнѣ захотѣлось безстыже, нагло насмѣяться надъ своими властями. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ надуть дурака-начальника, радовался я въ Дневникѣ, описывая свою проказу. Не захотѣлось мнѣ сидѣть въ классѣ Библейской Исторіи у инспектора и въ классѣ Латинскаго языка, и я въ журналѣ, подаваемомъ субинспектору, записался въ числѣ отсутствующихъ: «Федоръ Гиляровъ для отпращиванія брата въ Градскую больницу изъ двухъ послѣднихъ классовъ». Главный дежурный богословъ П. С. Соколовъ, мой Черкизовскій

спутникъ, доложилъ о моей просьбѣ А. Е. Свѣтовидову, старому моему врачу по Донскому училищу. Основательность моей просьбы, казалось бы, по самой своей оригинальности не должна была внушать подозрѣнія; но Свѣтовидовъ не влюбилъ меня съ училища, противился моему переводу въ Семинарію, а теперь я, кандидатъ въ первые ученики, былъ живымъ для него укоромъ въ глазахъ Шаврова и другихъ; потому, конечно, меня, отличнаго ученика, онъ и заподозрилъ въ отлыниваніи отъ классовъ и не разрѣшилъ мнѣ отпуска. Отпускъ не особенно былъ для меня нуженъ, да и отлынять-то вздумалъ я только въ первый разъ; но во мнѣ заговорила страсть помѣриться хитростью, лицемѣріемъ съ своимъ закоснѣлымъ врагомъ. Узнавъ объ отказѣ въ отпускѣ, я въ 10 часовъ являюсь къ Свѣтовидову. Что скажете, Гиляровъ? грубо встрѣчаетъ меня «свинчатка» (такъ прозвалъ я Свѣтовидова за его носъ, необыкновенно похожій на игральную кость, бабу, битку, залитую свинцомъ, «свинчатку»). Я записался въ журналъ отвезти брата въ больницу; а вы меня непустили. Сдѣлайте милость, отпустите: мнѣ крайне необходимо.—Да вѣдь у васъ есть батюшка, возражаетъ «свинчатка»: онъ можетъ свезти.—Батюшка мой на урокъ, продолжалъ я свою ложь.—И думалъ..... начинаетъ уступать свинчатка. Мнѣ очень обидно, возражаетъ достойный ученикъ своихъ учителей, что вы такъ дурно думаете обо мнѣ, будто бы я по лѣности отпрашиваюсь отъ классовъ.—И думалъ, что за вами отецъ смотритъ, безпричинно оскорбляетъ меня свинчатка. Что жъ, который это братъ боленъ?—Старшій.—Кто жъ онъ такой?—Онъ служить. Въ сознаніи своей формальной правоты, я готовъ былъ уже сказать дерзость на неумѣстные разспросы, какъ услышалъ отъ Свѣтовидова.—Ступайте, пожалуй.

Едва ли, когда я такъ смѣялся, какъ смѣялся надъ одураченнымъ «свинчаткою». Это было наканунѣ акта, наканунѣ моего исключительнаго торжества, когда изъ всего класса только мнѣ одному назначено было прочитать мое сочиненіе. Послѣ этого триумфа я принялся систематически истреблять мелкую власть. Какъ-то послѣ перваго класса, когда ректоръ еще не выходилъ изъ высшаго отдѣленія, сталъ я прохаживаться по верхнему коридору (мѣсто привилегированныхъ, только богослововъ). Подцензоръ Иванъ Спасскій, еще такъ недавно донесшій инспектору о моемъ нескромномъ сидѣніи въ классѣ, обращается ко мнѣ: Г. Гиляровъ. О. ректоръ въ классѣ еще. Неловко, если онъ васъ встрѣтитъ здѣсь. — Что вы изволите говорить? ядовито-вѣжливо, переспрашиваю я его. Онъ повторяетъ свое предостереженіе. — Сдѣлайте милость, не извольте беспокоиться. Это не ваше дѣло, а мое-съ. Замѣчаніе цензора выходило изъ компетенціи его власти, ограничивавшейся только классомъ. Дѣло происходило въ коридорѣ, гдѣ на-

блюденіе принадлежало дежурному «старшему» изъ богослововъ, но никакъ не цензору. Несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ моего чтенія на актѣ, подцензоръ, недавній доносчикъ на меня, теперь этимъ предостереженіемъ хотѣлъ только подслужиться ко мнѣ по чувству добровольнаго холопства. Въ Семинаріи нравственный гнетъ отличнаго ученика надъ прочими былъ такъ великъ, какъ нигдѣ въ другой школѣ. На цензора Сахарова, тоже изъ старыхъ бездарностей, я уже и самъ напалъ. Я узналъ, что онъ не самъ пишетъ сочиненія, а пишетъ для него богословъ Муравьевъ, мой хорошій знакомый, очень талантливый, вскорѣ ушедшій на юридическій факультетъ и служившій потомъ въ числѣ несмѣняемыхъ судебныхъ слѣдователей. Я сказалъ о подлогахъ цензора другому «старцу» Некрасову, а тотъ передалъ цензору. Въ результатѣ была брань между нами, но цензоръ почувствовалъ себя гораздо болѣе въ моихъ рукахъ, чѣмъ я былъ въ его. Не только съ властями, но и съ товарищами принялся я воевать особымъ впрочемъ образомъ. Между нами завелся обычай рисоваться другъ передъ другомъ: одни рисовались пьянствомъ, другіе дѣйствительными или вымышленными своими любовными похождениями; я, безсильный конкурировать съ своими товарищами въ томъ и другомъ отношеніи, избралъ себѣ особый предметъ рисовки-превратностью своихъ мнѣній, что было нетрудно при моемъ постоянномъ домашнемъ чтеніи философскихъ книгъ. Теперь я, какъ значится въ Дневникѣ въ началѣ Декабря, стараюсь выказать передъ товарищами свои ложныя мнѣнія и вступаю съ ними въ горячіе по этому поводу споры, съ товарищами, которые настолько умны, что могутъ спорить, но настолько глупы, что не понимаютъ, что я ихъ морочу. Опровергать ихъ основательныя доказательства тонкими софизмами теперь мое самое любимое удовольствіе. А они-то, дурачье, рты развѣваютъ и не могутъ меня опровергнуть. Я рассуждаю съ такими господами о вѣчной жизни, о нравственномъ долгѣ человека, и они считаютъ меня чуть не атеистомъ. А. Ц.—въ (нынѣ соборный протоіерей) называлъ меня за то мизантропомъ. Мой умъ настолько однако запутался въ софистикѣ, что тутъ же, послѣ этого откровеннаго признанія, я сталъ софистически оправдывать себя. Это, говорю, не бѣда. «Вѣку философіи отчетливой, озаряемой сознаніемъ, говоритъ Риттеръ, обыкновенно предшествуетъ вѣкъ мнѣній шаткихъ, сопровождаемыхъ наклонностью къ софистикѣ, или, по крайней мѣрѣ, легкомысленнымъ сужденіемъ о религіи, нравственности, наукѣ. Если (продолжаю уже послѣ Риттера рассуждать самъ) можно сравнивать жизнь отдѣльнаго человека съ жизнью цѣлаго народа: то, безъ сомнѣнія, можно сравнивать и философствованіе каждаго индивидуума съ философствованіемъ цѣлаго народа, законы развитія у того и у другого. Если такая шаткость мнѣній предшествуетъ филосо-

фіи отчетливой, сознательной: мнѣ только того и хочется—достичь этой степени философствованія. Впрочемъ, заключаю свое разсужденіе, не ложно ли и Риттеромъ выведена мысль? Впрочемъ, если и ложно, тоже не бѣда и все въ силу тѣхъ же вышеприведенныхъ соображеній. Но самый строгій анализъ обращается на самого, какъ на наиболѣе безтактный объектъ. Замѣчаю, что на инспекторскомъ классѣ изъ Библейской Исторіи продолжаю молиться, когда инспекторъ уже окончилъ молиться; упрекаю себя въ гнусномъ лицемѣріи, а потомъ подозреваю, не становлюсь ли на ходули и въ самомъ этомъ самообличеніи, и заканчиваю: «надобно какъ можно чаще и строже анализировать себя».

Подходили Рождественскіе экзамены. Дѣла по логикѣ и сочиненіямъ были въ отличномъ положеніи, а потому и по латыни стояли у меня тоже пятерки. По Церковно-библейской исторіи я зубрилъ не хуже учениковъ перваго пятка; но инспекторъ, подозревая, должно быть, во мнѣ отсутствіе должнаго смиренія, ставилъ мнѣ только четверки, черезъ что моя семинарская обида накапливалась еще болѣе. По остальнымъ предметамъ я, какъ и прочіе, совсѣмъ не занимался, и единственный разъ, спрошенный по Св. Писанію, отвѣтилъ при помощи подсказыванія симпатичнаго своего товарища Виноградова (окончившаго потомъ курсъ въ Духовной Академіи и достигшаго мѣста учителя въ женской гимназіи). Тѣмъ не менѣе за Св. Писаніе получилъ я высшую отмѣтку. За то Степанъ будущему университетскому студенту поставилъ за естественную исторію единицу. Въ началѣ Декабря я подводилъ итогъ своимъ знаніямъ. Я почти ничего не узналъ за эти три мѣсяца. Логикѣ только порядочно знаю. Изъ записокъ на Св. Писаніе ничего не знаю. Изъ Русской исторіи по Устрялову тоже ничего не знаю. А о физикѣ естественной и языкахъ и говорить нечего. Хотя и обдержался я, по привыкѣ къ экзаменамъ, а все какъ-то жутко. А между тѣмъ, чѣмъ бы готовиться къ экзаменамъ, я читалъ Исторію философіи Риттера и дѣлалъ изъ нея выписки, чигалъ Опытъ науки философіи Надеждина съ выписками же, а также и Белюстина о сельскомъ духовенствѣ съ еще болѣе обширными извлеченіями. Впечатлѣніе отъ книги «Описаніе сельскаго духовенства», напечатанной за границею, было потрясающее. Я не въ состояніи даже былъ дать своего отзыва объ этой книгѣ, а только перефразировалъ слова самого о. Белюстина, автора этой книги: «Да будетъ въ вѣчномъ благословеніи память твоя, нелицемѣрный іерей Бога Вышняго. Всѣми благами неба да воздастъ тебѣ Спаситель за то, что ты не убоился сказать слово правды, за то, что не убоился указать средства исправить духовенство и обличилъ волковъ въ овечьей шкурѣ». Далѣе шли совершенно противоположныя пожеланія по адресу этихъ волковъ. Между тѣмъ Озеровъ задалъ экспромтъ на тему: «можно ли согласиться съ

мыслью о предсуществованіи душъ?» и объѣхалъ по этому опыту судить о прочихъ сочиненіяхъ. Я поднялъ на ноги Индійскую философію, Платона и школу Вольфа и на теперешній свой взглядъ написалъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно, ибо помимо логики обнаружилъ начитанность въ философіи. Озеровъ нашелъ это сочиненіе только удовлетворительнымъ. Черезъ сутки послѣдовалъ экзаменическій экспромптъ на текстъ изъ Сираха, гдѣ Премудрый уподобляетъ общеніе съ гордымъ соприсовѣніемъ со смолою. Экспромптъ этотъ, вѣроятно, никѣмъ не былъ читанъ, по крайней мѣрѣ не возвращенъ намъ. Затѣмъ заданъ былъ другой экзаменическій экспромптъ на тему: «какъ согласить то, что Іовъ, образецъ терпѣнія и преданности къ Богу, проклялъ день своего рожденія?» Судьба и этого экспромпта осталась для насъ неизвѣстною.

Передъ самымъ экзаменомъ произошло у меня не совсѣмъ мирное объясненіе съ Кедрскимъ по поводу одного изъ младшихъ моихъ родственниковъ. Еще въ Октябрѣ Кедрскій пригласилъ меня къ себѣ съ кѣмъ-то изъ моихъ товарищей за получешемъ отъ него прежнихъ нашихъ, несданныхъ еще имъ, сочиненій.

Когда товарищъ мой ушелъ, Кедрскій сталъ меня разспрашивать: — N. N. вамъ родственникъ? — Да. — Какъ онъ вамъ доводится? Я назвалъ степень родства. — Почему онъ иногда неисправенъ? Я старался, сколько могъ, объяснить его неисправность и оправдать его. — Если вы имѣете на него какое-либо вліяніе, продолжалъ Кедрскій, посоветуйте быть ему поисправнѣе, а я съ своей стороны займусь съ нимъ въ память вашу. Передъ экзаменами профессора какъ-то заигрываютъ со мною. Слышу черезъ племянника Озерова: Озеровъ хвалить васъ Писареву, а Писаревъ очень хвалитъ васъ Озерову. Слышу это и предчувствую повтореніе весенней исторіи. Отличнѣйшія похвалы и обходъ нѣсколькими листами по списку. Какъ-то ожесточаюсь и накидываюсь на Кедрскаго. — Алексѣй Васильевичъ, скажите, пожалуйста, какимъ вы представили моего родственника?—Первымъ во второмъ разрядѣ, т. е. 26. — Что же такъ низко? — Вотъ, вѣдь, говорилъ вамъ, смотрите за нимъ: неисправно велъ себя, передъ экзаменомъ не ходилъ въ классъ.—Развѣ это преступленіе, не ходить въ классъ?—Преступленіе не преступленіе, а все-таки мнѣ не удалось спросить его на повтореніи. Я не знаю, какъ онъ знаетъ. Я покраснѣлъ отъ досады и, не дослушавши его, ушелъ отъ него: такъ это меня взбѣсило. А все надѣлалъ это Пастрана-Яшагъ. Онъ представилъ его 59-мъ. Я сказалъ Павлу, что изругаю его родственника, какъ только гдѣ нибудь встрѣчу его. Да, кажется, пора разстаться и съ Павломъ-то. Заступаясь за другихъ, себя я однако чувствовалъ весьма плохо приготовленнымъ къ экзаменамъ. Надо уже помолиться поусерднѣе Богу: сколько разъ черезъ это

избавлялся я отъ непріятностей, а особенно по части ученія. Находя одинъ свой экзаменическій экспромптъ хуже, чѣмъ другой, замѣчаю: вотъ что значить Богу-то не помолиться предварительно. Передъ самымъ экзаменомъ, вечеромъ и утромъ, я очень усердно молился, а по дорогѣ въ Семинарію даже заходилъ къ Иверской иконѣ Божіей Матери. По Св. Писанію ректоръ, не вызывая меня къ экзаменаціонному столу, поднялъ меня только на «возраженіе», вѣроятно, по поводу Іова. Не посылается ли когда на человѣка несчастье, чтобы въ этомъ явилась слава Божія? Нѣтъ ли въ Новомъ Завѣтѣ указанія на какое-либо событіе въ этомъ родѣ.—Такой случай былъ со слѣпорожденнымъ, исцѣленнымъ Іисусомъ Христомъ, отвѣчалъ я. — Хорошо, сказалъ ректоръ, чѣмъ и ограничился для меня экзаменъ изъ Св. Писанія. Изъ Церковно-библейской Исторіи совсѣмъ меня не спросили. Мой отвѣтъ изъ логики ректоръ прервалъ вопросомъ, въ видѣ «возраженія»: Чтѣ такое законъ и форма? И послѣ моего удовлетворительнаго отвѣта, сказалъ «хорошо», и поставилъ 5. На экзаменъ по второстепеннымъ предметамъ я махнулъ совсѣмъ рукою, услышавъ, что Озеровъ представилъ меня не первымъ, а третьимъ. Тѣмъ не менѣе по Русской Исторіи былъ скромнѣе и отвѣчалъ не по учебнику, а по прежнимъ своимъ домашнимъ источникамъ, Карамзину и др. Экзамену изъ Русской Исторіи предшествовала отправка депутаціи къ симпатичному, слабому до женственности, больному И. В. Бѣляеву. Депутатами были: я и Куняевъ, превосходно занимавшійся по Русской Исторіи. Предметомъ просьбы нашей было спрашивать не съ начала Русской Исторіи, а съ княженія Ярослава, хотя, казалось бы, слѣдовало, по трудности удѣльнаго періода, просить наоборотъ. Милый Ильѣ Васильевичъ «расплакался», но согласился на нашу просьбу, а придя затѣмъ въ классъ сталъ упрекать всѣхъ насъ: Г-да, какъ вамъ не стыдно присылать депутатовъ? И кого же прислали? Куняева, Гилярова!

И. В. Бѣляевъ, помимо высокихъ своихъ личныхъ достоинствъ, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Н. П. Гилярова въ Моск. Дух. Академіи. Когда отвѣчалъ я по Русской Исторіи и нѣсколько замѣлся въ отвѣтъ на вопросъ о памятникахъ древней литературы (чего въ учебникѣ, однако, не было), Павелъ вскочилъ со скамьи и заявилъ себя готовымъ отвѣтить на это. Подобное же продѣлалъ онъ, когда Куняевъ позабылъ, кому, по смерти Ярослава, достался Переяславль. Такъ какъ я и Куняевъ были по общему признанію наилучшими учениками по Русской Исторіи, то выхода Павла особенно на экзаменѣ-то показалась намъ несоотвѣтственна школьнымъ понятіямъ о чести. Павелъ, какъ профессорскій родственникъ, а потому и безъ того въ привилегированномъ положеніи, позволивъ себѣ эту выходку, окончательно прояснилъ

мнѣ, что «честнымъ» товарищемъ онъ быть не можетъ. — Ты переялъ славу у Куняева, сказалъ я ему, намекая на преданіе о построении Переяславля. Павелъ отвѣтилъ мнѣ на эту невинную выходку какою-то дерзостью, очевидно чувствуя двойную неблаговидность своего поступка передо мною, не только, какъ товарищемъ вообще, но и его личнымъ другомъ. Съ тѣхъ поръ мы окончательно разошлись.

На экзаменъ изъ необязательнаго Французскаго языка я совсѣмъ не пошелъ. Въмѣсто Кирьякова, Французскій языкъ преподавалъ св. П. А. Преображенскій. Вызываютъ меня, и на отвѣтъ «нѣтъ» Преображенскій жалуется инспектору:—Вотъ, записался, а въ классъ никогда не ходитъ. Я очень за то на него озлился. Теперь удивляюсь: П. А. Преображенскій былъ въ высшей степени почтенный профессоръ и превосходный человѣкъ. Между прочимъ онъ-то именно, при моемъ поступленіи въ Университетъ, добылъ отъ какого-то благотворительнаго общества 25 р. с. для взноса за слушаніе мною лекцій, чего не могъ сдѣлать ни братъ, ни Н. П-чъ, хотя передъ тѣмъ я безъ усталы работалъ на него бесплатно полтора года. Въ ближайшіе святки я сидѣлъ за Французскимъ языкомъ, обращаясь за помощью къ одной изъ старшихъ сестеръ. А все таки укоръ Преображенскаго былъ вполне справедливъ.

Послѣ всѣхъ надеждъ и опасеній, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Озеровъ представилъ меня третьимъ, а по общему списку меня помѣстили пятымъ. Это былъ большой успѣхъ. Въ реторикѣ по послѣднему общему списку я былъ шестымъ, стало-быть при трехъ параллельныхъ классахъ 16—18-мъ, а теперь, при двухъ только параллельныхъ классахъ, 9—10. Въ слѣдующее полугодіе я приложу всѣ свои силы къ сочиненіямъ, чтобы Озеровъ представилъ меня по крайней мѣрѣ вторымъ. Буду заниматься и по прочимъ предметамъ. Посмотримъ, что будетъ. На публичномъ экзаменѣ митрополитъ выслушалъ только высшее отдѣленіе и уѣхалъ, предоставивъ доканчивать экзаменъ викарному архіерею; а тотъ кое-какъ его свертѣлъ, и меня не спросили.

Въ день публичнаго экзамена у меня произошелъ продолжительный разговоръ съ Е. Н. Шавровымъ, уяснившій мнѣ, какой опасности подвергалась участь моя два съ половиной часа тому назадъ и насколько я обязанъ ему, Шаврову. Я подошелъ къ Шаврову и спросилъ его:—Егоръ Николаевичъ. Хорошо ли занимается у васъ N.N, мой родственникъ? —Ничего, очень недурно, отвѣчалъ Шавровъ.—А какимъ вы его представили?—Я списки не представлялъ; да со мной что-то нынче изъ молодыхъ профессоровъ никто и не совѣтуется. А я ужъ такъ привыкъ съ пернаго разу опредѣлять человѣка. Вотъ въ Коммерческомъ Училищѣ (Шавровъ, кромѣ Семинаріи, училъ и тамъ), какъ я скажу другимъ профессорамъ, что у такого-то ученика прекрасныя способности, такъ

и оказывается. Мнѣ сдѣлалось жалко старика, и частію по убѣжденію, частію, чтобы доставить удовольствіе своему благодѣтелю, я замѣтилъ: —И немудрено. Кто имѣетъ способности и прилежаніе къ математикѣ, тотъ во всякомъ учебномъ заведеніи долженъ быть на хорошемъ счету. Только тотъ и можетъ писать логично, кто упражняется въ математику: тутъ постоянно ссылаешься на предшествовавшія доказательства. — Вотъ теперь и про васъ хотъ сказать, перебилъ меня Шавровъ, когда васъ перевели сюда изъ училища, я прямо сказалъ А. В. Кедрскому: «обрати, братецъ, на него вниманіе». —Я глубоко вамъ благодаренъ: вы не только здѣсь поддерживали меня, но вы же, какъ мнѣ извѣстно, настояли, чтобы меня перевели изъ училища въ Семинарію. — Да, подтвердилъ Егоръ Николаевичъ. Тогда ректоръ хотѣлъ васъ или исключить, или вывести, а инспекторъ настаивалъ на исключеніи; но я замѣтилъ тогда еще на экзаменѣ, что у васъ хорошія способности и не соглашался на исключеніе васъ. Кстати: знаете ли вы, какое различіе между способностями и дарованіями? Не догадываясь объ остротѣ всегда остроумнаго Шаврова, я отвѣчалъ сердечно: Способности гораздо общѣе дарованій. —Ну да. А у насъ въ семинаріяхъ не такъ считается. Знаете, былъ ректоръ Наѡанаилъ. Писалъ онъ съ профессорами списокъ и хотѣлъ ученика съ плохими способностями записать очень высоко. Профессора не соглашались и замѣчаютъ, что по способностямъ своимъ ученикъ не стоить такого мѣста. —Знаю я, что способности его плохи, отвѣчаетъ ректоръ, но за то дарованія хороши. А отецъ этого ученика дарилъ ректора. Намекъ Шаврова былъ достаточно ясенъ. — Егоръ Николаевичъ Свѣтовидовъ тоже очень любилъ въ училищѣ дарованія. Онъ за то и не хотѣлъ меня вывести, что отецъ мой, прежде дарившій его, на этотъ разъ передъ моимъ экзаменомъ не сдѣлалъ этого.

Шавровъ подошелъ къ профессорамъ Преображенскому, Озерову и Кедрскому и, смѣясь, сталъ имъ что-то рассказывать, должно быть окончаніе нанего разговора. Отъ профессорской группы отдѣлился Кедрскій и подошелъ ко мнѣ. —Что вы сердитесь, кажется, на меня, что я низко записалъ вашего родственника? обратился онъ ко мнѣ. —Ни мало, отвѣчалъ я съ плохо сдерживаемой обидой; мнѣ только страннымъ показалось, что у него такія хорошія сочиненія, а записанъ онъ такъ низко. — Да онъ лекціи плохо училъ. Вотъ и на экзаменѣ плохо отвѣтилъ. —Онъ получилъ четверку... Какое—четверку, 3! Еще ректоръ сказалъ мнѣ: «это, видно, не тотъ Гиляровъ». Да еще упрекнулъ меня: «высоко вы его записали». А я говорю: «въ память того Гилярова такъ записалъ». —Но вѣдь экзамены у насъ ничего не значатъ, продолжалъ горячиться я противъ горячо любимаго мною «Ленечки»: главное дѣло сочиненія, а они у него, какъ я видѣлъ, были очень хорошія. — Да,

толкуйте: а сочиненія-то у него могли вы поправлять. Я, Алексѣй Васильевичъ, считаю подлостью подать чужое сочиненіе...—Да я и не про васъ говорю. Говорю только то, что вы могли поправлять ему сочиненія. И онъ подозрительно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза своими зеленовато-сѣрыми глазами.—Я не поправляю ему. Онъ учился сочинять въ ваканцію.

Теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ, списывая буквально эту бесѣду изъ своего Дневника, записанную въ тотъ же день, снова проникаюсь глубокою благодарностію къ незабвенному Кедрскому. Во время бесѣды съ Кедрскимъ къ намъ подошелъ Озеровъ. — Константинъ Семеновичъ! обратился къ Озерову Кедрскій, любовно указывая глазами на меня. Поругайте его за то, что онъ плохо учитъ своего родственника.—Да онъ и самъ-то прескверно учится, неудачно сострилъ Озеровъ.— Константинъ Семеновичъ! перебилъ я его: скажите, пожалуйста, какимъ вы меня представили?—Въ концѣ 2-го разряда, продолжалъ упорствовать Озеровъ. — Что же такъ высоко? Въ отвѣтъ на это профессоръ философіи захохоталъ.

Послѣ этого я набросился на П. А. Преображенскаго и долго спорилъ съ нимъ, чтобы онъ освободилъ меня отъ добровольно принятаго мною на себя обязательства учиться Французскому языку. Преображенскій не согласился. «Но я (храбрится авторъ Дневника) все таки, наперекоръ ему, не стану ходить въ классъ Французскаго языка». Попытка къ остроумію Озерова, всегда молчаливаго и мрачнаго, мнѣ очень понравилась. Во время публичнаго экзамена говорю кому-то изъ товарищей: «философы будутъ рѣзаться».—Кто говоритъ, что «философы будутъ рѣзаться»? спрашиваетъ Озеровъ, проходя мимо насъ и поймавъ мою фразу.—Я сказалъ, отвѣчаю я.—А я вотъ чѣмъ, если будутъ рѣзаться, сказалъ Озеровъ, показывая свой кулакъ.

Когда окончился у философовъ публичный экзаменъ, я подошелъ къ Озерову.—Вотъ вы, говорю, Константинъ Семеновичъ, боялись, что мы не отвѣтимъ. А видите какъ отлично отвѣтили.—Еще бы! Одну четверку-то спросилъ. Я вѣдь не зналъ, что такъ будутъ спрашивать. Ишь какой викарный-то, словно угорѣлый. — А ты-то зналъ объ умозаключеніяхъ?—Зналъ.—Ну-ка читай. Не знаю, что со мною сдѣлалось; вѣроятно, ученическое чувство, заснувшее было съ окончаніемъ даже публичнаго экзамена, совершенно неожиданно, врасплохъ, было захвачено. Однако я тотчасъ же вспомнилъ начало лекцій и зачиталъ.—Ну, будетъ, ъдетъ. И Озеровъ захохоталъ.

Конечно, Озеровъ, какъ и мы, ликовалъ, что страшный публичный экзаменъ съ Филаретомъ такъ благополучно прошелъ при «угорѣломъ», викарномъ архіерей. Викарный архіерей, по отъѣздѣ митрополита, пе-

респросилъ изъ богословскаго класса очень многихъ и въ безпорядкѣ. Мы думали, что и у насъ въ философіи произойдетъ тоже. Вызвали четверыхъ по Св. Писанію; тѣ отбарабанили всю книгу Іова, что было назначено къ публичному экзамену. Мы ожидали, что примутся затѣмъ спрашивать изъ книги Псалмовъ, изъ которой мы не готовились. Сердце у насъ замерло отъ страха. Я молился Богу и общался дать нищимъ 10 к. с.—Что, Гиляровъ, попался? спрашиваетъ меня Шавровъ. Смотри, не упали въ обморокъ — Я нарочно упаду, чтобы не отвѣчать, говорю я. — Ну чтожъ субъинспекторъ выведетъ за руки. Однако страхъ нашъ былъ неоснователенъ: по Св. Писанію ограничились книгою Іова; по логикѣ спросили двухъ, по Библейской исторіи, двухъ и только. Постѣ я въ семинарскомъ правленіи прочиталъ свою атестацію по главнымъ предметамъ: по Св. Писанію представленъ 5-мъ «оказалъ весьма хорошіе успѣхи». По Библейской исторіи 13-мъ «занимался хорошо». По логикѣ 3-мъ: «занимался и успѣвалъ отлично, хорошо, при прилежаніи весьма ревностномъ и способностяхъ весьма хорошихъ». По-гречески 5-мъ: «весьма хорошо успѣвалъ». Физика и естественная исторія 20-мъ: «успѣвалъ хорошо». Но по физикѣ я совсѣмъ не былъ спрошенъ, а по естественнымъ наукамъ получилъ единицу только.

Д р у з ь я.

Отецъ мой былъ очень горячъ, почти до самозабвенія. Въ такіе минуты онъ способенъ былъ обидѣть и близкаго человѣка. Но въ тоже время онъ вовсе не былъ злопамятенъ, напротивъ, какъ нельзя болѣе отходчивъ. Въ половинѣ Сентября онъ страшно разсердился на Владимира за куренье табаку: «онъ язва, пріучаетъ-де и моихъ къ куренію». Это было правда. Но, конечно, Сергѣй Петровичъ*), при своей политичности, и сотой доли того не позволилъ бы со мною. Владимиръ понималъ горячность отца, и на сей разъ изгнанный, черезъ нѣсколько недѣль явился такимъ же у насъ полноправнымъ членомъ семьи; но только онъ уже болѣе не жилъ у насъ, а нашелъ себѣ урокъ съ квартирою и столомъ у попа на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, и отецъ же мой объяснилъ Владимиру, что семинарская кличка этого попа была «клюква». На первыхъ же порахъ Владимиръ поселился у «Дмитровскихъ». Изгнаніе Владимира сильно разстроило меня, и я далъ ему «взаимы» 3 р. с. Читатель удивится, откуда взялись у меня деньги. Очень просто. Ихъ я выручилъ отъ продажи кому-то семинарскихъ реторическихъ лекцій, ставшихъ для меня болѣе ненужными. Впослѣдствіи, отецъ, узнавъ о такой продажѣ, очень сердился на меня; но я считалъ себя правымъ: вѣдь лекціи не были куплены для меня, а мною самимъ переписаны у

*) Т. е. дядя автора, братъ его отца, Александра Петровича. П. Б.

товарищей. Я продалъ только свой трудъ, хотя, конечно, лекціи эти могли послужить для моихъ младшихъ братьевъ.

Желая помочь Владимиру, я на другой день по его изгнаніи отправился вмѣстѣ съ нимъ къ В. И. Гр-ву попросить его, не передастъ ли онъ свой урокъ Владимиру; но Гр-въ уже обѣщалъ этотъ урокъ своему двоюродному брату. Прежній пріятель очень обрадовался моему приходу, угощалъ насъ ромомъ. «Охъ, вино, вино, вино, восклицаетъ по этому поводу Дневникъ, погубить оно, когда нибудь меня: опасеніе, къ счастью, оказывающееся пока излишне-подозрительнымъ. Гр-въ, когда мы по уходѣ Владимира гуляли по Патріаршему пруду, горько жаловался на свое одиночество и не разъ вспоминалъ наши прежнія отношенія. «Да я бы и самъ, замѣчаетъ Дневникъ, не радъ былъ этому разрыву, если бы Гр-въ былъ немножко хотя по нравственнѣе».

Возобновленіе отношеній съ Гр-мъ было такъ соблазнительно, что къ Павлу я совсѣмъ въ это время охладѣлъ. Почему, однако? Едва ли эти отношенія отравлялись завистью къ незаслуженному предпочтенію, оказываемому въ спискѣ «профессорской» роднѣ; скорѣе всего Павелъ былъ для меня слишкомъ безвкусенъ, хотя онъ былъ несомнѣнно очень хорошій человѣкъ. Женщины поймутъ меня: онѣ весьма часто отказываютъ въ своей симпатіи весьма хорошему человѣку только вслѣдствіе ощущенія чего-то прѣснаго въ своемъ обожателѣ: пусть будутъ въ немъ даже крупные недостатки, лишь бы были рѣзко очерченныя достоинства. Такъ вѣдь, сударыня? Вѣрно, вѣрно.

Но алканіе «хорошаго общества» продолжало меня тянуть къ Павлу. Павла тоже коснулась струя новыхъ идей. У него я списалъ статью Герцена «Права Русскаго народа», произведшую на меня сильное впечатлѣніе; не только тогда, но и впослѣдствіи я всегда очень высоко цѣнилъ Герцена, какъ весьма оригинальнаго сильнаго стилиста.

Но дружба съ Павломъ все-таки увяла до Рождества, и мнѣ остался только одинъ Владимиръ. Но и Владимиръ горько разочаровалъ меня, хотя черезъ то я не пересталъ его любить. Дѣло было такъ.

Въ концѣ Октября я, съ «20 коп. сер., совершенно счастливый, вышелъ изъ дому, намѣреваясь идти въ Большой театръ на Аскольдову Могилу. Билета я не нашелъ, не только въ кассѣ, но и у барышниковъ (охъ, эти барышники!) Это непріятно подѣйствовало на меня; мимо меня ѣхали сравнительно со мною богачи, а я долженъ былъ возвращаться домой. Съ горя пошелъ я на Цвѣтной бульваръ «наблюдать нравы и нравственность Москвитянъ», долго ходилъ и прислушивался, долго слышалъ разныя бульварныя фразы. Вамъ холодно? спросила меня одна «дама». — Да, отвѣчалъ я простодушно, потому что достаточно уже окоченѣлъ, не смотря на свой «собачій воротникъ». Тогда «дама»

эта сказала такую фразу, о которой авторъ Дневника замѣчаетъ: «Согласитесь, такая фраза, верхъ безстыдства, должна была возбѣсить мало-мальски порядочнаго человѣка».... Мною овладѣла какая-то грусть, досада, презрѣніе не столько къ этимъ «дамамъ», сколько къ мужчинамъ главнымъ виновникамъ, къ мужчинамъ богатымъ, ибо бѣдные мало виноваты въ этомъ.

Вдругъ встрѣчаю тутъ Владимира, который на моихъ глазахъ (продолжаю словами Дневника) «увлекся» и отправился къ одной дамѣ на квартиру. Я сталъ дожидаться на бульварѣ. Когда онъ возвратился назадъ, я вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что онъ рассказывалъ. А жалко, отъ души жалко мнѣ его, если правда то, что онъ говорилъ о своемъ визитѣ. Когда онъ оставилъ меня, я мысленно молился за него. Съ грустью на сердцѣ пришелъ я вмѣстѣ съ нимъ на Дмитровку къ А. П. Смоленскому (нашему благородному дядѣ), у котораго онъ жилъ. Владимиръ сталъ показывать мнѣ человѣческія кости, по которымъ онъ изучаетъ остеологію; я разсматривалъ ихъ, а грусть больше и больше овладѣвала мной. Къ чести моего покойнаго друга замѣчу, что онъ не прочь былъ и похвалиться своимъ геройствомъ, поморочить меня. И на сей разъ не подурчилъ ли только онъ меня?....

Разскажу кстати другой случай моего отношенія къ «благамъ міра сего», когда я проводилъ время, какъ матеріалистъ.

Въ концѣ Ноября, въ Воскресенье, возвращаюсь я часу во 2-мъ дня отъ брата Петра. Иду по Кузнецкому мосту и встрѣчаю по дорогѣ «людей міра сего» въ каретахъ и коляскахъ. Я иду въ шинели съ воротникомъ «цѣннаго бобра», въ худыхъ сапогахъ и т. д., безъ единой копѣйки въ карманѣ, только съ нѣсколькими книгами подъ мышкой; а въ окнахъ магазиновъ выставлены на показъ золотыя и серебряныя издѣлія, дорогіе ковры, картины, платья; а въ другихъ окнахъ оптическіе и физическіе инструменты, анатомическіе препараты. Все это привело меня къ грустнымъ мыслямъ. Я соблазнился: буду, думаю я, трудиться 20—30 лѣтъ, не буду ночей спать, чтобы хоть подъ старость насладиться всѣми этими «благами міра сего». Положимъ, продолжалъ я разсуждать дальше, я буду усиленно трудиться; но вѣдь все таки не достигну богатства. Богатство какъ-то идетъ только къ богатству же. Пуститься развѣ въ аферы? Но для этого тоже нужны деньги. Развѣ завернуться въ философскую тогу, смотрѣть съ презрѣніемъ на эту толпу матеріалистовъ, или совсѣмъ закрыть на нихъ глаза, заняться исключительно науками? Но гдѣ опять таки и на это взять денегъ? Вѣдь безъ гроша въ карманѣ нельзя сдѣлаться даже и ученымъ.... Я проходилъ мимо окна одного магазина; у окна сидѣли повидимому прехорошенькія модистки. Я плохо ихъ разсмотрѣлъ; хотѣлъ было другой

разъ пройти мимо окна, да махнулъ рукой и пошелъ домой, грустный, грустный. Впрочемъ я часто отворачиваюсь, когда даже и по улицѣ-то проходитъ мимо меня какая-нибудь хорошенькая женщина. Приближеніе такой особы я узнаю по запаху, именно по запаху, по какому-то чутью. Зачѣмъ искушать себя? Правъ ли я, покажетъ время. А вѣдь молодъ еще я, странныя у меня понятія.... А вѣрное и дешевое средство противъ всѣхъ подобныхъ напастей было подъ руками. Я и ухватился за него. «До того (записываю) эти дни занимался, что голова просто затрещала. При этомъ съ чувствомъ гастронома радуюсь. А вѣдь хорошо такъ постоянно заниматься! Ни одна гнилая мысль не полѣзаетъ въ голову. Хотя и опошлено выраженіе: праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а какъ нельзя больше справедливо.

Два раза въ это учебное полугодіе предстояло мнѣ новое удовольствіе — танцы. Танцамъ я учился у Наумовыхъ и въ то время еще помнилъ фигуру Французской кадрили. Оба «бала» случились въ Ноябрьрѣ. Одинъ разъ собрались къ намъ зять съ женою, братъ Петръ, Владимиръ, П. С. Соколовъ и три Ивановскихъ поповны. Всѣмъ, кажется, было довольно весело. Танцевали. Меня почти насильно заставили протанцевать одну кадрили. Не очень-то мнѣ хотѣлось заниматься выплываніемъ по полу ногами разныхъ экивокъ. Мнѣ казалось это чѣмъ-то унижительнымъ для моего человѣческаго достоинства, особенно, когда это не сопровождалось для меня ни малѣйшимъ удовольствіемъ. Но тутъ же юный фарисей пускается въ анализъ. А если это взвѣсится повнимательнѣе, не окажется ли, что тутъ «очищаю внѣшнія скляницы и блюда», фарисействую? Неужели такая пустая забава можетъ унижать человѣческое достоинство? Можетъ, кажется, если въ другихъ отношеніяхъ мы ногами его не попираемъ. А если мы такъ во многомъ худы, врядъ ли что прибавится отъ такихъ пустяковъ. Хотя и смѣшно, когда трубочистъ говоритъ «не замарай», все же много пустоты въ головѣ у тѣхъ, кто занимается подобными плясками. Въ другой разъ я уже прямо ожесточился, когда Владимиръ и Ивановскіе заставили меня протанцевать двѣ кадрили.

Вмѣсто танцевъ мнѣ хотѣлось бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сблизиться съ П. С. Соколовымъ, который уже тогда предполагалъ идти въ Духовную Академію.

Отъ Владимира узнаю о студенческой исторіи съ профессоромъ сравнительной анатоміи Варнекомъ. Естественно провожу параллель между Университетомъ и Семинаріею. «Надо ожидать, записываю въ Дневникъ, что требованіе студентовъ будетъ исполнено. Почему же у насъ не отнимутъ каеэды Св. Писанія у Писарева? Потому что у насъ во всемъ проповѣдуется смиреніе, смиреніе и смиреніе, терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе.

«Лекціи» Писарева оказываются тѣмъ между прочимъ виноваты, что тамъ набросано нѣсколько поверхностныхъ замѣтокъ. Таковы, напр., записки на книгу Псалмовъ, гдѣ находится изложеніе содержанія и истолкованіе нѣсколькихъ только псалмовъ. Различіе между «казаться» и быть впервые прочитано мною въ его брошюрѣ, подаренной имъ мнѣ пять лѣтъ тому назадъ съ надписью.

Въ концѣ Ноября Владимиръ сообщаетъ мнѣ: ходятъ слухи, что начальство хочетъ закрыть Университетъ. «Это худо», замѣчаю въ Дневникѣ. О комъ жалѣю? О Владимирѣ ли одномъ? Не гнѣздится ли гдѣ подъ спудомъ, въ безсознательныхъ родникахъ души, темное чувство, что дѣло Университета мое дѣло?.. Черезъ нѣсколько дней новыя вѣсти: «Говорятъ, будто бы совѣтъ Университета вслѣдствіе возмущенія студентовъ 1-го курса Медицинскаго факультета уволилъ 7 студентовъ, 35 велѣлъ самимъ уволиться, а остальнымъ дозволяетъ окончить курсъ съ условіемъ получить на экзаменѣ не меньше 4 балловъ. Въ какую-то категорію попалъ Владимиръ? Ахъ, бѣдный, жалко его!» На другой день новыя слухи: «Говорятъ, будто бы начальство Университета хочетъ во всемъ поступить согласно желаніямъ студентовъ»: Наконецъ Владимиръ сообщаетъ, что университетское дѣло рѣшено: онъ остался въ Университетѣ, давъ подписку во всемъ повиноваться начальству. 10 человекъ исключено. Но изъ оставленныхъ съ условіемъ дать такую подписку, многіе (передаю рассказъ Владимира, уже въ собственной переработкѣ) по какой-то странной мысли о чести, подали просьбу объ увольненіи. Ребячество.

Отношенія мой съ старшимъ братомъ упрочивались, но пользы мнѣ никакой не приносили. Скорѣе наоборотъ, какъ то ни странно: я сталъ приносить ему посильную пользу, ему, такому сравнительно съ нами богачу. Какъ-то въ Октябрѣ, былъ я и ночевалъ у брата. Надежда Михайловна, женщина добрая, сочувствовала моей бѣдности и съ радостью передала мнѣ слѣдующій разговоръ брата съ ней. — Надя, говорилъ братъ: какъ бы я желалъ имѣть такую шинель, какъ у Федора. — Ну, вотъ: позавидовалъ лысый плѣшивому, отвѣчала моя покровительница. — Погоди, замѣтилъ братъ. Если будутъ деньги, такъ я къ Рождеству сдѣлаю себѣ новую енотовую шубу, а тогда мѣхъ со старой отдамъ Федору. Сообщая эту радостную новость, оптимистъ, авторъ Дневника, не удержался отъ восклицанія: «Важно, братъ Федюха, защеголяемъ». Но радость эта была неосновательна. 31 Декабря помѣчаю: «Шубу Петръ и теперь носить и, Богъ знаетъ, когда сошьетъ новую, а старый мѣхъ отдастъ мнѣ». Не знаю почему, но мѣхъ такъ ко мнѣ и не поступилъ. Только уже въ Университетѣ я приобрѣлъ на толкучкѣ пальто на бараньемъ мѣху. Замѣчу кстати здѣсь, что уже два года авторъ Дневника

постоянно жалуется на «сильный» упорный кашель и опасается «серьезныхъ послѣдствій» вмѣсто всякихъ лѣкарствъ утѣшаясь, должно быть, только докторскою высокопарностью фразъ, характеризующихъ его болѣзнь.

Въ Октябрѣ снова прихожу къ Петру. Надежда Михайловна каждый разъ разстраиваетъ меня жалобами на расточительность брата. Грустно. Мы живемъ, перебиваясь со дня на день, а онъ кутитъ. И на этотъ разъ ночевалъ я у брата и радовался, что онъ со дня на день обходится со мной дружественнѣе.

Тутъ я сдѣлалъ коммерческій оборотъ. Гусаръ Любимовъ обѣщалъ подарить мнѣ человѣческій скелетъ. И вотъ на другой день послѣ ночевки у Петра, я отправился на квартиру отца гусара за этимъ скелетомъ. Скелетъ полученъ и привезенъ домой. Тутъ я размечтался. «Я продамъ скелетъ, а на вырученные деньги куплю себѣ часы». О мечты, мечты! А вѣдь иногда очень пріятно и помечтать, особенно, когда жизнь то не очень усыпана цвѣтами. Но не разочарованіе ли это? Нѣтъ, не разочарованіе, а реальное знаніе жизни (употребилъ слово «реальное», самъ не зная, идетъ ли еще оно сюда). Лучше, какъ можно раньше узнать жизнь, чтобы потомъ, какъ можно меньше ошибаться, какъ въ людяхъ, такъ и въ самомъ себѣ. Дальнѣйшая исторія скелета состояла въ томъ, что, привезя его домой, я не зналъ куда его помѣстить. Комнатка, гдѣ я жилъ и спалъ съ братомъ, была очень мала: письменный столикъ, диванъ и два стула занимали ее всю. Куда дѣтъ скелетъ? Остается только два свободныхъ мѣста: зеркало изразцовой печи, гдѣ можно повѣсить скелетъ на душникъ, да внутренность Турецкаго дивана, на которомъ я спалъ. Попробовалъ я было спать надъ скелетомъ, попробовалъ повѣсить его на душникъ въ видѣ удушенника, то и другое было для меня невыносимо. Наконецъ удалось продать скелетъ черезъ Владимира за 2 р. с. И денегъ не видать было, куда разошлись.

Начинается мое маленькое вліяніе на брата Петра. Доселѣ, съ окончанія семинарскаго курса, я въ восемь лѣтъ ни съ книгою его не видалъ, ни разговора его о книгѣ не слыхалъ. Онъ жилъ исключительно въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Въ половинѣ Ноября, навѣстивъ нашихъ, онъ беретъ меня съ собою, а я съ собою захватываю «Ревизора Гоголя». По дорогѣ онъ заводитъ меня въ трактиръ часу въ 12 ночи. Какъ въ трактирѣ, такъ и у него въ домѣ, мы вдвоемъ читали Ревизора. Въ какой уже разъ я читаю Ревизора, и каждый разъ принимаюсь за него почти съ одинаковою охотою! Гоголь великій человѣкъ.

Въ началѣ Декабря мать проситъ меня ѣхать съ нею и съ сестрою къ Петру. Брата не оказалась дома. Маменька распорядилась уже и

чаемъ, когда возвратился самъ хозяинъ.—Ничего не видала маменька? прежде всего обратился онъ ко мнѣ шопотомъ.—Ничего, отвѣчалъ я, а самъ случайно увелъ мать и сестру въ другую комнату.

Тѣмъ временемъ Надежда Михайловна успѣла шмыгнуть къ домовой хозяйкѣ черезъ сѣни. Тутъ я узналъ, что Петръ на дняхъ, часовъ до двухъ ночи, читалъ журналъ Современникъ, присланный мною ему черезъ зятя. Братъ просилъ меня доставить поскорѣе слѣдующій №: такъ заинтересовала его статья «Откупное дѣло». Я былъ очень радъ пробужденію въ братѣ интереса къ литературѣ. Мать наша была довольна, что я схожусь болѣе и болѣе съ братомъ, у котораго, по ея выраженію, я изъ рукъ смотрю.

Но, увы, изъ рукъ брата смотрѣть мнѣ не пришлось. Скорѣе наоборотъ: черезъ меня сошелся онъ съ дядею Н. II-чемъ и, по уничтоженіи старыхъ судовъ, сдѣлался его помощникомъ по редактированію «Современныхъ Извѣстій». Братъ скончался 11 Августа 1876 г. отъ прогрессивнаго параличнаго помѣшательства, и во время этого недуга содержался полтора года на мой счетъ въ частной лѣчебницѣ, послѣ чего на меня выпала опека его семьи.

Я былъ безъ мѣста во время болѣзни брата и отдавалъ въ лѣчебницу все получаемое на частныхъ урокахъ, остававшееся за покрытиемъ содержанія матери, сестеръ и брата, отказывая самому себѣ рѣшительно уже во всемъ, кромѣ табаку. Болѣзнь, которою страдалъ мой несчастный братъ, отличается прогрессивною маніею величія. Навѣщаю я какъ-то его, отдаю директриссѣ больницы послѣднія свои крохи за его содержаніе:—Я знаю, говоритъ мнѣ при этомъ братъ, тебѣ трудно содержать мать и сестеръ. У меня много, очень много денегъ. Проси, сколько тебѣ? Пяти милліоновъ будетъ? Мало? Ну, 10, 20, ну 100 милліоновъ? Я думаю, 100 милліоновъ довольно на первый разъ... Не хочешь ли еще брилліантовъ? Сколько нужно отсыпать тебѣ четвериковъ?... И онъ, дѣйствительно, далъ мнѣ нѣсколько мелкихъ клочковъ газетной бумаги...

Но возвращусь къ нашимъ отношеніямъ съ братомъ въ 1858 году.

Во второй половинѣ Декабря братъ, получавшій казеннаго жалованья 15 рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ долженъ былъ ежемѣсячно платить губернскому стряпчему (нѣчто въ родѣ теперешняго прокурора) 5 р., получилъ «благодарность» въ 200 рублей. Эта огромная сумма вызвала въ моемъ Дневникѣ восклицаніе: «Ухъ»... и далѣе: «Братъ хотѣлъ дать мнѣ денегъ для подписки у Полевого на журналы».

Я, дѣйствительно, получилъ отъ брата на библіотечную подписку 4 рубля. А такъ какъ залогъ у насъ оставался еще отъ прошлаго года, а мать предложила мнѣ подписаться пополамъ съ нею, то мнѣ и при-

шлось истратить на подписку только два рубля: «теперь я и съ книгами и съ денежками».

Н и к и т а.

А что же Н. П. Гиляровъ? Завязавшіяся черезъ меня отношенія младшаго и старшаго брата начали приносить плоды. Дядя рекомендовалъ моего отца Желтухину, издателю «Журнала Землевладѣльцевъ», въ законоучителя для его дѣтей. Журналъ Желтухина былъ посвященъ крестьянской реформѣ, какъ и другой журналъ «Сельское Благоустройство», выходившій въ видѣ ежемѣсячнаго приложения къ «Русской Бесѣдѣ» А. И. Кошелева. Черезъ знакомство съ Желтухинымъ отецъ вступилъ въ самое пекло современной великой реформы. Я радовался за отца во многихъ отношеніяхъ. «Тутъ и хорошее знакомство, и деньги. Ахъ, деньги, деньги!!» восклицалъ я, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ гнетущей ихъ необходимости. Черезъ нѣсколько дней снова тоскую: «Грустна жизнь нашего семейства, доходы не покрываютъ расходовъ, а потому почти никто у насъ и не бываетъ. А развѣ прочіе духовные живутъ лучше? Это еще вопросъ. Гнетущій духъ Филарета старается держать бѣлое духовенство въ «черномъ тѣлѣ», какъ выражался самъ онъ. Чѣмъ бы сокровища монастырей, доходы отъ иконъ чудотворныхъ, отдавать хотя частію бѣлому духовенству, они поступаютъ къ монахамъ, не имѣющимъ дѣтей, умершимъ для міра. Да такъ ли? Не мудрено, что отъ этихъ и многихъ другихъ причинъ подавляется всякое развитіе бѣлаго духовенства. Взять для примѣра хоть меня. Мнѣ нужна та или другая книга. А изъ-за чего не покупаются онѣ? — Денегъ нѣтъ. Хотѣлъ бы я заниматься физикою, да не на что купить книгу. Грустно!»

Никита Петровичъ сталъ справляться у отца: что это Федоръ Александровичъ никогда не придетъ ко мнѣ?

Почему однако я давно не былъ у своего обворожительнаго дяди? Какъ дядя, такъ и отецъ мой, въ успѣхахъ по ученю всегда ставили мнѣ наивысшій идеалъ. Бывало, тотъ или другой спроситъ, какой балъ получилъ на экзаменѣ въ Семинаріи или Университетѣ. — Пять балловъ, положимъ отвѣтишь. — Почему же не 5+? непремѣнно послѣдуетъ вопросъ. Или такъ: Какимъ васъ представилъ Озеровъ по логикѣ? — Третьимъ. — Почему же не первымъ? Никакой уступки въ этомъ не полагалось.

Потому-то и на сей разъ, не смотря на приглашеніе дяди, я рѣшился идти къ нему не прежде, какъ послѣ экзамена, и размечтался о предстоящемъ допросѣ: Какимъ васъ представилъ Озеровъ? — Первымъ. Тутъ ужъ затычка. Вопросы: «почему же не...?» не могло бы послѣдовать.

«Первымъ?! Господи, Господи! Кажется, въ настоящее время я ничего такъ не желалъ бы, какъ быть первымъ!»

Но Н. П-чъ, не дождавшись моего посѣщенія, самъ пріѣхалъ къ намъ 5 Декабря. Этотъ день я отмѣтилъ, какъ «одинъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни». Что же случилось? Въ чемъ заключалось мое счастье? — «Я успѣлъ переговорить съ нимъ о современныхъ вопросахъ, объ университетскомъ дѣлѣ Варнека, объ изученіи математики и другихъ наукъ». Въ заключеніе бесѣды объ изученіи языковъ «Н. П-чъ вызвался учить меня Французскому, Нѣмецкому и даже Англійскому языкамъ. «Конечно, я съ глубочайшею благодарностью согласился на его предложеніе и крѣпко-крѣпко рѣшился заниматься тѣми языками, которымъ предложилъ меня обучать Н. П-чъ. Кромѣ того я хочу самъ одинъ заниматься полатыни и погречески; «даже началъ учиться погречески, чтобы читать евангеліе погречески; пробовалъ было читать Евангеліе полатыни, да это оказалось не такъ удобно; лучше что-нибудь другое возьму полатыни. Для такихъ уроковъ дядя приглашалъ меня приходиться къ нему по вечерамъ разъ и даже два раза въ недѣлю. Фантазія моя возликовала. «Можетъ быть, размечтался я, Н. П-чъ, если я усиленно буду заниматься языками, года черезъ два достанетъ мнѣ переводы, и не даромъ! А для Академіи-то? А для жизни? Для уроковъ? Дай Господи успѣха этому благому предпріятію!»

Но на сей разъ дѣло не пошло дальше одного Греческаго языка: въ самый разгаръ приготовленія къ экзамену начать сразу учиться пяти языкамъ—это былъ педагогическій пріемъ нѣсколько-гомерическій. Таковъ былъ впрочемъ всегда мой покойный дядя съ своимъ недостижимымъ идеаломъ: онъ никогда не предъявлялъ ко мнѣ требованій возможныхъ, но только одни невозможныя.

На другой же день я отправился къ дядѣ. Часа два говорилъ онъ о различныхъ философскихъ вопросахъ. На этотъ разъ онъ еще сильнѣе возбудилъ во мнѣ стремленіе къ изученію языковъ. «Его этотъ разговоръ, пожалуй, принесъ мнѣ пользы больше, чѣмъ все семинарское преподаваніе за эту треть учебнаго года». Къ сожалѣнію нашъ разговоръ въ кабинетѣ наверху прервала тетка, остававшаяся одна съ гостями, своими родственниками.—Н. П-чъ! Чай, мои родственники-то не кусаются?—Нѣтъ, не кусаются.—Зачѣмъ же вы ушли отъ насъ?

Ночевать я отправился къ брату и такъ разжегъ его отзывомъ о дядѣ, котораго онъ, послѣ дѣтской съ нимъ дружбы, не видалъ цѣлыхъ лѣтъ 16.—Оеда, говорилъ мнѣ братъ, поѣдемъ какъ-нибудь вмѣстѣ къ Никитѣ Петровичу.

При этой просьбѣ брата привести его къ самому ключу живой воды нашего посѣщенія, я почувствовалъ, что я какъ будто начинаю выводить старшаго брата «въ люди».

Въ Сентябрѣ 1858 г. восходила по ночамъ комета съ огромнѣйшимъ хвостомъ. Два года тому назадъ я, наслушавшись увѣреній кухарки, нѣсколько трусилъ кошки, ходившей ночью у насъ на галлерей по желѣзной крышѣ, считая ее, по словамъ кухарки, «окаяшкою». Осталось ли подобное же суевѣріе теперь во мнѣ, «философъ»? Дневникъ по поводу явленія кометы пытается, по выраженію покойнаго И. С. Аксакова, «говорить басомъ»: «Предвѣстница ли эта комета, какъ и вообще всѣ кометы, какого-либо несчастья? вопросъ еще. Что-то будетъ, если кометы суть предвѣстницы несчастій? А, судя по величинѣ кометы, нужно ожидать великаго бѣдствія». Черезъ три мѣсяца перечитывая это мѣсто Дневника, разоблачаю на поляхъ свою рисовку. «Считалъ ли я кометы предвѣстницами несчастій? Кажется, что нѣтъ. Зачѣмъ же писалъ здѣсь объ этомъ такъ высокопарно? Для красоты, какъ и часто писалъ тутъ, выше и ниже,—надувался».

Черезъ мѣсяцъ послѣ первой записи о кометѣ удивляюсь Московскимъ «сплетнямъ» «Говорятъ, будто бы въ Крутицкихъ казармахъ, ночью, переходятъ знамена съ одного мѣста на другое». Народъ вѣрить этой удивительной нелѣпости и утверждаетъ, будто бы такое путешествіе знаменъ—къ войнѣ. «А чтожъ? Народъ, можетъ, и напророчить». Остроумно замѣтилъ по этому поводу отецъ: «Если въ древности Богъ объявлялъ Свою волю чрезъ пророковъ, неужели же теперь, когда такіе пророки перестали являться, цѣлый народъ не можетъ быть пророкомъ?»

Къ нелѣпой исторіи о знаменахъ прибавляю кстати двѣ подобныя слышанныя мною въ Семинаріи и нѣсколько характеризующія кругъ, умственныхъ интересовъ у большинства «философовъ». Разсказывалъ мнѣ товарищъ, будто къ одному изъ бывшихъ викаріевъ Московскихъ наѣхали въ епархію его «бывшія его Московскія жены», съ просьбами: «Возьмите моихъ дѣтей, ваше преосвященство, вѣдь они вмѣстѣ съ тѣмъ и ваши: какъ двѣ капли воды похожи на васъ» *).

Тотъ же товарищъ сообщилъ мнѣ вѣрное средство достичь взаимности у какой угодно дамы. Вотъ это средство: поставить самоваръ и опустить въ него закупоренный пузырекъ съ ромомъ, потомъ изъ этого самовара угостить чаемъ даму. Послѣ такого угощенія сама дама уже васъ не отпуститъ. Тогда мнѣ средство это показалось «вдвойнѣ гнуснымъ».

Такою-то миеологіею питалось большинство моихъ товарищей «философовъ»!

*) Подобные слухи были распространены о викаріи Алексѣѣ (позднѣе епископъ Симеоропольскомъ). Митрополитъ Филаретъ, отпуская его изъ Москвы, съ горькими словами выговаривалъ, какъ онъ въ немъ обманулся. Слышно отъ достовѣрныхъ людей. П. П.

Святки 1858—1859 года прошли въ чтеніи книгъ, въ изученіи Греческаго и Французскаго языковъ, въ посѣщеніи театра, въ наиболѣе частыхъ свиданіяхъ со старшимъ братомъ. По философіи я читалъ Историю философіи Риттера и Психологію Новицкаго.

Побывалъ у Никиты Петровича.—Занимаетесь ли вы языками? спросилъ дядя.—Занимаюсь, но немного.—Почему же немного? Непомню какъ я на этотъ разъ отвертѣлся отъ него.

Въ театрѣ на святкахъ удалось побывать нѣсколько разъ. Смотрѣлъ драму «Карьеру». «Какъ всѣ эти драмы хватаютъ за сердце! Театральное великолѣпіе, очаровательность актрисъ Медвѣдовой, Бороздиной 2-й навели меня на вопросъ: отчего я не найду такого же богатства, какъ графъ Монтекристо?» Безплатное стояніе мое въ углу за райкомъ подъ самымъ театральнымъ потолкомъ, дѣйствительно, нѣсколько разнилось отъ положенія графа Монтекристо.

Еще пуще отравилъ мою жизнь опять Кузнецкій мостъ съ своими «благами міра сего». Возвращаясь домой отъ брата по этой великолѣпной улицѣ, я опять, какъ и по осени, все думалъ, какъ бы разбогатѣть. Какіе планы ни придумывалъ, всѣ оказывались неудобноисполнимыми. Остановиться могъ только на одномъ—посвятить всю жизнь свою ученію. А развѣ, думаю, и тутъ не бывало примѣровъ, что ученѣйшіе люди умирали съ голоду и холоду? И снова являлась фантазія, «подняться на какія-нибудь аферы». Но уже зрѣлѣе прежняго являлось возраженіе: для этого нужны деньги, умѣнье и отсутствіе совѣсти. Вспомнилъ, какъ года два съ половиною назадъ О. Н. Морозовъ говорилъ отцу:—«Отдайте намъ его. Мы съ В. А. Кокоревымъ сдѣлаемъ изъ него богатаго человѣка». Не ошибся ли, отвергнувъ это заманчивое предложеніе? Но вѣдь тогда остался бы я невѣжей и безъ имени. Теперь по крайней мѣрѣ могу быть образованнымъ человѣкомъ. Да еще разбогатѣлъ ли бы я у Кокорева? Имѣя въ молодыхъ годахъ деньги, сталъ ли бы я какъ слѣдуетъ заниматься дѣломъ? Эти смущавшія меня мысли разсвѣялъ В. Лебедевъ предложеніемъ идти въ Малый театръ. Играли «Новички въ любви», «Мать и Дочь», «Госпожа-служанка», «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ». Театръ опять расколыхалъ мои мысли, чувства, желанія, и я отмѣтилъ въ Дневникѣ: «Правду, хотя и очень глупую, высказалъ попъ «Яшагъ», что «молодымъ людямъ грѣхъ ходить въ театръ».

Послѣ театра наканунѣ Новаго 1859 года принято мною твердое рѣшеніе «совершенно перемѣнить образъ жизни, сдѣлаться какъ можно дѣльнѣе».

Быль ли я уже такой бездѣльникъ, или такъ безпощаденъ самосудъ мало еще запятнанной юной совѣсти?....

Первые два дня Новаго года были проведены согласно принятому рѣшенію: читаль Психологію Новицкаго, писалъ лекціи по психологіи, которую предстояло изучать съ открытія классовъ, переводилъ съ Греческаго Евангеліе отъ Іоанна, читаль по французски при руководствѣ сестры. Вечеромъ на второй день былъ въ театрѣ, видѣлъ впервые «Гамлета», дотогѣ даже не читаннаго мною. Сколько разъ послѣ того пересматрѣлъ я Гамлета при всевозможныхъ Русскихъ и иностранныхъ исполнителяхъ заглавной роли! Первое впечатлѣніе было особенно потрясающее. Очнулся и немного разобрался въ самомъ себѣ только на другой день представленія. Передъ глазами неотступно стоялъ образъ Офеліи - Литвиной, въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными по плечамъ волосами... Въ ухахъ, нѣтъ не въ ухахъ, а въ самомъ сердцѣ, въ груди у меня, не переставалъ звучать прерываемый сдавленными рыданіями поэтически-безумный бредъ:

„Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами
И въ могилу опустили,
Со слезами, со слезами!....“

Какую-то чарующую тоску, сладостное уныніе, глубокую скорбь, но безъ какой-либо личной боли, вызывали въ душѣ моей эти казавшіяся застывшими въ воздухѣ слова:

„Вѣтъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили.
Онѣ плачутъ какъ печаль моя, тоска!
Не плачьте, не плачьте, молитесь о немъ.
Покой его, Боже мой, праведнымъ сномъ.“

Ровно за два года передъ тѣмъ я въ первый разъ былъ въ театрѣ, именно въ Большомъ и смотрѣлъ балетъ «Мраморная Красавица» съ Николаевой въ заглавной роли. Тогда же было записано и впечатлѣніе восхитительнаго невиданнаго зрѣлища. Вотъ оно:

«Занавѣсъ поднялась, и я увидѣлъ танцовщицу Николаеву. О ея наружности и красотѣ (это одно и тоже) не скажу ни слова: едва ли какое изъ земныхъ существъ могло бы сравниться съ нею, но не превзойти ее въ той граціозности, съ какою она не танцевала, а, кажется, летала по сценѣ. Все время, когда она была на сценѣ, раздавались оглушительныя рукоплесканія, и послѣ cadaго дѣйствія отъ рукопле-

сканій и криковъ Николаеву! Николаеву!! колебались и готовы были обрушиться стѣны Большого театра. Надо было видѣть, какъ она кланялась и благодарила публику... Балетъ кончился, но народъ не расходился до тѣхъ поръ, пока она до трехъ разъ не появлялась на сцену. Нѣтъ, надо было видѣть ее, когда по самымъ усиленнымъ крикамъ наконецъ явилась она въ простомъ черномъ платьѣ...» и т. д.

Это дѣтски-чудовищно преувеличенное впечатлѣніе было совершенно внѣшнее: меня обмануло собственное воображеніе. Не то было на «Гамлетѣ»: бездонная глубина мысли, поправленное нравственное начало, злодѣяше, глубоко зарытое въ землю, шагъ за шагомъ съ желѣзною неукоснительностью разрушающее счастье и жизнь и виновныхъ и невинныхъ; необыкновенно повѣстическіе образы и лицемѣрнаго злодѣйства короля и королевы, и безграничнаго ничтожества Полонія и прочей придворной челяди, и беззавѣтной преданности Горацію, и неземной чистоты Офеліи, и самый этотъ безсильно-болящій духъ Гамлета,—все это взбудоражило мой умъ, глубоко залегло въ сердце... Нѣтъ, дорогой читатель, я отказываюсь передать точно свое впечатлѣніе.

Но съ кѣмъ было подѣлиться тогдашними впечатлѣніями? Я сталъ говорить объ этомъ съ матерью и сестрами, и въ отвѣтъ отъ нихъ услышалъ, что всѣ актрисы безпутны, что онѣ продаютъ свою любовь за деньги. Мать при этомъ очень смѣялась надъ какимъ-то семинаристомъ, который, увидавъ какую-то актрису на сценѣ, такъ въ нее влюбился, что помѣшался. Такой жесткій отзывъ очень огорчилъ меня, который «привыкъ смотрѣть на артистку, когда она поетъ на сценѣ, какъ на что-то неземное. Но я оправдывалъ и мать съ сестрами, потому что онѣ не могутъ смотрѣть на артистку «сквозь призму воображенія 18-ти лѣтняго юноши». Отчетъ о Гамлетѣ заканчивался въ Дневникѣ восклицаніемъ: «Господи, да скоро ли я постарѣю до того, что воображеніе мое перестанетъ быть такъ горячо, а чувство такъ живо!».

Василій Лебедевъ успѣлъ во время представленія «Гамлета» познакомиться съ какимъ-то «поклонникомъ» Литвиной. Лебедевъ отчаянно хлопалъ Литвиной, что и понравилось ея поклоннику. Лебедевъ просилъ его представить его Литвиной, какъ самаго усерднаго ея поклонника. «Не познакомиться ли мнѣ съ этимъ господиномъ?» Впрочемъ ни мнѣ, ни Лебедеву не удалось вторично видѣть этого «поклонника».

«Свадьба Кречинскаго», видѣнная мною чрезъ нѣсколько дней послѣ Гамлета, не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Кромѣ театра, бывалъ я на какой-то картинной выставкѣ, но особеннаго впечатлѣнія не получилъ и удивлялся на это неразвитіе у себя чувства изящнаго,

хотя и сомнѣвался, нужно ли сожалѣть объ этомъ*). Откуда однако могло и развиться такое чувство, доселѣ не имѣвшее никакой пищи?..

На святкахъ братъ Петръ познакомилъ меня съ своими пріятелями. Къ нему на вечеръ собрались, кромѣ гусара Любимова и его сожительницы Александры Васильевны, братъ Любимова, сестра Александры Васильевны Авдотья, ихъ братъ съ женою, отставной жандармскій офицеръ Билетовъ и медикъ Прейсъ. Вообразите положеніе юнаго «философа» среди этого разнobia, связаннаго только кутежами. Немного при-смотрѣвшись, во время угощенія, завелъ я съ гусаромъ рѣчь о книгѣ Белюстина, цѣликомъ занимавший тогда мнѣ душу.—Что вы его слушаете? ввязался въ нашъ разговоръ братъ: онъ извѣстный вольнодумецъ

Замѣчаніе это пріятно пощекотало мое самолюбіе. Можетъ быть, братъ даже отчасти похвалялся предъ своими пріятелями начитанностью и прилипчивостью ко всему серьезному своего юнаго брата.

Къ нашему разговору присоединился и Прейсъ. Въ этой полупьяной компаніи жуировъ я завелъ бесѣду о достовѣрности книгъ Св. Писанія. Гусарь, не чувствуя подъ ногами почвы, отошелъ, и разговоръ у насъ продолжался вдвоемъ съ Прейсомъ. Скоро впрочемъ настроеніе большинства воспреобладало. Кто-то разъяснилъ, что водку можно пить съ воздержаніемъ, когда пьяный поддерживается за встрѣчающіеся на пути ему предметы; съ разстановкою, когда уже не можетъ идти, и ему передвигаютъ ноги, поддерживая руки; съ расположеніемъ, когда пьяный не можетъ идти даже и при чужой помощи и располагается на полу. Дамы наши тоже развеселились. Одна изъ нихъ, выпивъ рюмку водки, проходя мимо меня, обхватила меня руками.

Я, сдѣлавшись отъ угощенія нѣсколько похрабрѣе, горячо пустился разсуждать съ Билетовымъ о какихъ-то пустякахъ. Жандармъ этотъ, вмѣсто отвѣтовъ, только безпрестанно пожималъ мнѣ руки, говоря:—Я понимаю васъ, современный молодой человѣкъ. Я вполнѣ сочувствую вамъ, современный молодой человѣкъ!

Какъ ни весело провелъ я время, но нашелъ, что эта оргія мало отличалась отъ отвратительныхъ кутежей В. Гр-ва и Василя Михайловича, который около этого времени пытался возобновить наши отношенія. Братъ вообще сблизался со мною: признался мнѣ, что ку-

*) Чувство изыскаго слабо развито вообще у лицъ происхожденія духовнаго, можетъ быть, отъ идеаловъ недостижимой святости, въ которыхъ они вырастаютъ. Вспомнимъ, что Н. П. Гиляровъ, при всей своей даровитости, вовсе не цѣнилъ стиховъ Пушкина. П. Б.

харка его Марѳа Кузьминична—мать Надежды Михайловны; хотѣлъ отвести меня познакомить съ какимъ-то другимъ жандармомъ Родивиловымъ, но удержался, ибо де-Родивиловъ всѣхъ ревнуетъ къ своей Маремьянѣ. Но тутъ же удалось мнѣ познакомиться съ наиболѣе приличнымъ пріятелемъ брата, сослуживцемъ его Исаковымъ. У Исакова были сестры, умныя и хорошія дѣвицы, и братъ мечталъ познакомить ихъ съ нашими сестрами, думалъ даже сватать.

Выйдя отъ брата на Тверской бульваръ, я встрѣтился съ Билетовымъ, который тутъ поджидалъ свою «крестницу» и очень приглашалъ меня къ себѣ, но я отказался.

Въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ я съ братомъ все время провели за чтеніемъ книгъ. Петръ подписался на «Весельчака» и «Живописный Сборникъ». Такое обращеніе брата къ книгамъ очень меня радовало.

Но съ зятемъ своимъ, не смотря на все родственное его ко мнѣ радушіе, отношенія какъ-то не ладились, вслѣдствіе крайней отсталости его мнѣній. Я, конечно, соглашался съ нимъ, когда онъ, при помощи хотя и плохой логики, доказывалъ мнѣ, что не слѣдуетъ «воровать, шататься и пьянствовать»; но меня возмущали его толки, что крестьянъ не нужно освобождать (они-де, пожалуй, тогда съ кругу, сопьются), что не слѣдуетъ сокращать письменность въ судахъ, потому что чрезъ это отнимется доходъ у чиновниковъ; что не надо запрещать чиновникамъ брать «благодарности», потому что безъ «благодарностей» нечѣмъ имъ жить; что не надо строить желѣзныхъ дорогъ, потому что они дѣроги; что не надо уничтожать чины, потому что отъ этого доходъ казнѣ; что надо давать ходъ людямъ неученымъ и т. д. Его огульнымъ, одностороннимъ, «отсталымъ», сужденіямъ, его систематическое отрицаніе всего новаго, чѣмъ я былъ такъ глубоко проникнутъ, стояли непреодолимою стѣною между мною и имъ. Зять учился на мѣдныя деньги и даже не былъ въ семинаріи. Не завидовалъ ли онъ мнѣ тайно, вооружаясь противъ всякой учености? Впослѣдствіи, когда подросли его сыновья и поступили въ гимназію, онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ ихъ репетиторомъ, конечно, въ предѣлахъ своего крайне-ограниченнаго образованія. А сейчасъ что общаго могло быть у него со мною, когда я 5 Января отмѣчалъ въ Дневникѣ: «Сочельникъ. У службы не былъ, а вечеромъ пошелъ съ Владимиромъ въ трактиръ. Тамъ мы пили чай съ молокомъ и ѣли пироги съ говядиной. Это пишу для того, чтобы сказать, что я не признаю постовъ». Далѣе идутъ мои разсужденія, прямо противоположныя офиціальному разговору о необходимости соблюденія постовъ, поданному съ годъ тому назадъ Кедрскому въ Реторикѣ.

Послѣ святокъ возобновилось ученье. Какъ оно шло? На первыхъ же урокахъ «Костенька» (т. е. Озеровъ) задалъ на домъ тему «о необходимости самопознанія», при чемъ, вмѣсто объясненія, долго читалъ намъ, должно быть изъ академическихъ лекцій, о самопознаніи. Я постарался запомнить эту лекцію. На другой день Озеровъ заговорилъ со мною въ классѣ о возможности привидѣній. Не помню, чѣмъ вызвана была такая бесѣда; но Озеровъ при этомъ два раза провалился.—Поэтъ Жуковский, сказалъ я, между прочимъ, допускаетъ возможность привидѣній.—Это въ балладахъ-то, усмѣхнулся Озеровъ.—Нѣтъ, не въ балладахъ только, отвѣчалъ я: объ этомъ была напечатана его прозаическая статья въ «Русской Бесѣдѣ».

Преніе наше перешло на Св. Писаніе. Озеровъ началъ передавать искаженно Евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ. Въ его передачѣ выходило, будто бы Авраамъ говорить, что между загробною жизнью и здѣшнею (а не раемъ и адомъ, какъ въ притчѣ) находится пропасть. Я сначала было не замѣтилъ этого существеннаго для нашего спора искаженія, а когда вернулся къ этой ошибкѣ своего оппонента, онъ не замѣтилъ.—Давеча бы говорили!

Въ слѣдующій классъ Озеровъ спросилъ Ц-ва (одного изъ бывшихъ у меня мѣсто), какая разница между наблюденіемъ и опытомъ.—Я не понимаю самага вопроса, отвѣчалъ бѣдный Ц-въ.—Кто скажетъ? спросилъ Озеровъ.—Я всталъ и указалъ въ видѣ примѣра на наблюденіе естественнаго замерзанія воды и на опытъ искусственнаго замораживанія воды.—Приложите это же различіе къ изученію дуніи человеческой. Я отвѣтилъ. Тогда Озеровъ спросилъ меня:—Какія, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ читать книги по Психологіи? Отвѣтилъ тоже.

За то въ слѣдующій Латинскій классъ вся первая лавка отказалась отвѣчать по латыни: мы даже не знали, что и задано.

Дома всѣ вечера я посвящалъ, исключительно, сочиненію о самопознаніи. Хотѣлось подать недѣли за полторы до срока, хотѣлось отличиться скоростью работы. Не переговоривъ съ отцомъ, ни о содержаніи, ни о планѣ сочиненія, я прямо написанное уже подаль ему. Тотъ прочиталъ его и сказалъ свою высшую похвалу:—Можно поправить.

Дня черезъ два, Озеровъ спрашиваетъ меня, готово ли у меня сочиненіе. Я, обнадеженный отцовскимъ «можно поправить», отвѣчаю: «готово». Онъ приказываетъ мнѣ принести его завтра въ классъ, очевидно желая заняться имъ исключительно. Прихожу домой, передаю отцу требованіе Озерова. Отецъ беретъ сочиненіе, читаетъ, придирается и говоритъ:—Поди, передѣлай.

Передѣлываю, переписываю; но для отцовскаго исправленія уже нѣтъ времени. Посылаю въ Семинарію заявленіе о болѣзни. Но сочиненіе отецъ не исправляетъ, и я принужденъ не ходить въ Семинарію день, другой. Снова кое-что исправляю по указанію отца, но до его исправленій дѣло еще не дошло. Тяжелымъ камнемъ лежитъ на душѣ это сочиненіе. Что-то подумаетъ Озеровъ о моей мнимой болѣзни?

А отцу было не до сочиненій. Онъ только что послалъ отказъ въ сватовствѣ Андроникову. Хотя до этого онъ ни разу не говорилъ съ сестрою объ этомъ женихѣ, но теперь страшно разсердился на нее.

Сестры мои вообще не подчинялись такъ отцу, какъ мы, сыновья. Невѣста, порѣшивъ съ женихомъ, стала собираться съ другою на именины къ церковному старостѣ. Отецъ, желая сорвать на ней свою досаду, рѣшился проявить надъ ней свою отеческую власть, чего прежде никогда не дѣлалъ.—Не смѣть ходить на именины!

Сестра вышла изъ себя и наговорила отцу такихъ вещей, какихъ никто изъ сыновей никогда не смѣлъ и подумать ему высказать. «Большихъ дѣтей нельзя держать такъ, какъ вы ихъ держите», горячилась сестра, отвѣдавъ въ Костромѣ вольнаго духу. «Вы съ нами обращаетесь очень глупо. Все это пахнетъ стариной». Вообще въ это время вся наша семья какъ-то отвернулась отъ отца: почти никто ни о чемъ не говорилъ съ нимъ, кромѣ самаго необходимаго. Только я одинъ постоянно бесѣдовалъ съ нимъ, былъ не только почитителемъ къ нему, даже нѣженъ, любилъ его. Весьма рѣдко, когда какая-либо несправедливость отца ко мнѣ ужъ очень огорчала меня, я «наказывалъ» его молчаніемъ съ нимъ нѣсколько дней.

Отецъ, изумленный такимъ отношеніемъ сестры, спасовалъ. Но это, должно быть, отозвалось на моемъ сочиненіи. «Папенька», читаю въ Дневникѣ, «указалъ мнѣ опять, что переправить въ сочиненіи. Я исправилъ и переписалъ уже въ шестой разъ. Въ шестой разъ! Ужасно! Въдѣ въ сочиненіи два листа. Онъ остался доволенъ и пока исправилъ только начало, съ поллиста. Наконецъ такъ сочиненіе было исправлено и подано Озерову.

Занятія психологіею пробудили во мнѣ основной вопросъ: есть ли у человѣка душа, какою обыкновенно представляютъ ее. Я завелъ съ Владимиромъ бесѣду о матеріалистическомъ взглядѣ на душу. Отецъ прислушался къ нашимъ разговорамъ. — Что ты съ нимъ толкуешь? замѣтилъ онъ. Развѣ можно говорить о душѣ съ этимъ живодѣромъ? Отъ нихъ можно только заразиться ихъ нелѣпыми взглядами. Увы! Отецъ не понималъ, что во мнѣ стала пробуждаться мысль.

Я разстроился его несправедливыми упреками и для разсѣянія пошелъ въ Малый театръ смотрѣть «Парижскіе нищіе», тѣмъ болѣе, что играла Литвина. Съ помощью биноля, взятаго у сосѣда, я разсмотрѣлъ, что Литвина далеко не столь хороша, какъ казалась въ роли Офеліи.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ классовъ, Озеровъ прочиталъ вслухъ сочиненіе Хрисанеа, одного изъ предпочтенныхъ мнѣ по общему списку. Сочиненіе о самопознаніи было написано по дѣтски, дѣленіе было пошло. У перваго ученика, его родственника, оказалось тоже раздѣленіе трактаціи. Мое сочиненіе опять было лучше.

Было задано сочиненіе по классу Св. Писанія: «Дѣйствительно ли въ VIII и IX главахъ Притчей содержится указаніе на Упостасную Премудрость? Но на рукахъ былъ экспромтъ Озерова «Нужно ли дорожить памятью?», который я вызвался обработать дома. Это очень легкое сочиненіе по психологіи было готово, но отецъ и не думалъ приняться за его исправленіе. «Охъ, восклицаю я въ Дневникѣ, какъ это всегда разстроиваетъ меня». Проходитъ еще два дня; мое готовое сочиненіе тщетно дожидается поправки отца. Хотѣлъ было подать безъ его поправки, да раздумалъ. Господи! Что за несноснѣйшій онъ человѣкъ. Принимаюсь самъ за новую переработку сочиненія, передѣлываю, переписываю, а дѣло все не подвигается впередъ. Наконецъ отецъ прочитываетъ сочиненіе.—Можно поправить.

Слава Богу! Проходитъ еще два дня. Беретъ отецъ снова мое сочиненіе, прочитываетъ внимательно.—Нигуда не годится, поди передѣлай. Это меня взбѣсило, и я рѣшился подать это сочиненіе безъ его поправокъ. Я сталъ его уже начисто переписывать, какъ отецъ заговорилъ о немъ и, конечно, надумавшись самъ, предложилъ нѣкоторые исправленія. Я очень обрадовался и съ удовольствіемъ занялся исправленіями, указанными имъ. Еще двое сутокъ ушло на мою и отцовскую работу, и наконецъ сочиненіе было подано Озерову. Нѣсколько дней усиленно я проработалъ надъ сочиненіемъ объ упостасной премудрости, которое нѣсколько задержалось добровольно принятою мною на себя работою по Озеровскому сочиненію; написалъ объ упостасной премудрости три листа, переписалъ для отца и жду, когда онъ вздумаетъ прочитать его. «Какое это, читаю далѣе въ Дневникѣ: я просто на просто измучился надъ сочиненіями Писарева, а отецъ до сихъ поръ, уже четвертый день, по лѣности не думаетъ читать! А я-то по восьми часовъ послѣ классовъ просиживалъ, чтобы только поскорѣе написать. Дорого мнѣ это сочиненіе стоитъ не по времени, не по работѣ, а сердце все изныло, дожидаясь, когда-то отецъ прочтетъ его, велитъ передѣлать, опять прочтетъ, опять велитъ передѣлать, иногда до семи разъ. Истома хуже смерти!»

Предсказанія мои оправдались вполнѣ. На другой день отецъ изъ сочиненія въ три листа прочиталъ четверку съ небольшимъ и сказалъ, что оно не годится. «Охъ, какъ это тяжело! Неужели я такъ глупъ, что не могу совсѣмъ самостоятельно писать? А почему я не возражаю отцу, когда вижу, что сочиненіе годно? Потому, что не хочу ссориться съ нимъ, ибо возражать ему значитъ поссориться съ нимъ». Исправилъ переписалъ, показалъ отцу. Онъ, какъ и прежде, прочиталъ только четвертку и велѣлъ передѣлать по другому плану, хотя первый планъ былъ не мною выдуманъ, а имъ же данъ. Десять вечеровъ, хотя конечно не исключительно, проработалъ я надъ этимъ сочиненіемъ и закончилъ жалобою: «Экое у меня воловье терпѣнье! Другой на моемъ мѣстѣ двадцать разъ разбранился бы съ отцомъ». Я еще не управился съ сочиненіями Писарева, а Озеровъ уже задалъ новое свое: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» Проходитъ еще два дня, подаю отцу сочиненіе объ вѣстасной премудрости. На этотъ разъ онъ прочитываетъ его уже все.—Планъ хорошъ, одобряетъ онъ сочиненіе; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо кое-что исправить. Онъ указываетъ слабыя, по его мнѣнію, мѣста и велитъ исправить и переписать.

Перестаю ходить въ классъ. Служу исключительно надъ «вѣстасною премудростію». Передѣлалъ, переписалъ, подаю отцу.—Не годится, говоритъ отецъ, на сей разъ даже не взглянувши въ него. Я совсѣмъ уже потерялъ голову. «Что же это? Или я такъ ужъ поглупѣлъ въ послѣднюю недѣлю? Или это потому, что я пересталъ Богу молиться передъ сочиненіемъ? Или же отецъ начинаетъ дряхлѣть? Подаль бы это сочиненіе помимо его, если бы не было на рукахъ сочиненія Озерова и не ожидалъ, что инспекторъ задастъ тоже сочиненіе по Церковно-библейской исторіи. Впрочемъ, можетъ быть, и не покажу: всякому терпѣнію бываетъ конецъ!»

Сочиненіе, дѣйствительно, было подано, но уже къ годичнымъ экзаменамъ. Теперь на рукахъ было срочное сочиненіе Озерова: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» Много поработалъ надъ нимъ; подаю отцу.—Порядокъ годится, говоритъ онъ; есть недомолвки, но ихъ легко исправить. Исправилъ, переписалъ, подаль отцу. На этотъ разъ слабыхъ мѣстъ оказалось несравненно больше, чѣмъ въ первой редакціи; ибо, конечно, отецъ успѣлъ и самъ подумать о темѣ. Исправилъ, переписалъ, снова подаль отцу и съ страшною головою слѣдилъ за его окончательными поправками.

Встаю рано утромъ, успѣваю переписать набѣло и подаю Озерову на дому у него. По времени подачи мое сочиненіе изъ первыхъ. Спасибо, говоритъ Озеровъ, приглашаетъ садиться, и около часу длится у

насъ бесѣда о философіи, о Духовной Академіи, объ изученіи языковъ. Подумайте-ка о сновидѣніяхъ, говоритъ мнѣ Озеровъ, да и напишите что-нибудь.

Въ концѣ концовъ моя литературная репутація въ нашемъ муравейникѣ возрасла до того, что одинъ риторъ 3-го разряда нанялъ меня писать ему всѣ сочиненія за 50 коп. сер. въ мѣсяцъ, чему былъ я очень радъ. Но эта работа продолжалась очень недолго.

Послѣ обычнаго перерыва ученія въ первую недѣлю Великаго поста, возобновились «лекціи» со второй недѣли. «Начинается ученье, записываю въ Дневникъ. Какое впрочемъ ученье! Такъ только, безплодное хожденіе въ классы. Эй, вы, гг. монахи! Достанется вамъ на томъ свѣтъ и за вашу собственную лѣньность, и за несмотрѣніе за лѣнтями-профессорами. Вотъ васъ на угольяхъ-то припекутъ!»

Но строгій судья чужихъ прегрѣшеній и самъ былъ не лучше своихъ наставниковъ.

«Очень рѣдко попадаюсь по поведенію, но каждый разъ умѣю оправдаться».

Кстати о прогулкахъ и поведеніи.

Великимъ постомъ по Средамъ и Пятницамъ насъ стали посылать къ литургіи преждеосвященныхъ въ Семинарскую церковь. Я два раза отбѣгалъ отъ этой службы. А такъ какъ наши шинели въ эти дни забирались на замокъ, то въ первый разъ я оставилъ свою шинель въ Семинарскомъ правленіи, а въ другой разъ пришелъ въ классъ въ очень легонькомъ верхнемъ пальто, которое и упряталъ въ классъ въ свой столъ.

Въ слѣдующую Пятницу прихожу нѣсколько поздно въ Семинарію. Обыкновенный нашъ ученическій ходъ запертъ; ходъ черезъ кухню тоже на замкѣ; дверь около архитекторскаго корпуса тоже приперта. Какъ быть? Иду въ Семинарское правленіе; тамъ товарищъ Кас—нѣ научаетъ меня попробовать пролѣзть въ окно «ватера». Пролѣзаю, прихожу въ классъ къ концу утренняго урока и этимъ же окномъ ухожу домой отъ общины. Этого удобнаго пріема я придерживался до окончанія поста.

При полномъ отвращеніи ко всей Семинарской наукѣ, кромѣ сочиненій, при изобрѣтательности въ уклоненіи отъ Семинарской дисциплины, самообразование мое продолжается, продолжаю изучать «Исторію философіи» Риттера. Мой прежній другъ Павелъ даритъ мнѣ «Критику чпстаго разума» Канта въ рукописномъ переводѣ. Трудно понимается гениальное произведеніе величайшаго ума, но кое-что все-таки усвоится.

Совсѣмъ закрывъ глаза на Семинарскую физику, читаю очень прилежно физику Писаревского. Продолжаю учиться по-французски не только дома самостоятельно, но даже хожу въ классъ къ новому преподавателю, какому-то Французу Шору, при чемъ учу грамматику и при переводахъ неизвѣстныя слова выписываю не одиночками, а со всѣмъ его семействомъ и заучиваю ихъ. Читаю сестрѣ книгу «Бытія», намѣреваюсь прочесть всю «Библію», ибо «стыдно не знать Библіи». Рядомъ съ этимъ читаю попадающіяся мнѣ статьи Герцена и списываю ихъ. Нашелъ у кого-то и списалъ акаѳистъ «Смарагду, великому сребролюбцу» *), который и вручилъ Никитѣ Петровичу къ величайшему его удовольствію. Получаю отъ Величина «Описаніе смерти императора Павла» и списываю эту обширную статью, а Величину даю за то акаѳистъ Смарагду.

Тотчасъ же при началѣ классовъ, послѣ святокъ, товарищи мои высказали мнѣ свое сочувствіе, что я, по ихъ мнѣнію, слишкомъ на зло записанъ пятымъ. Ихъ сочувствіе только раздражало меня, и я не зналъ, какъ держать себя съ тѣми, кого инспекторъ противъ списка Озерова повысилъ въ ущербъ мнѣ. Мнѣ было тѣмъ тяжелѣе, что одного изъ этихъ товарищей Ц—ва я очень любилъ.

И вотъ роковой вопросъ, доселѣ безсознательно таившійся въ душѣ у меня, рѣзко, настойчиво, требуя отвѣта, всталъ передо мною: стоитъ ли игра свѣчъ, стоитъ ли заниматься Семинарскимъ дѣломъ? Отрицательная сторона была ясна, но ничего положительнаго еще не вырѣло. Вокругъ пахло Университетомъ: Владимиръ уже студентъ, Гр—въ готовится въ Университетъ; Кедрскій прямо совѣтывалъ идти въ Университетъ. Но, должно быть, въ самомъ мнѣ мысль эта еще не пустила корешковъ. Что жъ дѣлать? Представился исходъ глупый, заниматься только одними сочиненіями, а остальное время посвятить какой-либо веселой товарищеской компаніи, «свѣтской». Такимъ оказался одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по «философіи» П. Б—въ. Онъ уже нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ. Не пойти ли къ нему? Б—вы, кажется, живутъ очень весело; у нихъ бывають наши товарищи П—вы, такіе же, какъ и Б—вы, приличные люди. Наконецъ и самъ П. Б—въ является ко мнѣ. Время проходитъ пріятно за чтеніемъ статей Искандера. Но узнаетъ объ этомъ В. Лебедевъ, и любящая его душа ревнуетъ меня. Знакомство съ Б—выми тѣмъ не менѣе продолжается. Отправляюсь къ П. Б—ву, знакомлюсь съ его братомъ богословомъ. Славными ребятами показались мнѣ эти Б—вы, но пустыми: все толковали они про балы, да про танцы, хотя при этомъ и старались казаться «современными» людьми: говорили со мною о Герценѣ, сочи-

*) Извѣстному Орловскому, а позднѣе Рязанскому архіерею. П. С.

ненія котораго я давалъ имъ читать. Старшій братъ, когда я что-либо говорилъ, все мнѣ поддакивалъ: Это точно, это справедливо, вотъ это такъ. Я же съ своей стороны напрягался показать себя всезнайкой. Въ результатъ для меня была скука, и я рѣшился воспользоваться радушными приглашеніями Б—выхъ «только для того, чтобы сколько-нибудь у нихъ пообтесаться, понатереться отъ нихъ немножко ловкости». Но знакомство это длится недолго, несмотря на всю любезность этихъ добрыхъ людей. Я алкалъ чего-нибудь терпкаго, а они были только слащавы.

Скоро я чрезъ Владимира познакомился съ однимъ семинарскимъ «геніемъ». Такими считались ученики, дѣйствительно, даровитые, а потому и ничего не дѣлавшіе. Василій Григорьевичъ Величинъ, классомъ старше меня, былъ такимъ «геніемъ». Онъ исключился изъ средняго отдѣленія и теперь былъ студентъ юридическаго факультета. Онъ сразу поразилъ меня своимъ умомъ и начитанностью. Въ мой доуниверситетскій періодъ Величинъ имѣлъ на меня большое вліяніе. Ему же одолженъ я и лишнимъ толчкомъ по направленію къ университетскимъ дверямъ. Сближеніе съ Величинымъ послѣдовало черезъ взаимный обменъ произведеніями запрещенной политической литературы.

Дружескія отношенія съ Василиемъ Лебедевымъ продолжались на почвѣ посѣщеній театра. На свои именины 30 Января мой другъ вмѣсто угощенія подарилъ мнѣ и двумъ нашимъ товарищамъ по билету въ 50 коп. сер. на бенефисъ Самарина, ставившаго драму «Слѣпой». Но еще наканунѣ именинъ Лебедева мнѣ удалось вторично видѣть «Гамлета». Офелію на этотъ разъ играла Никулина-Косицкая, исполненіе которой мнѣ показалось гораздо слабѣе игры «милрой» Литвиной. 2-го Февраля я опять въ театрѣ съ В. Лебедевымъ. Смотрѣлъ вторично «Жизнь игрока». Особеннаго впечатлѣнія не получилось, и отсюда рѣшеніе: «нѣтъ, довольно ходить въ театръ, лишняя трата и времени и денегъ». Но на другой же день обѣтъ былъ нарушенъ: я нашелъ у товарища билетъ въ Большой театръ на «Корсара». Былъ въ театрѣ и не раскаявался: Лебедева танцевала превосходно. 19 Февраля опять попалъ въ Большой театръ тоже на «Корсара». Роль Медоры играла Николаева, два года тому назадъ видѣнная мною въ «Мраморной красавицѣ». По старой памяти похлопалъ ей очень и очень. На другой день снова въ театрѣ; смотрѣлъ во 2-й разъ «Парижскіе нищіе» ради Литвиной.

Въ началѣ 1859 года донкихотство увлекло меня въ весьма непріятную исторію, доставившую мнѣ много горькихъ минутъ. Тотъ же мой родственникъ, за котораго недавно ходатайствовалъ я у Кедрскаго, жалуется мнѣ:—Цензора обращаются со мною очень дурно: притѣсняютъ, записываютъ въ штрафной журналъ; и все это за то, что я не уго-

щаю ихъ. Кто даетъ имъ взятки, тѣмъ позволяютъ въ классѣ даже въ карты играть на деньги.—Жалуйся инспектору на притѣсненія, посоветовалъ я ему. Тотъ пошелъ къ инспектору, но, струсивъ, ничего не могъ ему объяснить. Инспекторъ отослалъ его къ субъинспектору, но и субъинспекторъ ничего не могъ понять изъ этой жалобы.

Былъ у меня товарищъ В. Крыловъ, очень симпатичный юноша. Я его очень любилъ. Впослѣдствіи этотъ несчастный почему-то застрѣлился въ зданіи Семинаріи. На сестрѣ этого Крылова былъ женатъ нашъ молодой субъинспекторъ Н. Г. Малиновскій. Посоветовавшись съ Крыловымъ, я рѣшился объяснить вмѣстѣ съ нимъ дѣло это Малиновскому. Въ этомъ опасномъ шагѣ я надѣялся на авторитетъ Никиты Петровича; Малиновскій самъ мнѣ говорилъ, что онъ, какъ бывшій ученикъ Никиты Петровича, «обожаетъ» его. Выслушавъ мое объясненіе, Малиновскій направилъ дѣло не къ защитѣ обожаемаго, а къ раскрытію виновныхъ въ карточной игрѣ. Я по юности совсѣмъ не ожидалъ такого оборота: мнѣ предстояло или оказаться клеветникомъ или сдѣлаться доносчикомъ. Долго колебался я и избралъ средній путь: предложилъ старшему дежурному богослову самому словить картежниковъ и цензора, спокойно на нихъ взирающаго. Явились и три ученика, готовыхъ засвидѣтельствовать допущеніе карточной игры въ классѣ.

Малиновскій вторично присылаетъ за мною и настойчиво требуетъ, чтобы я указалъ, кто именно играетъ въ карты. Послѣ долгихъ отказовъ я принужденъ былъ отчасти уступить: игроковъ не назвалъ, но указалъ только свидѣтелей. Малиновскій призвалъ цензора къ себѣ, долго его допрашивалъ, но тотъ заперся. Тогда Малиновскій передалъ все это дѣло на разсмотрѣніе инспектору. Здѣсь на сцену выступаетъ злой геній моей Семинарской судьбы Свѣтовидовъ, заявивъ, что мнѣ, не смотря на свидѣтелей, нельзя-де вѣрить, пока я не назову игроковъ. Я долго колебался, наконецъ принужденъ былъ уступить. Тогда съ картежниковъ, послѣ ихъ признанія, потребовали представленія отъ ихъ отцовъ записокъ о томъ, что они сообщили имъ о своей игрѣ. Любопытно, что картежники нисколько на меня не обидились, и одинъ изъ нихъ, сынъ весьма вліятельнаго Московскаго попа, Ев—скій, хорошо знавшій, что все дѣло раскрыто было мною, даже познакомился со мною. Но цензоръ все-таки остался на своемъ мѣстѣ по настоянію Свѣтовидова: тогда говорили, что Свѣтовидовъ особенно благоволилъ къ этому цензору за то, что тотъ хорошо рекомендовалъ инспектору его, Свѣтовидова, родственниковъ.

Была у меня и другая уже собственная исторія.

Былъ у меня товарищъ К-въ, очень горячій. Онъ все дѣлалъ ко мнѣ драться, вѣроятно за то, что я перебилъ у него мѣсто по списку. Мнѣ

было очень досадно, и я со словъ товарищей уязвилъ его, что ему-де дьяконъ пишетъ сочиненія. К-въ вспылить и по ребячеству обратился съ жалобою на меня не къ инспектору, а къ Озерову. Милый Озеровъ сталъ насъ мирить въ классѣ. Я соглашался на примиреніе; но К-въ хотѣлъ доказать, что онъ самъ пишетъ сочиненія. Тогда Озеровъ почему-то не только К-ву, но и мнѣ задалъ экспромтъ въ классѣ психологіи. Въ слѣдующій Латинскій классъ Озеровъ спрашиваетъ у меня экспромтъ. Онъ еще не оконченъ. Я читаю написанное, а остальное досказываю. Озеровъ пытается сбить меня; но это ему не удается, и онъ высказываетъ обычную свою умѣренную похвалу: «такъ». Заставляетъ и К. прочитать экспромтъ. Экспромтъ оказывается порядочнымъ. Но такъ какъ между классами была переменна, и Озеровъ отсутствовалъ, то для большей провѣрки онъ задалъ К-ву другой экспромтъ написать уже при себѣ. Этотъ экспромтъ у него, какъ на грѣхъ, оказался очень плохимъ, хотя оба одинаково были написаны имъ не сходя съ мѣста. Не добившись отъ второго ученика оцѣнки экспромптовъ К-ва, Озеровъ спрашиваетъ моего мнѣнія.—Въ сочиненіи, отвѣчаю, ничего не доказано; но связь въ словахъ есть.—Да вѣдь связь въ словахъ, возражаетъ Озеровъ, есть и у пьянаго, и у сумасшедшаго.—Связь въ сочиненіи г. К-ва лучше чѣмъ въ словахъ у пьянаго или сумасшедшаго.

Долгія пренія насъ троихъ закончились резолюціею Озерова: — Г. Гиляровъ, если бы я былъ вашимъ педагогомъ, я бы сказалъ вамъ, что слово не камень: выпустишь—не подымеешь; а вамъ, г. К-въ, посоветовалъ бы каждое утро пить стаканъ холодной воды.

Товарищи замѣтили, что въ этомъ дѣлѣ Озеровъ нападалъ на меня и защищалъ К-ва; представляли свои догадки, которымъ я не вѣрю.

Что до вѣблассныхъ отношеній, я по прежнему бывалъ у Никиты Петровича. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ Февралѣ, онъ мнѣ читалъ выдержки изъ сочиненій Гегеля, которымъ онъ специально занимался въ Академіи, при чемъ долго разсуждалъ со мною о философіи, о субъективности нашихъ представленій, о невозможности знать вещь саму въ себѣ. «Гдѣ я тогда былъ, замѣчаетъ Дневникъ: на небѣ или на землѣ?»

1 Марта знакомлюсь у Никиты Петровича съ П. Θ. Терпигоревымъ. Долго слушаю бесѣду дяди съ этимъ «баринкомъ» о будущемъ значеніи Россіи. Бывать чаще у Никиты Петровича мнѣ кажется «счастіемъ». Уже два раза былъ у него «почти безъ всякой причины». Это значить я хожу къ нему «не съ чѣмъ либо и не зачѣмъ-либо, а въ гости».

9 Марта снова у дяди. «Время, какъ и всегда у него, провелъ очель весело». Никита Петровичъ говорилъ по геологіи, объ образова

ни земли, о каменно-угольномъ періодѣ, когда только чрезъ соединеніе очень горячей температуры и обиліе влаги могли вырастать тѣ гигантскіе лѣса, отъ которыхъ образовались каменно-угольные пласты. Каменный уголь, по его словамъ, открылъ у себя А. С. Хомяковъ въ своемъ имѣніи: уголь тамъ въ огромномъ количествѣ и очень близко лежитъ на поверхности земли. Далѣе говорилъ онъ о явленіи духовъ. «Я согласенъ съ нашимъ субъинспекторомъ Малиновскимъ, который при мнѣ говорилъ: будь онъ, Малиновскій, древнимъ Грекомъ, онъ воскресилъ бы оиміамъ предъ Никитою Петровичемъ. «Удастся ли мнѣ, задаю себя вопросъ, достичь такого же всесторонняго образованія, какимъ обладаетъ мой дядя?»

12 Марта, получивъ отъ меня списокъ акаѣиста Смарагду, Никита Петровичъ возвращается къ недавней нашей бесѣдѣ о геологіи, при этомъ онъ касается первыхъ главъ книги Бытія и Евангелій. Это я съ вами говорю «келейно», замѣчаетъ онъ, доказывая, что книга Бытія написана не въ одно время и не однимъ и тѣмъ же лицомъ. Подобному же разбору подвергаетъ онъ и Евангелистовъ.

Когда впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 35, я самостоятельно занялся библейскою и евангельскою отрицательною критикою, въ общемъ я не нашелъ тамъ ничего новаго послѣ этой и многихъ другихъ о томъ же предметѣ бесѣдъ Никиты Петровича. Незвѣстными оказались только второстепенныя подробности; основныя положенія были уже давно мнѣ извѣстны. Таково, напр. для первыхъ главъ Библии различіе редакцій Элогистовъ и Іеговистовъ. Открытіе книги Зосимы при Іосіи. Тогда на 18-ти-лѣтняго юношу, изучившаго Св. Писаніе съ самой ортодоксальной точки зрѣнія, бесѣды эти производили потрясающее дѣйствіе. Но было мѣсто и колебаніямъ. «Во тѣмъ онъ водить меня или ведетъ къ свѣту?» спрашиваю себя и не могу рѣшить. Но «я твердо вѣрую въ его авторитетъ, я, который не признаю авторитетовъ».

17 Марта снова я у дяди. Его огненное слово жжетъ меня. Каждая съ нимъ бесѣда возбуждаетъ во мнѣ энергію. Стоило ему и на этотъ разъ спросить: А что какъ идутъ у васъ языки? и я рѣшился все свободное время посвятить языкамъ. Озеровъ даетъ умный совѣтъ переводить Евангеліе съ Французскаго. Это очень удобно для начала занятія языками. Впослѣдствіи этотъ путь годился для занятія и другими языками. Рекомендую его самоучкамъ.

Снова встрѣтился у Никиты Петровича съ Терпигоревымъ, скоро потомъ заявившимъ себя въ публицистикѣ дѣльною брошюрою о выкупныхъ свидѣтельствахъ. Черезъ нѣсколько дней Терпигоревъ дѣлаетъ

предложеніе одной изъ моихъ Черкизовскихъ кузинъ, гостившихъ у дяди; та принимаетъ предложеніе.

Терпигоревъ былъ пожилыхъ лѣтъ, но съ значительнымъ состояніемъ. Онъ былъ очень умный человѣкъ; но прошлое не рекомендовало его. Онъ самъ потомъ рассказывалъ мнѣ о себѣ, что при крѣпостномъ правѣ онъ, бывало, въ лѣтній зной заставлялъ нагихъ крестьянскихъ дѣвицъ возить себя въ саняхъ по песку. Подобныя дѣянія не рекомендовали его здравомысліе. Онъ и дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ; но окружающіе долго не замѣчали этого недуга, ибо Терпигоревъ вообще всегда былъ нѣсколько страненъ.

Сижу я у Никиты Петровича съ Терпигоревымъ на Пасху 1863 года. Терпигоревъ со всегдашнею своею эксцентричностью совѣтуется съ дядею о лучшемъ для себя и для другихъ способѣ самоубійства. — Броситься въ рѣку? предлагаетъ Никита Петровичъ. — Думалъ уже, отвѣчаетъ Терпигоревъ; но могутъ найти трупъ; пойдетъ слѣдствіе, хлопоты для жены...—Удавиться? совѣтуетъ дядя: говорятъ, смерть сопровождается очень пріятнымъ ощущеніемъ. Въ Америкѣ есть даже клубъ удушенниковъ: другъ друга вѣшаютъ и своевременно снимаютъ съ петли.—Это ужъ очень позорно, возражаетъ Терпигоревъ.—Ну, застрѣлиться? легкомысленно перебираетъ дядя всѣ роды самоубійства.—Да, застрѣлиться, говоритъ Терпигоревъ.—А куда стрѣлять? Въ лобъ? Пуля можетъ соскользнуть. — По моему, возражаетъ Никита Петровичъ: всего лучше стрѣлять въ ротъ.

Въ томъ же году въ Іюлѣ несчастный Терпигоревъ, дѣйствительно, застрѣлился, и именно въ ротъ.

Другой подобный случай.

Одинъ мой родственникъ, отъ лѣни, бездѣлья и алкоголизма скукавшій жизнью и имѣвшій скверную привычку проклинять всѣхъ и вся, не исключая самого себя, познакомился на дачѣ съ мѣстнымъ причетникомъ, страдавшимъ отъ дурного поведенія своей жены и дѣйствительно сильно тосковавшимъ. Наступаетъ осень; всѣ съѣзжаютъ съ дачъ.

— И вы уѣзжаете въ Москву, не думаете остаться здѣсь? спрашиваетъ сельскій причетникъ своего недавняго Московскаго пріятеля. —Что тутъ дѣлать зимою? замѣчаетъ тотъ. Не оставаться же здѣсь по вашему. *Я бы на вашемъ мѣстѣ удавился.*

Въ эту же ночь причетникъ, дѣйствительно, удавился.

Такова вѣщая сила слова! Такъ надо быть осмотрительну въ страшной бесѣдѣ о самоубійствѣ.

Но вернемся къ разсказу.

Около этого времени побывалъ я у Т. А. Сидорова, извѣстнаго уже читателямъ представителя симпатичнаго кружка купцовъ. Много потолковали мы о расколѣ. Сидоровъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми старообрядческими сочиненіями.

При первомъ же свиданіи съ Никитою Петровичемъ, который еще такъ недавно занималъ въ М. Д. Академіи катедру Русскаго раскола, сообщаю я ему о любопытной бесѣдѣ съ Сидоровымъ, да кстати и о восторженныхъ отзывахъ Малиновскаго.

— Привезите-ка ко мнѣ этого Сидорова, просить меня Никита Петровичъ. А Малиновскому скажите: Никита Петровичъ очень сожалѣетъ, что Николай Григорьевичъ никогда не зайдетъ къ нему.

Я обѣщалъ съ величайшимъ удовольствіемъ исполнить оба эти порученія.

Затѣмъ бесѣда зашла о краснорѣчіи вообще и духовномъ въ особенности. Оттуда перешли къ Философіи Откровенія Шеллинга. Здѣсь я узналъ суть Философіи Откровенія Шеллинга. Въ древнѣйшую эпоху божество представляется наиболѣе отдаленнымъ отъ человѣчества (астральная религія Востока, фетишизмъ Египта); съ теченіемъ времени оно приближается къ человѣку (протоморфизмъ), сближается съ нимъ (антропоморфизмъ Грековъ) и наконецъ сливается воедино (христіанство). Отъ Шеллинга я перевелъ разговоръ на занимавшую меня тему Озерова: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» при чемъ все содержаніе для этого сочиненія черпнулъ изъ этого живого философскаго родника. Озеровъ, оцѣнившій потомъ это сочиненіе только 4+, воображалъ ли, кѣмъ оно внушено?..

На другой же день я передалъ «субику» (Малиновскій былъ очень небольшого роста) порученіе Никиты Петровича. Тотъ сильно возликовалъ, и когда я предложилъ сопровождать его, онъ потребовалъ ѣхать сегодня же.—Застанемъ ли мы Никиту Петровича дома? высказалъ я дорогою на всякій случай сомнѣніе.—Вѣроятно, застанемъ, замѣтилъ Малиновскій. Хотя нынче и есть въ нѣкоторыхъ церквахъ всенощная, но врядъ ли есть она въ приходѣ Аѳанасія и Кирилла, гдѣ живетъ Никита Петровичъ. — А мнѣ такъ кажется, возразилъ я, будетъ ли или нѣтъ тамъ всенощная, Никита Петровичъ во всякомъ случаѣ останется дома.—Почему же вы думаете, что Никита Петровичъ не пойдетъ ко

всенощной?—Да потому, что воспитывался въ Духовной Академіи. — А развѣ академіи не религіозны?—Внѣшнимъ образомъ, можетъ быть; но внутренно едва ли. Вы сами хорошо понимаете, въ чемъ тутъ дѣло.

Разговоръ перешелъ на недостатокъ порядочныхъ профессоровъ въ Семинаріи. По вопросу о поведеніи учениковъ Малиновскій сдѣлалъ мнѣ нѣсколько признаній о своихъ отношеніяхъ къ семинарскимъ властямъ. И вотъ субъинспекторъ и ученикъ принялись отчаянно бранить своего инспектора Никодима, ректора Леонида, митрополита Филарета*) и прочихъ «отсталыхъ» людей.

У Никиты Петровича ничего особеннаго не говорилось. Малиновскій явился къ нему, такъ сказать, только на поклоненіе. За то на возвратномъ пути я завелъ рѣчь объ Искандерѣ и обѣщался дать Малиновскому на прочтеніе списанную мною статью о смерти императора Павла. Малиновскій своими «современными» сужденіями совсѣмъ очаровалъ меня.

Замѣчу кстати, что скоро потомъ «либераль» Малиновскій поступилъ въ попы и—запилъ. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ въ Катковскомъ Лицеѣ. Тамъ разъ, по какому-то торжественному случаю, назначено было молебствіе. Всѣ собрались. Наконецъ поднимается по лѣстницѣ и Малиновскій.—Вотъ и я, говоритъ онъ одному изъ учителей, принесъ свой струментъ. При этомъ онъ указалъ на Евангеліе и крестъ, обернутые въ эпитрахиль.

Свозивъ Малиновскаго къ Никитѣ Петровичу, я чрезъ нѣсколько дней побывалъ у него и съ Сидоровымъ. Бесѣда обоихъ знатоковъ Русскаго раскола была очень для меня поучительна. Потомъ вмѣстѣ съ нимъ я ѣздилъ къ Сидорову и изъ новой такой же ихъ бесѣды вынесъ тоже впечатлѣніе.

*) Ни отъ кого не доводилось намъ слышать такъ много дурнаго о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, какъ именно отъ Никиты Петровича Гилярова. Это было въ пятидесяте годы. Въ послѣдствіи митрополитъ преподѣлалъ его своими благодареніями; такъ было и со многими другими. П. Б.